

к 63.5(2)
1720

Серафим Патканов

**ОЧЕРК
КОЛОНИЗАЦИИ
СИБИРИ**

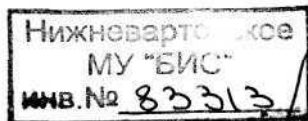

*Приложение
к журналу*

Серафим Керопович
ПАТКАНОВ

СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

Под редакцией С.Г. Пархимовича
Составитель Ю.Л. Мандрика

Издательство Ю. Манярики
Тюмень, 1999

К 65.50
П20

Серафим Керопович

ПАТКАНОВ

том 2

Очерк колонизации Сибири

О происхождении слова «Сибирь»

Тип остяцкого богатыря по остяцким
былинам и героическим сказаниям

Сказания о поездках
остяцких князей к русским царям

По Демьянке (Бытовой
и экономический очерк)

О рассказах г-жи Симоновой из быта
вогулов, остяков и самоедов
(Критическая заметка)

Краткий очерк колонизации Сибири

Список тобольских слов и выражений,
записанных в Тобольском
и Тюменском округах

ББК 63.5 (2)

П 20

П 20 ПАТКАНОВ Серафим Керопович

Сочинения в двух томах: Т. 2. История колонизации Сибири/Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. — Тюмень: Издательство Ю.Мандрики, 1999. — 320 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

Во второй том вошли практически все статьи, опубликованные в русской периодике при жизни автора.

Книга адресована тем, кто интересуется историей края, Сибири.

Издательство Ю. Мандрики (издание), 1999.

ISBN 5-93020-005-х

ISBN 5-93020-007-6 (том 2)

**Серафим Керович
ПАТКАНОВ**

**О происхождении
слова «Сибирь»**

«Сибирь», название нашей обширной колонии, занимающей треть Азии, уже с давних пор возбуждает интерес учёных. Множество разных, более или менее остроумных, гипотез было предложено для объяснения происхождения этого имени, но несмотря на это, данный вопрос до сих пор остаётся не вполне разрешённым. Две последние попытки в этом роде принадлежат нашим учёным В.М. Флоринскому¹ и Г.Н. Потанину².

В настоящей небольшой заметке мы имеем в виду сообщить читателям несколько новых фактов и мыслей в этом направлении, но сначала передадим в немногих словах, каким путём учёные думали приблизиться к наметченной ими цели.

Сначала предполагали, что этого удобнее всего можно достигнуть, прибегнув к лингвистике. Так как с именем «Сибирь» русские впервые познакомились при существовании Сибирского царства, то многие пытались объяснить это слово при помощи татарского языка, причём одни производили его от слова «бир» — «один», т.е. «первый, главнейший», другие — от глагола «сибирмак» — «очищать», от сочетания татарских слов: «сиб» — «засыпай» и «ир» — «земля»* и т.д. Эти искусственные объяснения, однако, могли удовлетворять лишь их изобретателей. Решительный удар гипотезе о татарском происхождении интересующего нас слова нанёс академик В.В. Радлов³, знаток тюркских наречий. В своей книге «Aus Sibirien» он категорически заявляет: «Сибирь» не татарское слово, и происхождение его мне совершенно непо-

¹ Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены в конце книги. См. С. 291. — *Прим. издателя.*

* Списки насел. мест Тобольск, губ. С. LXVII. — К словам, обозначенным астериском (*), имеются авторские примечания, которые помещены внизу страницы. — *Прим. издателя.*

нятно». Впрочем, некоторые учёные ещё в прошлом столетии прибегали к русскому языку и видели в слове «Сибирь» искажение русского слова «север», занесённого в Северо-Западную Азию при сношениях русских с обитавшими там племенами. Но и эта гипотеза, не подкреплённая никакими более или менее вескими основаниями, была вскоре оставлена. Настолько же неудачно учёные прибегали к монгольскому языку и к восточно-финским наречиям, которые в последнее время были довольно обстоятельно изучены финляндскими и венгерскими учёными, и попытки приблизиться к намеченной цели при помощи одной лингвистики были оставлены.

Тогда учёные обратились к истории и стали искать, когда и где в первый раз встречается это имя и сходные ему и к чему они первоначально были приурочены. Оказалось, что впервые о Сибири упоминает персидский историк Рашид-Эддин (1247—1318), который в своём сочинении о турецких и монгольских племенах, обитавших в степях и горах, в стране Дешет Кипчак, упоминает об областях Ибир и Сибир, находившихся недалеко от Иртыша*. Ввиду того, что он рядом говорит о киргизских степях и башкирах, не подлежит сомнению, что эти области занимали среднюю часть настоящей Тобольской губернии, что подкрепляется и позднейшими известиями о Сибири. Русские впервые узнали о татарском Сибирском царстве в конце XV ст., а о «Сибирских землях» упоминается в старых грамотах с середины XVI ст. При помощи этих грамот и актов, а также старых карт XVI ст. (Мюнстера, Авриля) можно было приблизительно обозначить границы прежней Сибирской области: северной её границей служила р. Тавда, южной — Тура, западной — восточный склон Урала, между верховьями Туры и Тавды, и восточной — Иртыш. Земли, расположенные вне этих пределов, носили уже другие названия; так, к северу от «Сибирской земли» находилась «Югорская»**.

Со времени покорения Сибирского царства, в состав которого вошли и земли, не носившие прежде названия

* Тоб. губ. вед. 1862. №№ 21, 22. — [Из «Изв. Вост. отд. Арх. общ.». Т. XIV].

** Изв. Томск. унив. II Отд. 1889. С. 7-8. — См. также: Списки насел. мест Тоб. губ. С. LXIII.

«Сибирь», это последнее слово меняет своё значение и приурочивается, с одной стороны, к древнему городку, называемому иначе Искером и Кашлыком и расположенному на нагорном берегу Иртыша около самого с. Преображенского (Абал. вол. Тоб. окр.), служившему со времени хана Махмета столицей Сибирского царства, и с другой стороны — обширной, постоянно расширявшейся путём завоеваний стране Северной Азии. Кроме того, имя «Сибирь» сохранилось ещё в названиях нескольких мелких речек Тобольской губернии («Сибирка»).

Находя сходство между именем гуннского племени *сабир*, *себер*, в отдалённые времена выселившегося из Азии в Европу, и именем «Сибирь», Шафарик высказал своё мнение, что Сибирь получила своё имя от этого племени, проживавшего раньше за Уралом. С другой стороны, звуковое сходство, существующее между этим именем и названием славянского племени *север*, т.е. *северян*, навело его на мысль об идентичности гуннского племени сабир, себер со славянским племенем северян. Эту же теорию поддерживает и другой поборник славянского происхождения гуннов пр. Флоринский (еж. его ст.: Изв. Томск, унив. 1889. С. 1 и след.).

Во время почти трёхлетнего пребывания в Тобольской губернии по делам службы нам удалось собрать некоторые этнографические данные, касающиеся проживающих в этой губернии инородцев. В числе этих данных имеются предания татар о народе *сывыр* и *сыбыр*, занимавшем места по среднему Иртышу раньше их. Предания эти настолько распространены среди тобольских татар, что невольно удивляешься, каким образом они могли ускользнуть от внимания учёных, изучавших данный край. Этому народу татары приписывают большую часть всех находящихся в их областях археологических памятников, каковы городища, курганы и т.д. Первые у них весьма часто именуются словом «*сывыр-кала*», вторые — «*сывыр-туба*»*. Таким образом, оказывается, что название Кучумова городища «Сибирь» нельзя считать именем собственным, ему одному

* Напр., городище, находящееся в 5 вере, вверх от Надзинских юрт и против дер. Н. Филатовой (Брон. вол. Тоб. окр.). У остяков этот городок назывался «Охаян-вош».

присущим, а скорее нарицательным. Выражение «сывыркала» в том смысле, в котором оно применяется в настоящее время, вполне соответствует весьма употребительному на севере России и Западной Сибири русскому выражению: «чудское городище», потому что как татары называют автохтонов Тобольской губернии «сывырами», так русские именуют их «чудью». Вполне понятно, однако, что из этого сопоставления нельзя выводить заключения о финском происхождении упомянутого народа. Действительно, русские пришли в данный край сравнительно недавно и, не имея понятия о прежних его обитателях, перенесли сюда из России выражение «чудь», под которым подразумеваются вообще финские племена, на самом деле бывшие аборигенами Северной России. Менее знакомо слово «Сибирь» южным осякам, вероятно, вследствие того, что они сильно обрусели, но местами и они приписывают разные памятники древности в их стране (напр., кладбище в 2 верстах от 3. Пуштинских юрт М.-Конд. вол. Тобольск, окр.) *сибырам* или *сыбырам**. Большая же часть этих осяков адаптировала для обозначения аборигенов края русское слово «чудь».

Местность, в которой инородцы называют прежних жителей «сыбырами» или «сывырами», почти совпадает с областью Сибирь, описанной Рашид-Эддином и старыми грамотами и обозначенной на упомянутых картах. Сюда, по моим наблюдениям, принадлежит большая часть южной половины Тобольского округа, именно местности, расположенные по нижнему течению Тобола и Вагая и по среднему течению Иртыша, приблизительно на протяжении 250 вёрст, считая по 150 вёрст к северу и до 100 вёрст к югу от гор. Тобольска. Сюда же следует включить и обширную болотистую местность, орошаемую реками Алымкой, Ноской и др. и составляющую владение татар Эскалбинской волости, а также, по-видимому, и часть бассейна Конды. Заметим здесь, что о принадлежности только что упомянутой местности и земель, расположенных к северу от Тобольска, к области Сибирь в истории не упоминается, хотя и несомненно, что эти земли принадлежали к Сибирскому царству. Может быть, позднейшие исследования дадут возможность несколько расширить пределы описываемой нами Сибирс-

кой области, известно только, что северные её границы не простирались далее низовьев Иртыша, потому что здесь, как и во всей долине нижней Оби, протекающей через округа Тобольский и Березовский, остяки называют аборигенов страны народом *ар* («ар-ях») ⁵.

Что за народ были сыбыры или сывыры, татары нам не могли поведать: по их преданиям, они жили в очень отдалённое от нас время, по некоторым — даже при Нухе (Ное), и потом куда-то исчезли, вымерли или удалились куда-нибудь, они не знают. Лишь часть их, по рассказам татар, идентичным с имеющимися у русских относительно чуди, обрекла себя при их появлении на добровольную смерть. Приняв такое решение, сывыры вырыли в земле ямы и спрятались туда со всем своим имуществом. Когда татары овладели страной, они обрубали столбы, служившие опорами для крыши, на которой покоился толстый слой земли, и погибли, засыпанные землёю. Весьма вероятно, что основанием этого предания служит существование в данном крае остатков прежних землянок и небольших курганов со впадинами посреди, заключающих нередко человеческие кости и металлические поделки.

После сывыров, по словам татар, в данном крае временно проживали *китаны* или *катаны* ⁶. Впрочем, они, по-видимому, заняли только южную часть Сибирской области, именно правый берег долины среднего Иртыша, приблизительно от г. Тобольска до границы Тарского округа (или несколько далее), куда они легко могли проникнуть из южных степей Тобольской губернии. При своём движении на север они, по-видимому, не перешагнули через крупные реки, орошающие данную местность, Иртыш и Тобол, может быть, потому, что лежащие за ними леса и болота не казались им заманчивыми; по крайней мере, к северу от Тобольска имя китанов мало известно. В южной части Тобольского округа, напротив, им приписывают многие городища, расположенные даже в болотистых местностях, как, напр., городище *Назай-тура* около устья речки Назай во владении нердинских татар (Гор. вол.). Здесь, по рассказам татар, китаны перед своим выселением закопали в землю 40 возов казны, событие, о

котором будто бы написано золотыми буквами на воротах дворца китайского царя.

О дальнейшей судьбе китанов татарские предания нам передают, что они ещё до водворения в крае татар (около XV ст.) перекочевали на Восток, в Китай. Поводом к их выселению было якобы то обстоятельство, что эта безлесная прежде (?) страна стала покрываться деревьями. Кочевники, мало знакомые с лесом, испугались и стали говорить друг другу: «Плохо нам будет, у земли стали расти рога, лучше нам уйти отсюда». И действительно, вскоре они тронулись в путь, направившись сначала прямо на юг, по направлению к степям. В Карагайской волости и посейчас показывают прямую лесную дорогу, ведущую от Иртыша на юг и проложенную будто бы ещё китанами во время их бегства из Тобольского округа*.

Хотя историки и ничего не упоминают о движении киданей на северо-запад Азии**, однако, если сопоставить указанные предания с некоторыми другими фактами, нам кажется, нет ничего невероятного допустить, что этот народ действительно когда-то обитал на берегах Иртыша. Это предположение нам кажется возможным подкрепить следующими соображениями: во-первых, тем, что все факты, сообщаемые преданиями, именно, что китаны заняли лишь южную, сопредельную с Ишимскими степями, часть долины Иртыша, где ещё встречаются безлесные пространства, что они не могли долго удержаться в этой лесистой стране и что при своём бегстве отсюда они направились не прямо на восток, куда лежал их путь, а сначала на юг, чтобы скорее достигнуть степных пространств, показывают, что китаны татар были строго кочевым племенем, что вполне согласно с историческими данными; во-вторых, сходство слова «*хадан*, *хатан*», которым южные остяки ныне называют татар, с именем «*катан*» наводит на мысль, что к югу от остяков прежде действительно жили китаны или катаны. По уходе их на восток остяки перенесли это имя на сменивших их татар,

* Заметим к слову, что эта дорога вскоре упирается в обширные болота Уватской и смежных волостей, проходимые почти только зимой.

** Историк Фишер заимствовал свои сведения о киданах от тех же татар (Ист. Сиб. С. 9, 12).

приняв их за китан. Замечу, что это интересное сопоставление мне сообщил один татарский мулла. В-третьих, наконец, многочисленные, к сожалению, разграбленные кладоискателями курганы, встречающиеся на всех более или менее просторных безлесных пространствах волостей Карагайской и Дубровной (южн. ч. Тоб. окр.), именно в той местности, где предания о китанах наиболее живы, говорят в пользу того, что здесь прежде в самом деле проживало кочевое племя. Дальнейшее разъяснение интересующего нас вопроса мы должны ожидать от будущих археологических и лингвистических изысканий в данной местности.

Если верить вышеприведённым преданиям, придётся принять, что при своём водворении на Севере, в пределах средней части Тобольской губернии татары не застали там не только сывыров, но и китанов, или лишь весьма слабые остатки их, которые с ними быстро слились. Мало того, у нас нет достаточных доказательств в пользу того, что остяки, которые согласно историческим данным, героическому эпосу местных инородцев и некоторым археологическим памятникам, были господствующим населением Тобольского округа до появления татар, к этому времени ещё удержались в местности, лежащей на довольно значительном расстоянии к югу от г. Тобольска, если не принять во внимание мнение академика В.В. Радлова, который, основываясь на сходстве названия самой южной татарской волости данного округа Истяцкой со словом «*иштек*», под которым тобольские татары подразумевают остяков, находит возможным видеть в истяцких татарах отатарившихся остяков*.

Предположение, что при занятии данного края татарами он не был более или менее густо заселён, имеет за себя следующие, хотя и не очень убедительные, данные: во-первых, тип татар в Тобольской губернии почти всюду один и тот же и не носит следов чужой крови**, как это, напр., весьма резко заметно в Эскалбинской волости, где татары сильно смешались с остяками и вогулами, и, во-вторых, прежние племена, по-видимому, не оставили заметных сле-

* Aus Sibirien. S. 247.

** Местами от смешения с сартами и бухарцами у татар замечаются более правильные черты лица.

дов ни на обычаях этих татар, ни на географических названиях данного края.

Что сделалось с сывырами, мы не знаем, но присутствие в Европейской России в разные времена кочевых племён, называвшихся «сабир», «себер», «сувар» и т.д., заставляет нас примкнуть к вышеназванным двум учёным, видящим в этих племенах прежних обитателей Сибирской области, покинувших свою страну под влиянием каких-нибудь причин, вероятно, вторжений с востока кочевников тюркского и монгольского племени. Все ли перечисленные народности («сабир», «сувар» и т.д.) составляли один и тот же народ, нам неизвестно, как и то, сколько раз толпы сабиров или себеров переселялись в Европу. Одно только можно сказать, что этот народ, если он составляет одно целое, был многочислен. Действительно, о его пребывании в степях южной России историки упоминают уже с IV в. по Р.Х.⁷, в продолжение VI—VII веков и в то же время ещё в XIII веке страна, из которой он вышел, вероятно, не вполне была лишена своих прежних обитателей, если ещё удержала своё первоначальное название. Впрочем, этнографические имена весьма часто с течением времени образуются в географические, которые и переживают первые; так, народ «хазар» дал название стране, в которой жил, Хазарии, по народу «тохарь» получила своё наименование земля Тохарестан (Бактриана) и т.д.*. Возможно, что и здесь имеется подобный случай.

Получить какие-либо более подробные сведения об этом народе на основании раскопок и исследования приписываемых ему памятников, нам кажется, вряд ли можно, потому что нельзя поручиться, чтобы они действительно были делом его рук, а не позднейших обитателей края, аналогично тому, как названия многих городищ «чудские» не могут служить доказательством их финского происхождения.

К какому же племени следует отнести сабиров или суваров? В этом отношении мнения учёных расходятся, потому что вопрос о происхождении гуннов, вторгнувших-

* Это сведение мне любезно сообщено пр. Н.И. Веселовским.

ся в Европу во время и после великого переселения народов, не решён: одни видят в них финнов, другие тюрков, третьи монголов, четвертые считают славян за ядро гуннских орд; пятые, наконец, думают, что гунны представляли из себя смесь разных племён, что, по-видимому, имеет больше всего оснований, так как известно, что кочевники при своих передвижениях из одних стран в другие имели обыкновение увлекать с собой и те племена, через земли которых они проходили. Определить поэтому, к какому племени принадлежали сабиры, себеры, сувары, нелегко, тем более что у нас не сохранилось следов их языка и что само название этого племени не удалось, как мы видели выше, объяснить при помощи языка племён, присутствие которых здесь можно было предполагать: финнов, тюрков, славян. Мы даже не знаем, какое правописание этого названия вернее, потому что чуть ли не всякий писатель передаёт его иначе. Если имена сабир, себер, савир, сувар и т.д. действительно составляют название одного и того же народа*, как то полагают некоторые учёные, то транскрипция их с буквой в (*савир, сувар, север*) едва ли не более правильна, чем транскрипция с буквой б, на том основании, что последняя преобладает, по-видимому, лишь у греческих писателей, которые за неимением в своём языке буквы *в* могли заменить её буквой *б*. Того же правописания, конечно, придерживались и те учёные, которые пользовались греческими источниками. Возможно, однако, и то, что обе формы существовали одновременно, по крайней мере это имеет место в настоящее время: одни инородцы Тобольской губернии называют аборигенов страны сыбырами, другие — сывырами.

Хотя последнее название действительно похоже на имя славянского племени «север», нам, однако, кажется, что принять тех и других за один народ, основываясь только на тех доводах, которые приводятся сторонниками славянского происхождения имени Сибирь, будет рискованно. Мы со своей стороны более склонны отнести сабиров, себеров и т.д., если, повторяем, допустить, что они со-

* Хотя имеются указания на противное (см. выше).

ставляют один и тот же народ, к финно-угорскому племени. Это, нам кажется, подтверждается следующими соображениями: во-первых, племена *сарагуры*, *унугуры* др., жившие прежде за Уралом, по-видимому, к югу от нынешних остяков и вогулов, и потом переселившиеся в Европу, некоторые историки считают родственными *сабарам* и даже идентичными с ними, а Прокопий прямо упоминает о народе *сабир-угорах**. Слово «угор», встречающееся в приведённых названиях, и некоторые другие соображения заставили многих историков причислить эти народности к угорскому племени**; во-вторых, по свидетельству Константина Багрянородного, мадьяры во время своего пребывания в Лебедии носили название ЕосрартошафаАсн, в котором некоторые учёные видят испорченное выражение: *Za*(Зар, теплеет *с*сафосАт или Еарар *r\ioi* осафоЛсн — «сабары, т.е. (или) безопасные (храбрые)»***. Иначе говоря, эти учёные полагают, что мадьяры назывались тогда *сабарами*, имя, которое некоторые сближают с сабирами, а между тем мадьяры, без сомнения, финно-угорского происхождения; в-третьих, наконец, *Сивар*, один из двух городов Болгарского царства (X в.), жители которого, по предположению историков, состояли главным образом из финских и тюркских племён, вряд ли мог быть основан славянским племенем, по крайней мере это ничем не подтверждается.

Впрочем, следует заметить, что все подобные рассуждения о том, были ли сабары, сабиры, сувары и т.д. славянами или представителями урало-алтайского племени, потеряют добрую долю своей убедительности, раз мы откажемся от ничем не доказанного положения, что все эти названия суть синонимы одного и того же народа, и допустим возможность, что в числе их имеются представители по крайней мере двух народов, как это, например, следует из письма Хакана Иосифа к еврею Хаздаю****. В этом письме Хакан перечисляет подвластные ему народы; сначала он

* Изв. Том. унив. I. С. — (Страница не указана. — Прим. издателя).

** *Castren. Ethnol. Varies. S. 74.*

*** *К. Гром. Мадьяры и Моравия. С. 217.*

**** *Гаркави. Хазарские письма // Еврейская библиотека. Т.VII. С. 160.*

упоминает о племенах тюркских и финских, каковы *буртасы*, *булгары*, *арису* (эрза), *сувар*, *цармис* (черемисы), а потом о славянских: *вентит*, *север* и *славиун*. Под именем *вентит*, по мнению г. Гаркави, следует подразумевать вятичей, под *север* — северян, которые и до войн Святослава были подвластны хазарам, и, наконец, *славиун* есть арабское множ. число от слова «*слави*» — славянин. Итак, из этого источника явствует, что под именем сувары и северы подразумевались разные племена, причём относительно славянского происхождения северов не имеется сомнений. Что же касается до суваров, то, принимая во внимание, что о них упоминается при перечислении народов тюркского и финского племени, их вернее тоже рассматривать как представителей этих последних. К урало-алтайской же семье, именно к угро-финнам, т.е. к ближайшим родственникам вогулов, остяков и мадьяр, мы относим и аборигенов небольшой области Северо-Западной Азии — сывыров или сыбыров, относительно которых учёные, старавшиеся объяснить слово «Сибирь», не зная об их существовании, естественно, не могли ещё высказать своего мнения. Об отношении их к суварам, сабарам и другим вышеупомянутым племенам мы не решаемся что-либо сказать.

Резюмируя всё вышеприведённое, скажем, что, по нашему мнению, название нашей обширной и прекрасной колонии Сибирь представляет из себя имя обитавшего в южной части Тобольского и смежных волостях Тюменского округа народа *сывыров* или *сыбыров*, которых по их происхождению вернее всего отнести к финно-угорскому племени.

Гипотеза Г.Н. Потанина*, что слово «Сибирь» занесено из Монголии и Южной Сибири, где в народной поэзии местных жителей (качинских татар, кызыльцев и др.) нередко фигурирует гора *Stibur*, и что под этим именем, как и под названием сказочной горы *Сымыр* или *Сумбыр*, в монгольских и бурятских сказках следует подразумевать вообще северные страны, так как между этими именами и Полярной звездой, по поверьям восточных народов, имеется известное соотношение, нам кажется, ввиду существования вы-

* Сибирский сборник. 1890.

шеприведённых, более согласных с историей гипотез, слишком смелой. Впрочем, нет, по-видимому, ничего невероятного предположить, что слово «Subiir», сохранившееся в Южной Сибири и в Монголии, есть след пребывания в этих краях сывыров до их выселения на берега Иртыша, если только принять, что этот народ принадлежал к урало-алтайскому племени.

**Серафим Керович
ПАТКАНОВ** —

**Тип остяцкого богатыря
по остяцким былинам
и героическим сказаниям**

**Серафим Керович
ПАТКАНОВ** ^—

**Тип остяцкого богатыря
по остяцким былинам
и героическим сказаниям**

ми сказаниями, которые имеют тем больший интерес, что в них довольно ясно отражается жизнь прежних остяков.

Эти виды остяцкой народной поэзии остались до сих пор совершенно незатронутыми. Кастрен⁸ и некоторые другие намекают на существование у этих народцев героической поэзии, но почти не приводят никаких образцов. Венгерц Регули⁹ записал их множество на вогульском языке и на северо-остяцком наречии, но преждевременная смерть его и отсутствие ключа к его записям сделали его обширный материал на продолжительное время мертвым.

Известный финолог, теперь покойный профессор Гельсингфорсского университета Альквист¹⁰ совершил три путешествия в Северо-Западную Сибирь, составил небольшую, первую, хрестоматию для остяцкого языка; в ней он поместил перевод Евангелия Св. Матфея и заповедей, несколько бедных по содержанию сказок и песен новейшего времени, но ничего не говорит об остяцких богатырских песнях, а они во всех отношениях стоят неизмеримо выше остальных видов остяцкой народной поэзии. То же самое можно заметить и про другую книгу его, где он говорит о поэзии остяков и вогулов. По всему вероятно, этот тип угорской поэзии был ему мало знаком*.

В 1888–89 годах Западную Сибирь посетили двое мадьярских ученых: М. Папай¹¹ и Б. Мункачи¹², которые занимались: первый — этнографией западносибирских инород-

* Это явствует уже из следующей фразы его: «An Armuth u. Unvollkommenheit des Gesanges stehen die Ugrer jedoch nicht tiefer, als die anderen ostfinnischen Volker, denn die wenigen Bruchstucke, welehe man bei diesen unter dem Namen Volkslieder aufgezeichnet hat, sind ebenso geistesarme u. stumperhafte Versuche, wie die ostjakischen Recitative. Erst an der Dwina u. am Ladoga schuf der finnisch-ugrische Volksgeist im karelischen Runengesange eine dem Inhalt u. der Form nach schonere Volksdichtung, die sich an Innigkeit des Gefuhles, am Reichthum der Fantasie u. an sprachlicher Formvollendung mit jeder anderen Volkspoesie messen darf». («Unter Wogulen u. Ostjaken». S. 173). — «Бедность и несовершенство песен угров не опускают их ниже уровня других восточно-финских народов, т.к. некоторые обрывки, обозначенные у них именем народных песен, являются такими же бедными по духу и корявыми по форме попытками, как и остяцкие речитативы. Только на Двине и Ладоге финно-угорский народный дух создал в карельских рунах прекрасную по форме и содержанию поэзию, которая может быть сравнима с другими образцами народной поэзии по сокровенности чувства, богатству фантазии и законченности языковых форм» («Среди вогулов и остяков». С. 173.) — *Пер. с нем. Е. Матюхиной.*

цев, второй — вогульским языком. Мункачи собрал богатый материал образцов народной словесности вогулов, между прочим, и большое количество былин.

Об остяцких же былинах до сих пор нигде ничего не было напечатано. Ввиду этого я позволяю себе представить небольшое исследование о стародавней остяцкой жизни и ее богатырях, составленное на основании собранных и переведенных мною остяцких былин и сказаний*. На остяцком языке у меня имеются 3 былины и 2 сказания и, кроме того, около 15 кратких рассказов, записанных по-русски.

Земля остяков, или северная часть Тобольской губернии, представляет из себя низменную равнину, прорезанную двумя мощными реками: Обью и Иртышом и их многочисленными притоками. Правые берега этих рек в большинстве случаев представляют из себя террасы более или менее возвышенных плоскогорий, которые тянутся далеко в глубь страны и, за исключением самой северной части края, покрыты почти сплошными, но сильно пострадавшими от огня лесами. Левый берег, почти всюду низменный, состоит из испещрённых ключами, речками и озёрами северных заливных лугов, называемых здесь «сорами», а также из гривок, покрытых лиственными деревьями, и плоских песчаных холмов, носящих на себе сосновые боры. Но наибольшую часть всей этой страны, как в её более возвышенных частях, так и в более низменных, занимают обширные болота: моховые, торфяные, осоковые, покрытые на значительной части своего протяжения корявыми берёзками и сосенками. Таков летний вид этой глухой страны Севера. Зимой двухаршинный снег устилает сплошной пеленой все неровности почвы, густым слоем покрывает деревья и кусты и делает ещё более однообразной грустную картину природы Северо-Западной Сибири.

Иной вид принимает опять этот край весной, когда разлившиеся реки затопляют низменные площади левого и отчасти правого берега на десятки и сотни вёрст во все стороны. При небольшом даже ветре эта громада вод уже бушует, как море, и горе путнику, которого непогода застигла в пути. Единственное его спасение, если он найдёт убе-

* Будут изданы особо. — (См.: Die Irtysch-ostjaken und ihre Volkspoesie. Т. II. Спб., 1900. — *Прим., издателя.*)

жище где-нибудь на холме, выступающем из воды наподобие острова, или прямо причалит к вершине торчащего над поверхностью воды ивового дерева и уцепится за него. И в подобном положении приходится иногда провести день, два и более, пока буря не затихнет.

Такова страна остяков, но для них этот бедный и угрюмый край Севера кажется страной обетованной, и ни один из них не покидает своей родины добровольно. Да, впрочем, им в этом не представляется и надобности. Население их в 20000 душ обоего пола, или около того, живёт на огромных пространствах, которые при всей бедности северной природы могут прокормить значительно более густое население.

Остяки, как и вогулы, являются единственными представителями в Сибири обширного финского племени. Вместе с мадьярами они составляют угорскую его ветвь¹³.

Источниками пропитания служат остякам главным образом рыболовство и звероловство. Самые южные остяки, живущие по Иртышу, занимаются, кроме того, в весьма небольших размерах земледелием, а жители Крайнего Севера — оленеводством.

С 1715 года остяки исповедуют православную веру¹⁴, но, мало знакомые с началами христианского учения, исполняют лишь некоторые обряды её. Напротив, почти всюду они ещё сильно придерживаются своих прежних языческих верований, а на севере Березовского округа известная часть бродячих остяков и поныне пребывает в язычестве.

Остяцкая культура, если так можно выразиться, с каждым годом всё больше падает. В более южной части этой области они уже давно ведут образ жизни мало отличный от образа жизни соседних русских, но за последние годы стали пропадать и последние немногие остатки их прежней культуры. Типичный женский костюм, ещё весьма недавно бывший всюду в употреблении, заменился русским платьем и платком, лебедь и домбра вытесняются бандуркой и балалайкой, остяцкие песни и пляски — русскими. Вместе с этим и родной язык всё более и более забывается и вытесняется русским. Благодаря этому всеобщему обрусению падает и остяцкая народная поэзия и принимает иной характер: песни, которые теперь поются на Оби, составлены в

духе русских рыбаков и воспевают подвиги рыбопромышленников или любовные похождения остяков и остячек. Язык их весьма неизящен и испещрён русскими словами и выражениями, а некоторые из них по своему содержанию скорее напоминают набор слов, чем песню. Сказки тоже потерпели сильное влияние от русских, и хотя и выиграли при этом, но зато утратили часть своей самобытности. Одни только былины и героические сказания остались без перемены, но вследствие этого они и пропадают.

Из 72 остяцких юрт Тобольского округа они сохранились лишь в трёх—четырёх, но и здесь постепенно забываются вследствие того, что русеющее молодое поколение мало старается перенимать их у своих отцов.

Лучшие знатоки их проживают в настоящее время в Шумиловских и Красноярских юртах Меньше-Кондинской волости, в последнем селении, однако, сохранились только героические сказания; далее — по Демьянке в Лумкоевских и Цингинских юртах. Говорят, что по реке Салыму, в пределах Сургутского округа, и в бассейне Васюгана в Томской губернии есть знатоки былин, что весьма возможно по захолустью края.

Героические сказания более новых времён сохранились в весьма многих местах, но по своим мыслям, по своему стилю и по чистоте языка они значительно уступают былинам и старым героическим сказаниям.

При каких же обстоятельствах поются былины? Если обыкновенные песни с эпизодами и картинами ежедневной жизни поются при всяком удобном случае, то былины по своему серьёзному и более возвышенному содержанию, а также и вследствие своих значительных размеров требуют особого вдохновения и напряжения со стороны певца. И действительно, поются они весьма редко, всего несколько раз в год. Такими днями бывают большие остяцкие праздники: Николин день, Крещение и Петров день, когда они уплачивают ясак и деньги за гоньбу и по этому случаю проводят целые дни в кутеже. В эти праздники у них обычаем ездить друг к другу в гости, и не поодиночке, а целым селением, и принимать столь же многочисленных гостей. Водка, хотя её привоз официально и запрещён, льётся при этом рекой, особенно в хорошие года. Среди общего веселья остяки всегда

любят вспомнить старину, и звонкий лебедь звенит день и ночь. Всякий умеющий петь или играть показывает теперь своё искусство, причём наибольшее внимание сосредоточивают на себе певцы былин. Выпив изрядное количество водки и вдохновившись как следует, они начинают жалобным голосом воспевать подвиги своих отцов.

Любят эти песни также и иные богатые русские рыбопромышленники, хорошо знакомые с остяцким языком. Они тоже иногда приезжают в юрты «погулять», и случалось, что в припадке великодушия за пропетые остяком 2-3 былины они прощали ему его долг.

Изредка, при отсутствии водки, певец для большего воодушевления съедает перед началом пения несколько мухоморов — 7-14-21*, т.е. число, кратное семи: от них он просто приходит в иступление и походит на бесноватого¹⁵. Тогда всю ночь напролёт диким голосом распевает он былины, даже и давно, казалось, забытые, а утром в изнеможении падает на лавку. Мало тронутые его беспомощным состоянием слушатели бывают довольны, что услышали песни своих отцов, пропетые с таким чувством.

Происхождения былины довольно древнего и относятся, по всей вероятности, к тому периоду времени, когда северная часть Тобольской губернии ещё не испытала на себе нашествия татар, которые, как известно, здесь появились раньше русских; одним словом, по нашему мнению, описываемые в них события относятся к периоду времени между XIV и XVI столетиями, а частью, может быть, и к XIII.

В самом деле в былинах нигде не упоминается о татарах или русских, хотя десятки и сотни стихов повествуют о войнах остяков с самоедами и остяков между собой. Все эти походы остяков друг на друга, на самоедов и обратно имели исключительно характер хищнических набегов, а не завоеваний, почему и трудно предположить, чтобы остяцкие певцы ничего не упомянули о врагах более сильных, которые не только разоряли страну, но и покорили её.

У меня есть одно сказание про поход на север двух остяцких князей из городка Т'апар-вош, следы которого и поныне сохранились на красивом холме около Цингалинских

* По словам кондинских остяков, более 21 мухомора не может съесть самый привычный остяк.

юрт (Нарымск. вол.). Этот городок был потом занят татарами. Им, вероятно, он и обязан своей значительной недоступностью. Около этого городка и теперь видна небольшая ямка, почитаемая татарами за святыню. Они полагают, что здесь покоится прах святой девицы Хатица-биби, дочери ахуна Аллогула, пришедшего сюда вместе с другими святыми людьми из Бухары для распространения веры Пророка. Место это называется у татар, как и другие подобные священные места, именем «астана»*. Несмотря на такие явственные следы пребывания здесь татар и на значительные размеры остяцких сказаний, и на их подробности относительно жизни остяков и самоедов, мы не находим никаких упоминаний о новом и чужом, пришлое с юга народе, покорившем остяков и самоедов.

Если мы обратимся к истории, то узнаем, что первым татарским завоевателем остяцкой страны был ногайский (?) князь Он или Онсом, основавший Сибирское княжество на развалинах Кипчакского царства, распавшегося в половине XIV столетия**. Он, по преданию, господствовал не только над татарами, но и над остяками и вогулами. Дело его продолжал сын (?) его Тайбуга, который во время правления князя Чингиза в качестве его военачальника покорил обских остяков. Таким образом, завоевание татарами долины Иртыша, о которой идёт речь, могло совершиться в конце XIV или в начале XV века.

По Карамзину, занятие южной части Тобольского округа татарами совершилось позже, именно в XVI столетии. Это он доказывает тем фактом, что московские войска, воюя в 1483 году на берегах Иртыша, ещё не застали татар в этих местах. Крепость Сибирь существовала уже тогда, и в ней властвовал князёк Лятик¹⁶, без сомнения, остяцкий. Возможно, однако, что вторжение тюрков в страну остяков произошло ещё в конце XV столетия. Что же касается до распространения на Севере магометанства, то оно относится к более позднему периоду — к концу XVI и даже к началу XVII столетия, когда страна была уже покорена русскими.

* Вероятно, от персидск. слова *astan*, *astana-seuil*, *mausolee d'un sant* (died, persan-franc. A. Berge).

** A. Castren. Ethn. Vorles. S. 105. По Миллеру, Онсом был современником Чингисхана († 1224). «Ист. Сиб.». С. 33.

Нам известно, что власть татар на Севере держалась недолго и по прибытии русских влияние татар едва ли простиралось далее к северу за реку Демьянку, но всё же, вероятно, первое время после завоевания страны татарами остяки, хотя бы более южные — иртышские, платили им дань. Между тем, об этом нет и намёков в былинах, да и вышеописанное предприятие двух остяцких князей из города Т' а п а р - в о ш на север вряд ли могло бы иметь место, если бы иртышские остяки находились тогда под властью татар. В другой былине князя из Карыпоспат-урдат-вош* предпринимают далёкий поход в полуденные страны (Морда-мыт) и возвращаются назад с добычей. Из этого тоже можно заключить, что остяки в то время были ещё независимы и что в ближайшем их соседстве к югу ещё не жили племена сильные, вроде татар. Таким образом, можно принять, что былины и сказания сложились ранее нашествия татар. Если Карамзин верно определил время этого события, то былины остяцкие имеют не меньшую, чем 300-летнюю, давность.

Возможно, что западносибирские былины складывались в течение столетий. Иные из них воспевают подвиги трех и более поколений князей. Описываемые в них события иногда охватывают период времени более чем в 100 лет, как, например, в былине о Сонгхуше.

К тем же выводам относительно древности былин остяков можно прийти на основании истории завоевания Сибири русскими.

Непосредственные сношения русских с Югрой возникли уже в XI веке, когда новгородцы утвердились на берегах Белого моря. С этих пор начались и их походы в страну Югры¹⁷. Из походов московских войск на Северо-Западную Сибирь до Ермака нам известны бывшие в 1483 и 1499 годах. Что касается до зависимости Югры от Новгорода и Москвы, то она продолжалась лишь короткое время, после каждого похода, а затем была только номинальная.

Ввиду того, что эти походы длились лишь короткое время и затем остяки в продолжение долгого времени ничего не слыхали о русских, они могли и не отразиться в их героическом эпосе, тем более, что в долину Иртыша, откуда

* См. ст.: Оксенов. Политические отношения Моск. гос. к Югорской земле (1455-1499)//Ж. М. нар. пр. 1891. (февр.). С. 245-272. (Ред.).

происходят почти все мои былины, русские, насколько известно, проникли лишь однажды (в 1483 году).

Начало прочного русского владычества над остяками можно отнести к 1581 году, главным образом к походу Богдана Брязги, который покорил всю долину Иртыша и часть Оби до Белогорских юрт, а в 1586 году около устья Иртыша был воздвигнут Мансуровым первый русский острог в остяцкой земле. Семь лет спустя (в 1593 году) были основаны Пелым, Берёзов и Сургут¹⁸. Прекратилось ли процветание героического эпоса за долго до пришествия русских, мы не знаем, но только несомненно, что с этих пор остяцкая страна уже не производила ни богатырей, ни былин, которые, таким образом, во всяком случае имеют давность по крайней мере в 300 лет.

Подтверждением этого могут служить и все наши былины и прежние героические сказания. Например, вышеупомянутое сказание о походе остяцких князей на север уже потому не могло относиться к более позднему периоду, что, во-первых, они в нём действуют как совершенно самостоятельные властители и, во-вторых, беспрепятственно проезжают весь путь между Цингалинскими юртами и самоедской страной (к северу от острова Конавыта)¹⁹, где уже в конце XVI столетия были воздвигнуты русские остроги.

Другая былина передаёт о походе князей из города Емдер-вош (ок. Эмдерской протоки) на город Кары-поспатовош, расположенный в нижнем течении Конды. Чтобы попасть из названной протоки в Конду, они тоже должны были проехать мимо того места у устья Иртыша, где был русский острог, которого тогда, следовательно, ещё не было. Наконец, в былине о богатыре Сонгхуше говорится, что он посетил во время своих походов все семь концов земли, что тоже говорит в пользу полной независимости остяцких князей от кого бы то ни было.

К сожалению, самые южные остяки, которые первыми пришли в столкновение с татарами и русскими и могли бы в своей поэзии сохранить много любопытных данных из этого времени, частью исчезли, частью подверглись сильному влиянию победителей, лишь кое-где сохранив свой язык, но окончательно забыв старые дедовские предания.

Правда, в былинах встречаются изредка слова татарского и даже русского происхождения, ныне входящие в со-

став остяцкого языка, но они могли быть вставлены в них позднейшими рассказчиками.

Древнее происхождение былин доказывается и их старым языком — целые обороты теперь совершенно непонятны остякам и передаются на память, — и значительной чистотой самого языка сравнительно с настоящим разговорным. Конечно, не все части этих поэтических произведений одинаковой древности...

Из периода татарского и отчасти русского владычества до нас тоже дошли сказания и рассказы, но будучи сравнительно новейшего происхождения они носят уже другой характер. Они все, без исключения, передаются прозою и притом новым языком с некоторыми заимствованиями из старых былин.

Разница между прежними былинами и прежними героическими сказаниями заключается в том, что первые изложены стихами, вторые прозою, но язык тут и там старый, цветистый и образный. По мнению самих остяков, часть этих старых богатырских сказаний прежде тоже была облечена в форму былин, но с течением времени и по мере обрусения остяков склад стихов был забыт, хотя удержались все их особенности, эпитеты, фигуры и обороты речи. Это предположение имеет за собой немало оснований.

Словом «былина» мы передаём остяцкое выражение «тарнын-ара» (вог. *терн!н-ер!л*), которое состоит из слов «тарный» и «ара». Последнее значит «песнь», первое же требует более подробного объяснения. Под словом «тарн» (таран, тарын) — оно непонятно нынешним инородцам — прежние остяки, без сомнения, подразумевали злое божество*, сеющее всюду распри, наводящее войны, болезни и опустошающее страну. Судя по некоторым местам былин, можно ещё прибавить, что божество это было женского пола. В каком виде его представляли — неизвестно. Может быть, на это прольёт некоторый свет его эпитет: *ей-вет'пе КИТ таран*, что значит «двойственная Тарн с одним ликом». Отличалась ли эта богиня красотой, мы тоже не знаем, ибо

* Первый высказал печатно это предположение в предисловии к своей грамматике северо-остяцкого наречия венгерский учёный, профессор Гунфальви. Французский перевод этого предисловия помещён в «Revue d'Ethnographie et de Philologie». 1878.

весьма редко кому удавалось её лицезреть. Про человека, прошедшего, как говорится, огонь и воду, прежде говорили, что он видел лицо Тарн*. Олицетворяли её в виде самой разрушительной стихии — огня. Так, в цветистом языке былин и сказок слово «огонь» обыкновенно заменяется целым выражением: ар н'атмапе Таран тут**, что, вероятно, означает «многоязычный рот (девы) Тарн». К этому выражению иногда присоединяют ещё слова: «най анка»*** — «дева, женщина»²¹, употребляемые здесь тавтологически, но дающие нам указания на пол божества.

Впоследствии слово «Тарн», равно как и его производное «к!т-таран», получили ещё переносное значение «распри» и «войны». Тарный есть прилагательное от Тарн, и может в данном случае значить «военный». И так всё выражение «тарный-ара» может быть передано по-русски — «военная песнь». Так мне переводили его и остяки, не зная точного смысла слова «Тарн», они по естественному чутью догадывались, что оно приблизительно означало.

Былины поются под аккомпанемент местных музыкальных инструментов лебеда, или журавля (тброп-јух), и домбры, или тарнобая (нарес-јух; у вог. шанул'теп), из коих в пределах Тобольского округа более древним можно считать домбру. Сохранившиеся на Конде мелодии былин имеют не более пяти тонов, что соответствует пяти струнам этого инструмента. Сами кондинские остяки утверждают, что у них в прежнее время не было лебедей и что они получили их от жителей берегов Оби. Лебеди и теперь ещё называются на Конде «Обской музыкой».

Домбра состоит из продольного ящика с крышкой, сделанного из тонкого елового дерева. Форма её, как и толщина струн, значительно меняется в разных местностях, но в общем домбра сходна с финскими кантеле, на которых прежние финны распевали свои величественные руны. За-

* Таран вет', хут' вет' ујеМ — «видевший лицо Тарн и лицо рыбы (?)». Первое — символ огня, второе, вероятно, — воды.

** Тут (тут) означает «рот» и «огонь».

*** Мы на том основании перевели здесь слово «най» через «дева», а не «огонь», что оно тоже значит, выражение «най анка» встречается часто в былинах и означает лицо женского пола, например, «Нанк-хуш-хой ай най, ай анка» — «мужа Нанг-хуша младшая дочь, девица». «Анка» ныне означает почти исключительно «мать».

чатками их, по верному замечанию Кастрена, и являются остяцкие тарный-ары. Струны делаются из сухожилий оленя и покрываются рыбьим клеем. Они настраиваются при игре, как начало мажорной или минорной гаммы, причём на Конде былины чаще поются в мажорном тоне.

Лебедь состоит из подобного же ящика, имеющего отдалённое сходство с телом большой птицы, но с одного из его концов перпендикулярно или под тупым углом к нему прикреплён длинный кусок дерева, оканчивающийся грубым подобием птичьей головы. Эта часть представляет из себя якобы шею и голову лебедя или журавля. Между шеей и верхней крышкой ящика натянуты 9 медных струн. Настраиваются они подобным же образом, как и у домбры, но только благодаря своему значительному числу они дают целую гамму и часть другой, являясь, таким образом, инструментом более усовершенствованным.

Остяцкие былины не имеют рифмы, хотя и не лишены некоторого подобия стихам: так, каждая фраза их заканчивается обыкновенно словом, имеющим ударение на предпоследнем слоге, чем уподобляется европейскому стиху с дактилехореем на конце. Кроме того, в них избегается сочетание нескольких односложных слов с ударением. Оно достигается таким образом: к односложным словам присоединяются лишние частицы, или само слово растягивается при помощи вставки гласных*. Величина отдельных стихов весьма разнообразна: короткие, средние и длинные следуют друг за другом попеременно, а в связи с этим и размер музыкальной фразы постоянно меняется.

Красоту стиля остяцкий певец стремится увеличить тем, что подбирает рядом однозвучные и близкие по смыслу слова, выражения и целые фразы**. Этот же приём употребля-

* Напр., вм. т!т'-вах, кам-вах говорят: т!д'ет-вах, камет-вах; вм. tana пунсыкш НуяхjoKajeM —тайем пуну сыкш ну!atjoKeajeM (см. ниже) и т.д.

** Это будет ясно из нижеследующего отрывка былины о богатыре Сонгхуше:

«Сон-хуиі ун авыт мунна бмдай.

Томай воч бтййна тарым кур мечеда хоје вбрмбт?

Сон-хуш-хой, тарым урт, дгем вбрмбт.

Табет мыг сунедә сёвен ёва jiM-тшдып танта j

Тув jaHxeM ар тагет, Турым тадем jемын мыг

Мыгет гете, Днкет пете чокен хейг'бт...

ется и в сказках, и героических сказаниях. Он не составляет, впрочем, особенности творчества одних азиатских финнов, но, судя по образцам тюркской поэзии, собранным академиком Радловым, свойствен и этой последней, а также русским сказкам и былинам.

Эти постоянные повторения одних и тех же слов с разными прилагательными или разных слов и выражений с одним значением затрудняют до известной степени перевод произведений остяцкой народной поэзии и делают его довольно тяжёлым. Другой причиной трудности перевода былин на европейские языки есть отсутствие собственных имён у людей и урочищ, которые заменяются разными прозвищами иногда в 4-6, до 10 слов, причём смысл их часто мог быть понятен только для лиц, знавших причину, почему то или другое лицо или урочище получило данное прозвище*. Примеры мы встретим ниже.

В остяцких былинах и героических сказаниях встречаются в изобилии разные эпитеты, фигуры и тропы, свойственные поэзии и других народов. Кроме случайных эпитетов, имеются и постоянные, например, земля—мыг постоянно употребляется с эпитетами «сотой, пунын» — «ко-

Табет мыг сунед!ва табет най, табет анка ве^щбт.

Табет най, табет анкша ейметта ней

ЮХТВТ каттем joxTbiH-кетпе хојеТ урт, погот-па ту ент ТІВОТ,

Лнтпет каттем ту! тей вёрман най, анка-па ту ент ТІВОТ!».

«В большом городе Сонгхуше мы проживали.

На краю того города какой крепконогий в коленах (муж) вырос?

Князь Сонгхуш, сильный богатырь, мой отец, здесь вырос.

На 7 концов земли сватать косатых девиц за хороший выкуп

он ходил.

После его походов во многие страны на священной,

опущенной Богом земле

Едва осталась площадь суши и воды (им неизведанная).

С семи концов земли он взял в жёны семь девиц.

И от семи девиц, семи жён, ни от одной

У него не родилось ни сына, мужа-богатыря, держащего лук в руке,
привычной к луку,

Ни дочери-девицы, держащей иглу и работающей

концами пальцев».

* Напр., старый князь гор. Карыпспата прозывался «Худем сот от тейдем лулен-мбх тохтен-мбх кынен урт-іга», т.е. «300 лет гнивший детёныш малой гагары, детёныш большой гагары гнилой богатырь-старик».

жистая, шерстистая», так как поверхность её, поросшая лесом, уподобляется коже, покрытой шерстью. Постоянными эпитетами слова «сегер» — «цепь» — являются «карт», «вах» — «железо». Карт сегер, вах сегер значит «железная цепь». Слово «каттын» — «пристань» — сопровождается всегда прилагательным «нырын» — «жердяной(ая)» (нырын каттын) и т.д. Что же касается до фигуры сравнения, то по чистоте и изяществу её остяцкая поэзия далеко уступает творчеству многих восточных народов, например, персов.

Форма былин постоянно меняется с течением времени, хотя сюжет её и неизменен. Происходит это от того, что их не заучивают наизусть, как стихи, а запоминают лишь их содержание, главные обороты и выражения, остальное же всё варьируется и дополняется фантазией певца. Ввиду этого иногда одну и ту же былинку в разных местах поют иначе, причём большее изящество той или другой версии её зависит единственно от способности певца и умения его излагать красиво свои мысли. Ввиду значительных размеров былин, в которых числится до 300 и, может быть, более стихов, весьма часто последняя часть их, иногда половина, излагается прозой, но и то пропеть и передать большую былинку требует такого напряжения голоса, что рассказчик, оканчивая её, является часто охрипшим.

Содержанием былин и героических сказаний служат почти исключительно военные походы остяцких князей или богатырей друг против друга и против самоедов ради добычи невест или война с напавшими на них ради той же цели соседями.

Из имеющихся у меня былин и героических сказаний одной былинкой я почти не пользовался, так как и по содержанию, и по тем понятиям, которые в ней встречаются, она имеет мало общего с северно-угорским героическим эпосом. Возможно, что сюжет её заимствован от соседних тюрков или от более южных и теперь исчезнувших остяков, живших в условиях, более близких к условиям смежных кочевников.

В этой былине мы, например, встречаем облака чёрной пыли, поднимающиеся кверху при движении богатырей, что, правда, было бы характерно для южных чернозёмных степей Ишимского и других округов Тобольской губернии,

но ни в каком случае не для лесистого и болотистого Тобольского округа и, в частности, для области р. Демьянки, где записана эта былина²¹. В настоящей стране остяков не только нет чернозёма, но и почти не существует другого сообщения, кроме водного. Далее в ней часто являются крылатые кони, хотя вернее предположить, что и простые кони не водились в данной стране в прежнее время; напротив, олень, главное домашнее животное бывших остяков, в ней совершенно не упоминается. Богатыри здесь умеют укрощать диких крылатых коней, которые их уносят под облака. Победённого врага они зашивают в семь конских шкур и привязывают к хвосту коня и т.д., одним словом, все эпизоды скорее из жизни кочевников, чем оленеводов и охотников. Наконец, в ней встречается масса понятий, чуждых прежним остякам и только впоследствии заимствованных ими от русских, зырян и татар; например, коромысло (ку}анда, по-татарски куранта), стол (песан, по-зырянски пузан), аршин, бутылка, стакан, водка (в!на) и т.д. Одним словом, эта былина совершенно не гармонирует с теми представлениями, которые можно было себе составить на основании разных других данных относительно жизни прежних остяков.

Глава II

Княжества и их центры—городки

Дробление остяцкой страны на мелкие княжества. — Городки как их центры. — Их устройство. — Категории городков. — «Медные» городки. — Селения как место жительства «простых» людей. — Землевладение на родовых началах у нынешних остяков и вогулов. — В основание прежнего княжества легло родовое начало. — Расселение родов. — Препежние княжества суть «волости» историков. — Южные остяки не были кочевниками.

Та часть остяцкой страны (мыг, пёлек), которая служила ареной для событий, воспетых в былинах и сказаниях, т.е. Тобольский и южная часть Березовского округа Тобольской губернии, представляла в отдалённые времена ряд независимых друг от друга мелких политических единиц. Центром каждого такого небольшого «княжества» (авыт?)*²² служил «городок» (вош, воч, ваш; у вогулов — уш), а верховным властителем его был живший в нём «князь» (јор, ур, урт**; вог. — атер, отер). Все остальные жители маленького княжества были его подданными, называются они в былинах мыгдат — јах, т.е. земляными людьми.

Число княжеств и городков было прежде весьма значительно; это уже показывает то обстоятельство, что мне удалось в бытность мою в Тобольском округе насчитать не менее 63*** таких городков, из коих около $\frac{2}{3}$ без сомнения принадлежали остякам, а Абрамов²³ приводит их в Березовском округе более 40, хотя почти наверное значительная часть их ещё посейчас скрыта в дебрях и среди болот²⁴.

* Слово «авыт» (аут) означает небольшую область, иногда употребляется, по-видимому, как синоним слова «вош» — «город», напр., в приведённом выше отрывке былины.

** Назывался он также «главой города» — воч-ух и вочум-ворт-ига.

*** Обозначены на карте, представленной в Имп. русск. арх. комиссию.

Характер этих городков несколько иной на юге округа и далее к северу. На юге они принадлежат тюркам, более искусным в сооружении укреплений, и отличаются более значительными размерами; на севере они меньше и принадлежат осяткам.

Опишем вкратце такой городок. Как осятки, так и татары старались выбирать под укрепление место возвышенное и до известной степени господствующее над соседней местностью, а главным образом над лежащими внизу низменными равнинами и водами рек и озёр, которые как зимой, так и летом служат почти единственной дорогой для сообщений в здешнем болотистом крае. Значительная часть городков, лежащих около более или менее крупных рек, расположены ради этого на нагорном берегу их или яру и занимают преимущественно мыски, которые образуются глубокими оврагами, пересекающими кое-где этот берег. Особенно удобны для этой цели места впадения в большую реку притоков. Здесь часто бывают мыски, весьма подходящие для устройства городка уже ввиду того, что отсюда открывается широкий кругозор и что можно легко наблюдать за людьми, едущими по главной реке и по нижней части притока. Если к тому же такой мысок был отрезан оврагом от остальной части горы, то иногда со стороны низменности или реки, над которой он возвышался, устраивали ещё небольшой подъём, и укрепление было готово.

В более крупных, вероятно, татарских, городах подъёмы представляли из себя ребро двугранного угла, образующее с поверхностью земли и воды весьма пологий угол (в 35°). Такие удобные подъёмы значительно облегчали восхождение на высокие террасы, возвышающиеся иногда на 25—30 сажен над окружающей местностью, и по настоящее время ими пользуется местное крестьянское и инородческое население там, где поблизости имеются городки. Также и скот легко восходит по ним, чтобы искать корма в произрастающих на возвышенностях лесах. Городки такого устройства встречаются около Цингалинских юрт (Нарымская волость), около деревни Чугасной (Денщ. волость), около татарского выселка Самтелё (Караг. волость) и т.д.

В военное время вышеописанные подъёмы большой опасности не представляли, так как по узкой тропинке

могли двигаться одновременно не более двух человек в ряд, и защитники всегда имели возможность сбросить их вниз. Сами же площади двугранного угла или боковые стороны мыска были более отвесны и составляли с поверхностью земли более тупой угол — около 50° — и тем затрудняли восхождение. Эти площади двугранного угла, как и ребро его, служащее подъёмом, в большинстве случаев были устроены геометрически правильно. Ввиду того, что угол, образуемый подъёмом с поверхностью земли, меньше угла падения многих сыпучих тел (песка, супеси), сам подъём почти всюду хорошо сохранился, боковые же площади, которые, как сказано, имеют сравнительно более тупой угол, частью изъедены обвалами, но тем не менее почти всюду позволяют видеть прежнее устройство городка. Там же, где мысок не был укреплён подобным образом и где стены его остались отвесными, как были прежде, — этот тип встречается почти только на Севере — там ежегодные обвалы до того изменили фигуру мыска, что сделали городок неузнаваемым.

Местами встречаются подъёмы и более простого устройства. Основанием им служит какой-нибудь небольшой смежный овраг, который ради этой цели выравнивали и делали слегка покатым. Такие подъёмы встречаются у городков Чуваш, Касим-Тура²⁵ и др.

В огромном большинстве случаев мысок укрепляли ещё искусственно. Со стороны суши его перекапывали рвами и из выброшенной земли устраивали валы (урам). Чаще всего городок имел один ров и один вал, иногда же два concentрических ряда валов. У татарских городков мы встречаем кое-где и три ряда их.

Там, где поблизости не было мыска, выбирали просто место на берегу реки или озера, по возможности возвышенное, и окапывали его кругом рвом и укрепляли валом или несколькими рядами их. Но в данном случае работы было больше, так как приходилось делать земляные работы на большом протяжении. В тех же местах, где берег реки не возвышался более или менее значительно над уровнем воды, приходилось делать почти круговые окопы, так как сам берег не представлял в данном случае достаточной защиты. Таковы, например, го-

родки, расположенные около Эбыт-ега, притока реки Конды, Рут'-вош (Русский город), Ја М-вош* и др.

Размеры городков, их валов и рвов значительно больше на юге округа, чем далее к северу. Именно здесь встречаются городки с верхней площадью (внутри валов) в 500–700 квадратных сажен, как, например, Сибирь, или Искер, Чуваш (Махмет-кула), Касим-тура и др.** На севере же, в области остяков, городки более миниатюрные и чаще всего имеют 70–140 квадратных сажен в соответствующей площади и редко более 180 квадратных сажен.

Валы и рвы тех и других городков находятся в соответствии с их размерами. У татарских городков ширина рвов наверху $1\frac{1}{2}$ —2 сажени и глубина $1\frac{1}{2}$ аршина, до $1V_2$ сажени до вершины валов. У остяцких — ширина от 2 аршин до $1\frac{1}{2}$ сажени при глубине от 1 аршина до 1 сажени. В разрезе более сохранившиеся рвы имеют всюду фигуру треугольника, иначе их стороны образуют двухгранный угол. Валы обыкновенно мало выражены и образованы из земли, вынутой из рвов. Они расположены и перед рвом, и с внешней стороны его, но более значительны первые. Ширина их колеблется между 1 и 3 саженьями. Последний случай имеет место, если вал находится между двумя рвами. Высота валов над уровнем площади городка в настоящее время обыкновенно не превышает у татар одного аршина, у остяков — $V_2 - \frac{3}{4}$ аршина.

На валах строили ещё в большинстве случаев деревянный частокол (с!ттай-вош), снабжённый воротами (вош-хотой). Помещался он, по всему вероятно, внутри земляных укреплений. Около городков, как и около селений, были устроены жердяные пристани (нырын каттын) и подмости для причаливания лодок (нарпан-вош).

Некоторые из этих городков воспеваются в былинах и описываются в сказаниях и получают, так сказать, истори-

* В двух верстах от 3. Пуштинских юрт (М.-Кондинск. вол.).

** Возможно, что некоторые из этих южных городков остяцкого происхождения и что они только потом были заняты и увеличены татарами; например, о существовании городка Сибири в XV столетии сообщает Карамзин, название другого городка Чуваш тоже выдаёт его остяцкое происхождение (ваш — город). Предположение же историков, что этот городок обязан своим именем поселению Чуваш, не имеет оснований.

ческое значение. В пределах Тобольского округа из таких городков назовём Т'апар-вош (Вож-охта) около Цингалинских юрт и Карыпоспат-урдат-вош, что значит «богатырский город у Стерляжьей протоки», так как он расположен около южного берега нижней Конды над самой Стерляжьей протокой. В Березовском округе можно назвать Емдер-вош, около Ендерской протоки, и Нанк-хуш-вош²⁶ и Сонхуш-вош где-то на нижней Оби. От немногих других городков сохранились кое-какие предания (Хут-вош* и Тунпох-вош** по Иртышу), от других только названия (ЈаМ-вош, Рут'-вош, Ел1й-авыт-вош по Конде, Охајап-вош*** по Иртышу и т.д.). От большей же части не осталось в памяти народной никаких воспоминаний, но они просто называются городками (вош) или городищами (вош-паи).

Если эти городки и оказывали большую услугу защите в нём живущих, особенно при внезапном появлении врагов, то нередко при ожидании набега более сильных неприятелей жители городка покидали его и искали убежище в укреплениях более надёжных. Такими укреплениями были «медные города» (пытыр-вах-вош) былин, которые представляли из себя небольшие крепости, окружённые со всех сторон высокими палисадами и крытые сверху медными листами. Когда в военное время их запирали, то в них оставались всего два отверстия: одно вверху — для света и другое — сбоку, только достаточное, чтобы войти богатырю в кольчуге. В одной из имеющихся у меня былин описывается подобный город, находившийся в бассейне средней Конды, на реке Евре, в местности, которая теперь составляет часть Туринского округа. О подобных же городках упоминается и в самоедских сказаниях, образцы которых приводит Кастрен. Конечно, сомнительно, чтобы в стране, где не добывается медь, первобытный народ, как остяки, был в состоянии выстроить из неё крышу над целым городом. Но как мы себе не будем объяснять устройство столь оригинальных сооружений, весьма вероятно, что иные из городков были сравнительно гораздо лучше укреплены искусст-

* Около прежних Колпуховских юрт (Нар. вол.).

** На Каменном мысу около с. Самарова.

*** 5 вер. (по зимн. пути) вверх от Надзинск. юрт против дер. Н. Филатовой.

вом или природой, так что брать их было не под силу даже могучим богатырям. Что такие городки действительно существовали, свидетельствует история. Даже и такой опытный воин, как Брязга, в продолжение трех дней не мог взять остяцкого городка, который находился вблизи нынешнего села Демьянского (Демьянской волости), и только благодаря случайности ему удалось овладеть им. И, с другой стороны, остяцкие былины всюду так верно и точно сообщают топографические сведения, что можно не без основания предположить существование подобного крепкого города и на реке Евре, где мне, однако, не удалось побывать.

В каждом маленьком княжестве первоначально имелся всего один городок, более укрепленных мест не было. Но впоследствии через соединение под одной властью двух княжеств*, или при посредстве дробления одного владения на два без окончательного разделения их на две части произошли княжества с двумя и более городками.

Если обширные городки татар, хорошо укрепленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убежищем для довольно значительного числа людей, то небольшие и слабо защищенные укрепления остяков могли вместить всего небольшое число жилищ. Легко себе представить, что в них жили только князь, его родные, слуги и небольшая часть жителей, и только при большой опасности в них укрывали и народ**. Главная же часть населения, судя по всему, группировалась около городков в виде селений (пугот, вог. — паул'), состоявших из большего или меньшего числа жилищ и расположенных часто у подножия таких террас, на которых находились городки. Это видно как из исторических свидетельств, так и из местных преданий. Так, атаман Богдан Брязга во время своего похода вниз по Иртышу, час-

* Напр., историки сообщают, что к Туртасской волости принадлежала и Уватская.

** Слишком односторонне смотрит на городки историк Миллер («Ист. Сиб.». С. 129). Посетив городок у Самарова (Туй-пох-вош), который отличается своей неприступностью, но весьма малыми размерами, он делает отсюда вывод, что городки служили убежищем только для жён и детей во время нашествия врагов и что народ в них не укрывался, но ожидал неприятеля в поле или в своих жилищах. Этот общий вывод на основании одного городка довольно произволен и расходится с данными, сообщаемыми остяцким героическим эпосом и историей.

то встречал селения остяков вблизи городков, например, Цингалинские юрты, расположенные в двух верстах ниже городка, у самой реки. Подобное же сообщает и народное предание о Колпуховском городе (Хут-вош) и селении. Это же подтверждается и былинами. В них говорится, что при предстоявших народных собраниях глашатай обходил каждый дом и созывал хозяев, что не могло бы иметь место, если б они жили рассеянно и на большом пространстве.

Возможно, что небольшая часть жителей обитала вдали по речкам и озерам. Ввиду своей удалённости от центра они, вероятно, принимали менее участия как в общественных делах, так и во всех предприятиях князей.

Весьма вероятно, что в основу деления страны на отдельные независимые княжества легло родовое начало. Конечно, наличные данные не позволяют утверждать, что все лица такого княжества были членами одного рода, хотя в этом нет ничего невероятного. Во всяком случае скорее можно предположить, что такой союз состоял из немногих родов, чем из большого числа их. Это отчасти явствует из остатков прежних форм землевладения в Тобольском округе, где селения, расположенные в глухих местах и сохранившиеся до известной степени от внешних влияний, и теперь состоят из одного или двух родов и представляют нам пример владения земли на родовых началах. Такая форма землевладения встречается ещё поныне у кондинских вогулов. У них каждая дача составляет принадлежность особого рода. Его представители являются единственными законными владельцами дачи независимо от того, живут ли они в одном селении или в двух, и наоборот, живут ли два рода в одном селении. Подобная же форма землевладения была в прежнее время и у остяков, но теперь сохранилась лишь в немногих местах. Так, например, село Болчарово на Конде собственно состоит из двух селений: из юрт Болчарских и Магатских, причём каждое из этих селений состоит из представителей особых родов и владеет разными дачами.

Но и тут это родовое устройство мало-помалу разрушается. Наряду с вымиранием членов обоих родов в их среду стали проникать разные посторонние лица: русские и остяки, частью по усыновлению, частью по приёмным приговорам. На Иртыше уже нигде нет остяцких селений с представителями одного

или двух родов, а, напротив, вследствие вышеуказанной и других причин их число всюду велико и только кое-где отдельным родам удалось удержать свои старые родовые земли от захвата со стороны своих односельцев, например, в Цингалинских юртах. В этом селении, кроме общей дачи, которой пользуются все на общинных началах, отдельные роды имеют ещё свои особые «вотчины», перешедшие к ним частью непосредственно от предков, частью путём купли или завещания от лиц, владевших этими землями; из них некоторые принадлежали даже к смежным юртам М.-Кондинской волости. Документов на эти земли почти ни у кого не имеется и никогда не было. Вследствие бездетности значительной части жителей этого вымирающего селения упомянутые вотчины постоянно переходят из рук в руки. Большая часть населения этих юрт всеми мерами добивается обратить их в общественные. Сомнительно, однако, чтобы им удалось этого достигнуть, ибо Управление гос. им. смотрит на эти земли, как на выморочные и подлежащие перейти в казённое ведомство. Когда последнее совершится, тогда в этих юртах и почти всюду по Иртышу прекратится у инородцев владение на родовых началах.

Родовые владения, о которых идёт речь, следующие:

1) Речка Чагрова с прилегающими землями (около Ягодной протоки) принадлежит семи семьям родов Чагровых и Подлиных.

2) Река Чилимка, приток Конды с правой стороны, с прилегающими угодьями составляет принадлежность двух семей и одной женщины из третьей — рода Дусматовых.

3) Речка Вачкиева с прибрежными угодьями (в верховьях Калмадаевского сора). Владельцами её являются три семьи родов Каскиных (2) и Мамкаевых (1).

4) Озеро и речка Калмадаевы, впадающие в реку Чилимку, составляют владение двух семей рода Кушлиных, из коих пользуется ими только одна, так как другая перешла на жительство в Айдарские юрты (по Салыму).

Скажем к слову, что подобное смешанное землевладение, представляющее сочетание общинного с родовым, в настоящее время довольно распространено у русских крестьян волостей, расположенных по нижнему течению Иртыша и по смежной части Оби (Уватской, Юровской, Демьянской, Деншиковской, Самаровской). Здесь родовое владение

ние, очевидно, произошло несколько иным путём, именно исключительно при помощи купли и приёма в заклад отдельными семьями участков земли от коренных жителей данных мест — остяков. Этими так называемыми «вотчинами» пользуются лишь представители того рода, к которому они принадлежат. Документы, свидетельствующие о совершении сделки, имеются почти у всех владельцев; им как пришлому населению необходимо иметь возможность доказать свои права на землю.

В остальных селениях, как почти всюду в Тобольском округе, установилось, благодаря влиянию русских, земле-владение на общинных началах, т.е. земля сделалась принадлежностью всего селения, из скольких бы родов оно ни состояло.

Вышеуказанная прежняя форма землевладения и наводит нас на мысль, что дробление страны на небольшие самостоятельные единицы находилось в связи с делением остяцкого народа, или, вернее, каждого его племени на роды. Прежде, когда вся страна находилась во власти остяков, не было столько причин, мешавших развитию патриархального быта. Весьма вероятно, что роды были крупнее и число их в каждом владении невелико.

И действительно, мы и посейчас застаём нечто подобное у обдорских остяков. Кастрен сообщает*, что они «распадаются на множество мелких родов, из коих каждый образует сам по себе маленькое княжество или, вернее, большое семейство», и эти семейства или роды иногда считают сотни и даже тысячи душ в своей среде. То же замечается и у самоедов. Большая часть членов отдельных родов, конечно, не могут доказать своего родства между собой, но тем не менее смотрят друг на друга как на родственников, не вступают между собой в брачные союзы и оказывают друг другу материальную поддержку.

Из местных преданий мы узнаём, каким образом иногда дробились и разделялись роды и как иногда два рода соединялись в один союз. Например, в нынешних Чиликанских юртах (Тонх-хот)** прежде правил один храбрый князь, который много охотился и воевал и потреблял такую массу

* *A. Castren. Ethnol. Vorles. С. 106.*

** Меныне-Кондинской вол. Тоб. окр.

стрел, что за ним всегда возили целую подводу их. Наконец-ники для этих стрел ковал он сам, а перья должны были доставать его подданные. Известно, что для этой цели годятся только перья орла и филина, птиц немногочисленных, и поэтому добыть большое число их было делом нелёгким. Тяготясь этой повинностью, часть его подданных, воспользовавшись его отсутствием, покинули место Тонх-хот и поселились далее к западу у Зимнего сора, а потом перенесли свои жилища на Конду, где теперь известны под именем магатских остяков. Некоторое время после их переселения они владели землёй сообща с чиликанскими остяками, а потом разделили её на две части. Это случай дробления одного рода и принадлежащей ему земли на две части, причём мы видим, что обе половины распавшегося рода носят почему-то разные фамилии.

Через некоторое время после бегства части остяков оставшиеся приняли к себе часть другого рода. Произошло это таким образом. Однажды по реке Чиликанке плыли лодки с вооружёнными людьми, женщинами и детьми. Князь Тонх-хота сначала принял их за врагов и хотел встретить враждебно, но они ему закричали, что у них мирные намерения, что плывут из Эмдера²⁷ (Березовского округа) и ищут удобные места для поселения. Князь их принял и угостил, и так как им понравилось данное место, то они тут и поселились и вместе стали владеть землёй. Отсюда, по словам чиликанских остяков, у них и числится два рода и две фамилии: от коренных жителей происходят Лумкоткины, от пришельцев — род Галкиных. Для нас неважно, имело ли место всё это в действительности, хотя вероятно, что это предание не есть вымысел, но всё же оно показывает, что в отдалённые от нас эпохи родовые союзы принимали в свою среду посторонние элементы и, с другой стороны, некоторые члены его сами селились у других. Этим путём увеличивалось число родов в каждом владении.

Отдельные княжества были весьма разной величины. Весьма вероятно, что в большинстве случаев они совпадали с остяцкими «волостями» (ныне m!p) времён татарского владычества; так, историки, повествуя о наступательном движении русских в страну остяков, говорят, что Брызга покорил Курбинскую²⁸ (тат.), Туртасскую (ост.), Цингалинскую

(ост.) и другие «волости»*, что можно понять только в этом смысле.

При завоевании Тобольского округа русскими по Иртышу были расположены следующие остяцкие волости, начиная с юга: Туртасская (с Уватской), Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и ещё одна или несколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби, т.е. в самой северной части округа, которая теперь составляет Темлячевскую волость. Может быть, в вышеприведённом перечне и пропущена одна или другая мелкая волость, которая при завоевании края русскими слилась со смежной; так, например, на протяжении около 240 вёрст от реки Демьянки почти до устья Иртыша мы насчитали всего три волости.

Туртасская и Уватская волости названы у историков «татарскими», но вернее предположить, что население их состоит из отатарившихся остяков, что показывает как их тип, так и язык, который они отчасти сохранили и который представляет некоторые отличия от более северных наречий. И поныне главный язык их татарский, который, вероятно, и ввёл в заблуждение летописцев и историков. Аналогическое явление мы встречаем и в Кондинском крае.

В настоящее время почти ни одна из этих волостей не сохранилась до нас в неизменном виде; напротив, более мелкие из них были соединены по 2—3—4 вместе, именно: Туртасская с Уватской и Назымская в одну — Назымскую, Цингалинская, Нарымская и Тарханская в одну — Нарымскую, так что теперешние «волости» по большей части заключают в себе несколько прежних, что главным образом находится в связи с вымиранием жителей. Но эти прежние волости, однако, не пропали бесследно и в настоящее время, а во многих случаях составляют сельские общества, на которые бывают разбиты некоторые из теперь существующих волостей. Туртасское сельское общество представляет для нас ещё тот интерес, что все три селения, из коих оно

* Фишер таким образом характеризует прежнюю волость: «волость — на татарском и монгольском языках «улус» — значит в Сибири некоторое пространство земли, над которым поставлен князец или судья; так, например, татары и остяки у Иртыша живут в волостях...» (История Сибири П. С. 141, прим.).

состоит*, ещё посеёйчас владеют своими угодьями сообща, как было прежде при существовании Туртасской волости. И эти угодья состоят из необъятных лесистых пространств, расположенных в бассейне реки Туртаса**.

Одним из самых крупных владений в Тобольском округе было известное, по весьма многим сказаниям, княжество с городом Тапар-вош во главе. Оно, согласно преданию, выставляло в поход 300 мужей, что может соответствовать общему населению не менее чем в 1000-1200 душ обоего пола. Хотя это число и невелико для самостоятельного владения, однако нам кажется, что оно несколько преувеличено, так как вся Нарымская волость, южную часть которой составляло это княжество — Цингалинская волость Миллера, имела в 1816 году, т.е. в 7 ревизию, всего около 460 душ обоего пола. Конечно, судя по сильному вымиранию её жителей, что доказывается точными цифрами ревизий в разные года, оно и было прежде гораздо значительнее. В другом сказании упоминается о небольшом владении где-то на Оби, хотя и без точного обозначения места, где числилось всего 50 воинов, что соответствует, приблизительно, населению в 200 душ, группы жителей и теперь составляющей остяцкую волость средней величины.

Судя по всему, среднее число жителей мелких княжеств описываемой местности было от 60 до 400 душ обоего пола***. С этими выводами отчасти согласуются и соображения, основанные на данных исторических****.

Границами всех владений остяков и вогулов и в весьма многих случаях русских и татар служат разные естествен-

* Юрты Туртасские, Уватские и Алымские составляли большую Туртасскую волость. В 1858 г. в ней числилось 52 м. и 54 ж., а в 1886 году — 44 м. и 36 ж. Прежняя Назымская волость, существовавшая ещё при завоевании Сибири русскими, имела до соединения её с Туртасской 5 селений. В 1858 г. в них числилось 108 м. и 118 ж., а в 1886 г., вследствие вымирания жителей, — всего 70 м. и 69 ж. Теперь эта волость составляет Назымское сельское общество Назымской волости.

** В 1888 г. почти всё это огромное лесисто-болотистое пространство перешло в ведение казны.

*** Миллер упоминает, впрочем, и о таких мелких волостях, которые состояли из 3—10 годных мужских душ.

**** По берегам Иртыша и Оби городки были расположены на расстоянии 20-60 вер. друг от друга, как это видно из «Книги Большого Чертежа», которая относится к концу XVI или к началу XVII ст. Следующий отрывок из этого памятника покажет нам распределение город-

ные урочища: озёра, речки, лес и т.д., что, без сомнения, бывало и прежде. Эти межи, вероятно, до известной степени соблюдались и в старину. В сказаниях и былинах мы нигде не встречаем войн из-за захвата земель. Впрочем, страна тогда ещё была так богата дичью и рыбой, а население столь редко, что в подобных захватах особой надобности не представлялось.

Основываясь на этих данных, можно предположить, что и в период, описываемый былинами и сказаниями, южные остяки уже жили оседло. Однако тем не менее они и поныне на официальном языке именуется «кочевыми» инородцами на том основании, что некоторые из них имеют, кроме зимних помещений, ещё летние юрты в урочищах, где они промышляют летом. Это название и потому не выдерживает критики, что подобное явление мы замечаем и у русских Тобольского округа. У некоторых из них тоже имеются пашенные и рыболовные избушки вдали от селений, а между тем их никто не называет «кочевыми». В действительности же южные остяки, насколько у нас хватает известий, постоянно жили оседло, что уже доказывается присутствием у них городков, и только на время промысла расходились по речкам и лесам. В этом отношении они представляют большое различие с самыми северными своими сородичами, которые действительно, подобно самоедам, ведут бродячую жизнь.

ков в той части Оби, которая орошает северную часть Тобольского округа.

«...А выше Иртыша на Оби град Ярдым.

А выше Ярдыма от устья Иртыша 30 вер. гор. Мазым.

А выше 30 вер. град Лирик. А выше Лирика 20 вер. — град Лунгулей.

А выше Лунгулея 25 вер. — Салынра град. А выше 60 вер. Салым (Салын) град!..».

Столь тесное размещение городков не должно, однако, считать за признак густоты населения ввиду того, что в этой местности оно прежде, как и ныне, было сгруппировано исключительно по берегам рек.

Глава III

Внешний вид и образ жизни прежних остяков

Внешний вид прежних остяков. — Признаки красоты и силы. — Мужская одежда. — Вооружение: кольчуги, мечи, луки и т.п. — Жилища: землянки и их устройство. — Общественные здания.

Причёска остяков в старину была довольно оригинальная и отчасти сходная с причёской древних мадьяр. Они стригли или брили волосы спереди, а сзади заплетали их в косы, вероятно, в две*, как оно ещё поныне водится в северной части Березовского округа. Отсюда происходят эпитеты воинов и сватов угот-еудем — «со стриженной головой», и вен§'ет-еудем — «со стриженным лбом», и прозвище богатыря севей урт — «косатый богатырь». Бороду они также носили, хотя она у них, как вообще у угорского племени, и не отличается роскошным ростом.

Своей красотой князья значительно превосходили своих подданных. Про одного красавца богатыря (Куи мурахта сёвей урт, ку! мурахта вегей урт**) в былинах рассказывается, что он ночью озарял комнату наподобие утренней зари. Характерным признаком красоты у остяков считалась белизна и прозрачность тела. О красивых людях в сказаниях и сказках говорится, что у них «сквозь кости виден мозг и сквозь мозг видны кости». Но эта прозрачность тела считалась в то же время признаком нежности сложения и физической слабости. Напротив, отличием силы была плотность и непрозрачность организма. Поэтому вещему богатырю было достаточно посмотреть сквозь своего противника на солнце, чтобы узнать, с кем ему приходится иметь дело. Этим путём эмдерские богатыри раз-

* Мадьяры брили головы и носили 3 косички (К. Грот. Моравия и мадьяры. С. 318).

** Русский перевод этого прозвища будет: «Подобный болотной морошке косатый богатырь, подобный болотной морошке сильный богатырь».

личили в толпе врагов своего главного противника, князя Евра: его тело состояло «как бы из сплошной массы серебра и золота»²⁹, настолько оно было непрозрачно; у других же были видны насквозь все их внутренности. У одного богатыря, таким образом, красота преобладала над силой, у другого — наоборот. Но если признаки красоты и силы до известной степени и расходились, то всё же это не мешало богатырям-силачам иметь свою особую мужественную красоту.

Относительно простой одежды остяков в былинах и старинных сказаниях нет прямых указаний, но есть косвенные; именно в одной из них говорится, что у одного князя имелось два божка, одетых в малицы (кёлеп-тонх). Мы же знаем, что весьма часто инородцы снабжают своих идолов такими же предметами, которыми пользуются сами. Ввиду этого можно предположить, что прежние остяки носили малицы (кёле), а может быть, и гуси и парки, весьма распространённую в северной части Березовского округа одежду³⁰. С этим согласны и многие местные предания. Они говорят, что, отправляясь по каким-нибудь надобностям во вражеский стан, князья имели обыкновение надевать кольчуги под малицы, чтобы не быть узванными среди простого народа. Малицы, гуси и парки делались из оленьих шкур.

Ввиду того, что о сапогах (н'хр), шапках и рукавицах (пбс; двойств, ч. пбсенен) нередко упоминается в былинах и сказаниях, возможно, что их иногда, именно летом, носили особо, а не всегда они были пришиты к зимней меховой одежде. Материалом для них служили звериные шкуры, главным образом оленьи, а также шкурки птиц; в одном сказании мы встречаем рукавицы, сделанные из шкурки филина.

Гр. Новицкий*³¹ рассказывает, что главная одежда остяков его времени, т.е. начала XVIII века, состояла из выделанной кожи рыб, главным образом налима, осетра и стерляди, и что из этого же материала они готовили себе и сапоги. Кроме того, они употребляли для этой цели и шкурки лебедей, гусей и других птиц. Весьма возможно, что подобная одежда действительно носилась остяками в прежнее время, хотя об этом в народной памяти и сохранилось весьма

* Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остячком. СПб., 1844.

немногое. В сказаниях и сказках только изредка встречаются на это намёки; так, в одной вогульской сказке, которую мне удалось записать, выступает один царевич, часто менявший свою одежду; однажды он щеголял в сшитой из рыбьей кожи. Кроме того, в былинах нередко упоминаются «искусно содранные «шкурки болотной сороки» (jiMec хорем н'урем сау сох), «шкурки весенней чайки» (тау хален сох) и т.д., которые, вероятно, тоже шли на одежду.

Богатыри, по словам былин, носили ещё дорогие одежды из сукна (ну!), из тонкого шёлка (бермак) и из пушистого бархата (пунын бархат). Последний, очевидно, принадлежит к области народной фантазии и составляет анахронизм. Обыкновенно же в былинах обувь и одежда богатырей называется ваган н'!р, ваган сах*, что значит «дорогая обувь», «дорогая одежда», а также «обувь и одежда, украшенные металлическими поделками». Эти же выражения употребляются и для обозначения обуви и одежды знатных остяцких женщин. Вообще у северных народов заметна лишь небольшая разница в costume обоих полов. На голове богатыри летом носили шапки (м!л', кы и ыт). Пояса (ёндып), на которых носили ножи, были, вероятно, ременные.

Принадлежностью их костюма был ещё шёлковый платок (jerMaK охчам), всегда носимый при себе. Им завязывали глаза в случае большой опасности, особенно когда приходилось бороться с лешими и с самоедами-колдунами. Поступали они так, конечно, не из страха, незнаемого богатырями, а из опасения, чтобы их не сглазил союзник их неуязвимого противника — злой дух**.

Вооружение остяцких князей состояло из кольчуги (татар, тахр, тёт; вог.: зунтыптаул'), меча³² (аттакёг'е, нар), лука (jбгот) и стрел (н'от). Иногда присоединялись топор (Тајем) и дубинка из лиственного или елового дерева (ныр нанк, ныр хут).

Кольчуга и меч составляли непременно принадлежность каждого остяцкого князя как на войне, так и дома, раз предвиделась какая-нибудь опасность. Называлось та-

* Также ваган кырн'а.

** И теперь у южных остяков считается рискованным для женщин и вообще для непосвящённых смотреть на шайтана, что-де легко влечёт за собой слепоту.

кое княжеское вооружение сложным словом «ТахрКег'е», в переводе: «кольчуга-нож (меч)». Простые же люди не имели кольчуг, да и мечи, вероятно, были доступны немногим из них.

Кольчуга представляла из себя рубашку, сделанную из металлических колец, и имела форму остяцкого гуся, т.е. была снабжена и рукавами, и шлемом; впрочем, были кольчуги и без верха. Откуда явились кольчуги — неизвестно, но предания о них и поныне живут в памяти инородцев Северо-Западной Сибири. Рассказывают, что кое-когда находили в земле куски старых кольчуг и даже целые, принадлежавшие прежним богатырям, о том же сообщают и многие писатели*, но в бытность мою на севере Западной Сибири мне не удалось видеть подобные остатки.

Кольчуга пользовалась у прежних остяков огромным почётом и имела много названий, ибо делала богатырей почти неуязвимыми. Её называли «внушающим страх одеянием из полотна многих земель» (ар мыг тагат петмай тет), «одеждой, спасающей душу» (ТІТ бттетай тёт) и т.д., не говоря уже о более простых эпитетах, как, например, «звнящая кольчуга из блестящих колец» (н'Ілек ту! ковлан тет**). По всему вероятно, они были сделаны из бронзы, может быть, и из железа. Самые зажиточные богатыри имели, по словам былин, драгоценные золотые кольчуги (сорн!н, ал'майде тёт). Были ещё кольчуги с украшениями, например, с многочисленными торчащими рожками³³ (бнет сот нёгеп тёт)*** и т.д. Носили их в военное время обыкновенно под дорогими одеждами и под меховой и, подобно гусю, надевали через голову.

* «...Обаче знаменія воинских дел: шабель, панцеров множество обретаются, но вся сия ветхая, а наипаче при кумирах, а отгуду является, что древних лет народ сей упражняшеса воинскими делы». (*Гр. Новицкий*. Крат. опис. о народе остяк. С. 44).

** Также: ар-мыг-хой ТІТ бттетай сёу тарым-пбт'пе тёт — «божественное, душу спасающее одеяние с прочным краем». Слова: «Ар-мыг-хой» составляют эпитет сына Турома (Пайрахта) и означают: «муж многоземельный», т.е. много странствовавший. В каком смысле здесь употреблено слово «сёу», означающее вообще «посох», «коса», — мне неизвестно.

*** Отсюда названия богатырей: НЧлекту! ковлан тёт атта урт», «звнящую кольчугу из блестящих колец носящий богатырь»; «бнет сот нёгеп тёт атта урт» и др.

При прибытии русских кольчуг у остяков, по-видимому, не было, иначе историки сделали бы нам какие-либо указания по этому поводу. Относительно причин их исчезновения можно сделать следующее предположение. Северо-Западная Сибирь (за исключением Урала) не производит других металлов, кроме железа, и жители этого края, судя по всему, никогда не были искусными кузнецами. Почти нет сомнения, что остяцкие богатыри получали кольчуги извне, откуда именно — неизвестно: с запада, с юга или с востока. Известно только, что не с севера, где и тогда обитали дикие орды самоедов, стоявших на ещё более низкой степени развития, чем остяки. Возможно, что остяки получали кольчуги через посредство своих западных сородичей — вогулов и зырян — от камских болгар*, которые вели обширную торговлю с Востоком и ещё в XIII веке проживали на берегах Волги и Камы. Прекращение привоза этого товара в страну остяков могло зависеть от какого-нибудь сильного переворота в соседнем государстве, с которым они вели торговлю, было ли то нашествие другого племени или какое-нибудь другое обстоятельство**.

Что же касается до того, куда делись имевшиеся у прежних князей кольчуги, то весьма возможно, что они последовали за ними в могилу по обычаю остяков зарывать вместе с покойником его самые необходимые вещи. В самом деле кольчуги иногда находят в земле вместе с костями людей.

Таким образом, вряд ли возможно отсутствие кольчуги у остяков при нашествии русских объяснять тем, что она существовала только в народной фантазии. Кольчуги упоминаются в каждом сказании и былине остяков, вогуличей и самоедов. Описание кольчуг иногда столь живо, что эти народы действительно должны были быть знакомы с

* Кольчуги были известны болгарам, см. свидетельство арабского писателя X века Ибн-Даста (стр. 24). Пр. Хвольсон замечает: «Я полагаю, что такие кольчуги ввозились в Болгар с далёкого запада и оттуда в свою очередь шли на восток» (Известия о хазарах, буртасах, болгарях и т.д. Ибн-Даста/Перев. с объяс. Д.А. Хвольсона. С. 187-188).

** Там же сообщается о временном прекращении торговли приволжских стран с Востоком в XII столетии: «...во время нашествия татар прекратилась торговля, и из этих (т.е. приволжских) стран не привозили ни чёрных лисиц, ни белок, ни бобровых шкур и никаких других товаров, которые обыкновенно были привозимы из этих стран».

нею. Так, в одной былине описываются ощущения, испытываемые богатырём при надевании холодной кольчуги, и сравниваются с ощущением человека, опрокинувшего себе на голову три ковши холодной воды. Когда, надевши кольчугу, богатырь гордо ходит по землянке, то маленькие дети в испуге пятаются назад от леденящего холода* железа. Всё это весьма живо рисует нам настоящую кольчугу.

Из обоих названий меча — атта - Keg'e и нар — последнее слово более старое и употребляется исключительно в былинах и сказаниях, первое же и в разговорном языке. То же можно сказать и про названия кольчуги татар и тёт. Последнее встречается тоже лишь в эпических песнях и то обыкновенно в сложных словах.

Меч был сделан из железа и имел, вероятно, деревянную ручку и такие же или кожаные ножны (сбдып). Размеры его нам неизвестны. Богатыри им прекрасно владели и одним взмахом его разрубали человека на две части. Старые мечи и поныне сохранились кое-где в глухих местах Тобольской губернии, главным образом, в амбарчиках, посвящённых богам, где в исключительных случаях, по словам инородцев, попадают и кольчуги. Но удостоиться увидеть божество и его доспехи ввиду недоверия жителей весьма трудно.

В одном героическом рассказе описывается ещё одна чудесная сабля. Она не терпела, чтобы её обнажали, а раз это случалось, она, помимо воли владельца, рубила направо и налево и убивала всех находившихся вблизи, невзирая на то, были ли это свои или чужие, мужчины или женщины. Про эту саблю говорили, что она всегда «сочилась женской и мужской кровью» (ней вырат, хуй вырат оувот). Прозвание её было: Т'апар-Дтай-нар — «ручная сабля Тяпарского (князя)».

Находимые почти в каждом городке куски железной кузнечной окалины нам показывают, что и в те отдалённые времена остяки были отчасти знакомы с ковкой железа и выделкой металлических вещей, как, например, ножей и наконечников для стрел. Часть этих предметов, впрочем, ещё с XI века доставлялась в область Оби и Иртыша из

* Следует заметить, что дело происходило зимой и в жилище, не способном держать тепло.

Европейской России. Русский летописец и арабские писатели единогласно сообщают, что Югра (остяки и вогулы) выменивала у своих западных соседей (русских, болгар) меха на железные товары*. Что касается мечей остяцких богатырей, то они, без сомнения, чужеземного происхождения. Вряд ли можно предположить, что прежние остяки были в состоянии их выделывать. Вероятно, они тоже получали их с Запада. Это подтверждается и словами арабского писателя Абу-Хамид эль-Андалуси о том, что болгарские купцы покупали в исламских странах простые, необделанные клинки мечей и возили их в страну северного племени Юра, где на этот товар был хороший спрос**.

Искусство выделывать металлические вещи пало в Северо-Западной Сибири ещё до XVI столетия. Русские уже не застали остяцких кузнецов. Они, по словам одной местной легенды, ушли на Восток, в Китай. Мало того, теперь на 1000 вёрст от Иртыша и Конды, где находятся городки, неизвестны местонахождения железной руды¹⁰⁴.

Лук состоял, как и теперь, из двух половинок разных древесных пород, склеенных рыбьим клеем, перевязанных ниткой и обмотанных берестой. Нижняя половинка его делается из «кремлёвой» сосны, т.е. из той части боровой сосны, которая обращена к солнцу и поэтому отличается особенной твёрдостью и плотностью, верхняя половинка из березы. Тетива делается теперь из конопляной бечевы, обмотанной берестой; прежде, вероятно, приготавлилась из крапивной или из жил животных. В одном гимне описывается лук божества Пайрахт'а³⁵, тетива которого состояла

* Известия Ибн-Даста о хазарах и т.д./Пер. Хвольсона. С. 189: «Арабы знали, что болгары вели на самом Севере с Югрой немую торговлю, причём они меняли мех на острые железные товары. Об этом слышал частью и Нестор».

Эта торговля, вероятно, продолжалась и в более поздние периоды и до самого прихода русских в Сибирь. Желая держать инородцев в повиновении, последние в 1596 г. запретили купцам продавать им железное оружие, топоры и проч., что вызвало сильный ропот со стороны инородцев (вогуличей), которым было трудно обходиться без этих необходимых предметов. Сами же они в это время уже не умели отыскивать руду и выделывать из неё разные вещи. Запрещение через некоторое время было отменено. Только в 1628 году около реки Ницы, в Ирбитском округе, была устроена первая за Уралом плавильня.

** А. Хвольсон. Там же. С. 190.

из 10 пучков пряжи, из коих пять были крапивные и пять из золотистого шёлка (сорн'а јермак).

Стрелы состояли из деревянного черенка и костяного или железного наконечника. Для строгания черенков употребляли какой-то инструмент в ал'шам. Наконечники, без сомнения, выделялись у самих остяков. Смотри по назначению, стрелы были снабжены разными наконечниками: стрела с тупым костяным или деревянным концом в виде шишки — вблып н'от, тамар — употреблялась и поныне употребляется для охоты на белок. Стрелы с железным двувилым наконечником (леп) предназначались для крупных зверей: медведей, лосей, оленей. Для птиц и мелкого зверя употреблялись такие же, но более мелкие, железные и костяные стрелы, а также одноконечные (пус). Военная стрела имела трёхгранную форму и отличалась более крупными размерами. Называлась она «хахрай н'от пете урын н'от» — «стрела, гранённая наподобие граней клюва шелкуньи». Наконечник её был из кости и из железа.

Противоположный конец стрелы был снабжён перьями, которые сидели на черенке тремя продольными рядами. Для этой цели употреблялись исключительно перья от крыльев орлов и филинов, как совершенно прямые.

Кроме вышеозначенных обыкновенных луков, некоторые богатыри имели ещё более искусственные, сделанные из лосиных рогов, причём отдельные части их были скреплены винтами. Эти луки были весьма крупных размеров и могли складываться. Таков, например, был лук сатыжинского князька Китвор-бтер'а, который, по преданию ландинских вогуличей, весил 12 пудов и был столь туг, что семеро простых людей не в силах были его натянуть.

Лук был главным наступательным и оборонительным оружием остяков. Затем, как сказано, у них были ещё топоры, копыя и дубинки.

Топоры редко употреблялись в битвах. Они были скорее орудием для домашнего употребления: для заготовления дров, для постройки жилищ и т.д., но также применялись для разрушения вражеских палисадов и во время охоты на зверя. Изготавливались они из железа. У богатырей они были больших размеров, величиной с лопатку оленя (хор панхеда ёне Тајем), и носились за поясом.

По словам остяков, у них в прежнее время были ещё посохи-топоры (сеу-ТајеМ), т.е. небольшие топоры, насаженные на длинную палку. Употреблялись они в дороге, чтобы при случае приготовить дрова для костра, а также для защиты, но не на войне. Это как бы зачаток алебарды.

Копья (суй, онда) у прежних остяков, вероятно, редко употреблялись на войне, по крайней мере об этом нигде не упоминается, хотя, с другой стороны, довольно многочисленные находки их в пределах Тобольского округа, например, около деревни Топорки (Самоедская волость), и доказывают, что они были знакомы прежним обитателям края. Эти железные наконечники имели от трёх до пяти вершков длины и состояли из острия и конической трубки, при помощи которой их насаживали на заострённые колья. Некоторые из этих наконечников настолько невелики, что скорее напоминают концы дротиков, чем копий. Главное назначение копий (рогатин) было прежде, как и теперь, — служить оружием при охоте на медведя.

Употребление щитов было неизвестно прежним остякам.

Жилища. Главный тип жилищ прежних остяков были землянки. Они назывались просто «домом» (хот, хат). Теперь они вывелись в Тобольском округе и в южной части Березовского и кое-где сохранились в его северной части да в Сургутском округе. В пределах Тобольского округа такие землянки строятся только около некоторых водных бассейнов, где промышляют зимой. По сравнению с общеупотребительными в настоящее время на юге деревянными домами (хот, хат) землянки называются теперь мыг-хбт, т.е. «земляными домами».

Они представляли из себя четырёхугольную яму, куда иногда опускали небольшой деревянный сруб, и имели крышу (танет, тброш) из жердей, крытых дёрном из емлей*. Крыша была не сплошная, а имела сбоку или посередине довольно большое отверстие для выхода дыма и для света

* О подобном же устройстве жилищ сообщает и Миллер при описании городка около с. Самарова: «...Внутри видны следы двух изб по двум ямам, над которыми те избы до половины в земле и до половины сверх земли из досок были сделаны и землёю осыпаны, как то в старину у остяков в обыкновении было. Ныне таких юрт у них весьма мало осталось». (Ист. Сиб. С. 129).

(хот хбный вые). Подобные жилища в прежнее время окон не имели. На ночь это отверстие обыкновенно чем-нибудь закрывалось: клоком сена, пучком тростника или шкурой. С одной из сторон землянки был устроен вход, к которому вёл ряд ступенек или просто спуск. Вход был защищён небольшой досчатой дверью (хбт-он, хат-ау). Небольшая площадка перед дверью, огороженная с обеих сторон жердями для защиты входа от ветра, вероятно, и называлась тёбын — «сенями», о которых неоднократно упоминается в былинах. Трудно предположить, чтобы тебын изображал из себя особую пристройку перед входом, разве только у князей. Сени служили любимым местопребыванием охотничьих собак.

Около жилищ находились амбарчики (табас, кыма)* на высоких ножках, где хранилась домашняя провизия и разные вещи. Один из них обыкновенно предназначался для домашнего божества и его доспехов.

Внутри землянок простейшего устройства, каковы, например, вышеупомянутые рыболовные избушки, всё состоит из земли: пол (хат-хар), скамьи (ват'-хар) и очаг, или чувал (т'огол), который представляет из себя небольшую выемку в земляной стене, как раз против отверстия крыши, так называемого хот хбнын вые. Иногда место для разведения огня бывает посреди комнаты, и в этом случае отверстие для выхода дыма находится в её центре.

В более усовершенствованных землянках, какими были жилища князей, а может быть, отчасти и простых людей, скамьи, стены и пол были из дерева, причём последний имел даже эпитет «досчатый» (пусый-хат-хар). Чувал в подобных землянках, вероятно, тоже имел деревянный остов и был покрыт толстым слоем глины, как это и ныне водится на севере Сибири. Небольшой промежуток между чувалом и стеной дома, называемый т'оголлох, служил местом для хранения и сушки дров.

Весь дом обыкновенно состоял из одной комнаты, где и помещалась вся семья: взрослым девицам отводили особый угол, где они сидели за занавесом.

* Возможно, что первое слово заимствовано от русских («лабаз»), так как на северо-остяцком наречии оно произносится «тлабас». К тому же в былинах оно, по-видимому, не встречается и заменяется словом «кыма».

Часть дома и комнаты, обращённая к дороге или улице (хорт), называлась «лицевой» или «фасадом» (мут). По этой улице были кое-где вбиты столбы (анкет, вош-анкет) для привязывания оленей, иногда изукрашенные зарубками и изображением человеческого лица или животных.

Подобные столбы ещё отчасти поныне сохранились в некоторых юртах по Конде, причём между ними встречаются и довольно оригинальные, с изображением, например, птицы, сидящей на крыше. Эта птица, вероятно, не что иное, как почитаемый ими лебедь. Кроме своего прямого назначения, эти столбы имели ещё какое-то символическое значение, ибо к ним привязывали и теперь привязывают жертвенных животных, предназначенных для общественных жертвоприношений.

Кроме частных жилищ, во многих поселениях имелись ещё большие общественные здания для народных собраний (т'ат' танта ёне хот, мой танта ёне хот)*. Состояли они из жердей и были, вероятно, конической формы. Размеры их иногда были довольно значительны; так, в одной былине рассказывается о таком здании, состоявшем из 800 жердей (н1тсот-шурпе шурый хот). Иногда, впрочем, собрания происходили в обширных помещениях князей.

* Т.е. «большой дом для сбора воинов и сватов».

Глава IV

Внешний вид и образ жизни прежних остяков (Продолжение)

Занятия остяков: охота, рыболовство, оленеводство. — Знакомство их с рогатым скотом, овцами, лошадьми. — Собаки. — Пища остяков: продукты охоты, оленеводства и рыбной ловли. — Посуда. — Хлеб. — Питьё остяков.

Занятия прежних остяков тоже состояли исключительно в охоте, рыбной ловле и оленеводстве.

Охота производилась главным образом при помощи лука и стрел; добыча состояла в крупных животных, лесной и водной птице. Остякам была, вероятно, известна и значительная часть нынешних ловушек на пушного зверя и птицу. Так, в былинах встречаются «слопцы» (сёсе), «перевес» для уток (васа пит', катт) и др. Наше предположение находит подтверждение и в том, что большая часть этих ловушек, равно как и рыболовных снастей, имела до прихода русских и имеет в настоящее время свои туземные названия, чего бы, очевидно, не могло быть, если бы они были заимствованы извне.

Главные старания остяков, конечно, были направлены на то, чтобы добыть оленей и лосей, доставлявших им значительный запас пищи. Заметим, что прежде они встречались в больших количествах, чем теперь. Охота за лосем считалась занятием благородным и достойным князей, и даже их божества, как Тунк-пох и Палрахт'а, не гнушались испытать при этом свою ловкость. Способы её были те же, что и в настоящее время в здешних краях, почему мы и не станем их описывать.

Не менее важным средством для пропитания служило им рыболовство. Из способов его, которые им были знакомы, в былинах упоминается лов при помощи прутяных морд (пун), сетей из крапивной пряжи (ходып, сојен), жердяных запоров (вар). Вероятно, они знали и другие ловушки.

Остяки умели добывать рыбу не только в озёрах и речках, но и морскую рыбу в крупных реках — Иртыше и Оби, где лов требует большого искусства и более крупных снастей. Так, в былинах нередко упоминается осётр, «струна» которого употреблялась богатырями на «рыбий клей» (ај е м), например, для склеивания обеих половинок лука, для покрытия струн домры и т.д., а мясо и жир которого составляли их любимое лакомство. Упоминаются в них и нельма, налим и стерлядь, которые также являются обитателями названных двух потоков, не говоря уже об озёрной и речной рыбе, как чебак, окунь, ерш, щука, которая составляла и составляет обыденную пищу остяков всех времён и местностей.

Здесь место сказать несколько слов о лодках, без которых в этой северной стране немыслимо никакое сообщение в летнее время. Они одинаково необходимы для охоты и рыболовства, в мирное и военное время. Лодки (хоп, РІТ) тогда употреблялись исключительно долблёные, и поэтому толстые осины, а также другие деревья, годные для этой цели, назывались х о п - ј у х, р і Т - ј у х (ј у х — дерево). Крупные лодки для плавания по большим рекам назывались р б т (у вогулов — рут), термин, который ещё поныне сохранился по реке Салыму. Эпитетом остяцкой лодки было выражение ј і Н е Т - п у і н е н ' а г а т р о т — «грузная лодка с водяным задом», самоедской также и ј а г а р с е н - п у і п р о т — «лодка с раздвоенной кормой», так как лодки самоедов имели корму несколько другого устройства. Оно, по словам остяков, ещё и теперь сохранилось отчасти у этих обитателей Крайнего Севера. Лодки некоторых богатырей, предназначенные для войны, были изукрашены изображениями зверей и птиц (т е г е т - в б ј е х а Н g ' e n р о т).

Имелись также и «крытые» лодки (хорей РІТ), причём на крышу потреблялась береста, как это местами ведётся и теперь. Из местных преданий мы узнаём, что, кроме деревянных лодок, в данной местности были в ходу и берестяные. Их, например, употребляли самоеды во время своих походов в глубь остяцкой страны. Через волока их легко перетаскивали на себе. Некоторые делают ещё предположение, что у самоедов прежде были и лодки из кож*.

* Заметим к слову, что те и другие ещё и поныне в употреблении у обитателей севера Америки: первые — у индейцев Аляски и британских колоний, вторые — у эскимосов.

Большой интерес для нас представляет оленеводство. Оно теперь значительно слабее развито, чем прежде. Во времена, описываемые былинами, область оленеводства простиралась гораздо далее к югу, чем теперь. Ныне в нижней части Оби оленей держат не южнее Берёзова, а прежде они разводились не только по всей средней Оби, но и в нижнем течении Иртыша, почти до реки Демьянки, т. е. всего 250 вёрст к северу от Тобольска, а может быть, и южнее. Олени в то время были в описываемой местности единственными домашними животными. Они доставляли остякам мясо и сало для пищи и шкуры на одежду и служили в качестве перевозочных животных. Без них не обходилось ни одно жертвоприношение и ни один пир. Ни один зимний поход не мог состояться без них: благодаря их лёгкости, всюду, где лежал снег, для остяка была открыта дорога.

Для упряжи употреблялись, по-видимому, только олени быки (хор). Это соблюдается и теперь на Севере. Санки (бгот) были лёгкой постройки и прикреплялись к животным при помощи ремней. Более зажиточные князья покрывали себя при езде на санках пёстрым одеялом или ковром (l1n ланк, хаNg'eфi нар).

Безбедное существование остяков было связано с обладанием этим животным. Размеры оленеводства в те времена нам неизвестны, но, судя по всему, их держали в достаточном количестве, а у князей были даже значительные стада. Из них они обыкновенно отпускали животных для общественных жертвоприношений.

Рогатый скот лишь впоследствии сделался известен остякам, отчего и не имеет туземных названий, а именуется заимствованными из татарского: корова — сагар, бык — угее*. В моих былинах и героических сказаниях о нём, как и об овце (бш), совершенно не упоминается. Впрочем, эти животные, как более южные и требующие помещений и заготовки сена на зиму, не могли для беспечного остяка заменить оленей: последние доставляли им пищу и одежду и не требовали никакого ухода.

Лошадь (тау) была известна остякам, вероятно, раньше, чем коровы и овцы, и иногда упоминается в былинах.

* Есть ещё другие названия: МІС — корова, кар-міс — бык, которые сродны с алтайским муус (слов, турецк. — тат. нар. Л. Будагова).

Она, однако, по-видимому, не была домашним животным остяка уже по той причине, что в здешней болотистой местности, изрезанной речками и озёрами и на добрую половину покрытой лесом, летом не может производиться сообщение на конях, а зимой, ввиду глубины снегов и отсутствия дорог, только с трудом. К тому же они также требуют известного ухода. Впрочем, в одной былине рассказывается, что трое князей из города Кары-пбспат-урдат-вош отправились в поход на полуденную сторону и привезли оттуда по «славному крылоногому животному» (тбхтей-курпе јеМ вбје) и по красавице полуденной страны. Далее описывается, как они пустились на этих крылоногих животных настигать эмдерских богатырей, догнали их и изрубили. Здесь «крылоногие животные полуденной страны», без сомнения, кони.

В другой былине из области реки Демьянки встречается даже «крылатый конь» (понт!й тау), который поднимал всадника под облака. Однако эта последняя былина носит несколько иной характер, и поэтому кое-что в ней могло быть заимствовано у соседних кочевых племён.

Употреблялись кони в те времена, вероятно, главным образом для жертвоприношений. Обычай этот, судя по Гр. Новицкому, заимствован ими у соседних татар и поэтому соблюдался, вероятно, только в южных местностях; сохранился он между остяками и по настоящее время.

Другим домашним животным прежнего остяка, кроме оленя, была собака (амп, лона): её держали ради охоты и отчасти в качестве перевозочного животного. Судя по одному героическому рассказу, видно, что у самоедов собака служила и жертвенным животным, что мне подтвердили и некоторые старые остяки*. Например, голова самоеда Сое Турума, избегнув меча остяцкого богатыря, говорит последнему между прочим: «Что же касается меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда предназначенные мне чаши и туяси, пусть приведут в качестве кровавой жертвы хвостатых и шерстистых собак».

Пища остяков состояла из продуктов оленеводства, рыболовства и охоты. Мясо, по-видимому, не всегда употреблялось остяками в сыром виде в противоположность самоедам, за

* То же самое мы встречаем у племени чукчей «намолло».

это и получившим от остяков прозвище н'ара нога тёда хор јаранеТ — «сырое мясо едящие оленные самоеды»*. Его чаще варили в больших котлах (саран, пут). Последние, верно, были из меди. В былинах упоминаются котлы с железной ручкой (карт-нурпе нуры́й пут)** и большие котлы с семью ушками (табет пыдеп саран)***. Рыба же употреблялась в сыром, сушёном и варёном виде. Оленьё и лосиное сало и осетровый жир считались большим лакомством и подавались гостям. Помещалось то и другое в берестяных корзинах, лукошках, туесах, как и сухая рыба и жидкости. Эти берестяные корзины были разных фасонов и величин (куч, кучум, сонен, ха́нт, јінет, кіт'). Употреблялась также и глиняная посуда³⁶, которая в былинах именуется просто словом «ана» — «чашка, тарелка, блюдо»****. Ели почти всякую пищу руками, за исключением жидкой; для неё предназначались большие и малые деревянные ложки (ты́і, н' а л' а), которые выделялись при помощи инструмента к аир ас. Рыбий жир обыкновенно не ели ложками, а в него макали куски рыбы. В виде лакомства ели также и разного рода ягоды, изобильные в их стране: бруснику, чернику, морошку, черёмуху, ягоды шиповника и боярышника и т. п., их запасали также на зиму.

Слово «та́нт», часто употребляемое в остяцком эпосе, может нас ввести в заблуждение относительно знакомства остяков с продуктами земледелия, так как в настоящее время та́нт означает всякий хлеб в зерне, главным образом рожь, ват'-тант — ячмень. В этом же смысле употреблено оно в эпитете Иртыша: Тантын Танат ноува Ј!НК — «хлебородный Иртыш, белая (мутная) вода». Прежде же это слово, по-видимому, имело более широкое значение и применя-

* Интересно, что подобное же прозвище было дано обитателям крайнего севера Америки эскимосам их более южными соседями индейцами. Именно слово «эскимос» произошло из слов индейского племени алгокинов «эскимантсик», что значит «едящие сырое мясо».

** В 1888 году, в бытность мою в Самаровской вол., в д. Торопках, мне удалось извлечь из древней могилы средней величины котелок из красной листовой меди и с железной ручкой. Возможно, что он русского происхождения.

*** Слово «саран» значит также «зырянин», что наводит на мысль, что остяки получали котлы при посредстве этого народа.

**** В городках в изобилии находят черепки от глиняной посуды, изукрашенной разными узорами и рисунками.

лось для разного рода пищи, преимущественно для наиболее употребительной — рыбы. Выражения «сбрмый тант, тёбын тант»*, часто встречающиеся в былинах и сказаниях и означающие, вероятно, «сухое и мягкое жито», могут поэтому означать и сухую, и мягкую (свежую) рыбу, как и полагал один из инородцев, мой учитель остяцкого языка.

Следующие сложные слова: «вата-тант» — «олений мох» и «тада-тант» — «голод» тоже могут быть легко объяснены при этой гипотезе. Первое выражение состоит из слов «вата» — «олень» и «тант» — «пища». «Тада-тант» из «тада» — «пустой», «отсутствующий» и того же слова «тант».

Но с другой стороны есть и иные, более существенные указания на то, что остякам отчасти было знакомо жито — это постоянно упоминаемые в былинах «чаши и берестяные туесы с пенящимся отверстием» (н'аурын онып ана, н'аурын онып ЛНСТ), под которым и можно подразумевать только сосуды, наполненные остяцкой брагой. В настоящее время она готовится из ячменной или ржаной муки с примесью хмеля или растения *atragene* и носит название пусса. Возможно, что то же было и в прежнее время, если не предположим, что они имели другие суррогаты для её приготовления, например, берёзовый сок, который, однако, в настоящее время значения не имеет.

Если остяки были знакомы с хлебом, то можно допустить, что они получали его** от более южных племён, живших, например, около Тобольска, где действительно при раскопках*** находили в земле остатки земледельческих орудий и приборов, служивших для дробления зерна. Ввиду того, что эти предметы, по-видимому, татарского происхождения, возможно, что остяки получали хлеб от татар и что понятие о браге было внесено в былины уже впоследствии, когда земледелие при их владычестве сделало значительные успехи в

*Сбрмый — мёртвый, сухой; тёбын — может быть, есть синоним слова «тёбет» — «мягкий». Это слово мало понятно нынешним кондинским остякам, так как, вероятно, оно — архаизм.

** Возможно, что остяки впервые познакомились с хлебом от зырян, так как у них общее слово для выражения понятия «хлеб» «н'ан»; то же у остяков. Оно сродно с перс. «нан».

*** Здесь имеются в виду раскопки, производившиеся на месте бывшего города Искера (Сибири) любителем-археологом Знаменским.

Тобольской губернии. Именно из истории мы знаем, что и северные татары, жившие о бок с осяками, сеяли отчасти хлеб; так, атаман Брызга, предприняв в 1581 году поход в страну осяков, уже в Аремзянской волости, т. е. в 50 верстах к северу от Тобольска, застал хлебопашество³⁷.

Что же касается до нынешнего слова «пуща, пуса», то оно татарского происхождения и в былинах не употребляется. Применялась брага при жертвоприношениях и пила на следовавших за ними пирах. В других рассказах и преимущественно в сказках она именуется словом «сар-јінк». В сказках же встречается ещё другой напиток ма-г-Ј!Н К — «мёд», или вернее «медовая вода». Водились ли пчёлы в прежнее время в Тобольском округе — неизвестно, вероятно, нет, потому что иначе они водились бы и теперь. Скорее предположить, что осяки получали мёд от зырян, в стране которых водятся пчёлы и которые в прежнее время играли до известной степени роль цивилизаторов Северо-Западной Азии. Это предположение подтверждается и сходством названий слова «мёд» на обоих языках (по зыр.: ма).

Следует упомянуть ещё об одном напитке, который прежде был в ходу среди финского населения Тобольского округа и который отчасти и поныне ещё употребляется в глухих углах Северо-Западной Сибири — это навар из берёзового нароста: уш-Дн к. Он же имел значение и в народной медицине.

Слово «водка» (vina, пыгде-јі Н К), встречающееся в одной былине, есть не что иное, как резкий анахронизм, и дальнейшего разъяснения не требует. Она вошла во всеобщее употребление у осяков лишь в XVIII столетии, так как ещё Гр. Новицкий, писавший в начале прошлого столетия, сообщает, что вода есть единственное питьё осяков. Не упоминает он ничего и о браге, без которой в настоящее время не обходится ни одно жертвоприношение.

Роль водки в прежнее время, как отчасти и теперь, на глубоком Севере играл мухомор (панх), который, съеденный в достаточном количестве (от 7 до 21 и даже более штук), производит временное возбуждение и вызывает сильные галлюцинации. Едят мухоморы обыкновенно в сухом виде, запивая их водой или предварительно намазав их маслом или жиром.

Глава V

Князья — военное сословие

Начало княжеской власти принадлежит весьма отдалённому времени. — Богатство князей. — Отношения простых людей к князю. — Отношения князей между собой. — Совместное правление нескольких князей. — Дробление княжеств и слияние нескольких в одно. — Образ правления. — Народные собрания и пиры. — Князья — военная каста. — Воинские упражнения. — Ристалища. — Доказательства силы и отваги князей. — Плач князей. — Рог — символ радости. — Другие качества, характеризующие князя-богатыря: соблюдение клятвы, благородство в манерах, жестокость и великодушие к врагам. — Кровавая месть. — Умственное превосходство богатырей над простыми людьми. — Способность их принимать образ животных. — Общечеловеческие чувства.

Относительно происхождения князей мы ничего не можем сказать. Возможно, что они были выбраны главами рода, благодаря своим особым доблестям и силе. Случилось это, вероятно, в эпохи, предшествовавшие той, в которую слагались былины, так как в них мы во всяком владении застаём не только главу-князя, но и целую родовую аристократию из лиц княжеской фамилии. В описываемый период княжеское достоинство было наследственно и недоступно для простых людей.

Своим богатством остяцкие князья значительно превосходили своих подданных. Оно выражалось не только в более дорогих одеждах и доспехах, но и во всей их домашней обстановке. Их помещения были хотя того же типа, но несколько больше и лучше устроены: судя по былинам, пол у них был из деревянных половиц, соединённых между собой железными и жестяными скобками. Они имели особые помещения, где у них хранились разные ценные вещи (вагат удем, ташат удем тага)*: пушной товар, сукно, шёлк, металлы, оружие** и т.д.

* Буквально: «место, где находился металл и товар».

** Напр., историк Миллер (стр. 201) приводит следующий перечень иму-

Амбары (кыма, кама) их домашних богов были переполнены соболиными и другими дорогими мехами. Они обладали многочисленными стадами оленей. Наконец, они имели возможность содержать несколько жён, например, про богатыря Сонгхуша в былине говорится: «с семи концов света он взял в жёны семь девиц»*, что, несомненно, указывает на значительное довольство. Этот обычай и теперь ещё отчасти сохранился на языческом севере Тобольской губернии, где более зажиточные остяки и самоеды имеют по две и три жены. Но всё же разница в образе жизни князя и простого народа у остяков не походила на различия между властителями и подданными более цивилизованных народов Востока.

Как и простой народ, князьки ходили на охоту и рыбную ловлю, хотя занимались этим более для своего удовольствия, чем по необходимости. Все они имели известное число слуг и служанок, вероятно, рабов, на обязанности которых лежали не только все домашние работы, но и снабжение их пищей и оберегание их стад оленей и т. д. Кроме того, о нуждах их заботился и простой народ, который их чуть не боготворил.

Почти одинаковым с ними почётом пользовалось всё княжеское сословие, невзирая на ступени родства. Также и отношения лиц княжеской семьи между собой не оставляли желать ничего лучшего и были основаны на патриархальных началах, или на подчинении младших старшим. Самые старшие в роду считались главами народа (ух), независимо от числа их. Поэтому мы нередко встречаем в остяцких городках двух и трёх князьков одновременно. Ввиду такой сравнительно равноправности лиц княжеского достоинства мы не находим в остяцком героическом эпосе каких-либо указаний на сильные столкновения сыновей князя между собой или с другими родственниками из-за власти; напротив, в одной былине мы встречаем в городе двух правящих князей-братьев, в другой тоже двух — дядю

шества, награбленного в 1594 г. русскими и остяками у князьца кондинских вогульцев: «2 венчика серебряных, 426 соболей, 13 чернобурых и бурых и красных лисиц, 61 бобёр, 1000 белки, завеса дорогинена, а опущенна камчишкою двоелишнею и т.д.».

* См. вып. III. С. 94.

и племянника. Во всех случаях, когда народ начинал говорить, он обращался со своей речью ко всем им, считая их, таким образом, равноправными главами, и не только к лицам мужского пола, но и к лицам женского пола. К последним, впрочем, только для формы, чтобы увеличить красоту стиля, что, как мы видели выше, отчасти достигается повторением однозвучных или близких по смыслу слов. Женщины же ни во внутренних, ни во внешних делах княжества активного участия не принимали.

Сами же князья часто уступают первенство старейшему из своей среды, называя его «главой города» (воч-ух), но только ввиду его возраста и предполагаемой большей опытности. Если же происходило какое-нибудь недоразумение между ними, то они действовали, как лица равноправные. Иногда случалось, что они делили всё владение и всех подданных на два особых маленьких, независимых друг от друга княжества. Таким образом, в одной из былин, где правили городом дядя и племянник, они, повздорив, решили разделить свой город на две части и привели это в исполнение. При этом они разделили поровну и людей.

Подобное дробление владения могло быть тем легче произведено, что в городках, где имелось двое и более князьков, каждый из них, по-видимому, управлял известной областью его и был начальником над известным числом воинов даже в том случае, если они жили в одном городке. Таким образом, в одном сказании при описании вербовки воинов говорится: «Младший муж встал, взял полено из-за чувала (очага), срезал на нём три грани и зарубил 150 мужей со своей области, и старший муж взял полено из-за чувала, срезал на нём три грани и зарубил 150 мужей со своей стороны»^{*38}. В дальнейшем изложении каждый из братьев является начальником над своим отрядом. Хотя только старший из них имеет звание «главнокомандующего войсками» (т'ат'-ух). Аналогичный пример мы встречаем в истории: в Демьянской волости при завоевании её русски-

* Здесь идёт речь о Цингалинской волости, расположенной по обоим берегам Иртыша, ввиду чего весьма вероятно, что каждый из князей управлял одним берегом. Это подтверждается и преданием, которое сохранилось у цингалинских остяков о 2 князьях — братьях Санхазе, которые жили на высотах обоих берегов Иртыша и, имея всего один топор, перекидывали его в случае надобности друг другу через реку.

ми считалось два городка и имелось двое князей: Нимнян и другой, которого историк называет христианским именем Роман.

Иногда, наоборот, один какой-нибудь князёк являлся главой двух и более городков, причём в последних в этом случае уже не было своих начальников. Возможно, что каждый из этих городков прежде составлял отдельную небольшую волость — в истории нередко упоминаются крошечные волости в 3–5–10 платёжных душ, или около 12–20–40 душ обоего пола — и что впоследствии некоторые из них соединились по 2–3 вместе ради самозащиты. Таким образом, кодский князёк Лугуй правил шестью городками*. Другой влиятельный князёк Самар господствовал над низовьями Иртыша и над смежной частью Оби. Ещё более, в отдельных случаях, усилилась власть князей при русском владычестве, когда некоторые из них, например, Алачев, были поставлены правителями над многими волостями, но зато весьма многие другие были при этом сравнены в простыми людьми.

Верховных властителей над более или менее крупными областями, под властью которых группировались бы вышеупомянутые мелкие князьки, в описываемый период в данном крае не существовало, не говоря уже о царях, понятии, по-видимому, чуждом осяткам того времени и вошедшем в их язык лишь впоследствии, при их столкновениях с татарами. Ввиду этого, слово «царь» — хон — есть не что иное, как видоизменение татарского слова «хан».

Итак, мы видим крайнюю децентрализацию власти у остяцкого народа, если его рассматривать как одно целое. Стремление к национальному единству никогда не проявлялось не только у всего остяцкого народа и у отдельных его племён, но, как мы видели, даже у составлявших племена родов.

Образ правления в мелких остяцких княжествах имел некоторое отдалённое сходство с монархическим деспотическим. Все дела, вероятно, решали сами князья; при наиболее важных делах они, однако, созывали народное собрание, на которое, хотя и собиралось всё население города и

* Куноват, Ильчма, Ляпин, Мункос, Иуиль и Берёзов (*Милл. Ibid.* С. 159).

селений, однако правом голоса, по-видимому, пользовались только старейшие в роде, к какому бы званию они ни принадлежали. С ними князья только и совещались.

Всякое народное собрание начиналось жертвоприношениями богам и общим пиром, на который созывался народ одним из рабов князя. Насытившись пищей, старики открывали собрание, обратившись с речью к князьям и прося их выяснить причину настоящего сборища и пира. Или так как такой причиной была почти исключительно задуманная война, то старики нередко прямо их спрашивали, в какую сторону будет направлен поход, и, узнав куда, рассуждали, сколько шансов имеет за себя данное предприятие и стоит ли его вообще начинать. Князья, выслушав советы стариков, всё-таки обыкновенно решали дело по-своему, ввиду чего собрания продолжались недолго и оканчивались вербовкой воинов для похода.

Для большей наглядности приведём образец такого совещания князей со стариками: «Княгини нашего города и князья нашего города! — начинают они. — На какой край земли сосредоточили вы ваше внимание, речи вашей начало, слова вашего начало, вы нам откройте, в какой край земли вы желаете направить воинов* со стриженными головами, сватов со стриженными головами?». Младший муж (князь) отвечал: «Мы снаряжаемся в город Кровавого богатыря, старика Нангхуша, ради младшей дочери Нангхуша, девицы». Многочисленные седоголовые старцы сказали: «В город Кровавого богатыря, старого Нангхуша, отправлялось много мужей. Как они опрокинули свои грузные лодки с водяной кормой, в которых сидели, на вилокватые сучья, подобные ногам журавлей, так они и поросли оленьим мохом высотой в пядь». Младший брат сказал: «Мы же, сыновья *Ja Be T Ta*-кётпе хуи и Тяпарской женщины, (всё-таки) отправимся в город Кровавого богатыря, старого Нангхуша. Если мы и опрокинем нашу глупокосидящую лодку с водяной кормой, в которой мы ехали, на виловатые колья, подобные журавлиным ногам, то как это приведётся, чтобы она поросла оленьим мохом высотой в четверть!». После этих слов богатыри считают поход уже решённым и приступают к вербовке воинов.

* Эпитет воинов и сватов сарын мне непонятен, почему и выпущен.

Прибавим здесь ещё, что народные собрания совершались в особых крупных общественных зданиях (см. выше), сооружённых для этой цели. Несмотря на свои сравнительно значительные размеры, они во время пиршеств наполнялись битком, или, как говорится в былинах, народ набивался в них в таких массах, «как окуни и плотва в морды».

Князья представляли из себя своего рода военную касту, на обязанности которой лежало охранять страну от внешних врагов. Они участвовали в войнах не только в качестве полководцев, но благодаря своим военным качествам, они, невзирая на свою сравнительную малочисленность, имели решающее значение в столкновениях с врагами. И в связи с этим всё воспитание их состояло в том, чтобы сделать из них закалённых бойцов. Предоставив домашние дела женщинам и слугам, они значительную часть своего времени посвящали физическим упражнениям, развивающим силу и ловкость. Их любимым занятием была охота, преимущественно за крупными зверями, лосем и оленем. При этом они упражняли силу своих ног бегом на лыжах и руку в натягивании тугого лука.

Если время не благоприятствовало охоте, они устраивали состязания и военные игры на особых чистых площадках около города, на так называемых *ја Н Т Т а - х а р , ја к т а - х а р*, что в переводе значит: «площадь для игр» и «площадь для пляски». В сказках народная фантазия рисует подобные ристалища богатых князей из меди и серебра. На эти игрища сходились, конечно, только князья-богатыри, простой же народ, которому не приличествовало вступать в поединки со знатью, только созерцал потехи своих князей. Иногда, кроме своих князей, в происходивших тут состязаниях принимали участие и соседние, даже чужеземные богатыри, пришедшие сюда ради приобретения жены или из простого желания померяться силой с тем или другим славным богатырём.

Эти игры состояли в стрельбе в цель, в прыганье через натянутые между двумя столбами ремни, в борьбе, в беге вперегонки на лыжах, в метании друг в друга каменных глыб при помощи ноги и в тому подобных упражнениях.

Отсутствие тяжёлого труда, обильная пища и физические упражнения сделали из князьков людей гораздо более

приспособленных к войне, чем были прочие остяки. Своим ростом и своей силой они их значительно превосходили. Когда богатырь шёл, земля дрожала; когда он ступал на половицы пола, они гнулись, подобно кружку из тонкого прута, и, прибавляет остяцкий бард, «не укрепи их хороший плотник во время постройки при помощи железных и жестяных скобок, не выдержали бы они». Попадая стрелой в толстые кедры, богатырь их пробивает насквозь, он перепрыгивает через ремни, натянутые на высоте нескольких сажен. Он без труда мог засунуть целое весло в твёрдую землю. Когда он гребёт, то одним взмахом весла проезжает три поворота реки и оставляет позади себя такие валы, что ими выбрасываются на поверхность воды все нельмы и осетры, находившиеся на дне.

Про лёгкость ног некоторых богатырей мы узнаём следующее: в одном сказании передаётся, что богатырь Салхан, желая показать врагам быстроту своего бега, привязал к своему поясу лопату на длинном ремне. Когда он пустился бежать на лыжах, то лопатка перестала волочиться по земле и приняла горизонтальное направление. По мере того как он ускорял свой бег, лопатка всё выше и выше поднималась на воздухе и под конец витала над ним в вертикальном положении — признак огромной быстроты, по остяцкой кинетике, недостижимой для простого смертного.

Богатырь, особенно отличившийся в каком-нибудь из этих воинских упражнений, нередко получал особое прозвище; оно, таким образом, увековечивало его подвиги, например, один эмдерский князь прозывался так: Ху с асы лтем тав-данчем јуТМап урт, что значит по-русски: «богатырь, разломавший долго сушёное конское бедро». Он отличился при следующем случае. Однажды богатыри на сходе заспорили между собой, может ли кто из них переломить на коленях долго сушёное конское бедро, и когда никто не был в состоянии этого исполнить, наш богатырь «со свирепыми руками и ногами» схватил конское бедро в свои сильные ладони и быстро раздробил его на семь кусков.

Приобретённая князьями физическая сила и крепость организма передавалась по наследству их сыновьям и поэтому укрепляла в простых людях мнение об их превосходстве над ними и об их божественном происхождении. Отсюда про-

исходило благоговение остяков перед своими князьями. Улучшению их расы, вероятно, отчасти способствовали и их обыкновенно экзогенетические браки. Аналогические случаи физического превосходства властителей над подданными встречаются весьма часто на Востоке, например, в Индии.

Ввиду вышеприведённого, в описываемый период времени слово «князь» было у остяков тождественным со словом «богатырь», и поэтому выражение «урт»* употребляется в былинах в том и другом смысле.

Уверенные в своей силе, они смело шли навстречу врагам и любили опасности, преодоление которых доставляло им новую славу. Иные из наиболее славных богатырей совершали отдалённые походы в чужие земли, например, на Север — в страну самоедов (јапан пёлек), на юг — в тёплые страны, куда осенью улетают гуси и утки (мордамыг). Другие даже спускались в подземное царство (пётлім ёмдер), чтобы вести войну с чертями (кул'), так, например, про могучего богатыря Сонгхуша говорится, что во время своих походов он посетил все семь концов земли и что едва осталась площадь земли или воды, им неизведанная. Он также спускался в подземное царство и нанёс «двулицым рукастым чертям»³⁹, обитателям его, большой урон.

Несмотря на всю свою силу и своё мужество, богатыри в случае беды или неудачи часто падали духом и начинали плакать, что, однако, вовсе не считалось предосудительным или несовместимым с их достоинством. Сам плач их был, впрочем, богатырский: «он проливал из глаз 6-7 пядей (сурт) слёз» — говорится в знакомом нам героическом сказании про богатыря Нангхуша. Иногда величину их плача, как и многое другое, авторы былин сравнивали с городскими воротами.

Заметим здесь, кстати, что символом радости у прежних богатырей был «рог» (онет). Выражение «у меня вырастет золотой рог» означало: «я буду счастлив» и, наоборот, выражение «у меня сломался рог» значило: «у меня приключилось большое несчастье!». Например, вот что кричит младший сын Тяпарского князя своему врагу, сыну князя Нангхуша, когда тот не мог пробить своими стрелами его коль-

** Кастрен приводит ещё другое слово, означающее богатыря — «бдап», которому соответствует вогульское «блып» и татарск. «алёп».

чугу: «Если бы я почувствовал твою стрелу, подобную волоску или былинке, когда она меня поразила в лёгкое груди, то на моей голове вырос бы золотой рог!»*. Другой героический рассказ передаёт, что однажды сатыжинский князёк Китвор-отер плыл по Иртышу с семьёй лодками. Когда он проезжал мимо нынешних Романовских юрт, местный князёк стал его вызывать на бой, но Китвор крикнул ему: «Я сбил у тебя правый рог», намекая на то, что его люди в недавней схватке убили его сына. Тот понял намёк и, застонав, схватил себя за голову. О войне он более не помышлял.

Остяцкие князья не были чужды и других рыцарских доблестей, так, они свято соблюдали данное ими слово или клятву (н'ут, шар) даже по отношению к таким клятвопреступникам, какими были в их глазах самоеды. Это хорошо видно из следующей фразы, произнесённой одним остяцким богатырём, когда ему советовали не церемониться с самоедами и убить их, несмотря на клятву: «клятву мою я не нарушу, если самоед желает её нарушить, то пусть нарушает!».

Из других их качеств бросается в глаза известное благородство в их привычках, например, сами они не исполняли никаких чёрных работ, на пирах они «брали концами пальцев один-два кусочка (пищи) и уходили», предоставляя её своим более голодным подданным, которые пировали целый месяц. И, наконец, они попусту слов не тратили, а где можно, отдавали приказания движением руки или глаз.

Жизнь человеческая в те времена столь мало ценилась, что почти всякое недоразумение, даже самого лёгкого свойства, обыкновенно кончалось кровопролитием. Не говоря уже о том, что убивали мужей, богатыри, рассердившись, не останавливались и перед убийством беззащитных жён и детей; так, например, в одной былине описывается, что остяцкие богатыри, совершая поход на север, останавливались кое-где на берегу для отдыха, и если в этом месте им не оказывали должного гостеприимства и не боготворили их, они оставляли после себя «площади, усеянные изруб-

* «...Варес н'отен, пум н'отен, мегет торыйелпвет штмен, у!мем ат, угема сорнш бйет едбть.

ленными телами мужей и жён». Победив врага, они старались его искоренить, но стоило последнему изъявить покорность, пасть перед победителем на колени и просить о пощаде, как у богатыря-победителя великодушные брали верх над жестокостью, и он, полюбовавшись некоторое время унижением врага, поднимал, обнимал и оставлял его невредимым. На большом пиру, который последний устраивал, принимали участие воины обеих сторон, празднуя таким образом мир.

К представителям своего рода остяцкие князья выказывали нежную привязанность. Мы уже видели, что они не оспаривали друг у друга власти. Если кого-нибудь из них убивали на войне, то остальные о нём сильно горевали и плакали, и давали клятву отомстить за его кровь, даже если это им самим будет стоить жизни. Мстить за смерть отца или брата считалось священным долгом каждого богатыря. Если почти весь род какого-нибудь остяцкого князя истреблён на войне, то малые дети и внуки его, когда подрастали и делались мужами, узнав от стариков об обидах, нанесённых их отцу или деду, собирали войско и шли войной на врагов. Такое распространение кровавой мести, вероятно, следует приписать верованию, что душа убитого не имеет покоя и мучается до тех пор, пока не будет искуплена кровью врага, на что есть некоторые намёки в былинах.

Ещё одна черта характеризует остяцкого богатыря — его умственное превосходство над прочими людьми. Согласно народному преданию, подтверждаемому самой формой героического эпоса*, богатырям мы обязаны дошедшими до нас былинами и героическими сказаниями, превосходящими по своим идеям и красоте стиля все прочие виды остяцкой поэзии. Они не только были хорошими бойцами, но и трубадурами в то же время. Те из них, которым суждено было вернуться невредимыми из похода, слагали песни про подвиги свои и своих убитых братьев и родственников и этим самым увековечивали их для потомства. Оно ещё теперь с известного рода благоговением прославляет их.

Богатыри считались людьми вещими: им были доступны многие тайны природы, скрытые от простых смертных.

* Главное действующее лицо очень часто воспевают свои подвиги в первом лице.

Некоторые из них могли чувствовать приближение врага на далёкое расстояние. Они были способны принимать вид различных животных, птиц, гадов и рыб, если это им было необходимо, чтобы догнать врага или уйти от него, иначе говоря, они были оборотнями.

Также и неодушевлённые предметы они были в состоянии превращать в животных, например, стоило им бросить свою шапку вверх, как она принимала вид кукушки*, которая и могла исполнять для них разные поручения. Наконец, по сказкам, они обладали ещё способностью воскрешать мёртвых и исцелять раненых при помощи имевшихся у них «живой воды» (хатта J!HK)H «живого прута» (хатта н'ерем), добытых из подземного царства.

Несмотря на свою жестокость, остяцкие князья не были лишены и общечеловеческих чувств. Так, в одном, упомянутом выше героическом сказании рассказывается, что двое богатырей во время своего похода на лодках натываются на плотину из мамонтов (вес') и других морских чудовищ — юров (jur⁴⁰), возведённую поперёк реки Оби. Сами они, как богатыри, разогнав лодки, проезжают сквозь эту преграду, простые же люди опрокидываются вместе с лодками, и морские чудовища их поедают. Видя это, богатырям стало жаль беспомощных простых людей. «Брат, — говорит младший из них старшему, — разгородим эту плотину из мамонтов и юров, иначе какой муж и какая женщина будут в состоянии проплыть по катящей гальку каменной Оби?». И, войдя в воду, они изрубили морских чудовищ мечами и уничтожили плотину.

* Называется такая кукушка ух-те!-кова, т.е. «кукушка с маковки головы».

Глава VI

Простые люди и рабы

О простых людях мало упоминается в былинах. — Их вооружение и военные качества. — «Рабы» героического эпоса. — «Холопы» историков.

Простые люди (мыгдат јах) составляли главную массу населения каждого маленького княжества, но упоминается о них почти всюду мало; во многих былинах о них даже и речи не было. Происходит это от того, что подвиги их представляли сравнительно с богатырскими слишком мало интереса. Впрочем, эта черта остяцкого эпоса характерна и для былин других, даже более культурных народов, например, в «Илиаде» действующими лицами являются исключительно герои, простые же смертные обходятся почти полным молчанием.

Народ жил в селениях около городков и должен был поставлять военных людей. Но если богатыри, с малолетства приученные к воинским упражнениям и опасностям, охотно шли на войну, где они могли приобрести богатство и славу, простой народ, не обеспеченный дома, подчинялся этой необходимости, как неизбежному злу, и поэтому при вербовке солдат и в землянках прежних остяков происходили те же сцены, какие ещё недавно имели место в любой деревне при наборе рекрутов. Автор одного героического сказания описывает следующий эпизод при вербовке: «Где отец был плох, был зарублен* его сын, где сын был плох, зарубался отец. Где отец был зарублен, сын плачет, где сын был зарублен, отец плачет!». И действительно, они гибли в большом числе во время всякого похода, о чём, впрочем, богатыри не очень заботились, так как жизнь их не ценилась высоко.

* Как мы видели выше, каждого завербованного воина зарубали на деревьяшке.

Вооружение их было хуже, чем у богатырей, и, вероятно, состояло из одного лука. Может быть, они имели ещё еловые и лиственничные дубинки, о которых нередко упоминается в былинах. Кольчуг же они не имели, и мечи, по всему вероятию, тоже составляли преимущественно принадлежность лиц привилегированного сословия князей-воинов. Ввиду того они могли вступать в состязания только друг с другом и валились, как снопы, при столкновении с богатырями. И обратно, быть убитым простым воином считалось весьма оскорбительным для богатыря. Вот в каких словах один богатырь, уставший в бою, взывает (к Богу): «Неужели Золотой свет, мой Отец, определил, чтобы простые воины содрали с меня мою радужную головную кожу?».

Нам неизвестно, каким образом совершались браки у простых людей и откуда они брали жён. Судя по сохранившемуся отчасти у остяков обычаю избегать взаимных браков между членами одного рода, можно предположить, что то же было и прежде; относительно князей же это достоверно известно. Некоторые, может быть, добывали себе невест во время походов их князей, хотя об этом ничего не говорят остяцкие барды, не устаивающие этих низких людей своим вниманием. С лицами княжеских фамилий они в брак не вступали, как мы это покажем ниже.

Рабы и рабыни (теу, орт; теу-нен, орт-нен) составляли третье и, по-видимому, самое малочисленное сословие остяцкого населения. О них мы ещё меньше знаем, чем о простом народе. Происхождение их нам неизвестно, но, вероятно, их добывали на войне.

Они производили все домашние работы в княжеских домах, прислуживали князьям, готовили кушанье, заготавливали для дома дрова, ловили рыбу, смотрели за оленями, исполняли роль глашатаев при народных собраниях и т.д.

Число их у отдельных князей было невелико, и потому на каждом из них лежало несколько обязанностей. Им тоже были присвоены прозвища, которые часто имели отношение к их деятельности, например, один из слуг князька города Тапар-вош назывался Анет бтын, соннет бтын аттада хуи, что значит: «муж, несущий край блюда и край туеса», так как его главным занятием было прислуживать за столом. Довольно употребительный эпитет рабы-

ни есть: Хот вер курдем (или вёрантем) орт-ней-1ма, т.е. «рабыня, исполняющая домашние работы».

Обращение с рабами было, судя по всему, весьма гуманное: они были как бы младшими членами одной и той же семьи. Ни из одного сказания, ни из одной былины не видно, чтобы их господа обижали или притесняли.

Рабы и рабыни составляли частную собственность князей, которые могли с ними распоряжаться как хотели, так, например, их иногда давали в счёт калыма отцу невесты.

Историки тоже упоминают о холопах и холопках остяцких князей. Эти холопы были освобождены от платежа ясака в пользу государственной казны и работали исключительно на своих господ — князей. В иных местах это крепостничество усилилось при русских. Так, остяцкий князёк Игичей Алачев вместе с русскими неоднократно делал набеги на землю кондинских вогульцев, грабил её и уводил оттуда жён, детей и мужей в холопы. Кроме того, иногда и московские государи дарили преданных им князей холопами из их подданных, которые в качестве крепостных с этих пор переставали платить казённый ясак и становились подсудны исключительно им; так, например, царь Федор Иванович пожаловал вышеупомянутого князя Игичея Алачева и Онжу Юрьева, его двоюродного брата, двумя волостями — Вспакульской и Калпакутской — в 11 платёжных душ мужского пола, причём последние с этих пор стали их крепостными.

Глава VII

Положение женщин

Затворничество девиц. — Занятие девиц — рукоделие. — Красота их. — Одежда. — Женихи — князья из других городов. — Князья избегают неравных браков. — Калым. — Невеста устраняет недоразумения между отцом и женихом. — Сватовство. — Переговоры и обманы со стороны отца невесты. — Остяцкая княжна в виде филина отыскивает себе женихов. — Внешнее сходство богатыря с рыцарем и отличия их. — Свадебные обряды. — Танта-нен. — Подарки отца невесты. — Приезд молодых в дом мужа. — Сравнение остяцкой княжны с древнефинской девицей.

Положение женщин у прежних остяков было сходно с тем, которое мы встречаем у древних славян. Когда девица подрастала и достигала брачного возраста, её удаляли от взоров взрослых мужчин. С этих пор она до самого замужества, а может быть, и до более позднего периода, вела затворническую жизнь. Но так как в те времена у остяков даже княжеские хоромы, вероятно, состояли из одной комнаты, то в их распоряжение не могли дать терема или особой светлицы, как это было в Москве, а им просто отводили один из углов общего жилища, отделённый посредством занавеса или полога (саі), сделанного, смотря по достатку хозяина, из более или менее дорогой материи. В одном месте мы встречаем такой полог из шёлка и украшенный изображением солнца и месяца, в другом он весь увешан бубенчиками (кбул 1н саі, пбнхл 1н саі): они приятно звенели при всяком его движении, наконец, историк Миллер передаёт нам, что у одного вогульского князька с Конды была «завеса дорогинена, опушенная камчишкою двоелишнею»*.

Когда девицам случалось показываться на улице, они, по всей вероятности, покрывали своё лицо платком, чтобы

скрыть его от непосвящённых взоров, что и поныне отчасти водится среди инородцев Березовского округа. У простого народа, вероятно, этот обычай менее соблюдался: оно было затруднительнее по их относительной бедности. Это обстоятельство послужило причиной следующего эпизода, описанного в одной былине: богатырь, собравшийся на войну, при выезде из своего города встречает толпу девиц, очевидно из простого народа, долго ими любуется и впадает в размышление о том, как в сущности безрассудно вести своих воинов на погибельную войну, или, как он фигурно выражается «в пасть мамонтов», чтобы добыть себе невесту, когда перед ним целая толпа красивых девиц. Впрочем, его размышления не были продолжительны. Брат его пристыдил в малодушии, и он, покрыв лицо своё платком, — признак стыда — погнался оленей вперёд.

Освобождённые вследствие своего затворнического образа жизни от многих домашних работ, девицы, однако, не проводили время в праздности. Одним из главных их занятий было вышивание и шитьё — искусство, в котором они достигали значительной степени совершенства. Так, о рукавицах, сшитых одной остяцкой княжной, говорится: «где шов был шит, незаметно, как они были сделаны — не видно, или уж они в таком виде и произошли». Богатырь остяцкий гордится, если у него есть «рукодельница дочь, держащая иглу в концах пальцев». Этим же искусством остяцкая княжна прельщает и молодых князей. Одним словом, и у этого дикого народа трудолюбие играло не последнюю роль в достоинствах невесты, хотя, конечно, первое место занимала красота.

«Златоглавая, бровастая дочь мужа полуденной страны» (Морда-мыг хоі* сорн!-сём хут'мет-на!) есть весьма распространённый эпитет остяцкой княжны, причём последние слова этого выражения здесь употреблены в смысле: «подобная красавицам полуденных стран». Значение другого эпитета красавиц: удед-ух с!ветым на! — мне не вполне понятно. Красоту девиц сравнивают также с восходящим солнцем и состоящим на небе месяцем.

Не менее ценилась и молодость невесты, поэтому самой красивой из нескольких сестёр всегда считалась младшая.

* Морда-мыг — южные страны, куда на зиму улетают утки и гуси. В сев. Сибири они известны под названием «тёплые воды».

Выделению красоты остяцких княжон, без сомнения, немало способствовали и красивые дорогие одежды, которые они носили*. Из них упоминаются рубашки (jip нас) с пёстрой вышивкой**, вероятно, приготовленные из крапивной пряжи; дорогие платья и сапоги, украшенные металлическими поделками и бисером (кеу)***, и суконные кафтаны (ну!). Употребляли они также на свои наряды и ценный шёлк (je p Ma K) n камку (хам ха). Особенно роскошно наряжались невесты. Более зажиточные из них надевали в день свадьбы и отъезда из родительского дома семь рубашек и семь суконных кафтанов, один поверх другого.

Относительно душевных качеств остяцкой женщины мы знаем, что она была любящей дочерью, покорной же-

* Приведём здесь отрывок из медвежьей песни, где описывается дорогая женская одежда прежних остяков, хотя прибавим, что эта песнь не носит столь древнего характера, как былины:

«Пах ленеја хата|а ман Те-4yг'eМ.

Пах лена-ја, хата!, хата! усен!

Нуй анкенна |бкеа|ем,

Тг'ем-вахта салына JoKeajeM.

Нуй анкенна joKeajeM,

Танкем пуну сыкын НујаТ joKeajeM.

Нуй анкенна joKeajeM,

Танкем КуNg'a кевын н'лрат joKeajeM.

Нуй анкенна JoKeajeM,

Тегет-Воје ханг'ен jip нас JoKeajeM.

Нуй анкенна joKeajeM,

Орый-Воје хаNg'ен тагат joKeajeM.

IemcaI пёлка кёдем вег хбтат татна,

Пыйа! пёлка унтын кет ман тот ведем!».

«К бедному мальчику, мёртвому (от страха), я подошёл.

Мальчик-бедняжка, ты покойник!

Твоя мать в честь меня плясала,

Со звенящим серебром она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В суконном кафтане, пушистом, как беличий мех, она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В сапогах, украшенных бисером, подобным ноготкам белки,

она для меня плясала.

Твоя мать в честь меня плясала,

В рубашке, украшенной рисунками птиц, она для меня плясала.

Твоя мать для меня плясала,

В платке, украшенном лесными зверьми, она для меня плясала.

Если сила правой руки у меня кончится,

Я своей левой рукой тогда за неё (т.е. за люльку) возьмусь».

** TereT-Воје ханг'ен jip нас — «рубашка с рисунком птиц».

*** Кеу собственно значит «камень».

ной и нежной матерью, что будет ясно из дальнейшего изложения.

Как и у весьма многих других некультурных народов, для заключения брака не требовалось ни согласия девицы, ни её матери, и раз жених (вен-хоі) был налицо, всё дело решал с ним один её отец, а за отсутствием его — старший брат её. Ввиду того, что в каждом городке княжил всего один род, между сородичами не допускалось взаимных браков.

В качестве женихов остяцких боярышень, если так можно выразиться, являлись сыновья других остяцких и самоедских богатырей, приезжавшие свататься за той или другой красавицей, слух о которой широко разносился. Так, о славном богатыре Сонгхуше в былинах говорится, что он в молодости «семь концов земли посетил, чтобы сватать косатых девиц за хороший калым».

Вступить же в брак с девицей из простого звания, не говоря уже о рабыне, не решался ни один остяцкий князёк, до того это считалось предосудительным и в то же время унижительным для его княжеского достоинства. Эту разницу понимали и простые люди и не претендовали на подобные браки. Так, девица, которую старый Нангхуш обманчивым образом передал жениху вместо своей дочери, уклоняясь от его ласок, говорит: «Я женщина, носящая простое платье, я женщина, носящая простую обувь» — и прибавляет, что его невесту, княжну, отдали замуж на самоедскую сторону. Этих слов было достаточно, чтобы моментально расхолодить жениха. Он идёт к своему брату и, жалуясь на происшедшее, прибавляет: «Каких рукодельниц-рабынь у нас нет в нашем Тяпарском городе мужа 1аветта-кётпехуі. Жил ли я, муж, обладающий силою в славных суставах рук, с рукодельницей-рабыней?».

Аналогично этому, весьма вероятно, что и знатные девицы могли сделаться жёнами только лиц княжеского звания.

За красивых девиц отцы их требовали большие выкупы (на юге — тан, на сев. — калым), и хороший жених обыкновенно немедленно выплачивал просимый калым. Он состоял в холопах, оленях, дорогих шёлковых материях, в оружии, в ценных металлах, котлах и т.п. Размер калыма зависел, главным образом, от богатства и знатности отца

невесты: чем богаче он был, тем требовательнее он являлся по отношению к своему будущему зятю. Например, за одну девицу отец её получил металлом и товаром цену 100 рабов, 100 кольчуг, 100 мечей, 100 топоров, 100 ножей и 100 котлов, что по тогдашнему времени представляло огромную сумму.

Другой отец говорит своему будущему зятю: «Нанесите когтистой белки, красной и чёрной рухляди, чтобы с головой покрыть сидящего человека, тогда я отдам мою дочь без всякого выкупа». Последние слова прибавлены, очевидно, в виде шутки.

Но далеко не всегда дело кончалось уплатой калыма. Часто отец, по мере уступчивости жениха, становился всё требовательнее, и нередко свадебные переговоры оканчивались кровопролитием, так как всякий богатырь, отправляясь свататься, для большей удачи своего предприятия брал с собой войско. В былинах, из которых мы только что привели размер калыма, таким образом описывается подобное столкновение между отцом невесты и его зятем: «Когда отец её вышел на улицу, чтобы её (невесту) проводить, он потребовал от зятя золотую, блестящую кольчугу. «Я присутствовал на 177 свадьбах и нигде от меня не требовали золотой, блестящей кольчуги, — сказал тот. — Будем сражаться топором и мечом!». Они повернули свои большие лодки с раздвоенной кормой и стали сражаться».

Нередко также случалось, что отец, получив калым, передавал жениху не дочь свою, а какую-нибудь девицу из простого звания и часто некрасивую и старую. Жених скоро открывал обман и с угрозой требовал восстановления своих прав, причём в случае отказа или вторичного обмана с обнажённым мечом в руке отправлялся отыскивать свою невесту (мен'-нен) и не щадил никого из попадавшихся ему на пути. Но так как отец невесты прибегал к подобным обманам обыкновенно лишь тогда, когда надеялся на свою силу, то сватовство часто оканчивалось битвой.

Впрочем, если девица любила жениха, то она старалась не доводить их спор до кровопролития, а если это всё-таки случалось, то своим присутствием и своими нежными речами старалась смягчить гнев победителя и тем спасти жизнь отцу или жениху. Вот каким образом знакомая нам млад-

шая дочь богатыря Нангхуша успокаивает гнев свата* своего жениха, победившего её отца и брата и готовившегося их умертвить: «Она обнимает его руки и ноги и говорит: «Сын Iаветта-кётпе-хул и Т'апарской женщины и деверь мой! Хотя я тебя и не кормила молоком из моей груди (и тебя вскормили при помощи рожка)**», скажу ли я одно слово или два, выслушай меня, ведь я происхожу из рода князей и богатырей. Когда ты отправишься в Т'апарский город мужа Iаветта-кётпе-хул, и у тебя одежда, украшенная металлическими бляхами и бисером, износится, раз ты сдерёшь с отца и брата моего их радужно отливающуюся головную кожу и сделаешь меня круглой сиротой, то кто оденет твоих 300 воинов в дорогие одежды и дорогую обувь, и мне, чтобы нарядиться, как подобает невесте, кто доставит мне платья?». Эти слова её имели такой успех, что сват поднял с земли стоявших перед ним на коленях богатырей, обнял их, и мир был восстановлен.

Сватовством руководил сам жених и его ближайшие родственники мужского пола. Они его всегда сопровождали в подобных предприятиях. Называются они в былинах обыкновенно татарским словом «ханым», что в данном случае означает «сват». Они выставляли от себя 2-3 людей, послов, при помощи которых и вели переговоры с отцом невесты. Последние были известны под именем ворт-жах (sing. ворт-хуі) и часто были вооружены посохами (сеу, су). Обыкновенно поступали таким образом, что некоторых из них ставили они из своих людей, других выбирали из подданных отца невесты. Переговоры были необходимы даже в том случае, если отец невесты был согласен на брак, так как достоинство его требовало, чтобы он не выказывал особой готовности отдать свою дочь. По этой же причине он иногда не принимал первых двух послов и высказывал свои условия только третьему.

Чтобы нагляднее показать, каким образом велись эти переговоры и к каким изобретениям прибегал отец невесты, чтобы обмануть жениха, приведём отрывок из одного героического сказания: «Когда стало светать, они (т.е. два богатыря, пришедшие сватать невесту) позвали одного из

* Он же его брат.

** Эта фраза несколько неясна.

здешних людей и поставили одного из своих, чтобы передавать вести. Они пришли к старому Кровавому богатырю Нангхушу и сказали: «Относительно младшей дочери твоей, девицы, какая у тебя весть, какое слово, эту весть, это слово ты нам выскажи». Старик сидел, сидел и сказал: «Младшую дочь старого богатыря Нангхуша, девицу, с земляным телом в чистом одеянии я уже давно похоронил. В страну столь отдалённую, что добраться туда не по силам даже зверю, кто отнёс бы к вам мою весть, моё слово и вашу весть, ваше слово кто бы доставил ко мне? Эту речь, эти слова, отнесите им!». Они вернулись и там сказали: «Младшей дочери Кровавого богатыря Нангхуша обратившееся в прах тело уже давно погребено в чистых одеяниях». Сыновья богатыря I аветта-кётпе-хуI сказали: «Если её землистое тело он похоронил в чистых одеяниях, то пусть нам дадут 10 людей с лопатами и 10 людей с топорами, чтобы ее вырыть. Принесённое для неё золото и серебро, предназначенные для неё шёлк и камку мы ей положим. Пусть тогда пропадут славные суставы её тысячи костей (в таком виде), как их мать родила! Эту весть отнесите Кровавому богатырю, старику Нангхушу!». Кровавый богатырь, старый Нангхуш, опустив голову, сидел, сидел и сказал: «Младшая дочь богатыря Нангхуша, девица, ещё сосёт материнскую грудь». Эта речь была туда передана. Сыновья богатыря I аветта-кётпе-хуI отвечали: «В нашем городе мужа I аветта-кётпе-хуI мы имеем много седоголовых женщин, много белоголовых женщин, пусть она там сосёт молоко из груди, пусть она там питается молоком из рожка». Речь эта была передана Кровавому богатырю, старому Нангхушу. Он сказал: «У младшей дочери Нангхуша, девицы, растущие суставы рук ещё не выросли, растущие суставы ног ещё не выросли!». Оба сына богатыря I аветта-кётпе-хуI ответили: «Её растущие суставы рук, её растущие суставы ног мы сами вырастим».

Видя такую решимость жениха, отец невесты как бы уступил и пригласил сватов прийти, чтобы вести переговоры, а сам приказал своим людям столпиться на дороге и не пропускать их. Сваты-богатыри, однако, с обнажёнными мечами проложили себе путь сквозь толпу. Их встретил отец невесты, они обнялись, условились о цене за невесту и уст-

роили свадебный пир. Когда народ ушёл, жених приблизился к пологу и, бросив старухе, стерёгшей вход в помещение невесты, серебряные и золотые деньги, вошёл туда. Невеста остаётся нема к его ласкам, и когда он, рассерженный, грозит разрубить её на две части, она ему открывает, что она девица из простого звания и что княжна, ради которой он сюда приехал, уже неделю, как отдана отцом одному самоедскому богатырю и притом без калыма. Жених негодует. На рассвете другого дня оба брата-богатыря собираются нагнать самоедов, а отцу невесты грозят разорить на возвратном пути его город*.

Как же сама невеста относилась к своим женихам? Было ли ей безразлично за кого выйти замуж, раз она не имела возможности видеть ни одного богатыря? Этот довольно интересный вопрос имеет в былинах и героических сказаниях остяков вполне определённый и притом отрицательный ответ. Остяцкая невеста средних веков не могла согласиться, чтобы её чувствами торговали, как товаром, как это бывало на самом деле, и сама делает свой выбор. Запертая дома в одной комнате с родителями и отделённая от посторонних глаз пологом, она все же находила средство отыскать себе жениха и прельстить его своими талантами.

Принадлежа к роду вещей князей, она тоже умеет превращаться на время в разных животных. Любимый образ, чаще всего ею принимаемый, — образ филина. Глухой ночью, когда вся семья покоится в глубоком сне, она в виде филина покидает своё убежище, взяв с собой образцы своего рукоделия, и летит в город, где, по слухам, живёт тот или другой славный богатырь. Здесь она садится на вершину кожуристой лиственницы — она обыкновенно растёт среди города — и поджидает богатыря. Тот выходил на улицу, и филин вступал с ним в разговор. В одной былине невеста прямо открывается богатырю, показывает ему своё рукоделие и просит освободить её от предстоящего ей ненавистного брака. Вот её слова: «Князь, носящий вну-

* Скажем к слову, что к подобным обманам при сватовстве прибегали нередко и у древних народов. Вспомним хотя бы рассказ о сватовстве Иосифа за Рахилью. И ещё недавно подобные дела производились на Кавказе, причём прибегать к обманам, чтобы выдать девушку замуж, не считалось делом предосудительным.

шающую страх одежду из полотна многих земель (т.е. кольчугу), в тот день, когда ты родился, я родилась, в тот день, когда я родилась, ты родился. Небесный Отец и Небесная Мать предопределили нам быть вместе. Если ты имеешь намерение меня взять, то не мешкай, пока вскипит кипящий котёл, не жди, пока будет готов долговременный котёл*. Кровавый богатырь, старый Нангхуш, мой отец, желает отдать меня без выкупа к многочисленным мужам самоедской земли». Богатырь проводит бессонную ночь, а на другой день отряд воинов с князьями во главе направляется на север к городу старого Нангхуша. С происходившим там сватовством мы уже знакомы из предыдущего.

В другой былине филин-княжна говорит о себе в третьем лице. Появление филина и разговор его с молодым князем здесь весьма поэтичны, но, к сожалению, в русском переводе теряются многие из особенностей остяцкого поэтического языка. Филин начинает свою речь такими словами: «Выбранный из среды 80 мужей с оленьими ногами, с опущенными косами, косатый Яг**, до каких пор ты будешь вставать (так рано)***, как встают одинокие вдовицы?». Он отвечает: «Красавица-девица, которую я бы взял в жёны, ещё не родилась». Но филин сказал: «Про красавицу по твоему выбору я своим долгим ухом хорошую весть слышал». Я отвечал: «Где же ты слышал про красавицу по моему выбору?». Филин отвечал: «Текут богатырские воды инейного Эмдера с незамерзающими берегами****. В усеянной мелкой галькой,

* Промежуток времени, необходимый для того, чтобы вскипел котёл, считался у остяков небольшой единицей времени.

** Хбрум-курие НТСОТ урт кудТва пірл!дем, сёвет патнем сёвен Јаг.

*** «Н'от перай ЈОТОТ хар хуна-ванта нуй кГттен?». Значение первой половины этой фразы не вполне ясно, ввиду чего и выпущено. Оставлены без перевода и отдельные слова дальнейшего изложения, тёмные по смыслу.

**** Здесь филин описывает систему рек южной части Березовского и северной части Тобольского округа, по которым надо проехать из города Эмдера в г. Карыпоспат. Путь начинается с Эмдерской протоки, которая впадает в Обь, отсюда едут вверх до впадения Иртыша. По Иртышу поднимаются до Конды и отсюда в её нижнее течение или так называемый Кондинский сор, который весной и летом представляет из себя огромное водное пространство длиной в 60 вёрст и шириной в отдельных местах до 8 вёрст. На южном берегу этого сора, в 7 верстах кнizu от Камовых юрт, видны следы прежнего города Карыпоспата.

чистой Оби широкие воды они пали. Потекли вперёд усеянной галькой чистой Оби обширные воды. В священные воды потока, раздвоенного наподобие разбегающихся песцов, они пали. Развилистого потока священные воды вперёд потекли. В богатырские воды красноводного (потока) они пали. Краснове дного потока богатырские воды вперёд потекли. В священный сор, куда опустилсЯ божественный туман, они пали. На полуденном берегу священного сора, куда опустилсЯ божественный туман, на славной стороне стоит богатырский город Кары - поспат - вош. Власть в нём держит трёхсотлетний, дряхлый богатырь-старик*. Он строгаёт черен стрелы. В песенном доме 7 сыновей здесь укачивали. Главные в доме — три старших сына; имя им дано: «В воду идущие и рыбу крючащие богатыри». Среднему сыну имя было дано: «На пиры поздно приходящий и саблей раны наносящий богатырь». После семи богатырей в берестяной зыбке с красивой спинкой кого пинали (укачивали)? Полуденных стран златоглавую, бровастую красавицу здесь пинали. Здесь я слышал своим долгим ухом про красавицу по твоему выбору. Если вы имеете желание, то отправляйтесь. Снаряжайтесь на военную и на сватовскую ногу». Старый филин повернулся к полудню, к славной стороне, взмахнул три раза своими дорогими крыльями, только его и видели». И, как в первом случае, богатырь немедленно отправляется по указанному филином пути добывать свою невесту.

Делая саму девицу виновницей походов князей, остяцкая народная фантазия тем самым облагораживает как личность богатырей, так и цели их походов. Они являются перед нами уже не грубой силой, которая знает только свои личные интересы и пользуется для достижения своих целей золотом и мечом, а в виде защитников красавиц, освобождающих последних от произвола отца и братьев и от ненавистных женихов. Они, таким образом, приобретают некоторое сходство со средневековыми рыцарями, которые совершали разные трудные подвиги, чтобы освободить своих возлюбленных от опасностей. Это сходство тем нагляднее, что и остяцкие богатыри совершали во время своих походов много подвигов, которые им в средние века могли бы доставить прозвище «рыцарей без страха и упрёка».

* Имя его приведено выше.

Есть, впрочем, немало и отличий в характере и взглядах рыцарей и остяцких богатырей, именно, что, несмотря на внешнее сходство, последние были значительно грубее: придя в гнев, они не щадили ни женщин, ни детей и, кроме того, имели смутное понятие о возвышенной любви рыцарей, если они вообще какое-либо имели. Именно ни в одной былине не встречается слово «любовь». Но и здесь почти во всех былинах брак по склонности увенчивал подвиги богатырей.

Если девицу отдавали другому, пока успевал прийти её избранник, она всеми мерами старалась отсрочить свой отъезд из отцовского дома. Если это не удавалось, она употребляла все усилия, чтобы дольше сохранить свою девственность и дать возможность выручить её жениху. Это случилось, например, с дочерью старого богатыря Нангхуша, которую отец против воли отдал на самоедскую сторону. Все её старания отстоять свою свободу остались тщетны и, отправляясь со своим женихом в его сторону, она на гладком песке, намытом водой речного разлива, написала: «К многочисленным мужам самоедской земли меня увезли, ломая мне руки, ломая мне ноги. Если сыновья богатыря I а в е т т а - к ё т п е - х у і сюда придут, то пусть не мешкают, пока вскипит кипящий котёл, пока поспеет долговременный котёл». Далее мы застаём её в пологе (удан) вместе с её мужем-самоедом на полпути в его город. Остяцкие богатыри в это время настигают самоедов, и её наречённый подкрадывается к их общему пологу и прислушивается. В пологе между тем происходит борьба между самоедом и его женой. Она устранилась от его ласк. Она говорит: «Как мать родила, мой девственный пояс я не дам тебе развязать среди тёмно-древесного урмана. Когда мы приедем в священный город, жилище самоедских мужей, тогда развяжи мой девственный пояс; многочисленные седоголовые и белоголовые старухи поднесут мне чашу с пенящимся отверстием и дадут мне серебряные и золотые деньги».

Самоед не соглашается с её доводами, и они опять борются. Жених её следит за борьбой и в удобный момент наносит ему удар саблей, отрубает ему ноги по колена и освобождает свою невесту.

Этот эпизод для нас в том отношении интересен, что показывает, что у остяков в те времена целомудренность

была необходимым качеством невесты. К сожалению, это не правило настоящего времени.

В чём состояли сами свадебные обряды, до нас не сохранилось. Известно только, что невеста не принимала участие в общем пиршестве, а сидела в своём углу за занавесом. Жениха же потчевали, как могли, и когда он по окончании пира входил в помещение невесты, ему и туда трудолюбивая рабыня подавала блюдо со славными яствами, так, по крайней мере, описывается в одном сказании. Какую роль играет мать при заключении брака, мы не знаем, но был обычай, чтобы жених, кроме платы за девицу её отцу, выкупал её ещё от старухи, которая охраняла вход за занавес. Жених давал ей денег, после чего она отходила, и роль её кончалась. В данной былине этот эпизод описывается таким образом: «Отверстие занавеса охраняется седоголовой, белоголовой старухой. Он схватил отверстие занавеса и пошевелил его три раза. Старуха отстранилась (от отверстия занавеса), он дал старухе серебряные и золотые деньги и вошёл за занавес».

Судя по имеющимся у нас фактам, видно, что после свадьбы жених с невестой проводили некоторое время в доме родителей её, и потом уже они уезжали на санях или на лодке в город жениха. При этом, конечно, молодую провожал её отец. Выражение «выдать замуж» передаётся на остяцком языке через слово «бмдем» (fut. бмыттам), что, собственно, значит «посадить»*, может быть, оттого, что отец, передавая её жениху, усаживал её в сани или лодку.

У нынешних же остяков южного племени существует оригинальный обычай: после свадьбы невеста остаётся 2-3 недели в доме отца, а жених проживает дома, причём продолжает свои обычные занятия. В объяснение этого странного обычая остяки замечают, что невеста пользуется этим временем, дабы приготовить себе приданое.

Чем больше за девицу давали калым, тем более почёта ей было; это правило остаётся справедливым и по настоящее время. С другой стороны, жених старался без торга выплатить требуемую сумму, что считалось в свою очередь долгом чести, но, конечно, если мера не превзойдена и если он не видел в чрезмерной цене средства отделаться от него. Иногда, впрочем,

* Но также «поставить» и «положить». Для выражения «выдать замуж» есть и другие глаголы, напр., та нТдем.

случалось, что остяцких княжон отдавали и без калыма, например, если отец её почему-либо нуждался в женихе, боялся ли его силы, или искал в нём союзника. Может быть, и в том случае, если девица себя скомпрометировала и не могла рассчитывать на выгодную партию, как это бывает у остяков в настоящее время. Но как бы то ни было, сама девица обыкновенно была этим не довольна. В словах вышеупомянутой остяцкой княжны, дочери Нангхуша, «мой отец хочет меня отдать без выкупа к многочисленным мужам самоедской земли» мы не только видим жалобу её на своевольное распоряжение её чувствами, но и обиду, что её отдают, как недостойную невесту, без всякого выкупа. Девица, за которую не брали цены, называется в остяцкой поэзии *танта-нен*, *пунтча-ней**.

В качестве обратного дара отец невесты тоже, кажется, делал молодым подарки при их отъезде, не говоря уже о том, что если сватовство кончалось войной, в которой брал верх жених, он требовал от него, кроме дочери, ещё дары в виде возмездия. Иногда для большей убедительности он поручал это дело своей невесте, т.е. его дочери, которая умела его разнежить и склонить к уступкам. Вот какую комедию разыграла известная нам княжна, младшая дочь старого Нангхуша, по совету своего мужа. Передадим это словами былины: «Настал день возвращения воинов, настал день возвращения сватов. Жена его, схватив себя за волосы, бросила себя на половицы дощатого пола (и сказала): «Батюшка, я собираюсь отправиться к хлебородным источникам чужеземной страны, к рыбным источникам чужеземной страны. Буду ли я матерью сыновей или дочерей, когда я прибуду в город богатырей *Ја Ве Тта-кётпе*, то седоголовые женщины и белоголовые старцы будут меня спрашивать: «Младшая дочь князя Нангхуша, молодница, то, что ты привезла из отцовского дома, дай сюда!». Батюшка! Что я тогда дам? Дай мне серебряный лист, под которым могут укрыться 300 человек, тогда я пойду; если не дашь, не пойду, и пусть меня разрубят на две части, и я буду плавать в крови!».

* Первое слово состоит из *тан* — калым, окончания *caritiv'a-та* и *ней* — женщина. Образовано оно аналогично русскому слову «бесприданница». «Танта-нен» могло бы соответствовать выражению «безкалымница».

Эти слова, рассчитанные на то, чтобы разжалобить отца, как можно было себе представить, вполне достигли своей цели. Видя такое отчаянное положение своей дочери, чадолюбивый отец расплакался от умиления и исполнил её желание. Подобным же образом она выпросила у него большой медный семиушковый котёл, из которого могли есть 300 человек.

Когда молодые приезжали в дом мужа, последний в свою очередь устраивал большой пир. Приём молодых Пэыл весьма радушный. Старые женщины, вероятно, в том числе и мать мужа, угощали её разными яствами, подносили ей пеньящуюся чашу и делали подарки. С этих пор роль женщины в былинах, героических сказаниях почти прекращалась. Вся остальная жизнь её проходила в заботах по дому и воспитании детей, занятий, не воодушевлявших остяцкую музу.

Если сравнить теперь положение девицы у древних остяков с таковым у прежних финнов по Калевале⁴¹, то мы заметим значительную разницу между тем и другим. Финская девица стоит в духовном и нравственном отношении гораздо выше остячки. Она не является бездушной вещью в руках продавца-отца и покупателя-жениха, как молодая остячка, и не имеет необходимости тайно ото всех сноситься с избранником своего сердца и умолять его выручить её напротив, она одна распоряжается своими чувствами и, пользуясь этим, даёт претендентам на её руку почувствовать, что она знает себе цену.

Если остяцкий богатырь борется с внешними врагами, уверенный, что, выдержав успешно эту борьбу, сделается обладателем своей наречённой, финский юноша должен был, благодаря прихоти своей невесты, совершить массу разных трудноисполнимых подвигов и то не был уверен, увенчается ли успешное исполнение их её согласием на брак. Часто бессердечная красавица опять придумывала новые подвиги, и опять жених её должен был подвергать свою жизнь опасности. Впрочем, она мало и заботилась, придёт ли её жених обратно или нет, так как их у хороших невест всегда имелось достаточно.

Глава VIII

Способы ведения войны

Причины войн. — Сборы к походу. — Обряды при отправлении. — Остановки. — Первые встречи с подданными отца невесты. — Способы ведения войны на открытом поле. — Лазутчики. — Караульные. — Сражение. — Борьба князей друг с другом. — Враги иногда расходились, дав клятву более не воевать друг с другом. — Лишение убитого врага доспехов и скальпа. — Богатыри съедали иногда сердца врагов. — Засады против плывущих на лодках врагов. — Исправление укреплений. — Осада городков и взятие их штурмом и голодом. — Союзы князей, как средство против сильных врагов. — Военная тактика самоедов.

Остановимся теперь на способах ведения войны у прежних остяков. Главной причиной войн было, как мы знаем, желание князей добыть себе жён, которых они не могли искать среди жительниц своего города. И этой одной причины, помимо других, было достаточно, чтобы в стране остяков велись почти непрерывные войны между отдельными князьками, если принять во внимание, что между представителями каждого остяцкого княжеского рода числилось несколько лиц мужского пола и что богатыри имели часто несколько жён.

Раз князья решили между собой поход, они устраивали общественные жертвоприношения и пир для всех жителей города и селений. Тут они объявляли народу о своём решении и, посоветовавшись со стариками, производили набор воинов известным нам образом. При этом они руководились не столько возрастом своих подданных, сколько их годностью к военной службе (см. выше). Перед тем, что распустить народ по домам, князья делали свои последние распоряжения, именно: выбранным воинам приказывали быть готовыми к походу на заре следующего дня, а остающимся дома, преимущественно старикам, явиться утром на «жердяную» пристань для проводов.

После всего этого князья отходили ко сну, чтобы утром с бодрыми силами снарядиться в путь. Но, как себе легко

представить, рой мыслей, кружившийся в их головах ввиду столь опасного предприятия, часто разгонял сон и у этих суровых людей, что остяцкий бард весьма фигурно выражает словами: «хоть он и лёг на цветные ковры (как будто) на ручке топора, на ручке ножа он лежал» или так: «будто он лежал на блошином и вшивом месте». И только к утру усталость брала верх, и князь впадал в глубокий сон. А между тем воины, согласно наказу, собирались на рассвете за стенами города и в ожидании дальнейших приказаний снаряжали сани или лодки, смотря по времени года, и укладывали в них разный товар и ценные вещи, предназначенные для калыма и в дары родственникам невесты: красное и чёрное сукно, шёлк, серебряную утварь, кольчуги и т.д.

Богатырь вставал, надевал свои доспехи и, выйдя на улицу, клал 7 поклонов перед «священным столбом с божеским ликом» (турум ван'мап jemый jux). Когда отряд был готов выступить в путь, остающиеся дома старики, пришедшие их проводить, троекратно громко вскрикивали, как того требовал обычай. В былине говорится: «Громкий крик, который принято кричать при отчаливании воинов, они крикнули. До вершины низкого дерева и до середины высокого он достиг. Второй крик достиг до пути пёстрых облачков; третий крик достиг до Золотого Света, Отца. Младший муж сказал: «Послушай, брат, выступим теперь с нашими воинами, с нашими сватами со стриженными головами: до Отца нашего, Золотого Света, он достиг, не наступит для нас день поражения и смерти».

После этого трогались в путь, причём летом они гребли сильными взмахами одного весла, которое опускали в воду у носа лодки и вынимали из воды у кормы; зимой их уносили быстроногие олени, запряжённые по два в лёгкие санки.

Когда они проезжали мимо высоких мысков, живший там народ ставил им, как богам, пенящиеся чаши в жертву и приводил жертвенных животных. Кое-где и сами они делали привалы, чтобы приносить жертвы богам и просить у них «спинную и брюшную силу». Эти привалы продолжались обыкновенно не менее дня и служили в то же время и отдыхом для уставших гребцов.

Первые встречи с людьми того княжества, в которое был направлен поход, не всегда имели враждебный характер.

Часто переговоры, которые велись обеими сторонами относительно отдачи невесты и касательно размера калыма, имели столь благоприятный исход, что всё предприятие кончалось браком приезжего князя с дочерью местного, и воины того и другого праздновали это событие общим пиром. Подобные случаи, хотя и упоминаются в героических рассказах, но по своей обыденности не служили им темой, как другие, не менее редкие случаи, когда никакие переговоры не приводили к желаемым результатам и когда меч должен был решать спор. Кровопролитие во время сватовства было делом столь обычным, что в былинах слова «свадьба» (мо!) и «сват», «поезжанин» (мо1-хо1) очень часто употребляются рядом со словами «война» (т'ат') и «воин» (т'ат'-хоі), как бы в качестве синонимов последних, и как слово «война», так и слово «свадьба» имеют одни и те же эпитеты: ух-та, пір-та, что значит «безголовая», «безвозвратная». Это нам и объясняет, почему жених, отправляясь сватать девицу, не мог ограничиться немногими людьми, а брал с собой целый отряд.

Возвратимся, однако, к прежнему и опишем первоначальную встречу двух князей, по одному героическому рассказу, где этот эпизод довольно подробно изложен. Когда воины после продолжительного плавания были вблизи вражеского города, «их увидели дальнзоркие и слышали чуткие ухом». Князь с сыном вышли на пристань встречать гостей, а приехавшие богатыри, между тем подъезжая к берегу, показывали всё своё умение править лодкой, заставляя её извиваться по воде подобно выдре и в знак бодрости духа своего «свистели из толстого и тонкого горла». На расстоянии выстрела из лука они остановили лодки и, уперев конец лука в дно, выпрыгнули на берег, не боясь могущих быть козней. Князь пригласил их в большой дом, предназначенный для сбора воинов и сватов, и дал им двух женщин воду носить и кушанье варить и человека, чтобы дрова рубить. Кроме того, их снабдили пищей и питьём. Несмотря на такой, по-видимому, радушный приём со стороны местного князя Нангхуша, всё-таки обе стороны остерегались друг друга, так как взаимные отношения их ещё не выяснились. Те и другие выставили ночью караульных, чтобы следить за противниками. На рассвете они начали вести переговоры.

Способы ведения войны были различны в зависимости от характера противников и от занимаемой ими позиции.

На малочисленного врага остяки обыкновенно нападали стремительно, осыпая его при этом тучами стрел. Если их нападение бывало отбито, они разбегались, но вскоре собирались и нападали снова. Обыкновенно же слабейшая сторона скоро падала духом и обращалась в бегство. Только лучше организованные и вооружённые отряды татар и русских могли с успехом выдерживать атаки остяков, превосходящих их численностью.

Если приходилось иметь дело с сильным противником, расположившимся в неукреплённом месте, то остяцкая военная тактика того времени требовала не вступать с ним в открытый бой, а, улучив минуту, застать его врасплох и произвести на него внезапное нападение. Чтобы этого вернее достигнуть, нападающие посылали вперёд разведчиков. Они должны были подкрасться к неприятельскому стану и всё выведать. В качестве этих лазутчиков в остяцких былинах иногда выступают кукушки. В их образ вещице князя умели обращать свои шапки, бросая их вверх. Их же посылали в качестве вестниц, если требовалась скорая помощь от какого-нибудь союзного князя. Если сообщение кукушки было благоприятно нападению, то весь отряд двигался вперёд, но столь осторожно, «чтобы ни соринка, ни былинка не шелохнулись», как говорится в былинах, и кровопролитие кончалось истреблением врагов.

Но, конечно, такие столкновения не всегда оканчивались столь благоприятно для нападающих. Располагаясь на ночёвку в неукреплённом месте и притом в военное время, отряд для обеспечения себя от внезапных нападений выставлял караульных. Они постоянно сменялись. Те же предосторожности соблюдались, если отряду приходилось делать стоянку во вражеской стране. В нашем рассказе это так описывается: «Если на одной стороне какой-нибудь муж ложился, на другой стороне какой-нибудь муж бодрствовал, и когда спавший пробуждался, бодрствовавший ложился. В чужой земле, на чужих водах ими вследствие неизвестности овладевает страх». Эти караульные иногда замечали лазутчиков или самих подкрадывающихся воинов, будили своих, и тогда нередко нападавшие несли большой урон.

Сражение остяки всегда начинали стрельбой из луков, причём старались нанести врагу побольше вреда и потом

уже мало-помалу сходились и вступали врукопашную. Как все дикие народы, они не умели сражаться сомкнутыми рядами, а дрались врассыпную, причём каждый выискивал себе противника, чтобы с ним схватиться.

Если в числе врагов имелись и князья, закованные в кольчуги, то их противники выжидали обыкновенно случая, когда разгорячённый боем богатырь снимал её, чтобы свободнее подышать, и тогда меткая стрела пронзала его. Богатырь, однако, сознавая свою уязвимость без кольчуги, был тоже настороже и нередко спасался от стрелы тем, что, услышав шум тетивы, приседал или подпрыгивал кверху. Так, дважды избег смерти в одной былине *Ге в р-богатырь*, но в третий раз стрела его пронзила, когда он надевал кольчугу через голову и не слышал шума вражеского лука. При подобных же обстоятельствах остяцкий богатырь Салхан, герой Демьянской области, убил самоедского князя, осаждавшего остяцкий городок на мысу Каттида ванда*. Остяки, преследуемые самоедами, засели в городке, и самоедский князь во главе своих стал рубить палисады. Ему сделалось жарко, он откинул назад верх своей кольчуги и обнажил при этом свой лоб. Следивший за ним Салхан пустил в него стрелу сквозь прорубленное им отверстие, и тот пал, поражённый в переносье. Нападение самоедов после этого было отбито.

Иногда, если вражеский богатырь ни при каких условиях не снимал своего «душу спасающего одеяния», его противники молили Бога, чтобы он послал сильный жар, что он обыкновенно, по своей милости, и исполнял, и богатырь легко пронзал своего беззащитного врага. Поразить богатыря даже при подобных условиях считалось всё же большим подвигом.

Мечами остяцкие богатыри, по-видимому, нечасто рубились на поединках, а употребляли их или для своей защиты, или в сражении с простыми людьми, не имевшими подобного оружия. Богатырей же они рубили мечом почти только в том случае, если им удавалось захватить их врасплох, например, подкравшись сзади. К такому выводу, по крайней мере, можно прийти на основании фактов, сообщаемых героическим эпосом.

* Находился около нынешней дер. Готиловой (Дем. вол.), которая от него и получила своё имя.

Состязание двух богатырей не всегда, впрочем, кончалось смертью одного из них. Случалось, что если оба противника не могли нанести друг другу смертельной раны в продолжение долгого времени, они расходились, давши взаимную клятву не сражаться впредь друг с другом, пока будут живы, «а если кто из нас нарушит эту клятву, говорили они, то пусть с него сдерут его радужно отливающуюся головную кожу». Это тоже несколько напоминает западных рыцарей, которые в подобных случаях имели ещё обыкновение меняться оружием. Какой обряд они совершали при заключении клятвы здесь, в этом рассказе, не упоминается, но из других мы знаем, что при этом целовали щучий нос и огонь*. При соблюдении этого обряда вогульский князёк Китвор-бтер заставил побеждённых им самоедов поклясться, что они впредь не будут делать набегов на его землю. Может быть, при этом целовали и медвежьей морду или разрезали её ножом, как оно ныне водится у сибирских угров, как у язычников, так и у крещёных.

Убитого врага лишали его доспехов, и победитель брал их себе. Иногда побеждённый богатырь, умирая, сам бросал их врагу, чтобы не быть ограбленным после смерти, так, например, поступил Левр-богатырь.

Чтобы доставить себе больше славы, а врагам унижения, победители имели обыкновение снимать с них их головную кожу (ух-сбх). Её эпитет в остяцких былинах — «радужным цветом отливающаяся» — вероятно, зависел от чёрного цвета их волос, имеющих действительно на солнце радужную игру. Впрочем, дословный перевод остяцких слов этого эпитета — *coi* волпан** — мне неизвестен. Лишение головной кожи, вероятно, имело ещё и другой мотив, именно основанный на своеобразном веровании остяков в загробную жизнь. Есть основание предполагать, что по их понятиям душа человека, лишённого скальпа, окончательно умирала⁴². Эти кровавые трофеи также высоко ценились в те времена у остяков, как ещё отчасти теперь среди некоторых племён краснокожих индейцев Северной Америки. Уважение к князю росло по мере накопления у него непри-

* Вероятно, в знак того, чтобы вода и огонь истребили клятвopеcтyпника.

** «Подобная «зеркальцу» гагары (*coi*)», по словам остяков, есть точный перевод этого выражения. *Coi*, по Кастрену, *anas clangula*.

ательских скальпов. С другой стороны, побеждённый богатырь, если ещё не терял сознание, всячески старался помешать своему противнику лишить его головной кожи. Вот какими словами обратилась к остяцкому богатырю голова самоедского князя Сос-Турума — ей удалось спастись от него в речку: «Богатырь, носящий внушающую страх одежду из полотна многих земель, зачем пришёл ты в страну, куда не добраться даже зверю? Убегая от тебя и укрывая мою радужно отливающуюся головную кожу, я прибегал к сотне уловов, ко всевозможным уловкам. Если ты взойдёшь сюда в воду, то ты муж, живущий в светлом миру, войдёшь на много, много лет... Когда ты повернёшь к дому твою косатую, славную* голову, то среди дома, полного мужей и жён, не говори, что тебе удалось содрать со старого Сос-Турума его радужно отливающуюся головную кожу». В этих словах мы видим как бы торжество побеждённого врага; они как бы говорят: «если всё пропало, то хоть честь спасена».

Обычай скальпировать убитых врагов был в прежнее время распространён не только у остяков, но и у вогульцев, о чём сообщает г. Гондатти**⁴³, а также и у самоедов, на что имеются намёки в героических рассказах остяков.

Есть некоторые указания на то, что богатыри иногда съедали сердца своих побеждённых врагов, причём они в данном случае руководились скорее желанием, чтобы сила последнего перешла к ним, чем чувством мести. В былинах подобного случая мы не встречаем, а в одном героическом рассказе остяков Темлячевской волости. По этому преданию, в отдалённое время на месте теперешних юрт Б. Атлымских (Берёз, окр.) проживал богатырь Сенгепов. Он чинил постоянные набеги на их землю и на страну по нижнему Иртышу. Однажды местные жители собрались ему отомстить и пошли на него войной, но, придя туда, не застали его в живых. Им передали, что он умер вследствие того, что сквозь него пролетела птица вроде гагары (тор-Воје); образ её, по их мнению, принял злой дух. Тогда они отправились на кладбище, где он недавно был похоронен, вырыли его и, вырезав у него сердце, крепкое как камень, разрубили его на части и съели. Этот единичный факт

* Здесь пропущен эпитет головы табый, смысл которого тёмен и для инородцев.

** Тр. этн. отд. О. люб. ест., антр. и этн. Кн. VIII, 88. С. 64.

не имел бы сам по себе значения, как вообще все единичные случаи, если бы о подобных обычаях древних угров не передавали нам и другие исследователи их. Например, г. Гондатти* о прежних вогулах и летописец Регинон** относительно древних мадьяр. И каждый из них даёт этому обычаю своё объяснение: мнение первого из них, согласное с нашим предположением, приведено выше, а второй полагал, что сердца убитых врагов употреблялись мадьярами как лекарство.

Защитой укреплённых мест служили валы, рвы, палисады, но так как и они не могли бы оказать большой помощи в случае нападения врасплох, то горожане заблаговременно ставили дозорных для предупреждения об опасности. Иногда помещали их на помостах, устроенных на высоких столбах, поставленных в городе, как о том повествует одно сказание. Эта предосторожность оказывалась не лишней в местности с не вполне открытым кругозором.

Употреблялся ещё другой способ для сведения о приближении врагов: поперёк реки или водного бассейна, где был расположен город, протягивали бечеву или проволоку (сугом). Конец его находился в городе. Враги, ничего не подозревая, наезжали на него и расшевеливали, или даже умышленно перерезывали его, а граждане тотчас выступали против пришельцев. В одной из записанных мною былин такая «вестовая» проволока была из золота (сорн!й сугом) и имела толщину «мясистого пальца». Г. Гондатти описывает шнуры с навешанными на них бубенчиками: по звону их в городе узнавали об опасности.

Против людей, едущих на лодках, устраивали своего рода мины, втыкая в воду недалеко от поверхности поперечный ряд кольев, обращённых острием в ту сторону, откуда ожидались враги***. Последние, наезжая на них сильными взмахами вёсел, ломали и опрокидывали свои лодки и делались добычей стерёгших их воинов. Особенно гибель-

* Л. с. «Убив врага, они всегда съедали его сердце и печень, чтобы вся сила убитого перешла к ним и чтобы он не ожил».

** Regino 889 (P. ss, I, 600) «...corda hominum, quos capiunt, particulatim dividentes veluti pro remedio devorant» (Зап. ист.-фил. фак. Ч. IX. С. 318).

*** Об этом способе обороны мне сообщили ачирские татары, которые, без сомнения, суть потомки отатарившихся вогульцев. Они живут в северной части Эскалбинской волости (Тоб. окр.).

ны были подобные засады для берестяных лодок. Они при этом неминуемо тонули, а люди, сидевшие в них, часто изувечивались. Против этих берестяных ладий также действовали луком и стрелами. Славные богатыри, впрочем, пробивали с лёгкостью и осиновки и топили их.

Перед началом войны горожане укрепляли свой город, исправляли валы, углубляли рвы и возводили новые палисады. Так надо понимать те предания о некоторых городках, например, про *Вони-жега-вош**: он в военное время вырастал на 7 копьёвищ, или 7 сажень; и о другом городе *ЈаМ-вош* — он имел «бабье сердце» и при открытии войны уходил в землю.

Укреплённые места остяки брали, смотря по обстоятельствам: или приступом, или же голодом. Первый случай имел место, если приходилось воевать с несильным противником, или если город не был хорошо укреплён. Рвы и валы — на Севере обыкновенно незначительных размеров — оказывали лишь слабое сопротивление подступающему врагу. Лишь палисады, если они имелись, останавливали его настолько, чтобы дать возможность защитникам собраться с силами и отбить приступ. Добравшись до этих стен, богатыри выхватывали из-за пояса свои огромные топоры и начинали сокрушать дерево. Но работа, несмотря на силу богатырей, вряд ли подвигалась быстро вперёд. Кажется, не все простые люди имели топоры, и большая часть из них была обречена на бездействие. Защитники в свою очередь не зевали и осыпали их сверху градом стрел и валили на них брёвна. Скатываясь по откосу укрепления, они увлекали с собой вниз и взбиравшихся воинов. По мнению остяков, от седьмого бревна не мог уйти и самый проворный самоед. Иногда же жителями, спрятавшимися в городе, овладевал такой страх при виде многочисленных врагов, что они почти не были способны что-либо предпринять, и тогда спасение всецело зависело от храбрости князя. Улучив момент, он пронзал вражеского вождя стрелой и тем производил временное смятение в среде врагов. Таким образом был спасён от нападения самоедов остяцкий городок на мысу *Каттида-ванда*, как мы видели раньше. Когда самоедский князь пал, пронзённый стрелой *Салхана*, ободрённые этим остяки сделали вылаз-

* Расположен около р. *Вош-жега*, в вотчине шумиловских остяков (М.-Конд. вол.).

ку и нанесли врагам сильное поражение. Едва небольшая часть из них спаслась бегством. Крови было пролито такое количество, что, по словам местного предания, земля здесь окрасилась в красный цвет, и этой красной землёй остяки долгое время красили свои лодки. Напротив, город князя Нанг-хуша был взят приступом сыновьями князя J a s e T T a - K e T n e - x u i , так как стрелы защитников его не могли причинить вред богатырям, защищённым кольчугами, и те ворвались в город.

Когда город был сильно укреплён, и вообще, если рассчитывали встретить сильное сопротивление, его обыкновенно не решались брать приступом, а окружали его и принуждали сидевших в нём к сдаче, что, обыкновенно, происходило скоро, так как остяки запасов на случай войны не делали. Иногда в подобных же случаях осаждающие брали город хитростью, например, делали вид, что уходят, а сами устраивали засаду, в которую попадали вышедшие из города люди. В одной из имеющихся у меня былин описывается осада крепкого города князя I e в р а (Харда-вош). Эпизоды её столь интересны, что мы их здесь вкратце передадим. Трое князей из города K a p ы п о с п а т - у р д а т - в о ш , опасаясь кровавой смерти со стороны двух эмдерских князей — у них они убили отцов, — бросают свой слабо укреплённый город и плывут по Конде к своему союзнику — богатырю I e в р у . У него был на реке Гевре крепкий «медный город» — с устройством его мы уже знакомы. Эмдерские князья преследуют их по пятам. Когда те запёрлись вместе с местными жителями в крепости, они расположились за её стенами и прервали всякое их сообщение с окружающей местностью, где имелись озёра, обильные рыбой, и леса, полные дичи. Вскоре в ограде, где скопился народ из двух городов, появился сильный голод. Когда осаждённые, находясь в крайности, не знали, что предпринять, над их головами пролетел ворон, державший во рту рыбку. Тогда голодные жители не вытерпели и решили, несмотря на присутствие врагов, выйти из-за стен и отыскать рыбную речку, а эмдерские в свою очередь, чтобы им не мешать, приняли образ змей и легли у ворот города. Те вышли из-за палисада, наловили в I e в р е -реке массу рыбы, и главный богатырь этой области I e в р стал её делить. Но когда, вспотев, он снял кольчугу, его пронзила стрела одного из врагов. Как только пал их самый сильный противник, они бросились на своих личных

врагов, князей города Карыпоспат-урдат-вош, и убили младшего из них. Старшие же спаслись только благодаря заступничеству самого Бога. Город же и прочий народ остались невредимы, так как вся война была ими ведена лишь из кровавой мести к названным трём князьям.

Этот рассказ имеет для нас ещё другой интерес. Он показывает, что остяцкие князья иногда заключали между собой союзы и коалиции, чтобы противостоять более сильным врагам. Из одного рассказа мы видим, что и остяцкие городки: находившийся на мысу Каттида ванда и Вош-жега-Вони были союзниками, заключившими между собой оборонительный и отчасти наступательный союз. В случае открытия военных действий сторона, подвергавшаяся нападению, выставляла на высоких шестах куски красного сукна в виде флагов. Она тем давала знать своему союзнику об опасности, ей угрожавшей. Весть о появлении красных флагов быстро передавалась рассеянными всюду рыбаками и охотниками с одного места в другое и доходила до их союзников. Они тогда спешили на помощь утеснённым. Говорят, что и теперь горный берег Иртыша, где находится мыс Каттида ванда, отчасти виден в ясные дни с Конды, так что известие об открытии войны весьма скоро могло достигнуть до находившегося здесь городка, расположенного сравнительно недалеко от этой реки.

Эти союзы имели особенное значение при войнах с самоедами, а впоследствии с татарами и русскими.

Самоеды часто делали набеги большими ватагами в 200—300 человек, и остяцкие князья не всегда могли им противопоставить соответственное число воинов. Кроме того, нападения свои они производили иногда столь стремительно, что часто заставляли остяков врасплох и не давали им времени собраться. Если же самоеды встречали сильное сопротивление, то столь же быстро пропадали, захватив с собой награбленное имущество и жён остяков и уводя их стада оленей. Это особенно касалось зимнего времени, когда замёрзшие озёра, реки и болота открывали повсеместно пути и когда жители, даже предварённые об опасности, не знали, с какой стороны произойдёт нападение. При таких походах самоеды всегда брали с собой стада оленей. С ними они быстро переносились с одного места на другое и в то же время имели всегда пищу во время пути. Благодаря этому

самоеды были в состоянии вести продолжительные осады городков и принуждать их жителей, не обеспеченных в провианте и отрезанных от всего окружающего, к сдаче.

Набеги свои самоеды производили и летом, причём поднимались тогда на своих лёгких, часто берестяных лодках вверх по рекам. Пользуясь тем, что в это время года всё мужское население занято рыбным промыслом, они незаметно подплывали к стоянкам, грабили жилища остяков и уводили с собой их жён и детей. В том же случае, если их встречали остяки в превосходном числе, они бросались в лодки и быстро исчезали, оставляя своих противников позади, так как по суше перебегали через все перешейки и волоки, унося с собой свои лёгкие ладьи, чего не могли сделать остяки, имевшие сравнительно грузные деревянные лодки.

Своими набегами самоеды тревожили в пределах Тобольского округа всю область нижнего Иртыша до Демьянки и область Конды, причём в последний край они спускались на ладьях по реке Тал, впадающей в Конду. У жителей кондинского края они более известны под названием «тавдинского народа»: Тавда-ях (у вог. — во! Тавд!тта (?))⁴⁴.

Как мы видели, тактика самоедов была тактикой многих других кочевых племён. Мы знаем, какой успех они часто имели при столкновении с оседлыми народами, даже значительно более образованными, чем были остяки. Понятно, что для последних было весьма важно иметь союзников, которые могли бы в случае необходимости увеличить их военную силу и тем самым дать возможность вовремя отразить врага.

Во время завоевания русскими долины Иртыша и Оби казаки всюду встречали значительные скопища остяков, составлявших войска союзных князей. Так, князь Демьянской волости Нимнян собрал в свою обширную крепость до 2000 бойцов⁴⁵, причём в качестве союзников его были не только остяки разных местностей, но и кондинские вогульцы. Далее история отметила, что под Самарским мысом казаки застали врасплох спящих остяков и изрубили их. В числе убитых находился местный князь Самар и его восемь союзных князей.

Глава IX

Заключение

Былины — исторические рассказы о подвигах богатырей, опоэтизированные народной фантазией. — Их реализм. — Куда делись богатыри? — Взгляд остяков на этот предмет.

Мы не будем дольше останавливаться на выводах о жизни прежних остяков и их мировоззрении на основании данных былин и героических сказаний, например, об их религиозных верованиях. Скажем лишь несколько слов о том, как следует смотреть на упомянутые виды остяцкой народной поэзии. Их можно рассматривать или как произведения народного творчества, в основание которого легло знакомство их с окружающим миром и их представления о богах и прежних людях, или как исторические рассказы о подвигах прежних князей, опоэтизированные фантазией их авторов и певцов.

Мы склоняемся решительно в пользу этого последнего мнения. Доказательством может служить неподдельный реализм, что всюду проглядывает в былинах. Все их географические и топографические данные настолько верны и точны, что позволяют нам судить о местах происшествия разных событий. Сам тип богатыря тоже вполне реален. Если мы откинем некоторые фантастические черты его характера и некоторые сверхъестественные его способности, то мы будем иметь перед собой остяцкого князька, мало чем отличного от тех, коих еще застали русские при их появлении в Западной Сибири. Их большая сила и лучшее физическое развитие зависели от более изобильной пищи и от лучших условий жизни. Это представление об их большой силе и непобедимости зависело и от их лучшего вооружения, которое они могли иметь благодаря своему сравнительному богатству. А что кольчуги и мечи у них действительно имелись, показывают многочисленные их находки, а также свидетельство прежних бытописателей это-

го края. Наконец, образ жизни богатырей, их занятия, домашняя обстановка — всё так сходно с тем, что мы ещё теперь застаём в самых глухих уголках остяцкого и вогульского края и с тем, что ещё недавно имело место в теперь обрусевших местностях, что нет никакой необходимости приписывать всё это фантазии народа.

Небезынтересно будет знать читателю, какова -же была судьба остяцких богатырей, о коих впоследствии уже ничего не упоминается. Нет сомнения, они могли существовать, только пока врагами их были столь же слабые противники, как и они. Когда же на юге появились турки-завоеватели, а впоследствии и русские, то слава богатырей сразу померкла. Они не были в состоянии вступить в борьбу с более сильными и лучше вооружёнными врагами и предпочитали сражаться наравне с прочими и в случае беды бежать вместе с ними, так как их личные военные качества тут вряд ли могли оказать им большую помощь. С этих пор князьки стали утрачивать свою славу богатырей и своё обаяние. Исчезло мало-помалу то прежнее благоговение остяков к своим князьям и заменилось более равноправными отношениями между обеими сторонами. Народ по-прежнему признавал их главами и слушался их, пока это входило в его интересы, в противном же случае действовал по-своему.

В этом виде их застаёт история, и историк Фишер⁴⁶ даёт верную характеристику остяцкого князя XVI века: «Такой князёк владел не полновластно, ибо народ имел столь же великое право на него, как и он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, нежели другого». Немного времени спустя после завоевания русскими Северо-Западной Сибири, большая часть остяцких князей потеряла своё княжеское достоинство и сравнялась с простыми людьми.

Сами же остяки иначе объясняют исчезновение богатырей в их стране. Народ не мог, или вернее не хотел, допустить превращения славных, боготворимых богатырей своих в простых смертных. В уме его зародились разные, более поэтические объяснения их исчезновения. Нахождение в лесах незамеченных ранее огромных об-

юмков камней, занесённых ещё в ледниковый период в »ту страну, где совершенно нет скал и камней, наводило >стяков на мысль, что, верно, это их богатыри, спасаясь)т новой веры, приняли вид этих камней. По их рассказам, это случилось таким образом: когда стала распространяться христианская вера, богатыри, верные прежним югам, стали удаляться в более глухие места, но когда всё это не помогало и новая вера всё дальше и дальше проникала в их страну, они убежали в леса и тундры зверя и на запад, на Урал, и превратились там в каменные глыбы.

Некоторые богатыри, судя по былинам, были взяты Богом на небо и сделались святыми. Им остяки и теперь ариносят жертвы и молитвы. К таким князькам принадлежат двое старших сыновей князя города Кары-пбспат-вош. Известны они у нынешних кондинских остяков под именем Iega-tel-Iгенен — «Старики с вершины речки», ибо настоящим их жилищем считаются старый городок Voui-jega-вош в вотчине шумиловских остяков и небольшой холм в даче нюркоевских, расположенные вблизи мелких речек и в известном расстоянии от Конды.

За великих святых, живущих теперь на небе, считаются в кондинском крае и прежние нахрачинские богатыри Ai-урт (вог. Viini-бтер), т.е. «Малый князь» и Ене-урт — «Большой князь», именуемый вогульцами JaHbi-кеныт-анчых, т.е. «Старик с большой шапкой», потому что в таком виде его изображают. Как при своей земной жизни они были великими воителями, так и после перехода своего на небо они не перестали принимать участие в битвах. Ввиду того, что остяки и вогулы в настоящее время войн не ведут, они являются союзниками русских в их войнах, истребляя в виде «железных волков» (карт jespa) их врагов*. Но вообще богатырей, удостоившихся чести быть взятыми на небо, немного.

Другие просто умерли в разных местах, дома или сражаясь с врагами. Но где бы и каким бы образом они ни погибли, души их и поныне витают над страной остяков,

* Кондинские остяки уверены, что именно за эти услуги их богатырей русские цари освободили их от воинской повинности.

посылают им удачу в рыбной ловле и на охоте* и, будучи любимцами Бога, устраняют от них многие бедствия, за что благодарные потомки молятся им, как добрым духам, и приносят им кровавые жертвы и дары.

* В сказаниях: јінк хут' тёдына!тта, хар таш тёдына!тта — букв.: «водную рыбу в изобилии найти, лесной товар в изобилии найти».

**Серафим Керопович
ПАТКАНОВ** —

**Сказания о поездках
остяцких князей к русским царям**

Вскоре после покорения Сибирского царства в русский стан стали являться инородческие князьки из окрестных стран с изъявлением покорности. Русские правители и губернаторы принимали их ласково, одаривали их и, наложив на подвластные им народы ясак, с почётом отправляли их домой. Некоторые из таких князьков пожелали передать себя и свой народ во власть России не иначе, как при посредстве самого государя, что им не возбранялось. Таков был остяцкий князёк Лугуй⁴⁷, который в 1586 году ездил в Москву, чтобы в первопрестольной столице принять русское подданство. Федор Иоаннович принял его ласково и дал ему охранительную грамоту. Его примеру последовали и другие князьки. Так, в 1600 году в Москву приезжал жаловаться на грабежи остяцкого князька Игичея⁴⁸ и его союзников — русских — правитель кондинских вогульцев Курманак Танаев⁴⁹, а несколько лет раньше туда же был отправлен пленённый вогульский князёк Агай⁵⁰ с сыном. Поездки остяцких и других князьков по разным обстоятельствам в столицы имели место и в последующие периоды времени. Некоторым из них посчастливилось посетить Петербург два раза (напр. Ив. Матв. Тайшину⁵¹).

Само собою разумеется, что эти поездки в многолюдные блестящие столицы, где князьки иногда удостоивались приёма во дворце, не могли не оставить глубокого следа в умах таких детей природы, какими в прежнее время были остяки и вогулы. В длинные зимние вечера, когда стар и млад собираются в тесной юрте у пылающего огонька, старики, уступая настоятельным просьбам молодёжи, начинают свои бесконечные рассказы о прежних людях, о богатырях и князьках. Не забывают они при этом и о путешествиях последних к

Белому царю. Передаваясь из уст в уста, подобные рассказы с течением времени изукрасились народной фантазией и приняли в большей или меньшей степени сказочный характер.

К числу таких рассказов принадлежат и ниже приведённые два сказания о посещениях остяцкими князьками и богатырями русских царей, записанные в 1887 году в Тобольском округе.

1. Лет триста тому назад, когда в крае было ещё очень мало русских, вся земля всецело принадлежала остякам, которые управлялись своими князьками. Леса тогда изобиловали пушниной и дичью, а воды — рыбой, ввиду чего остякам жилось недурно. Они не только могли исправно вносить ясак царю, но и делать хорошие подарки своим князькам, некоторые из которых, накапливая из года в год пушнину и выменянные на неё серебро, шёлковые ткани и деньги, приобрели значительные богатства.

Но с течением времени обстоятельства изменились: русское население стало расти, остяцкое беднеть и убывать. Пушнины уже добывалось меньше, и князьки не только не получали более подарков, но то и дело должны были выручать обнищавших недоимщиков. К тому же стали ходить слухи, что то тот, то другой из амбарчиков, посвящённых весьма почитаемым остяцким богам, подвергся ограблению со стороны русских вольных людей.

Видя, что сохранить свои богатства при таких обстоятельствах не представляется возможным, многие из остяцких и вогульских князьков приняли решение закопать их в землю. Так же поступил, между прочим, и один князёк, имя которого не сохранило предание, правивший над чиликанскими и соседними остяками. Про этого князька рассказывают, что он не только был мудрым правителем, но и отличался замечательной физической красотой: на лбу у него сверкала звезда, а на затылке светил ясный месяц. Но подданные его об этом ничего не знали, потому что он, не желая смущать их этим чудом, постоянно носил на голове соболью шапку.

Желая привести в исполнение задуманную им мысль, он нанял русских крестьян, которые должны были совершить всю указанную работу с завязанными глазами. Они выкопали в одном бору 40 погребов, в которые сам князёк опустил 40 ящиков с драгоценностями. Затем ямы были засыпаны и сровнены с землёй. Крестьяне получили право развязать глаза лишь тогда, когда они прибыли в юрты. Таким образом, никто, кроме самого князька, не знал, где закопан клад.

Это произошло в ту эпоху, когда указанный князёк был ещё язычником, или, по выражению остяков, «поклонялся шайтанам». Приходя, однако, с течением времени в более близкое соприкосновение с русскими, он возымел желание креститься. Своим богам он уже мало доверял. Действительно, он постоянно делал им богатые «приклады» в надежде, что они даруют ему удачу в рыбной ловле и на охоте, но весьма часто случалось, что они не исполняли своих обещаний. Но что ещё более убедило его в их бессилии, это что они не были в состоянии отомстить русским людям за осквернение своей святыни: святотатцы не только не были поражены громом, но у них даже руки не отсохли после этого.

Будучи знатного рода, князёк, однако, желал иметь крестным отцом какого-нибудь русского столь лее знаменитого происхождения, как и он. Таких же лиц в те времена, несмотря на его поиски, нельзя было найти в целом крае, и князёк, по совету стариков, решил обратиться по этому поводу к Белому царю, к которому, по слухам, уже ездили двое князьков. Но осуществить эту заманчивую мысль оказалось делом нелёгким: ведь царь его, конечно, не станет крестить даром, а богатств у него более не имелось, он даже забыл место, где были закопаны его драгоценности. Как быть? Он думал три дня и три ночи и ничего не мог придумать. Тогда он, будучи хорошим промышленником (охотником), решил испытать своё счастье на охоте. Бог, должно быть, русский, ему помог: ему посчастливилось найти гнездо с молодыми лисицами, одна из которых оказалась совсем необыкновенной. Шерсть у неё была золотистая и имела

такой ослепительно-яркий блеск, что его с трудом мог выносить глаз. Вот эту лисицу он и приготовил в подарок царю. Бережно содрав с неё шкуру, он завернул её в чистый белый платок и в радостном настроении отправился домой.

Через день он был уже в пути, а месяца через два — в столице. Не останавливаясь, чтобы отдохнуть, он прямо направился ко дворцу. Здесь его встретила старушка, которую он просил доложить царю, что к нему приехал издали гость. Старушка не решилась исполнить его просьбу, и он рискнул пойти без доклада. У первых дверей его встретил часовой, который его окликнул. Князёк ему сказал, что идёт к Белому царю по важному делу, и тот его пропустил. Он прошёл три комнаты и у четвёртой опять наткнулся на часового, который его опять спросил, кто он и зачем идёт во дворец. Князёк ответил, как раньше, и часовой его пропустил. Пройдя мимо последнего часового, князёк вошёл в большую и богато убранную горницу, в которой находился царь, и отвесил последнему низкий поклон, не снявши шапки. Государь с ним поздоровался и спросил: «Ты что за человек будешь и отчего предо мной шапки не снимаешь?». Он отвечал: «Я остяцкий князь, приехавший к тебе из далёкой Сибири по небольшому делу. А что я шапки перед тобой не снял, то это, чтобы тебя не испугать, Ваше Императорское Величество». Царь усмехнулся и сказал: «Я не из трусливых, можешь смело снять шапку». Остяк повиновался, и свет, исходивший с его лба и затылка, внезапно озарил всю комнату. Государь смекнул, что перед ним человек необыкновенный, и стал с ним ещё ласковей. Он его усадил за свой стол и стал угощать заморскими кушаньями. По окончании пира остяк начал ему излагать причину своего приезда: «Видишь ли, Ваше Императорское Величество, мне теперь 35 лет, и я посейчас не крещён. Приехал я сюда, чтобы принять святое крещение и просить твою милость быть моим крёстным отцом». — «Что ж, это можно», — ответил Государь. Тогда остяк вытащил из-под гуся платок, в котором была завёрнута лисья шкурка с золотым руном, и подал её царю. Царь охотно при-

нял подарок, «подивовался» на диковинку и поблагодарил остяка. «Что же тебе дать взамен?» — спросил он. «Дай мне три куска золота, Ваше Императорское Величество», — отвечал остяк. Государь велел принести три куска золота и передать гостю, который взял себе лишь один, возвратив царю остальные два в виде обратного дара.

Государь крестил князька и по своей фамилии нарёк ему имя Роман. После он его женил, дав ему в жёны одну из самых красивых придворных девок. После знатной свадьбы, которая была устроена во дворце, молодые отправились в Сибирь. По дороге молодуха стала тосковать, что ей придётся всю жизнь проводить в глуши, среди лесов и болот. Она решила избавиться от своего мужа и отравила его сулемой, после чего вернулась в Питер.

В память погибшего князька Романа родственники его, также принявшие крещение, выстроили возле своих юрт церковь, вокруг которой впоследствии выросло большое село, названное по имени остяцкого князька Романовским. Оно находится в южной части Денычиковской волости (Тоб. окр. и губ.)*. От прежних же остяцких юрт сохранились лишь два дома, в которых проживают обруселые остяки, считающие себя потомками княжеской фамилии. Эти так называемые Романовские юрты расположены у самого села и принадлежат к Верх.-Демьянской волости.

2. В далеко прошедшее время близ Троицких юрт, на Оби, проживали два великих богатыря, прозванных по месту, откуда они происходили, «Стариками с вершины речки» (Ега-тей-игенген). Один из них носил имя «Старшего богатыря» (Энэ-урт), другой — «Младшего

* Заметим здесь к слову, что факты, сообщаемые историей относительно возникновения с. Романовского, близко подходят к событиям, изложенным в нашем сказании. Остяцкий князёк Роман, давший имя означенному селу, правил вместе с князьком Нимняном над Демьянской волостью, расположенной около устья р. Демьянки. По взятии казаками их городка он, как гласит история, ушёл на Конду. Невыясненным в истории, однако, остаётся вопрос, каким образом во главе незавоёванной волости языческих остяков мог находиться князёк, носивший христианское имя, — обстоятельство, на которое обратили внимание и сами историки.

богатыря» (Ай-урт). Когда русские завоевали край и стали крестить народ, этих богатырей уже не было в живых, но на месте их жительства благочестивыми остяками были выстроены амбарчики, в которых хранились их изображения.

С этих идолов, или, по выражению инородцев, ликов, поп и хотел начать крещение народа, но несмотря на все старания, не мог их разыскать. Они внезапно скрылись неизвестно куда. Через некоторое время, однако, пронёсся слух, что эти высокочтимые боги хранятся где-то поблизости у одного остяка.

Посланные в числе 10 человек, придя в указанные юрты, разыскали амбарчики, в которых хранились изображения богов, и хотели отвезти их в церковь для совершения над ними таинства крещения. Но они не только не были в состоянии захватить с собой лики, но даже сдвинуть их с места. Послали ещё за людьми, но и те ничего не могли сделать. В этом безвыходном положении русские обратились к их хозяину и попросили его помочь им исполнить приказание царя. Остяк был покладистый и один с лёгкостью вынул их из амбарчиков и передал им.

Когда царь услышал об этом чуде, то повелел привезти эти лики к себе, невзирая ни на какие препятствия. Посланные запрягли большие сани и с помощью остяка положили на них этих богов, но несмотря на все свои старания, несколько людей и десять лошадей не были в состоянии сдвинуть сани с места. Побились, побились и опять вынуждены были обратиться к содействию их хозяина, который за небольшое вознаграждение взялся доставить богов к самому царю. Он хлыстнул лошадей, и они помчали сани с быстротою ветра.

Долго ли, коротко ли он ехал, но он прибыл в столицу и подъехал прямо ко крыльцу дворца. Царь принял гостей в своих хоромы и первым делом снял с них портрет. Самых богов царь пожелал оставить у себя в комнате. Узнав из разговора с остяком, что они еще не крещены, он осерчал и решил их сжечь, а их хозяина казнить. Не теряя времени, он сел за стол и стал писать

приказ об этом. Он писал, писал, но скоро его начала одолевать дремота, и он, не окончив бумаги, положил её под подушку и заснул.

На другой день Государь вспомнил о бумаге и решил её окончить. Но каково было его изумление, когда вместо написанных им строк он прочёл следующее: «Ты нас не жги, так как повредишь через это себе самому: ты — царь и всё равно что русский Бог, а мы — остяцкие богатыри и боги. Если ты нас обидишь, то мы пойдём к другим царям и будем с ними в союзе. Мы нашьём на твоё войско каменных и железных волков, которые его истребят. Если же ты нас не тронешь, мы всегда будем стоять за тебя».

Царь прочёл бумагу, протёр глаза и, убедившись, что он не спит, опять сел писать бумагу в прежнем духе. И этот раз он задремал, не успевши её окончить, и опять на другое утро нашёл, что вместо приказа о казни у него под подушкой лежит бумага с разными предостережениями вроде вышеприведённых. Собравшись со всеми силами, царь стал писать третий приговор и, несмотря на сильную дремоту, дописал его до конца, но тут же свалился от усталости и крепко уснул. Посреди ночи он как бы во сне слышал звон колокольчика и затем громовой удар. Он внезапно пробудился и увидел как бы молнию, сверкнувшую в комнате и ушедшую через разверзшиеся потолок и крышу на небо. Государь осмотрелся вокруг и заметил, что лики остяцких богов исчезли. Он сунул руку под подушку, чтобы разорвать ненужный теперь приказ, но вместо приказа нашёл бумагу, на которой было написано: «Ты, Государь, не казни нашего хозяина, иначе ты не будешь иметь счастья в бою, вспомни наши слова!». Царь подумал-подумал и решил, что в предстоящих войнах помощь остяцких богатырей ему может пригодиться, отпустил инородца с миром.

Богатыри Ега-тей-игёнген улетели в родную Сибирь и поселились где-то на Оби, хотя по временам показывались и в других местах, напр., в Нахрачах⁵², священном селении кондинских вогульцев. Верные своему слову, они принимают участие во всех войнах, которые

ведут русские, истребляя их врагов в виде железных и каменных волков. За эти заслуги остяцких богатырей русские цари освободили всех остяков от воинской повинности.

**Серафим Керович
ПАТКАНОВ** —

По Демьянке
(Бытовой и экономический очерк)

Глава I

Выезд из с. Демьянского. — Характер местности. — Гари и молодые леса. — Животное царство. — Соры и их происхождение. — Каналы. — Карабашева деревня. — Путь в Ситикову деревню. — Крестьяне — эксплуататоры остяцких угодий. — Ситиковская деревня. — Описание жилища. — Местные собаки и их концерты.

6 ноября, в снежный и ветреный день, которыми так изобиловала нынешняя осень, я выехал из Демьянска. Лёгкая кошёвка, крытая рогожами, быстро неслась по пустынным улицам этого большого села, увлекаемая парой сытых лошадок, запряжённых гуськом, — иначе невозможно ездить в здешних краях по причине глубоких снегов.

Дорога пролежала сначала через сплошные поля, укутанные теперь толстым покровом снега, потом стали попадаться гари, поросшие мелким осиновым и берёзовым лесом, а также и тальниковыми кустами. Среди этих гарей разбросанно лежали многочисленные, окаймлённые изгородью поляца — это так называемые распашки или росчистки, которые в противоположность к ближним и более сплошным общественным полям составляют как бы частную собственность отдельных крестьян, их распахавших, и в передел не идут. Чем более мы удалялись от Иртыша и Демьянска, тем реже становились росчистки и тем большие пространства занимал лес. По правую руку дороги встретился даже небольшой, но старый еловый бор, каким-то чудом уцелевший от пожаров, которые в конце 60-х годов истребили почти все леса на огромном пространстве от р. Демьянки до Оби. Относительно этого елового леска мой возница сообщил, что он уцелел благодаря тому, что близко прилегает к дер. Петуховой, крестьяне которой его отстояли, свалив целый ряд деревьев и не допустив огонь перейти через дорогу.

Подобная картина лесов и гарей, чередующихся с распашками, тянется на протяжении 7-8 вёрст, потом поля

исчезают и местность становится ещё более однообразной. Гари, почти сплошь покрытые мелким лиственным лесом, кое-где сменяются средневозрастными берёзовыми рощами, произрастающими на низменных сырых местах и потому пощажёнными огнём, но зато сильно истощёнными рубкой. Попадаются места, где огонь, уничтожив весь мелкий лес, только опалил старые вековые сосны, которые и теперь продолжают зеленеть и, может быть, простоят ещё несколько десятков лет, но они во множестве гибнут во время сильных бурь, лишённые опоры своих младших собратьев и не будучи в состоянии выдержать напор сильных ветров. Многие из них упали на дорогу и преграждали нам путь, другие приняли наклонное положение и ждут своей очереди.

Как и во многих других местностях, погибающий хвойный лес заменяется лиственным, местами редким, местами густым как щётка. Растёт этот лес медленно, и теперь, спустя 20 лет после пожара, он едва ли годится на дрова. Из древесных пород здесь встречаются ель, сосна, берёза, осина, ива, черёмуха, рябина и кедр.

Впрочем, эти леса имеют своё значение для края, служа в настоящее время любимым местопребыванием разных пушных зверей. Пожары, о которых мы упомянули, имели пагубное влияние не только на растительное, но и на животное царство. Благодаря им в короткое время вся местность превратилась в пустыню: всё, что не сгорело, бежало в ещё сырые урманы, и вследствие этого в течение 10-12 лет звериный промысел — прежде главное занятие жителей — почти прекратился. Но по мере подрастания леса вновь стала в нём проявляться жизнь, и некоторые животные, как соболь и лось, теперь не менее многочисленны, чем прежде. Другие, напротив, стали значительно реже, как, напр., северный олень, который, как известно, питается главным образом лишаями, растущими на земле и покрывающими стволы и ветви хвойных деревьев, и поэтому держится преимущественно в старых урманах, где они встречаются в изобилии. Приблизительно то же можно сказать и относительно белки, которая неохотно посещает здешнюю местность, где среди мелкой лиственной поросли не находит себе достаточной пищи.

Равным образом стали реже и медведи, в прежние времена часто навешавшие жителей в самих юртах. На смену им явились волки, ещё недавно совершенно неизвестные по р. Демьянке. Впрочем, и теперь они попадаются нечасто, и область их распространения ограничивается нижним её течением.

Таким образом, здесь мы встречаем интересную картину вытеснения одних растительных видов другими и, как результат этого явления, изменение в пределах распространения отдельных видов из царства животных.

Но теперешнюю флору и фауну здешней местности вряд ли можно назвать прочной и устойчивой. Берёза, главная представительница молодых, вновь возникших лесов, недолговечна, и если местами и образует спелые насаждения, то в ещё больших случаях, приближаясь к этому возрасту, начинает редеть и пропадать, ломается от ветра и сохнет от разных причин, и среди таких рощиц часто появляются тут и там молодые ёлочки, которые здесь развиваются очень хорошо, и таким образом образуется смешанный лес. Число ёлочек постепенно прибывает, а молодые берёзки, любящие свет, уже плохо растут среди подобного густого леса и вследствие этого с течением времени уступают место ели, которой более свойственна подобная среда.

В местностях, уцелевших от последних пожаров и которые пострадали от более отдалённых палов, можно видеть эти переходы от чисто берёзовых насаждений через смешанный лес к еловым лесам, но, конечно, подобное явление замечается не повсеместно, и для такого полного превращения требуется не менее 80 лет, и во многих местах огонь, сжегши насаждения, опять дал перевес лиственным породам.

Мы проехали через несколько соров*, которые среди здешней лесистой местности представляют, как и некоторые болота, единственные места, свободные от деревьев. Некоторые из них богаты рыбой, главным образом карасями, но также щукой, окунем и чебаком, но ловля неводом в

* Под этим именем на севере Тобольской губернии подразумевают озёра с весьма пологими берегами. Реже это слово, как здесь, употребляется как синоним выражений «озеро», «пруд», независимо от свойства их берегов. Происходит оно, вероятно, от соответствующего ему остяцкого слова «тор».

большой части из них невозможна по причине большого количества «задев», устилающих их дно.

Ввиду этого здесь промышляют преимущественно мордами. Эти соры, по всей вероятности, не что иное, как старицы реки Демьянки, которая с течением времени изменяет своё русло, прокапывая себе новое ложе. Что это предположение не лишено основания, может тому служить доказательством и то, что подобные же соры образуются, если прокопать ход между двумя извилинами реки, что здесь нередко предпринимают крестьяне и остяки, в видах сокращения пути. Надо заметить, что Демьянка крайне извилиста и образует множество колен, так что иногда достаточно прорыть какой-нибудь перешеек в 10-30 сажень, чтобы спрямить реку на 10-20 вёрст, что, конечно, важно для коренных жителей — остяков, для которых она служит единственным летним путём сообщения с деревнями и сёлами, лежащими по Иртышу, а также и для крестьян, сплавляющих лес в с. Демьянское.

Для прорытия таких перешейков собираются крестьяне или остяки в числе 10-25 человек, режет в большем числе, и оканчивают работу в 1, 2 и много 3 дня. Размеры одной из этих канав, пересекающей волок в 15 саж., следующие: ширина сверху 3 арш. и внизу 1 арш. при глубине в 4 арш. Река же в данном месте образует почти полное кольцо вёрст в 10 в окружности. Со стороны реки, конечно, оставляют перекопанные пространства, «пороги», которые прорезывают уже потом. Если глубина канав достаточна и если место выбрано удачно, то вода, особенно во время весеннего половодья, с большой силой устремляется в указанный ей ход и прорывает себе настоящее ложе. Такие прокопы встречаются по Демьянке в 3-4 местах.

На самую Демьянку приходится выезжать только по временам, именно там, где её пересекает зимний путь. Ввиду этого на вопрос, скоро ли мы доедем, ямщики здесь нередко отвечают так: надо проехать 2 сора и 3 плёса, причём слово «плёса» и означает часть поверхности реки. Ехать же по Демьянке всё время значило бы удлинить путь по меньшей мере в 3 раза — до того она извилиста и вертлява.

Первое жилое место, которое мне пришлось посетить, была д. Карабашева, состоящая всего из двух домиков. Ос-

нована она на месте бывших Карабашевых юрт, жители которых вымерли окончательно лет 10 тому назад. Ещё в 58-м году, во время 10-й ревизии, здесь проживали 10 душ остяков (8 мужч. и 2 ж.). С появлением вымирания инородцев мы будем постоянно сталкиваться при дальнейшем изложении, так как это явление замечается повсеместно по Демьянке, по Иртышу и Оби. Замечено это явление не только в Тобольском округе или в Сибири, но и в Америке, и в других странах, одним словом, всюду, где племена, стоящие на низкой степени развития и мало способные к культуре, сталкиваются с европейцами и начинают усваивать внешние признаки их цивилизации.

Здесь я остановился ненадолго и несколько побеседовал с крестьянами, которые охотно рассказывали о своём житье-бытье. Так как их экономические условия вполне сходны с таковыми же следующего Ситиковского селения, то я не буду о них распространяться особо.

Лошадей на этот раз запрягли в «распряжку», потому что ехать гуськом при сильной извилистой лесной дороге, при постоянных спусках и подъёмах оказалось неудобным. Я поместился на передних санях, а немногие мои вещи были сложены на задних санях, где был возницей проворный парнишка. Выюга продолжалась по-прежнему, и обледенелый снег резал лицо, но вообще погода была мягкая, что особенно было заметно, когда мы проезжали через густой лес, где и зимой тихо. Некоторое время мы едем по крутому берегу р. Нелыма, притока Демьянки с правой стороны, опять углубляемся в лес, пересекаем Демьянку, соры и болота и подъезжаем к Ситиковской деревне, которая, как почти все здешние селения, расположена на р. Демьянке.

Уже стемнело, но выюга стала утихать. Мы остановились у одного из двух домиков, из которых состоит вся деревня, именно у того, где ещё светился огонёк. Время было позднее, и я решил здесь переночевать, проехав всего 30 вёрст от с. Демьянского.

Войдя в избу, я застал семейную картину: крестьянин чинил хомут, а 2 женщины, жена и взрослая дочь его, как я потом узнал, сидя на лавке, пряли льняную нитку на особых прялках без колёс и весьма простого устройства, и всю эту картину освещала лучинка своим мерцающим светом.

Так коротают здешние крестьяне длинные зимние и осенние вечера и поэтому мало тяготеют своим одиночеством, впрочем, зима, или, точнее, первая её половина, здесь самое оживлённое время года. Малочисленные остяки, которым принадлежат громадные площади земли по обоим берегам Демьянки, конечно, не в состоянии сами эксплуатировать все многочисленные рыбные угодья, в них заключающиеся, и поэтому приглашают к себе артели крестьян, преимущественно Демьянской волости, вместе с которыми и промышляют с начала ноября по Рождество или Крещение, и ввиду этого в эти месяцы заметно постоянное движение народа взад и вперёд. Сначала крестьяне отправляются «мять» дорогу, иногда на лыжах, иногда на дровнях, так как без подобной подготовки в многоснежную зиму болота под обильным покровом снега иногда не промерзают вплоть до весны, и потом уже двигаются «караваны» рыбаков саней в 10-20 в глубь страны. Они везут с собой куски невода, хлеб, чай, кое-какую одежду, некоторую посуду, пшени, одним словом, предметы, необходимые, чтобы прожить 1½—2 месяца в юртах или в рыболовной избушке. Устроившись и несколько обжившись, крестьяне возвращаются опять на реку (Иртыш) за сеном, которое, таким образом, везут 50—80—100 вёрст, смотря по отдалённости их места назначения; на Демьянке же вследствие весьма слабого населения трудно получить достаточное количество сена. Потом, через недели 2—3 после начала промысла, туда потянутся ямщики за рыбой, и наезды их происходят каждую неделю или 2 недели.

Таким образом, в эти 2 зимних месяца здесь кипит жизнь, которая в январе затихает и опять начинается около Великого поста, когда крестьяне отправляются в остяцкие урманы валить и заготавливать лес для сплава на Демьянскую пароходную пристань. Живут они в лесах не более месяца, после чего вновь покидают берега Демьянки до весеннего разлива, когда на лёгких лодочках добираются до мест, где сложен лес, и сплавляют его по реке.

Во все эти периоды времени малочисленные избы здешних деревень и юрт бывают битком набиты народом, который располагается всюду, где только можно прилечь: на полу, на лавках, на полатах, на печи, и самовар подчас в продолжение целой ночи не сходит со стола.

Ситиковская деревня, как и Карабашева, выросла тоже на месте бывших остяцких юрт, жители которых вымерли ещё до 10-й ревизии. Эти деревеньки состоят из небольших чистеньких домиков, почти все в 1 стопу, или комнату. По своему внутреннему устройству эти жилища не представляют никакого отличия от таковых же изб по Иртышу, разве только, что они меньше, каждая стопа делится перегородкой на 2 части, из которых передняя — чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играет роль кухни. Как и там, угол против двери занят образами, другой — широкой деревянной кроватью с пологом. Все свободные места около стен заняты широкими лавками, которые иногда заменяют кровать для усталых странников. Для этой же цели служат и полаты — излюбленное место старух и детей.

Такое же устройство было и в доме, где я остановился, единственном, состоящем из 2 половин, или стоп. Здесь тоже вся жизнь была сосредоточена в одной комнате, другая же, отделённая от первой сенями, служила зимой кладовой. Окна, как всюду по Демьянке, затянуты коровьей или лосяной брюшиной, которая пропускает света вполне достаточно для домашних работ и даже для чтения и писания, но в то же время не позволяет видеть, что происходит на улице. Для этой цели в середине пузыря проделывают небольшую дырочку. Принимая во внимание дешевизну и общедоступность материала, окна с брюшиной с успехом могут заменить одну и даже две рамы со стёклами, и действительно, если брюшина аккуратно натянута, то от подобных окон гораздо менее дует, чем, напр., от окон, имеющих одну раму со стёклами, прикреплёнными притом при помощи шпилек, что встречается часто по Иртышу и повсеместно по Конде. Но подобные окна имеют и свои неудобства, именно они весьма хорошо пропускают звук, и всякий шум, возникающий на улице, слышен так же отчётливо, как если бы происходил в комнате. Это делается особенно заметным, когда собаки начнут свои обычные концерты, о которых не имеют понятия люди, не бывавшие к северу от Тобольска и не видавшие местных собак северной туземной породы, отличительная черта которой — чрезвычайно густая стоячая шерсть, длинная морда и стоячие уши. Вот эти-то собаки, которых держат ради охоты и для перевозки поклажи в

зимнее время в местах, где нет дорог, имеют странное обыкновение собираться во всякое время дня, но главным образом ночью, в стайки и поднимать ужасный вой, который длится иногда полчаса без перерыва, после чего они разбегаются, чтобы через некоторое время опять собраться у другого дома и продолжить концерт.

Придерживаясь правила, что утро вечера мудренее, я не без удовольствия расположился на покой в тёплой избе, но долго не мог сомкнуть глаз и прислушивался к вою ветра и к шелесту, который производил снег, ударяясь о брюшинную перепонку окна, и убаюкиваемый этим шумом, я наконец уснул.

Глава II

Занятия жителей — земледелие и рыболовство: «чердачный» промысел. — Слабая зависимость здешних крестьян от кулаков. — Права на землю. — Путь в Потырские юрты. — Их население. — Звероловство: охота на лося. — Местное охотничье право. — Охота на соболя, выдру, лису. — Добыча мелких грызунов. — Остяк как охотник.

Главное занятие жителей — земледелие и рыболовство.

Первые опыты хлебопашества по р. Демьянке принадлежат остякам, которые и оставили карабашевским крестьянам в наследство свои небольшие пашни; но земледелие остяков не получило широкого развития частью вследствие того, что вымерли жители, частью оттого, что одного плохого года было достаточно, чтобы охладить пыл не очень рьяных пахарей (Ескинские юрты). Теперь земледелие стоит на более прочных основах, но только в этих 2 русских деревнях, в остальных же остяцких селениях оно не практикуется. Хотя пашни здешних крестьян и невелики и достигают 1¹/₂ — 2, реже 3 дес. на двор, но при хороших урожаях, которые здесь бывают, этого количества вполне достаточно, чтобы прокормить в продолжение года небольшую семью, а иногда жатвы одного года хватает на 2 года, напр., хозяева, где я остановился в Ситиковских юртах, пользовались ещё хлебом 1885 года, т.е. третьего года. Сеют, как всюду в Тобольском округе, почти исключительно озимь и ячмень. Урожаи, как сказано, бывают хорошие, часто сам- 5-7 и даже сам- 10. Зависит это от свежести почвы, «угоенной» притом золой бывших деревьев, и, с другой стороны, от хорошего навозного удобрения, что позволяет иметь достаточное количество скота, которое здесь держат. В среднем можно принять, что в обеих деревнях на двор приходится по 3-5 копей и коров, не считая молодого мелкого скота.

Вообще здешняя местность представляет условия довольно благоприятные для земледелия, которое пока ещё в зачатке. Почва*, судя по словам крестьян, состоит из разных

* Я не имел возможности лично исследовать этот вопрос по причине глубокого снега.

смесей глины с песком. Распашка не представляет больших затруднений, так как почти вся местность состоит из гарей и притом таких, где деревья погибли уже около 20 лет назад и, следовательно, где их остатки уже сильно гнили. Подрастающий, ещё молодой лес тоже до сих пор не служил большой помехой для поднятия нови.

Ввиду этого здешней местности можно было бы предсказать лучшую будущность — сделаться кормилицей будущих крестьянских деревень, но большое количество низин, лыв* и болот, разбросанных среди более высоких мест, годных для культуры, а, главным образом, недостаток в лугах послужит некоторым препятствием для колонизации. А что здешний край может прокормить более сильное население, чем которое теперь рассеяно по пустынным берегам Демьянки, не подлежит сомнению: доказательством может служить уже то, что остяки здесь были прежде значительно более многочисленны, чем теперь, а питались они почти исключительно звероловством, не эксплуатируя совсем почвы и только отчасти свои рыбные богатства.

Кроме хлебных растений, здесь сеют ещё лён, и добытый из него холст служит главной одеждой для здешних крестьян. Часть его, которая предназначена на юбки и мужские рубашки, отдают синить в деревни по Иртышу, платя по 3 коп. за 1 аршин.

У соседних остяков лён заменяется крапивой, в изобилии произрастающей по берегам соров, на местах бывших стоянок и около избушек и юрт. Холст из неё грубее, но очень прочен. Из него, кроме нижней одежды, делают ещё «шабуры», которые хорошо защищают полушубки от сырости и от царапанья сучками.

Есть ещё одно растение, которое здесь культивируется в небольших размерах, это картофель.

Если земледелие служит источником пропитания для жителей, то рыболовство доставляет главный доход, который идёт на уплату податей и повинностей и на приобретение чая, соли, табака и т.п. Рыболовство производится главным образом зимой при помощи небольших неводов, в 50-100 саж. длины, в сорах и в Демьянке, также мордами,

* Сырое низкое место.

которые ставят в речках, в ручьях и около живцов или ключей, впадающих в Демьянку. Почти специально для карасей ставят в сорах сети. В Демьянке, кроме того, практикуется ещё осенний лов налима самоловами и промысел «духовой» рыбы при помощи «чердаков».

Ввиду того, что этот последний способ добычи рыбы наиболее характерен, опишем его несколько подробнее. Вода в Демьянке начинает «загораться» в начале декабря, часто около Николина дня. Причины этого явления недостаточно выяснены, но с водой происходят какие-то видоизменения, почему она делается безвкусной, отчасти краснеет, и рыба, проживавшая в ней в продолжение целого лета, уже не может в ней далее безнаказанно пребывать и поэтому спешит покинуть подобную испорченную среду. Из Демьянки она скатывается в Иртыш, который около с. Демьянского «загорает» сравнительно редко. Эта-то рыба и называется «духовой», потому что движение её обусловлено «загором» реки, или «духом».

На этом движении рыбы и основан «чердачный» промысел: поперёк реки ставят 2 косых забора из жердей и хвороста, которые своим отверстием направлены вниз по реке. В середине помещается саип, или мешкообразная сеть, к которой прикреплены верёвки. Когда рыбак почувствует, что рыба попала в саип, он тянет верёвку и вытаскивает сеть с пленниками. «Чердак» устраивается незадолго до «затора» и осматривается один раз в день; во время же самого хода рыбы, который продолжается 3-5 дней, караулят днём и ночью. Так как «чердак» сооружается артелью из 5-12 человек, то караулят поочерёдно, и при дележе рыбы всякий член артели получает равный пай добычи, хотя бы в его черёд и не попало ничего.

Рыба, не успевшая пробраться в Иртыш и не попавшая в «чердаки», скопляется около ключей, которые кое-где впадают в Демьянку и имеют свежую воду. Здесь помещают много ловушек, и рыба иногда в одну ночь переполняет морды, из которых каждая может вместить 15-20 пудов.

Весной промышленуют на реке «кривдами».

Главный лов рыбы в здешних угодьях происходит, как сказано, в первую половину зимы, так как в это время удобна перевозка её, летом же ловят почти только для себя, причём её солят и сушат на зиму.

Породы рыб в Демьянке, речках и сорах те же, которые встречаются и в Иртыше, кроме более ценных видов, свойственных этой реке, каковы представители семейств лососевых (salmonoidei) и осетровых (chondroztei). Здесь встречаются язь, щука, чебак, окунь, ёрш, отчасти елец, кроме того, исключительно в сорах — крупный карась, достигающий размеров до V_2 арш. и веса в 6-8 ф., а в Демьянке осенью попадаетея ещё налим.

Кроме этих 2 главных занятий, здесь практикуются ещё звероловство, сбор ягод и кедровых орехов, реже извоз.

Сравнительно с соседними осяками, здешние крестьяне находятся в меньшей зависимости от торгующих крестьян, и происходит это от того, что они обеспечены почти во всех предметах первой необходимости: в жилище, пище и одежде. Действительно, они имеют круглый год свой хлеб и картофель, свою рыбу, дичь, своё молоко, масло, мясо, одежду из своего холста, бродни и чирки из своих кож и даже гуся — эту общеупотребительную на Севере самоедскую одежду, как и рукавицы, шьют из шкур своих собак. Упомянем здесь кстати об одной принадлежности мужского зимнего костюма, которая носит местный характер, это так называемый нашейник (по-осяцки «танкедур») — род боа из заячьих или беличьих хвостов, но значительно более короткий и охватывающий только шею. Хвосты один за другим нанизываются на шнурок и стягиваются, ввиду чего на один нашейник их идёт 60-120 штук, а средняя цена его 60 коп. — 1 руб. Нашейник хорошо охраняет шею от ветра и снега и во всеобщем употреблении по Демьянке и в низовой части Иртыша. Возможно, что он заимствован от осяков.

Около Ситиковской деревни кончается «отводная»* земля общего владения крестьян Демьянской волости и начинаются обширные лесные пространства, которые тянутся на сотни вёрст по обе стороны реки Демьянки и единственными обладателями которых являются малочисленные осяки, сгруппировавшиеся преимущественно в её нижней части.

К ним же перешла и значительная часть земель вымерших Карабашевских и Ситиковских юрт, расположенных на полуденной стороне реки.

* Земля, отведённая правительством в XVI ст. под поселения ямщиков при устройстве Демьянского яма.

Крестьянам же названных деревень за отбывание гоньбы на 2 станках остяки уступили часть покосов и рыбных угодий и дали несколько паев для пользования кедровниками.

Утром опять продолжаем путь. Едем почти всё время лесом, который, однако, то и дело меняется: то это мелкая поросль, выросшая на месте, где сравнительно недавно прошёл огонь, то красивые берёзовые рощи или смешанный лес, то, наконец, пространства, где произрастают отдельные деревья разных возрастов, преимущественно хвойные, и между ними нагромождён сушняк, частью ещё стоящий вертикально, частью упавший на соседние деревья и глущащий их рост и густо устилающий почву. Подобные леса имеют хаотический вид, и правильного прироста в них, конечно, быть не может.

Дорога очень узка, и ветви молодых берёзок то и дело хлещут по лицу и царапают одежду. Идёт она то по гривам, то спускается в лога и некоторое время направляется вдоль них, опять поднимается на горы и пробирается змейкой через лес, покрывающий всю эту слегка волнистую местность.

Пока мы ехали лесом, было совершенно тихо, но как только выехали на Демьянку, подул холодный ветер, который в изобилии обдавал нас снежной пылью, или «копотью», как здесь выражаются. По счастью, я запасся самодским гусем, который, как известно, носят поверх мамизы, или полушубка, и который так хорошо приспособлен к северному климату, что, одевши его, относишься вполне равнодушно к ветрам и выюгам.

Потыревские юрты состоят из одного, но большого дома в 2 стопы. Здесь живут 2 семьи остяков — Тайлаковы, выходцы из юрт Тайлаковых, самого крайнего, теперь уже не существующего, селения вверх по Демьянке, лежавшего примерно на 300-вёрстном расстоянии (по прямому пути) от с. Демьянского. Они уже лет 20 бросили свои прежние жилища и предоставили свои обширные вотчины* на про-

* Остяки считают обширные земли, прилегающие к их селениям, своей частной собственностью и называют их «вотчинами». В огромном большинстве случаев они не имеют никаких актов и документов, которые подтверждали бы их права на эти земли. Весьма немногие имеют купчие крепости и закладные, напр., Нарыгины в Вингатских.

извол юганских зверовщиков, которые сюда иногда заходят, чтобы промыслить зверя, и даже строят себе временные избушки.

Причина, почему эти остяки, вообще неохотно покидающие земли, доставшиеся им от дедов и отцов, переселились на новые места, следующая. Население в верхнем течении Демьянки за последнее время сильно поубавилось, и, между прочим, несколько юрт (Таринские) совершенно вымерли, через что 2 семейства Тайлаковых очутились одни на огромном пространстве (100 вер. до ближнего селения), и сообщение с с. Демьянским сделалось весьма затруднительным, особенно зимой при глубоких снегах. Летом же путь из Демьянска в Тайлаковы юрты вследствие чрезвычайной извилистости реки требует, по словам остяков, не менее 3 недель, или около $1V_2$ месяца в оба конца. Ввиду этого обыкновенно случалось, что, отправившись в село за мукой, остяк должен был проесть во время пути значительную часть её. А между тем вследствие вымирания же жителей земли более близких юрт, между прочим Потырских, остались без хозяев, и соседние остяки, затрудняясь вследствие своей малочисленности «справлять» гоньбу за прежних их владельцев, «обганивать вотчины», как здесь принято говорить, предложили Тайлаковым переселиться сюда, что последние и исполнили весьма охотно. Впрочем, в Потырских юртах поселилась только одна семья, которая теперь вследствие семейного раздела распалась на две, а другая нашла убежище в Лумкоевских юртах.

Из прежних жителей Потырских юрт при водворении в них Тайлаковых осталось в живых только трое малолеток, и новые «вотчинники», взяв в своё владение здешние земли, приняли на себя обязанность воспитывать этих детей и «справлять» за них земскую гоньбу.

Теперь двум Ляскановым уже около 30 лет, но приписать ли это тому, что они выросли без родителей, или чему другому, они сделались какими-то неудачниками и, по словам Тайлаковых, малоспособны к работе. Несмотря на свой зрелый возраст, они не женятся, не рассчитывая прокормить семью своим трудом. Пока они живут у Тайлаковых и помогают им в рыбной ловле, которая составляет главное их занятие.

Промышляют в Демьянке и в 2 больших сорах — Потырском и Нелымском, приглашая крестьян из соседних деревень: Трухиной, Ярковой и др. Лов происходит на артельных началах, и невода сшиваются из отдельных «делей», причём за право пользования угодьями крестьяне уплачивают остякам-вотчинникам $1\frac{1}{2}$ —2 руб. с человека и, кроме того, угощают их водкой.

За 2 осенних месяца, когда происходит этот лов, выручают в среднем 30–50 руб. на пай*, иногда меньше, иногда больше. Приблизительно столько же выручают при помощи морд и «чердаков».

Другое, тоже важное занятие остяков, — звероловство. Предпринимают его обыкновенно небольшими артелями в 2—5 человек, в числе которых бывают и русские. Добыча, кем бы она ни была добыта, всегда делится поровну между всеми членами артели. Впрочем, есть и небольшое отступление от этого общего правила, именно, если в числе охотников есть лица, мало сведущие в зверином промысле, какими иногда являются крестьяне, то им приходится довольствоваться частью пая. За право пользоваться урманом крестьяне уплачивают вотчинникам по 1 руб. с человека. Само собой разумеется, что количество животных, добытых в известный период времени, весьма разнообразно и что удача охоты зависит от весьма многих условий, напр., нынешней весной 2 Тайлаковых и 2 крестьянина в 2–3 недели добыли 18 соболей и 2 лосей, что при средней цене шкурки соболя в 4 руб. и при стоимости лосиной комки в 5 руб. будет равно 86 руб., или $21V_2$ РУб- на пай.

Вообще эти два животных составляют главный предмет охоты в бассейне р. Демьянки и довольно многочисленны. Нынешней осенью лоси появились в здешних лесах в значительном количестве, какого уже давно не было замечено, и большими стадами направлялись на юг в обширные урманы Тарского округа. Вместе с ними шли и олени. Подобные перекочёвки этих животных замечаются обыкновенно каждый год, только в нынешнем году они приняли более грандиозные размеры. Явление это, по словам остяков, предвещает многоснежную зиму на Севере, и действительно, как

* Напр., в Лумкоевских юртах на пай приходилось в 1885 г. - 33 руб., в 1886 г. — 53 руб.

потом оказалось, снега выпадали в большом изобилии в продолжение целого ноября и части декабря. Обратный ход лосей бывает ранней весной, начиная с марта месяца.

Этими-то переходами лосей и оленей охотники и пользуются для их добычи. В местах, где лежат их главные пути, устраивают лёгкую засеку или изгородь в одну жердь и кое-где оставляют ворота или проходы. Здесь настораживают луки с большими стрелами, которые находятся в соединении с бечёвкой, или «симой», натянутой поперёк прохода. Будучи задета лосем при его попытках пройти через ворота, она спускает стрелу, которая и вонзается в его бок. Чтобы удар хорошо пришёлся, стрелу настораживают ровно на шесть четвертей от земли, но и в этом случае он не всегда бывает смертелен, и тогда лося «сочат», т.е. отыскивают по кровавому следу. Один человек ставит 30—50 луков. В подобных же проходах иногда роют ямы, что, однако, реже практикуется по Демьянке.

Около Крещенья, когда лось не делает больших переходов и держится в одних и тех же местах, его «скрадывают» на неслышных «подволосных»* лыжах и убивают из винтовок. Летом, около Петрова дня, в самый жар, его стреляют с лодок, когда он ночью заходит в реки и озёра, чтобы спастись от комаров и оводов. Но самая популярная охота на лося бывает около Великого поста, когда вследствие попеременных оттепелей и морозов снег покрывается твёрдой корой, т.е. когда образуется наст, который в состоянии сдерживать человека, собаку, иногда даже оленя, но не тяжёлого лося. В это время его преследуют во всей обширной области, через которую протекают Иртыш, Демьянка, Туртас и другие реки, как остяки, так и крестьяне. Охота эта продолжается несколько дней, иногда неделю и более, так как приходится гнать лося 30–50–100–200 вёрст, смотря по тому, на какой день его настигают. Сначала он бежит быстро и далеко опережает охотника, но скоро утомляется, острая ледяная кора режет ему ноги до крови, он слабеет и, наконец, падает в изнеможении, становясь добычей охотника. Гонка эта требует большого напряжения сил, ввиду чего про остяка или крестьянина, преследующего лося, здесь

* Лыжа, подбитая лосиной шкурой (с ног).

говорят: он «пластается» за лосем. Бег происходит на лыжах и длится целые часы без перерыва, причём охотник должен нести на себе ружьё и небольшой запас хлеба на случай, что придётся провести несколько дней в лесу. Верхняя одежда состоит из двух лёгких шабуров, которые, однако, вне бега недостаточно предохраняют от холода, особенно когда приходится проводить ночь под открытым небом у огонька, более же тёплая одежда неудобна, так как мешает быстроте движений.

Таким образом, лося — это украшение сибирских лесов — убивают круглый год без всякой пощады как русские, так и остяки, и, не будь вымирания остяков-звероловов, подобное истребление, наверно, повлекло бы за собой его уменьшение в здешних лесах, что действительно и замечается в некоторых местностях, например, во всём Тюменском округе, где за исключением Севера, он теперь редок. Соболь, белка и другие животные имеют отдых летом, одним словом, во весь тот период, когда они носят свой летний мех, не представляющий ценности; лось же, у которого ценится не мех, а кожа, очевидно, находится в исключительном положении. Мясо его, правда, идёт в пищу, но едва ли V_3 часть его может быть утилизирована, так как, не говоря уже о том, что часть добычи уничтожается медведями, доставка 15–25-пудовых туш через лес за 50–100 и более вёрст при полном отсутствии дорог слишком затруднительна, чтобы её стоило предпринимать. Ещё менее может быть оправдано подобное же истребление оленя, шкура которого вообще ценится низко — 1–2 рубля и идёт даже за 50–75 копеек, если она свищева, что случается довольно часто.

Выше мы сказали, что охотник иногда преследует лося 100 и более вёрст. Здесь невольно может возникнуть вопрос, каким образом он поступает в том случае, когда его путь лежит через чужую землю. Соблюдая права собственности её владельца, он должен был бы прекратить охоту на границе своей территории, но (с другой стороны) в данном случае страдали бы его собственные интересы, так как его труды пропали бы даром. Если мы обратимся к сельскому населению и спросим его, как оно разрешает подобные вопросы, где сталкиваются интересы зверопромышленников и владельцев земли, то узнаем о существовании у них обыч-

ного права, которое следующим образом регулирует эти отношения:

1) «Каждый остяк или крестьянин может преследовать животное, выгнанное со своей вотчины, по всем чужим владениям, через которые будет лежать путь, не платя при этом их владельцам никакого вознаграждения».

2) «Если животное, которое поднял на своей вотчине один охотник, будет убито другим, хотя бы владельцем земли, то оно принадлежит первому, который обязан только уплатить второму за выстрел или за выстрелы, которые тот сделал» (обыкновенно поступают таким образом, что первый снимает шкуру и оставляет на долю второго мясо и сало). «Только в том случае посторонний может воспользоваться лосем, поднятым и гонимым кем-либо другим, когда этот последний, выбившись из сил, оставляет преследование».

Благодаря существованию подобного местного охотничьего права, которое при этом соблюдается всеми в местности к северу от Тобольска, избегается масса разных недоразумений, которые не преминули бы возникнуть уже по той причине, что границы между владениями отдельных сельских обществ часто даже не намечены. Нелишне также прибавить, что серьёзные споры или препирательства из-за убитых животных, или из-за тому подобных случаев здесь сравнительно редки.

Соболя ловят зимой капканами или таким образом: проследив по следу, где у него норка, окутывают её или корень дерева, под который он спрятался, саипом или сетью и выпугивают его шумом и криком. Соболя выскакивает из своего убежища и запутывается в сети. По наступу его гонят собаками, от которых он спасается на деревья. Всё внимание его сосредоточено на собаках, и охотник имеет возможность незаметно подкрасться к дереву со своей малопульной винтовкой.

Из других пушных зверей здесь встречается выдра, которая годами бывает многочисленна, как и ныне. Её подкарауливают у нор, которые она делает во льду во время своего промысла за рыбой, и затравливают собаками или убивают из ружья; добывают её также капканами.

Лисица сравнительно редка, но иногда выдаются годы, когда она попадает в значительном количестве, напри-

мер, по словам Тайлакова, лет 6 назад было 2 таких года кряду, когда артель в 3-4 человека добыла при помощи капканов в первый год 16 штук, во второй — 9, обыкновенно же в один год добывают на здешние юрты 1-2 штуки. Чёрно-бурая лиса составляет менее $\frac{1}{5}$ части общего числа. Её, по-видимому, нельзя рассматривать как особый вид, а скорее как разновидность обыкновенной лисы, так как очень часто тех и других находят вместе в одном гнезде, если их родителями были обыкновенная и чёрно-бурая лиса. Шкурка последней ценится на месте в 40-50 рублей.

Иногда молодых лисят вынимают из нор и в продолжение целого лета воспитывают в особых помещениях. Убивают их осенью, когда волосы достигнут достаточной длины, чтобы обхватить палец. С этих пор они уже не прибавляются более в длину, или очень незначительно, но начинают завиваться в кольца, что, по словам остяков, уменьшает достоинство меха.

Росомаха редка, стоит 10 рублей, встречаются, однако, и беловатые, которые ценятся значительно дешевле.

Рысь весьма редка. Волк здесь не держится и заходит случайно из других мест. Медведи попадаются довольно часто.

Из мелких животных по численности первое место занимают зайцы, есть и белки и бурундуки (*tamias striatus*), но не в большом количестве. Зайцев ловят капканами и «пастями», или «слопцами», белок бьют из ружья и ловят силышками и плашками. Плашка состоит из толстой берёзовой плахи, которую одним концом ставят на землю, а другим опирают на колышек. От последнего идёт бечёвка к небольшой палочке, на которую надевают солёного язя, служащего приманкой. Плашка ставится на беличьей тропе, которую эти маленькие грызуны проделывают ранней весной, в Великий пост, когда вследствие глубины снега им выгоднее передвигаться по торной дорожке. Белка, соблазненная рыбкой, задевает за «симу», выводит колышек из равновесия, и плашка её придавливает. Так как в этом случае мех не носит следов крови и дробы, то скупщики обыкновенно платят за шкурки подобных животных 1-2 коп. дороже. Средняя цена беличьей и заячьей шкурки (без хвоста) — 10 коп.

Заметим к слову, ловлей зайцев и белок ловушками занимаются преимущественно старики, которые этим добывают не менее 10 руб. за зиму и вносят, таким образом, свою посильную лепту в семейный доход.

Так как до следующего селения было не более 10 вёрст, то я решил продолжать путь в этот же вечер. Ночь была тёмная, но вскоре тучи рассеялись, и показался возрождающийся месяц, который своим слабым светом освещал нам путь, лежавший почти всё время по безмолвной реке, скованной льдом.

Глядя на серп месяца, старик Тайлаков, который был моим возницей, сказал: «Вот теперь лучшее время ловить карасей», — и пояснил, что в это время они ходят, между тем как в остальные фазы луны спят и сравнительно неохотно переменяют места.

От этого и зависит удача в ловле во время новолуния. Факт, что луна имеет влияние на животных и, между прочим, на рыб, не представляет, конечно, ничего нового; так, известно, что подобные же явления замечаются и в бассейне Западной Двины, и в других местах Европейской России относительно разных пород речных и озёрных рыб, например, что у них в это время является то большее, то меньшее побуждение к принятию корма. Но все же этот факт заслуживает внимания в том отношении, что указывает на наблюдательность этих простых людей, живущих среди лесов, и что жизнь животных, их нравы и обычаи жителям этим часто лучше известны, чем натуралистам.

Благодаря своему знакомству с природой, коренные жители здешних стран — остяки — почти всегда добывают на охоте большее количество животных, чем пришлые русские, хотя вышеописанные способы охоты на лося и на других животных и не представляют, по-видимому, больших затруднений и не отличаются особой сложностью.

По этой-то причине крестьяне иногда и соглашаются участвовать в артелях звероловов, получая только часть пая, и это до тех пор, пока они не усвоят себе всех необходимых для настоящего охотника познаний. Здесь необходимо знать множество второстепенных условий, мелочей, так сказать, как, например, направление ветра, температуру, то или другое состояние снега, его глубину и рыхлость, месяц и

т.п., и от удачного выбора времени и сочетания этих условий и зависит успех в охоте, и один день иногда вознаграждает за бесполезные труды в продолжение целого месяца. Я мог бы указать на некоторые предосторожности, соблюдаемые при охоте на тех или других животных, которые мне удалось подметить, но, не желая обременять читателя лишними подробностями, которые, к слову, имеют мало общего с кратким наброском экономического положения и жизни здешнего населения, я отложу их до удобного случая.

Я разговорился с возницей, который оказался очень толковым и дельным малым, а что он был хорошим хозяином, показывал уже его большой и удобный дом, так и благоприятные отзывы соседей. Он мне рассказал о тех неудобствах, которые представляла жизнь в его отдалённой вотчине, и как он решился переселиться поближе к центру. Проведя почти всю жизнь среди лесов и занимаясь в прежнее время исключительно охотой, он славился как хороший звероловщик и охотно передавал мне свои похождения во время охоты на лося и во время борьбы с сильным противником человека — медведем. Едва он успел окончить подобный рассказ, как мы были уже в виду Серовых юрт — нашего места назначения.

Глава III

Соровые юрты. — Выселок из Миркушиных. — Семейная жизнь остяков. — Миркушинские юрты. — Вымирание остяков. — Русские промышленники в юртах. — Праздничное их времяпрепровождение. — Заботы жителей обеспечить себя на случай старческой беспомощности; наём постраток, усыновление детей, приём целых семейств.

Соровые юрты представляют ничтожное как выселок из соседних Миркушинских юрт, но слово «выселок» не должно вводить читателя в заблуждение, приравнивать его к выселкам, которые встречаются часто около многолюдных деревень, где увеличение населения и неудобство жить вдали от своих полей и лугов заставляет часть жителей покидать родное пепелище и селиться поближе к этим угольям или даже около диких мест, которые ими постепенно расчищаются и обращаются в пашни. На месте подобного выселка нередко в несколько десятков лет вырастает порядочная деревня. Здесь нет ничего подобного, и выселение не есть следствие увеличения населения, которое вымирает, как почти всюду по Демьянке. Это переселение совершилось уже после 10-й ревизии и вызвано удобством жить около рыбного сора. Прежде здесь были только рыболовные избушки миркушинских остяков, но потом 3-4 семьи выстроили себе на этом месте дома и скоро совершенно переехали сюда. Когда это случилось, остяки обоих селений поделили между собой свои рыболовные уголья, так что теперь они владеют ими особо, и только урман у них, по видимому, оставляется в общем владении.

В Серовых юртах всего четыре дома, из которых два принадлежат остякам, один пустой вследствие смерти хозяев, и четвёртый, наконец, составляет собственность крестьянина, которого здешние остяки приняли для подмоги в земской гоньбе.

Я остановился в доме одного остяка, у которого была жена русская — красивая молодая женщина. С ними же жил её отец, уже седой, но бодрый старик. Их дом состоял,

как и у других здешних жителей, из одной небольшой стопы, или комнаты, устройство которой вполне сходно с тем, которое я описал раньше. Около домов находятся кое-какие службы: амбарчики и завозни на столбиках с выемками, которые препятствуют мышам пробраться к сложенным там запасам, как хлеб, рыба, сало. Несколько дальше расположены скотные дворы, которые состоят из небольшого места, обнесённого оградой, где имеются 1-2 стойки для коров и для молодого скота, а то и просто навес. Лошади редко где имеют тёплое помещение и проводят всю зиму под навесом. Бани встречаются в виде исключения, и потому, если остяк пожелает вымыться, что, однако, случается весьма редко, то отправляется к знакомым, имеющим баню, за 15-30 вёрст, а между тем выстроить свою при изобилии леса, конечно, не представляло бы затруднений.

У моих хозяев не было детей, как и в соседнем остяцком семействе, но так как они были ещё молоды, то у них дело спорилось: остяк ходит неводить и промышляет зверя, жена смотрит за домом, ткёт холст на всю семью и по временам тоже помогает мужу в его работах, например, весной промышляет рыбу «кривдой», зимой сидит около огонька у «чердака», исполняя черёд мужа и давая ему возможность заняться в это время другим делом. Эти работы далеко не легки и делают честь трудолюбию подобных женщин.

Действительно, проводить день и ночь на льду в мороз далеко не приятно и не вполне безопасно, например, эта женщина однажды при подобном занятии удостоилась посещения косолапого мишки, который, однако, походив кругом, удалился ворча, может быть, убоявшись огня.

Старик тоже что-нибудь работает около дома и добывает «пастями» и другими ловушками зайцев и белок, ловит «пленками» куропадок и, кроме того, помогает промышлять рыбу мордами. Одним словом, всякий имеет своё дело, и от этого здесь и не видно нужды, которая вкрадывается в семью уже позже, когда хозяева начинают стариться, не имея около себя молодого поколения.

Утром молодая чета меня доставила в Миркушинские юрты, сравнительно крупное селение, состоящее из пяти одностопных юрт. Население их, как и население Серовых юрт, составляют представители рода Полиных, число кото-

рых в 10-ю ревизию, т.е. всего 10 лет назад достигало цифры 38 душ обоего пола (21 м. и 17 ж.), а теперь их всего 23 души (8 м. и 15 ж.) и распределены они на два селения. Малолетков весьма мало: на семь семейств рода Полиных имеются только один мальчик-подросток и 2-3 девочки, что, конечно, недостаточно, чтобы удержать численность населения на приведённой выше цифре, принимая во внимание сравнительно большую смертность жителей и отсутствие всякой медицинской помощи.

Передают, что ныне весной у них появилась какая-то крутая болезнь, от которой умерло по Демьянке более 10 душ детей и взрослых, что при здешнем слабом населении составляет уже очень значительный процент.

Большая часть остяков в это время находилась в лесу в избушках, за 30-50 и более вёрст от дома, где они промышляли лося и соболя. Некоторые занемогли там и умерли безо всякой помощи, но большая смертность была в юртах, и многие, возвратясь с охоты, недосчитались некоторых из своих близких, и тогда плач и вой огласили всю Демьянку. Так как в это время занемогла значительная часть жителей, то и те, которые остались в живых, окончательно выбились из сил, но хуже всего было положение тех семейств, где все лежали.

Средств против эпидемических или повальных болезней, как, например, против горячки, здешние жители не знают и обыкновенно ограничиваются тем, что обещают в случае выздоровления принести Земляному в жертву лошадь, значительно реже призывают кого-нибудь, кто знает несколько шаманить, и он при помощи заклинаний и шума старается напугать болезнь, чтобы она оставила больного. Проживающая в Миркушинских юртах кривая и хромоногая старуха славится шаманом по Демьянке, к ней обращаются при всяком затруднительном случае и без её согласия ничего не предпринимают. Быть может, она играет и роль доктора.

Фельдшер, живущий в Демьянке, здесь не бывает, и сведения о числе умерших от разных эпидемических болезней не собираются и никуда не доставляются, потому что с 1868 года, когда Верхне-Демьянская волость была присоединена к Демьянской, в ней прекратилось всякое делопро-

изводство и единственные данные, которые можно получить об этой волости в Демьянском волостном правлении, — суть число ревизских душ и годных работников, которые в то же время являются и платёжными душами.

Умерших хоронят сами остяки, соблюдая при этом некоторые языческие обряды, а священник, посещая эти места ежегодно в декабре или январе месяце для исполнения треб, читает над ними заупокойную и получает от более зажиточных лошадей или корову для поминок.

Когда мы приехали в Миркушины юрты, то нашли их переполненными крестьянами, которые здесь промышляют вместе с вотчинниками в продолжение ноября и декабря.

Привезя с собой хлеб, чай и ещё кое-что, они живут у остяков, пользуясь своими харчами и не платя ничего за постой. В юртах же они проводят и праздники и для развлечения переходят из дома в дом, пьют друг у друга чай, шутят и сплетничают; иногда какой-нибудь престарелый солдат начинает рассказ о своих походах на венгерца или на турку и о тех диковинках, какие он видел в Варшаве и в Москве, или кто-нибудь начнёт сказку, и все столпятся около рассказчика, стар и млад, и дрожащий свет лучины освещает живописную группу слушателей, собравшихся в кружок. Более беспечные при этом сидят и слушают, покуривая трубку, но более трудолюбивые и теперь находят работу: мужчины кроят бродни или устраивают какую-нибудь ловушку, женщины прядут. Воцаряется тишина, среди которой глухо раздаётся монотонный голос рассказчика, прерываемый иногда кашлем, и только изредка при страшных или печальных эпизодах какая-нибудь старуха пробормочет: «Господи Иисусе Христе» или «Мать Пресвятая Богородица!» и глубоко вздохнёт...

Если кому-нибудь удастся раздобыть водки, то тогда начинают с песен и плясок, и картина принимает более бесшабашный характер. Нередко дело кончается синяками, чему немало способствуют здешние женщины, как остячки, так и русские, которые все пьют не меньше мужчин, чего, к слову, нет в русских волостях по Иртышу. Но не все остяки имеют возможность провести праздники дома: зверовщики и некоторые рыбаки, промышляющие за несколько десятков вёрст, не могут часто бывать дома и поэтому проводят

праздники в своих убогих избушках, валяясь целый день на лавках и тоже, если их несколько, выдумывая что-нибудь для развлечения: рассказы, игру в карты и т.п. Справившись, где поменьше народа, я остановился в доме, где жил всего один крестьянин, но все же нас было 8 человек в маленькой душной комнате, так как, кроме рыбака и хозяев, здесь остались ночевать и доставившие меня сюда возницы.

Спали, конечно, все вповалку, кто где мог, я на своей складной кровати, которая при мириадах насекомых всех видов, здесь мирно проживающих, оказывала лишь хорошие услуги. Замечу здесь, что она всякий раз возбуждала удивление и «дикование» простодушных жителей.

Весь вечер мы беседовали при свете лучины, и когда огонь потушили и каждый из нас занял своё место, то скоро послышался громкий храп из всех углов, к которому присоединялись ещё кряхтение старух, писк ребёнка и громкие кукареку петуха, сидевшего вместе с курами в тепле под печкой.

Семьи здесь небольшие, как и всюду по Демьянке, состоят из 1-4 человек обоего пола, среди которых старики и старухи составляют значительный процент, и это есть одна из причин, почему здесь, несмотря на хорошие иногда заработки, не видно более или менее зажиточных. А когда сами хозяева начинают стареть, то при отсутствии детей, которые, подросши, приняли бы на себя часть трудов, хозяйство начинает приходить в видимое расстройство. Хозяину уже трудно переносить все невзгоды промыслов, а старуха не может управляться с домом, где, кроме своих, часто живут ещё артельщики. У них является страх за будущее, и вот они стараются что-нибудь придумать, чтобы обеспечить себе пропитание на тот случай, когда они уже не будут в состоянии работать.

Этот затруднительный вопрос они решают таким образом, что нанимают себе работника (за 20-35 руб.) или чаще работницу (за 15 руб. в год), которые за них ходят промыслять в сорах и речках, получая за это неводной пай. Крестьяне, хотя и неохотно, но всё-таки принимают в артель женщин и подростков, которых ставят вместо себя остяки-вотчинники.

Нанимая работницу, остяк имеет в виду следующее соображение: если у него два пая, то чтобы вполне воспользо-

ваться своими выгодами, он должен иметь двух людей. Если он ещё не очень стар, то, конечно, сам идёт неводить, или за него идёт жена, даже дочь, начиная с 13 лет, а на второй пай он может послать постратку, которой платит в год 15 руб., между тем как средняя выручка с пая бывает не менее 30–40 руб., а иногда и больше. Конечно, она живёт на хозяйских харчах, но раз кушанье варится на двух, то расход на третьего едока не будет значителен, а между тем постратка ещё помогает ставить морды, косить сено, возить домой дрова и исполняет разные домашние работы.

Если бы остяк продал этот свой пай, то выручил бы 2–3 руб., или в лучшем случае 4–6 руб., если он имеет уголья в двух местах. Выгода иметь работников ясна.

Но следует заметить, что здешние постратки не обладают качествами, которые свойственны хорошим работницам: прилежанием и преданностью к дому. От этого и происходит, что они всё делают кое-как, нисколько не заботясь об интересах хозяев. Если подобное явление и замечается почти всюду, где применяется наёмный труд, то это в особенности касается области Демьянки: действительно, нигде мне не приходилось видеть таких ленивых и нерадивых работниц, как здесь.

Поэтому, по-видимому, практичнее поступают те из остяков, которые берут себе приёмышей — явление тоже здесь весьма обыкновенное. Принимают мальчиков и девочек, остяков и русских в надежде, что, подросши, они заменят им сыновей и дочерей, но, к сожалению, судя по тому, чему я был очевидцем и что я узнал из их рассказов, расчёты их далеко не всегда оправдываются, и людская неблагодарность здесь может быть более чувствительна, чем в других случаях: девушка, подросши, выходит замуж и при этом весьма часто покидает своих кормильцев, а парень иногда не оказывает своим новым родителям должного почтения и подчас даже попрекает их беспомощностью. Случается, что он их даже бросает, но, конечно, бывают из них и более благодарные.

В некоторых юртах можно заметить и постратку, и приёмша, если последний ещё мал. Наконец, есть ещё способ обеспечить себе спокойную старость, способ более редкий,

который может иметь место в исключительном случае, именно когда одна семья вследствие вымирания других становится единственной обладательницей обширных вотчин. Если эта семья бездетна, то она иногда принимает к себе другую, остяцкую или русскую, имеющую детей, и усыновляет её, если так можно выразиться, то есть по завещанию, которое скрепляется подписью волостных начальников, делает её непосредственной наследницей своих вотчин. Она же за это обязуется кормить и поить принявшую её семью до смерти всех её членов. Подобный случай мы, например, встречаем в Лумкоевских юртах, где единственными наследниками является престарелая чета Лаптышевых. Они на вышеописанном условии приняли к себе в дом одну русскую семью, которая их и кормит. Другой подобный случай мы видели в Потырских юртах, где Таилаков за право пользования вотчиной воспитал и теперь кормит двух Ляскановых, оставшихся сиротами по смерти родителей. Но здесь положение Тайлакова несколько менее прочно, так как за отсутствием старших в семье он не получил никакой бумаги, которая бы подтверждала его права на вотчину или, по крайней мере, право проживать в ней, а что подобное обеспечение никогда не излишне, тому может служить доказательством то обстоятельство, что нередко Ляскановы, поссорившись с Тайлаковым, грозят выжить его из их вотчины. Не менее шатко иногда и положение других семей, принятых в юрты за известную плату или просто за помощь в отбывании земской гоньбы. Они иногда начинают устраиваться или уже обжились, когда недоразумение с вотчинниками заставляет их опасаться за всё своё обзаведение, ввиду чего более благоразумные при принятии их требуют приёмный приговор и даже, кроме того, испрашивают разрешение начальства поселиться с согласия вотчинников на их землях. Такая предосторожность обеспечивает до известной степени покойное пребывание на новом местожительстве, так как остяк не всегда решится нарушить условие, скреплённое подписью начальников. Так поступили, например, две семьи Сипайловых, которых те же Лаптышевы приняли в свои юрты.

Особенно грустное впечатление производят те семьи, которые ничего не предприняли на случай своей старчес-

кой беспомощности или у которых умерли или ушли приёмыши. Видно, как с дряхлением стариков хозяйство всё более приходит в расстройство, сломанная посуда уже не заменяется новой, оторванная от стайки доска так и лежит, пока кто-нибудь не изрубит её на дрова, и всё в том же роде, а случившаяся с кем-нибудь из них болезнь окончательно выводит всё из колеи. К сожалению, таково положение значительной части остяцких семей по Демьянке.

Глава IV

Путь в Лумкыевские юрты (летник). — Следы животных. — Рыболовная избушка. — Черемкыевские юрты в прошлом и в настоящем. — Их наследница. — Лумкыевские юрты. — Вечерняя беседа с остяками. — Предания старины. — Тип демьянских остяков. — Искусственная семья. — Паразиты в остяцкой семье.

До Лумкыевских юрт считается около 40 вёрст, но по дороге есть одна перепряжка, иначе пришлось бы ночевать посреди пути, так как лошади вряд ли были бы в состоянии выдержать столь длинную и тяжёлую дорогу, какую нам предстояло преодолеть.

Несмотря на позднее время года, настоящий зимний путь ещё не установился. Болота и лывы, через которые он пролегает, ещё не промерзли ввиду того, что снег нынешней осенью пал на талую землю и притом в большом изобилии. Чтобы избежать это неудобство, пробираются более возвышенными местами, где только это оказывается возможным, хребтами, берегами рек, гривками. Всё это сплошь покрыто густым лесом, через который приходилось просто продираться. Путь этот проложен в первый раз всего несколько дней тому назад рыбаками, которые шли неводить в остяцких сорах, раньше же здесь, вероятно, никто никогда не ездил ввиду того, что ныне год исключительный. Скажем, к слову, что такой путь, по которому ездят только в распутицу, минуя пространства, покрытые водой, и болота, называется в Тобольском округе летником, хотя, однако, и не следует предполагать, что здесь происходит сообщение и в летнее время, когда Демьянка служит единственной дорогой во все юрты, лежащие по её течению и по её притокам.

Мы то поднимаемся на гривку, едем по её вершине, спускаемся в лог и при первой возможности опять взбираемся на какую-нибудь возвышенность, старательно избегая низменные места, где недавно один крестьянин, ехавший

впереди «каравана», потопил лошадь, вытащить которую из ила («няши») стоило немалых усилий его спутникам. Зато нам приходилось то и дело продираться сквозь ивовые кусты, проползать, пригнувшись под свесившимися над дорогой елями, перескакивать через их стволы, залезать в сугробы и т.д.

Лошади стали выбиваться из сил. Хорошо еще, что надо было пересечь несколько небольших соров и Демьянку, где езда легче вследствие того, что во время тёплой погоды вода под давлением снега выступает наружу, пропитывает его и, быстро образуя твёрдую кору*, замерзает на поверхности. Но и здесь не всегда было вполне безопасно: кое-где ключи, впадающие в Демьянку, так подмыли лёд, что он стал толщиной в $\frac{1}{2}$ верш, и даже тоньше, хотя снаружи подобные места весьма часто не представляют никаких отличий от смежных. Нам тоже случилось наткнуться на такое полое место, когда мы несколько уклонились от дороги, которую совершенно занесла недавняя метель. Передняя лошадь, на которой я ехал, по оглобли провалилась в воду, но, по счастью, здесь было неглубоко, и, спрыгнув с саней, мы с ямщиком помогли лошади выкарабкаться на более толстый лёд. Во избежание подобных казусов мы некоторое время шли пешком, причём шествие открывали ямщики, которые кое-когда испытывали пешнями толщину льда, но за исключением этого одного места путь более везде добрый.

Судя по большому числу разных следов, которые пересекали дорогу и делали около неё петли, можно было заключить, что здешняя местность представляет благоприятные условия для звероловства. Остяки-ямщики с готовностью объясняли мне значение этих следов, и я узнал, что одни принадлежат лисе, другие, более мелкие, — соболю и белке и, наконец, крупные продолговатые — сохатому, или лосю. Особенно характерны следы выдры, которые нам однажды встретились в большом количестве, когда мы ехали по одной речке. Они представляют из себя дыры или небольшие проруби во льду, через которые выдра во время своей охоты попадает в воду. По всей вероятности, они были сделаны весьма незадолго до нашего приезда, так как

* Эта кора из льда и снега известна в здешних краях под названием «наледы».

ещё не подёрнулись льдом. Остяки прикладывали ухо к этим отверстиям, желая узнать, не находится ли зверёк поблизости, но ничего не слышали. Продолжая путь, они посетовали, что место находится на чужой вотчине и что вследствие этого им нельзя испытать своего счастья.

Поднявшись ещё раз с Демьянки на крутой её берег, мы остановились у рыболовной избушки, расположенной на месте бывших Урматских юрт, жители которых имели судьбу карабашевских, ситиковских и других остяков. Земли их за исправление гоньбы за бывших вотчинников присвоили себе их соседи — черемкоевские остяки. В избе проживают во время зимнего промысла крестьяне вместе с наследницей черемкоевских вотчин, которая неводит с ними на паевых началах, но так как крестьяне не вотчинники, то они уплачивают ей, как полагается, кортом в размере $1\frac{1}{2}$ –2 руб. с человека, и после этого все становятся совершенно равноправными членами одной артели.

Избушка при нашем приезде оказалась пустой, и мы поехали на ближний сор, где происходил самый лов рыбы. Пока двое из рыбаков ходили за конями и запрягали их, я мог ещё раз посмотреть процедуру, какая бывает при лове рыбы в зимнее время. Рубят два ряда прорубей, нурят в обе стороны, т.е. передвигают подо льдом при помощи шестов (нурила) верёвки с прикреплёнными к ним крыльями невода из одной проруби в другую и, наконец, вытаскивают невод из одной большой проруби, называемой иногда «иорданом». Но само собой разумеется, что в короткий срок моего пребывания на сору я мог видеть только часть этих работ, именно нурение, так как для полной тони требуется 4–5 часов, или иначе в один день кидают 1 и много 2 тони.

Видел я и наследницу Черемкоевских юрт Наталью, девушку 19 лет, которая неводила с крестьянами и не уступала им в умении и ловкости.

В верстах шести от избушки стоит на берегу Демьянки же большой двухэтажный красивый дом со службами, но он пуст и необитаем. Это всё, что осталось от Черемкоевских юрт. В этом доме ещё немного лет тому назад жила трудолюбивая остяцкая семья. Хозяин дома составлял своего рода исключение среди остяков: не пил водку и поэтому жил весьма исправно, и хозяйство его считалось лучшим

по всей Демьянке. Но теперь обстоятельства изменились: Черемкоев, как и его супруга, сошли в могилу, оставив после себя трёх малолеток, которых взяла на воспитание тётка, живущая на Иртыше в Кошелевских юртах, а дом заколо-тили. Когда старшая дочь подросла, она, собрав артели крестьян, сама стала эксплуатировать свои рыболовные угодья, проживая во время промысла вместе с ними в рыболовной избушке. В летнее время она предпочитает наниматься в работницы, чем жить одной в большом пустынном доме на десятки вёрст вдали от жилья. Как обладательница обширных вотчин и как хорошая хозяйка, она считается выгодной невестой по Демьянке, но прибавлю здесь, что, к сожалению, в этом крае женихов почти не имеется.

От Черемкоевских юрт дорога сделалась ещё хуже: глубокий снег, пни, наваленные на землю, деревья очень затрудняли путь. Санки прыгали вверх и вниз, в стороны, ударялись о близ стоящие деревья, которые при этом обдавали нас снежной пылью, и часто опрокидывались.

Иногда попадались по дороге белые куропатки, которые мирно сидели на деревьях, мало смущаясь при виде проезжающих саней и за свою доверчивость две из них заплатились жизнью, доставив мне возможность поразнообразить свою неприхотливую пищу, которая в продолжение целых недель сряду состояла почти исключительно из чая с чёрным хлебом, к которому иногда присоединялась ещё уха из нечищенных окуней или пирог с солёным язем.

Встретившийся нам на пути воз с сеном поставил нас в затруднительное положение, так как разъехаться было негде, а объехать воз по снегу глубиной более чем в один аршин не представлялось возможным. Ямщики разрешили этот вопрос таким образом, что влезли по пояс в снег и слегка умяли и утоптали его ногами, после чего нам и удалось совершить объезд. Вскоре мы выехали на Демьянку, кони легче вздохнули, и ямщики, обрадовавшись, что выбрались на добрый путь, затянули песни, которые на целые вёрсты неслись по пустынным берегам речки. Через полчасы мы уже были в виду Лумкоевских юрт, представляющих из себя небольшую деревеньку из четырёх домов, но имеющих, подобно многим здешним селениям, сравнительно большой вид, чему способствуют завозни и амбары, стоящие

поодаль от домов, не будучи заключены в общей ограде подобно службам крестьянского двора.

Песни наших ямщиков смутили остяков: они полагали, что это приехали их пайщики, крестьяне деревни Горно-Субботиной, которых они поджидали со дня на день, и потому вышли к нам навстречу.

Тот же вечер я созвал остяков и, беседуя с ними, узнал много интересного как из их настоящей жизни, так и из жизни их дедов и отцов. У них сохранились ещё предания и легенды из того смутного времени, отстоящего от нас на несколько столетий, когда остяки должны были вести кровопролитные войны, отстаивая свою независимость и защищая своих жён и детей от хищных самоедов, которые в те времена своими внезапными набегами опустошали все земли, лежащие по Демьянке, по нижнему течению Иртыша и по Конде.

Беседа наша продолжалась далеко за полночь, и мы расстались друзьями, чему, конечно, немало содействовали водка и табак, которыми я их потчевал.

Лумкоевские остяки, как и жители других здешних юрт, вполне сохранили свой остяцкий тип: они среднего роста, крепкого сложения и несколько сутуловаты. Имеют плоское лицо, выдающиеся скулы, плоский широкий нос, чёрные гладкие волосы, короткие чёрные усы и слабую бороду.

Своими медленными и несколько неповоротливыми движениями, своим флегматическим характером и, наконец, акцентом, с которым они говорят по-русски, они напоминают наших финнов. Это, впрочем, и следовало ожидать ввиду того, что сходство языков тех и других и кропиологические исследования подтверждают родство обоих племён.

Судьба лумкоевских остяков тоже решена, и скоро и они исчезнут с лица земли. Из 10 душ обоего пола, которые здесь числились в 10 ревизию, теперь в живых только двое стариков Лаптышевых, а остальные четыре остяцкие семьи, которые проживают в Лумкоевских юртах, сторонние, «приплавные», по местному выражению, переселившиеся сюда около двадцати лет тому назад: одна — из Тайлаковых юрт и три — из Янышкиных. Но и эти переселенцы почти бездетны, именно на эти четыре семьи имеется всего один ре-

бёнок — девочка лет двух, остальные имеют приёмышей и держат постраток. Таким образом, как мы видим, в области р. Демьянки преобладает искусственная семья, которая есть не что иное, как соединение ради экономических интересов в одну семью лиц, не связанных узами родства.

Здесь место упомянуть ещё об одном классе людей, которые иногда получают право гражданства в остяцкой семье и которые играют в ней роль паразитов. Это лица разных национальностей и сословий, полов и возрастов, старики, старухи, ссыльные, слепые, хромые и т.д., которые, благодаря тем немногим познаниям, какими они обладают, и благодаря некоторым мелким работам, которые они в состоянии исполнить, весьма часто находят себе убежище у простодушных остяков. Например, в Лумкоевских юртах в первом доме я застал хромого старика, который участвовал в неводьбе и получал полный пай, хотя нетрудно себе представить, насколько успешно мог исполнять подобную работу старик, который, благодаря своей деревянной ноге, с трудом мог ходить. В других юртах жил старик из ссыльных поляков, который умел немного плотничать и, как и первый, был полноправным членом семьи и кормился на её счёт круглый год, хотя всё, что он для неё сделал, заключалось в том, что он изладил две оконные рамы и починил дверь. Эти и им подобные паразиты живут здесь годами и вполне довольны своей судьбой, так как дома они были лишь бременем для своих обществ. Всякий, кто умеет прочистить прорубь, принести охапку дров, или кто несколько маракует в письме, или даже просто умеет рассказать разные сказки и истории, может рассчитывать на гостеприимство остяков, по крайней мере на известное время.

Отношения хозяев к этим лицам вполне почтительные, хотя, конечно, нередко случается, что остяк под пьяную руку и попрекнёт своего жильца дармоедством и ленью, но до разрыва обыкновенно не доходит. Субъект пропускает эти слова мимо ушей и не обижается, а когда оба протрезвятся, опять восстанавливаются прежние дружеские отношения.

Глава V

Вымирание демьянских инородцев и его причины; отсутствие медицинских средств для борьбы её с эпидемическими болезнями и антигигиенические условия, в которые поставлены их дети. — Семейные несчастья моих хозяев. — Прибытие субботинских крестьян-рыбопромышленников. — Пиршество и свадьба. — Чествование Земляного брагой и бычачими головами. — Сборы на промысел. — Остяки-звероловы. — Выгоды и невыгоды, которые представляет нынешний год для охоты. — Средний доход зверолова. — Водка подрывает благосостояние остяков. — Кто их зимой снабжает водкой. — Летние поездки остяков на Иртыш. — На богомолье в Абалакский монастырь. — Драчливость остяков и остячек в пьяном виде. — Раннее курение табака.

До сих пор мы только указывали на явление вымирания инородцев, теперь же рассмотрим факты, которые могли бы пролить некоторый свет на этот предмет.

Известно, что убыль населения может зависеть от следующих двух причин: или от слишком слабой плодовитости жителей, когда число рождающихся не в состоянии уравновесить число умирающих, хотя смертность и может иметь нормальные пределы; или же от чрезмерной смертности детей при достаточной плодовитости населения. Первый случай имеет чаще место среди более цивилизованных народов, например, у французов; второй — у некультурных, к которым принадлежит значительная часть вымирающих племён.

Что касается рассматриваемого нами случая, то нам кажется, что вымирание демьянских инородцев совершается по тому и другому способу, хотя слабая плодовитость остяков и играет тут главную роль. Здесь значительный процент семейств совершенно не имеют и не имели детей, весьма многие имеют только одного ребёнка и много двух. Это явление мало изменяется и в том случае, когда остяки берут в жёны русских девушек. Но, с другой стороны, нередки и случаи, когда у остяков было 7—12 детей, из которых, однако, весьма редко кто оставался в живых.

Возьмём несколько примеров: семья Лаптышевых, теперь бездетная, имела 15 детей; две семьи в Миркушинских юртах

имели: одна — 12 детей, другая — 7 детей, и из них остался в живых только один мальчик у последней, единственный наследник рода Полиных, о котором мы уже упоминали.

Таким образом, в этих трёх семьях из 34 человек детей умерли 33. Что же касается до причины столь сильной смертности между детьми инородцев, то не говоря уже о полном отсутствии каких-либо медицинских средств в борьбе с эпидемическими болезнями, это в значительной степени зависит от весьма плохого ухода, которым они пользуются. Большая разница температуры в комнате вечером и утром, дома и на улице, без сомнения, служит одной из главных причин частых простудных заболеваний. Действительно, вследствие того, что изба скоро выстуживается, печь к вечеру обыкновенно так накаливают, что пребывание в подобной комнате с сухим горячим воздухом весьма затруднительно, по крайней мере мне от этого приходилось немало страдать, особенно в тех случаях, когда присутствие в помещении какой-нибудь старухи или ребёнка препятствовало отворить дверь. В этих случаях я не мог уснуть до глубокой ночи, т.е. до тех пор, пока комната не начинала выстуживаться. Ребёнок же, который обыкновенно помещается на полатах, должен выносить температуру ещё более высокую и, разметавшись во время сна, легко может простудиться утром, когда в комнате становится очень холодно.

Принято здесь также мыть лицо и руки тёплой водой. Все эти привычки, конечно, в высшей степени неблагоприятны и неуместны в столь суровом климате, где свирепствуют северные ветры и где морозы нередко доходят до 35°R, а появились они сравнительно недавно, т.е. с тех пор, как здесь вошли во всеобщее употребление русские печи; прежде же, когда были чувалы, остякам приходилось скорее терпеть от холода в комнатах, но последний, конечно, значительно менее вреден для здоровья здешних жителей, привыкших к низкой температуре.

Пища, которая состоит иногда в продолжение целых месяцев почти исключительно из чая, хлеба, лосиного мяса, жареного в сале, из ухи и из мороженных ягод, тоже вряд ли может составлять подходящую пищу для детей, и следствием подобных погрешностей в диете является понос, который уносит здесь много жертв.

Немало детям приходится страдать и от угаров, которые весьма часты в здешних избах. Происходят они, с одной стороны, от того, что остьяки рано затворяют печь, чтобы лучше нагреть комнату, и, с другой стороны, от самоваров, которые ставят в продолжение целого дня и обыкновенно в комнате, вследствие этого редко проходит день, чтобы в каких-нибудь юртах не было угара.

Положение детей становится ещё более плачевным во время «праздников», которые у остьяков весьма многочисленны и обуславливаются присутствием в юртах водки. Пьянство продолжается обыкновенно не менее 2-3 дней, иногда целую неделю, и в это время дети почти забываются. Следует заметить, что здесь пьянствуют не одни мужики, как обыкновенно у русских, у которых жёны только отчасти принимают участие в кутежах своих мужей, но и женщины, и подростки обоего пола, которым чадолюбивые родители дают кое-когда $\frac{1}{2}$ рюмки, чтобы и они разделяли общее веселье. Во всё время, пока происходит пьянство, дети часто голодают, падают из люлек, раскрываются и простужаются, роняются матерями и даже задушиваются во время сна. Например, у Тайлаковых было несколько детей, но все они умерли от неизвестной причины, как отозвались родители; относительно же последнего я стороной узнал, что он зачах после того, как мать его в пьяном виде бросила на лавку, причём от падения у него стали сохнуть ноги.

В семье Сипайловых, в доме которых я остановился, нет детей по следующей причине: тёща, злая, как ведьма, поссорившись в пьяном виде с невесткой, хозяйкой дома, так сильно ударила её в живот, что она выкинула ребёнка и с тех пор не могла более донашивать.

У Лаптышевых последний сын, мальчик лет десяти, утонул, играя с ребяташками в лодке, будучи оставлен без присмотра во время оргии родителей.

Этих примеров, которые все взяты из небольших Лумкоевских юрт, достаточно, чтобы показать, насколько это явление общее.

Пусть мне не поставят в вину сообщение таких мелких и, по-видимому, неважных подробностей, но, мне кажется, опустить я эти факты, моё изложение страдало бы голословностью.

Мои хозяева были люди уже пожилые, обоим около 60 лет, но несмотря на это бодрые, особенно это можно было сказать про хозяина, который выглядел ещё совершенно молодцом и почти не имел седых волос. Работал он не хуже любого молодого, хозяйка же, русская по происхождению, по-видимому, уже не могла управиться с большим домом, который выстроил несколько лет назад её муж, надеясь в нём покойно провести свою старость. Но несчастье всюду преследовало эту бедную семью: будучи, как мы видели, бездетными, они приняли девочку, которая, достигнув совершеннолетия, вышла замуж и покинула их, тогда они приняли мальчика-остяка. Он стал подрастать и приучился добывать соболя и лося. На него семья Сипайловых возлагала свои лучшие надежды, потому что он оказался отличным парнем и правой рукой отца, но он утонул в Демьянке, разрушив навсегда мечты бездетной семьи. Приняли они ещё одного парня — русского, но он, может быть, потому, что более чуждый, уже не пользуется большой любовью родителей. Кроме того, они наняли ещё постратку, но несмотря на это, их хозяйство носило явные следы разрушения: всё поломано, запущено, всюду грязь. Хозяева как бы махнули на всё рукой, у них не было уже ни сил, ни энергии не только что-нибудь возводить, но и поддерживать старое в должном порядке, и от всех этих невзгод какая-то тайная грусть запечатлена на их угрюмых лицах.

В Лумкоевских юртах я пробыл около трёх дней, всё поджидая, что приедут крестьяне из д. Субботиной и продолжат путь в Ескинские юрты. Вечером второго дня мы действительно слышали песни, и остяки, высыпав на улицу, встретили передовых крестьян, шедших пешком и возвещавших о скором прибытии остальных, которые не замедлили показаться. Прибыли две артели, или около двадцати человек, которые намеревались промыслить на Болотном, или Соболином сору (Нюгусту-тор), половина которого принадлежит остякам Лумкоевских и половина остякам Черемкоевских юрт. Первые продали свою часть за 20 рублей, но с таким условием, что если кто из остяков-вотчинников пожелает принять участие в неводьбе, то он не получит кортома, приходящегося на его долю, т.е. трёх рублей, которые в этом случае вычитаются из общей суммы

арендной платы, вносимой крестьянами. Коротом за другую половину сора получает тётка наследников Черемковых, проживающая в Кошелевских юртах.

Радость остяков заключалась в том, что прибытие крестьян предвещало праздник и угощение, и действительно, час спустя, как мы слышали песни на реке, раздались другие, более громкие, в соседней избе. Начался пир. Крестьяне привезли с собой водку, которой принято потчевать остяков-вотчинников, причём, кроме той, которая предназначалась для всех, каждый остяк получал от крестьянина, которому передавал свой пай, по бутылке.

Остяки угощали их чаем, хлебом и лосиной. До поздней ночи продолжался содом: крик и песни из 25 гортаней, вой баб, игра в гармонику и топот, потом развеселившаяся публика стала уходить в другие избы, чтобы там угощаться и продолжать пир. Несколько раз обходили 4 избы. Наконец всё стало стихать, но не надолго. Вздумали сватать девку-постратку за вдового остяка, и это послужило предлогом, чтобы с жениха требовать спрыски и чтобы всякий, кто припрятал водку, вытащил её на свет божий.

Так как пьяному не сидится дома, то несмотря на ветреную и снежную погоду, публика долго с песнями гуляла по улице и каталась по Демьянке при тусклом свете луны, укутанной белыми облаками. Одним словом, всё имело характер настоящей свадьбы. Не обошлось и без плача и рёва со стороны невесты, которая долго не соглашалась выходить замуж за остяка уже не первой молодости. Но, конечно, всё это было не более не менее как комедия, так как невеста, как и все здешние постратки, далеко не отличалась безукоризненным поведением, и, кроме того, она отлично знала, что подобный брак без благословения церкви довольно легко расторгим.

Уже несколько месяцев, как в юртах, где живут одни бездетные старики, не слышно было смеха и песен, и крестьяне, молодые, бодрые, весёлые, внесли жизнь в это мрачное жилище. Старики под влиянием вина тоже веселились, но на меня производило грустное впечатление подобное искусственное веселье лиц, для которых мало радостей осталось на свете, кроме вида разрушения всего того, что они с трудом воздвигали в дни молодости.

На другой день опохмелялись, и остячки варили остяцкую брагу (пуща) с хмелем и привезённые русскими бычачьи головы, чем принято чествовать «Земляника» («Хордагол») перед началом промысла. Брагу и сваренные головы кладут на чистую скатерть на стол, который ставят на восток, потом сами остяки некоторое время кланяются перед столом, не крестясь, приглашая его принять участие в пире и окропив всё кругом брагой, сами её пьют и едят варенные головы. Эти головы, по-видимому, заменяют целых животных, которых в известных случаях приносят в жертву Земляному.

Праздник кончился, так как была выпита вся имевшаяся налицо водка, а без неё что за веселье для остяка! Поэтому в этот же день стали снаряжаться в путь к месту назначения: складывали провизию, вёдра, пещни, лопаты, добывали из подполья глину, чтобы сделать чувал, и т.д.

Вместе с русскими уехала и часть остяков. Я говорю часть, так как не все здешние жители рыболовы, а половина, т.е. двое, занимаются звериным промыслом.

Первые в свободное время ещё охотятся, но последние обыкновенно сами не ловят рыбу. Они или продают свои рыболовные паи, или посылают неводить вместо себя кого-нибудь из своих, например, приёмыша или постратку. К звероловам можно причислить и деда Сипайлово, который, несмотря на свои 82 года, ещё весьма свеж и бодр. Ловля зайцев «пастями» и белок плашками, а также добыча рыбы мордами составляют его специальность.

Зверовать обыкновенно ходят небольшими артелями в 2-4 человека, причём первый раз часто отправляются ещё водным путём и живут в лесах $1V_2 \sim 2$ месяца, и возвращаются домой около ноября, потом опять уходят после Крещения, когда день начнёт прибывать, и тоже проживают месяц и более, наконец, в последний раз идут в Великий пост, когда гонят лося по насту.

Самые употребительные способы охоты мы уже рассмотрели раньше, равным образом мы знаем и как производится делёж добычи между охотниками. Теперь приведём пример, который покажет, насколько может быть доходна охота в здешних лесах: нынешней осенью два остяка в продолжение $1U_2$ месяца (с $1/2$ сентября по ноябрь) добыли 10 ло-

сей, 11 выдр и 2-3 соболя, что при стоимости лосиной шкуры в 5 рублей, выдры в 6 рублей и соболя в 4 рубля составит 124 рубля, или 62 рубля на пай. Но, конечно, не всегда охота бывает так удачна. Ныне много всякого зверя, но охота сравнительно дала менее благоприятные результаты, чем можно было ожидать. Зависит это от того, что образовавшийся лёгкий наст не поднимал собаку и резал ей лапы, а без неё осенью трудно преследовать лося и отыскивать соболя. Выдр же добыли ныне более обыкновенного, чему благоприятствовала высокая вода, препятствовавшая зверьку прятаться между её поверхностью и льдом и находить там воздух для дыхания.

Несмотря на малое число звероловов в здешнем крае, между ними есть ещё подразделения: одни более гонят лося (около 20 штук в год), другие более сосредоточивают своё внимание на соболе.

Хороший промышленник может здесь добыть в средний год 10 лосей, 8-10 соболей, 2 выдры, 1 лису и несколько десятков белок, за которыми по их малочисленности не ходят специально, а бьют, если они попадутся, по пути, одним словом, звероловство может доставить около 100 рублей. Если сюда ещё присоединить прибыль от рыбного промысла, сбора кедровых орехов и кортомную плату, то составит общая сумма не менее чем в 150 рублей, а часто и более, что, принимая во внимание сравнительно небольшие нужды остяка, живущего притом в глуши, могло бы обеспечить безбедное его существование в течение круглого года, если бы не водка.

Выше мы описали остяцкий пир. Скажем здесь, что подобные празднества всегда оставляют более или менее заметные следы на хозяйстве. Всегда на другой день недо считаются части посуды. Большие количества съестных припасов быстро уничтожаются голодными артелями крестьян, и ещё большие количества раздаются щедрыми в пьяном виде хозяевами или просто расхищаются.

При том хаосе, который господствует в это время в юртах, право собственности уже перестаёт играть большую роль: всякий делает что хочет и берёт что и сколько хочет. Голодные своры собак, которых, как и коней и детей, в это время часто забывают, тоже не дремлют, и случись, что

где-нибудь плохо притворена дверь завозни, они моментально туда врываются и производят большие опустошения в остяцких запасах, а надо заметить, что здешние северные собаки очень неприхотливы и едят всё: мясо, хлеб, сало, рыбу и даже бруснику и кедровые орехи.

Священник, к приходу которого принадлежат все эти юрты, мне рассказывал, что ему нередко случалось заставить этих остяков сидящими на чае и хлебе или чуть не голодающими даже в такие годы, когда промыслы были весьма удачны и когда звероловы добывали по 20—25 лосей на человека. Если предположить, что домой привезли только небольшую часть этой добычи, то и тогда этого количества с лихвой хватило бы на круглый год на семью и на собак.

Попойки в зимнее время довольно часты, так как всякий, кто едет к остякам, где бы это ни было, всегда берёт с собой водку, за которую имеет и тёплый угол, и обед, и сено для коней, а всё это весьма важно для усталого и голодного путника. Не брезгают этим ни крестьяне, ни купцы, ни священники: всякий знает, что от этого зависит весь успех предприятия и что подпившие остяки становятся уступчивее в надежде получить ещё «худой воды» (пыгдэ и инк *), как они иногда называют водку. Кроме того, остяки покупают вино на свои собственные деньги при всяком удобном случае, и если кому из них удастся забраться в русскую деревню, то он обыкновенно проживает там не менее недели и всё время пьянствует. Если своих денег не хватило, остяк пропивает пай в какой-нибудь речке или в сору, а то пьёт прямо в долг. Живёт он это время у своих русских кунаков, или дружков, которые в свою очередь пользуются его гостеприимством во время промысла.

В артелях, где неводят остяки вместе с русскими, они не прерывают лова во всё время промысла, т.е. в продолжение двух месяцев, так как рисковали бы потерять свой пай, и отдыхают только во время воскресений и больших праздников. Но там, где неводят одни остяки или где они промышляют мордами, они, наловив несколько десятков востов рыбы на артель в первом случае или 2-3 востов на человека во втором, нередко дают себе отдых и поджидают случай,

* Пыгдэ — чёрный, худой; йинк — вода. Другое название водки «вина».

как бы пропить часть этой рыбы, и если подвернётся купец, то обе стороны останутся довольными.

В летнее время к ним уже никто не ездит, но зато они сами посещают с. Демьянское несмотря на то, что вследствие извилистости реки летний путь значительно длиннее зимнего.

Всякий остяк считает своим долгом провести летом 1-2 недели на Иртыше и попьанствовать всласть. Иногда развеселевшие остяки изобретают своего рода *parties de plaisir*, например, четыре года назад 2-3 семьи, сговорившись, нарядили две тройки и отправились на богомолье в Абалакский монастырь более чем за 250 вёрст. Об этой поездке они потом отзывались с большой похвалой: хвалили богатства монастыря и хоровое пение. Но в сущности, как оказалось на деле, цель поездки заключалась в посещении подряд всех питейных заведений, которые были по пути, а их не менее десяти, не считая находящихся в городе. Проедут «станок», дадут отдохнуть коням, а сами пропустят бутылку, другую. Если поздно, оставались на ночёвку, а то опять плелись до следующего «станка». Таким образом они в одну неделю добрались до Абалака, где и провели два дня. Благочинный, который мне сообщил этот эпизод, спросил их: «Ну а в Абалаке вы тоже пили?» — «Так, самую малость, батька, — отвечал один старик, — мы вот выпили со старухой всего четверть с небольшим». Удивление выражается на лице вопрошавшего: «Ну а молились же вы когда?» — «Утром пойдём в церковь, Богу помолимся, свечку поставим, а потом придём домой и выпьем со старушкой», — возразил наивный остяк. А ещё говорят после этого, что остяки плохие христиане!

На следующий год они опять собирались предпринять странствование к святым местам, но торгующий крестьянин им не дал денег в долг, опасаясь, что слишком трудно будет получить с богомольцев и без того немалые долги. Посетовали, потужили остяки и с тех пор им не удалось предпринять ничего подобного, а к слову сказать, первая их поездка обошлась им не менее 60 рублей и продолжалась две недели.

Остячки пьют не менее своих мужей и, как последние, приходят часто в очень буйное состояние и уподобляются

настоящим фуриям. Нежные супруги, которые ещё недавно мирно беседовали, нередко под влиянием винных паров начинают браниться, попрекать друг друга, и дело оканчивается кулаками, ухватами и тасканием друг друга за волосы. Впрочем, подобные эпизоды не носят характер семейных драм, и обыкновенно, наставив друг другу синяки и вырвав друг у друга несколько клоков волос, они кончают дело миром. Более ожесточённый характер носят побоища двух соперниц, если они встретятся в подобную минуту. Здесь уже играет роль ненависть, и каждая старается нанести другой как можно больше вреда, поэтому если в драку не вступятся их мужья и братья, то иногда какая-нибудь из них терпит серьёзные увечья.

Здесь место упомянуть ещё об одной дурной привычке, которая тут пользуется большим распространением, чем в других местностях, именно о курении. Здесь курят все: от мала до велика, русские и остяки, мужчины и женщины, парни и девки, иногда начиная с шестилетнего возраста. Дети лет 12 и более, помогающие родителям при неводьбе, покупают табак на свои деньги, а более малых ребят снабжают их родители, которые убеждены в целебной силе табачного дыма против удушья и других грудных болезней. Вследствие этого весьма тяжело находиться в избе, где скопилось много народа, что в зимнее время здесь бывает сплошь да рядом. Жар, чад от кипящего сала, дым и угар от самовара и лучин, табачный дым из многочисленных трубок и сигарок так отравляют воздух, что дышать трудно. Впрочем, раннее курение табака не составляет, конечно, порока, специально принадлежащего жителям Демьянки, встречается он и в цивилизованных странах, укажу, например, на город Амстердам, где мне нередко случалось встречать на улице мальчуганов лет 6—7, которые с важностью курили сигары и с видом знатоков рассуждали о качестве табака.

Относительно же девочек я нигде не встречал ничего подобного.

Глава VI

Селения, лежащие вне Салымского тракта, и их жизнь. Остячка-отшельница. — Путь в Ескинские юрты. — Рыболовная избушка и её внутреннее устройство. — Жизнь рыбаков во время промысла. — В гостях у рыбаков. — Остяцкие вёрсты.

Лумкыевы юрты — последнее селение по Демьянке, куда пролегает зимняя конная дорога, идущая из с. Демьянского на р. Салым. Выше находятся ещё три небольшие юрты, сообщение с которыми поддерживается исключительно на лыжах. Лежат они в стороне от вышеуказанного тракта, который от Лумкоевских юрт поворачивает к северу на Ескинские юрты, и ввиду отсутствия проезда здесь не держат коней. Самим же жителям кони не нужны по той причине, что здесь нет дорог, а для перевозки в зимнее время рыбы и мяса они пользуются, как и в других местностях, собаками, которые в этом отношении являются очень ценными животными. На двух собак кладут 4—6 пудов груза. Среднее число собак, которое приходится на двор, — 4.

Ближайшее селение — Барютины юрты. Здесь живут две остяцкие семьи. Дальше, на расстоянии около 100 вёрст от Лумкоевских юрт, расположены Саргатские юрты, состоящие тоже из двух дворов, и, наконец, ещё 15 вёрст выше находятся Янишкины юрты, где проживает всего одна семья, состоящая из вдовы-остячки с тремя детьми, из которых старшей около 18 лет. Это теперь крайнее селение по Демьянке.

Селения, лежавшие ещё выше, ныне не существуют; так, Теринские юрты вымерли ещё до 10 ревизии, а из Тайлаковых юрт, лежавших не ближе 250 вёрст от Лумкоевских, жители, как мы видели, выселились.

Все эти остяки почти исключительно звероловы, рыболовством занимаются только отчасти.

Изобилие лосей и пушного зверя в здешних пустынных лесах служит главной причиной, почему они не желают расстаться со своими вотчинами, как то сделали другие. Даже Татьяна, живущая на рубеже остяцких селений по Демьянке, и та предпочитает остаться на родном месте, в глуши, среди лесов и болот, чем искать счастья в местности более населённой. Питается и она, главным образом, звериным промыслом, именно добывает лосей, настораживая луки, отчасти ловит и рыбу.

Есть нечто героическое в поступке этой простой остячки, которая решается жить одна без всякой помощи среди обширных урманов, в которых в изобилии водятся медведи, и притом не только умеет защитити и прокормить себя, но и своих троих детей; впрочем, теперь они уже начинают ей помогать.

Жители этих трёх юрт в продолжение всех зимних месяцев почти вполне отрезаны от света, так как мы уже сказали, что ближайшее из них отстоит от с. Демьянского на 135 вёрст, второе — на 200 вёрст, третье — на 215 вёрст, и значительная часть дороги, по крайней мере из двух последних юрт, составляет трудный лыжный путь. Поэтому они бывают в Демьянске, центре здешней местности, обыкновенно всего один раз в год, около Петрова дня, спустившись вниз по реке на лодках. Здесь они закупают или берут в долг хлеб, чай, табак на целый год и, добравшись до своих юрт, вновь почти целый год проводят в отшельничестве.

При изобилии мяса, дичи и рыбы они сравнительно мало потребляют хлеба, и 50 пудов хватает небольшой семье на целый год. Остячка Татьяна, которая как женщина не имеет большого кредита, должна довольствоваться ещё меньшим количеством, например, ныне она выехала из с. Демьянского всего с десятью пудами муки и тремя пудами соли, что должно хватить до будущего года. Правда, в соседних юртах у неё есть зять, который ей иногда помогает, но всё же путь на лыжах при рыхлом снеге часто настолько затруднителен, что сообщение поддерживается только с трудом, например, в прошлом году, как раз во время весенней распутицы, у неё истощились все припасы, и наступил голод, и в продолжение нескольких дней целая семья поддерживала своё существование только тем, что ела бульон из

лосиных кож и некоторые отброски, которые предназначались для собак. Случается, что в её одиночестве её навещают юганские звероловы из Сургутского округа, которые за выселением тайлаковских остяков проникли и на среднее течение Демьянки и построили себе здесь кое-где звероловные избушки.

На другой день после прибытия крестьян в Лумкоевы юрты я выехал в Ескинские юрты. Составился небольшой караван из трёх саней: впереди ехал я, на вторых санях находились мои вещи и, наконец, на третьих — молодые, которые тоже отправлялись в Ескинские юрты, откуда происходил жених.

Было ясное и свежее, но не холодное утро, и езда могла бы быть довольно приятной, если бы не глубокий снег, благодаря которому мы весь путь ехали шагом.

Дорога почти всё время пролежала через низменные и болотистые места, поросшие мелким рямником, частью истреблённым пожарами. Лес этот никуда не годен и по бесплодности места не служит даже убежищем для более или менее ценных животных.

Мы проехали несколько довольно обширных соров и, между прочим, Ньюгусту-тор (Соболий сор), о котором я упомянул раньше. Здесь находится рыболовная избушка, где проживает одна из артелей, промысляющих в названном сору. Недалеко от неё видна ещё незамёрзшая речка, перегороденная запором.

Так как начинало смеркаться, то мы не остановились здесь, а продолжали путь до следующей избушки, которая выстроена около речки Вочиях. Отсюда до Ескинских юрт считается всего шесть вёрст, так что не было особого риска совершить это путешествие ночью. Здесь мы и сделали привал, тем более что ямщики просили дать передохнуть лошадям и обогреться.

Рыболовные избушки строятся одинаковым образом во всей здешней местности. Чаще всего, как и в данном случае, они представляют из себя землянки, т.е. бывают выкопаны в земле и имеют размеры весьма небольшой комнаты. Внутри всё из земли: пол, стены, лавки и чужал, который выдолблен в одной из её стен. Крыша состоит из жердей, крытых землёй. В ней имеется небольшое, снабжённое стёклышком

окно, которое, будучи занесено снегом, пропускает только тусклый свет, главным же источником света, как и тепла, является чувал, в котором поддерживают огонь всё время, пока рыбаки дома. Здесь промышленники живут $1\frac{1}{2}$ -2 месяца. На лавки стелют еловые ветви и солому и кроют их верхней одеждой, и в этом виде они заменяют им и стулья, и лавки, и кровати.

Подобное же устройство мы встречаем и в звероловных, и рыболовных избушках, выстроенных из брёвен, только что здесь всё, кроме чувала, из дерева. Эти избушки в высшей степени просто устраиваются и имеют то преимущество перед крестьянской избой, что они весьма поместительны, и действительно трудно поверить, как в подобном тесном помещении находят до известной степени сносное убежище 10—15 человек рыбаков. Образцом для подобных избушек вначале, вероятно, служили татарские юрты, внутреннее устройство которых совершенно такое же.

Во время каждой трапезы посреди комнаты ставят столик, который после убирают, сняв верхнюю доску — приспособление весьма полезное ввиду того, что помещение столь тесно, что, по меткому выражению рыбаков, здесь двум мышам разбежаться негде.

Припасы каждый берёт с собой из дому, рыбу добывают на месте, а лосину покупают у остяков за 50-60 копеек за один пуд. Мясо они приобретают и таким образом, что подвозят остякам в праздничное время туши убитых ими лосей и оленей и за доставку, согласно уговору, получают половину добычи.

Все кушанья варятся в большом чугунном котле, он же заменяет и самовар, и как в деревнях около последнего, так здесь по вечерам у кипящего котла собираются усталые рыболовы с лицами, раскрасневшимися от жара в чувале, и с удовольствием выпивают десятки глиняных чашечек кирпичного чая.

Рыбаки меня приняли очень радушно, усадили около огня и стали потчевать ухой и чаем. Все наперерыв хотели быть любезными: один резал хлеб, другой приготавливал чай, третий скоблил стол и т.д. Откопали даже откуда-то не совсем чистый кусок сахара. Любезность их простиралась в одинаковой степени на всех приезжих: и на возницу, и на

молодую чету; все мы, расположившись вокруг столика около кипящего котла, попеременно опускали туда свои глиняные чашечки. После нас уже сели за стол сами рыбаки и довольно скоро окончили котёл.

Погостив около часа у радушных хозяев избушки, я уже собрался в путь, как они мне принесли большого карася, фунтов в пять, и сильно настаивали, чтобы я его взял на дорогу. Подобные приношения рыбаки северного края имеют обыкновение делать не только своим гостям, но и вообще всем лицам, которые посещают их рыбалку.

Мы добрались до Ескинских юрт уже ночью, проехав в продолжение целого дня всего около 25 вёрст, или четыре «остяцкие» версты. Счёт на остяцкие вёрсты (по-остяцки «эдеп») по Демьянке более популярен, чем на русские, и зависит это, главным образом, от того, что здесь пространства не измерены и ошибиться в русских верстах, более мелких, гораздо легче, чем в остяцких; к тому же у них примерно определено, где кончается одна верста и где начинается другая. Конечно, верстовых столбов здесь нет, но их заменяют разные урочища и предметы, как устье речки, лог, кривая сосна, таловый куст, и каждый остяк вам может сказать, какую версту вы проезжаете. Остяцкая верста соответствует приблизительно 6—7 русским. От Ескинских юрт до д. Горно-Субботиной числится 5 остяцких вёрст, а до Цингинских юрт — 6 остяцких вёрст. По словам местных жителей, счёт на остяцкие вёрсты ведётся уже исстари.

Глава VII

Ескинские юрты. — Постратки и их дурное влияние на семью. — Источники благосостояния жителей. — Отношение остяков к торгующим крестьянам. — Сделки между ними. — Выгода брать хлеб у купцов при существовании казённых хлебозапасных магазинов. — Потери и барыши торгующих крестьян. — Оригинальный взгляд остяков на долги. — Подвиги одного демьянского «кормильца». — Беспомощное и подневольное состояние остяков и крестьян-должников. — Светлые личности в среде торгующих крестьян. — Возвращение на Иртыш.

Ескинские юрты, состоящие из трёх одностопных домиков или юрт, расположены на пустынном берегу р. Нельма среди низменной, бесплодной и весьма однообразной местности, большая часть которой покрыта малорослым и кривым болотным сосняком. Около юрт имеются кое-какие пристройки, завозни, амбарчики, стайки для весьма немногочисленного скота такой же конструкции, как и в других юртах.

Выбора помещения здесь не было, и поэтому я остановился в первой попавшейся избе, где проживала довольно многочисленная для здешней местности семья, состоявшая из хозяев, двух их сыновей и наёмной постратки. Дома я застал одних женщин: хозяин неводил на отдалённом сору и поэтому не приходил домой во всё время моего пребывания в Ескинских юртах; сыновья же, которые промышляли ближе в сору около реки Вочиях, приехали домой вечером другого дня, чтобы провести дома воскресенье.

Всем домом правила хозяйка — добродушная старушка-остячка, которая целый день проводила в хлопотах по своему небольшому хозяйству: то что-нибудь варила, то наставляла самовар, то шила, то пряла нитку из крапивы. Наёмная работница, девушка лет 22, сравнительно мало помогала ей в этих хлопотах и вообще не очень заботилась о доме. Старушка мне не раз жаловалась на неё и охотно бы ей отказала, если бы она не пользовалась симпатией старшего сына, который собирался на ней жениться. Это обстоятельство немало печалило его мать,

которая непременно хотела, чтобы сын её взял в жёны остячку, о хозяйственных способностях и нравственности которых она имела более высокое мнение, и я должен сказать, что она до известной степени была права, потому что все здешние постратки отличаются ленью и лёгким поведением. Решаясь идти в услужение к остякам, они заранее имеют в виду вести довольно беззаботную и праздную жизнь и отлично знают, что ими дорожат. Они работают немного, а больше ходят из юрты в юрту, сплетничают между собой и щёлкают орехи. Жизнь эта им до того по вкусу, что они обыкновенно неохотно выходят замуж за остяков, среди которых живут годами, предпочитая пользоваться полной свободой. Если же они и выходят замуж, то в большинстве случаев бывают довольно плохими жёнами и матерями и нередко бросают своих мужей. Последние, потужив о случившемся, скоро утешаются и находят себе другую постратку или любовницу, которая впоследствии часто сменяется третьей и т.д. Одним словом, постратки имеют растлевающее влияние на семью, среди которой живут, и всюду, куда проникают, разносят сифилис, который ещё сравнительно недавно здесь совершенно не был известен.

Свободе нравов, которая здесь господствует, способствует также, с одной стороны, несоответственно малое число женщин в некоторых юртах, как, например, в рассматриваемых нами Ескинских, где коренное мужское население относится к женскому как 2:1 (12:6), и, с другой стороны, скопление в зимние месяцы в юртах большого числа бессемейных крестьян.

Как и всюду по Демьянке, источниками благосостояния жителей Ескинских юрт служат рыбная ловля и звероловство. Сбор кедровых орехов тоже доставлял в прежние годы хороший доход, но пожары, которые истребили почти все леса по Демьянке и её притокам, не пощадили и кедровников. Уцелели последние только кое-где в сырых местах, как, например, по р. Ваху. В настоящее время сбор кедровых орехов приносит небольшой доход — в 10—20 рублей на семью только в урожайные годы, которые обыкновенно бывают раз в 4—6 лет.

Добычу рыбного промысла и охоты жители Ескинских юрт, как все остяки, сдают торгующим крестьянам, которые взамен этого снабжают их хлебом и товаром.

Ввиду того, что до сих пор мы только вскользь упоминали об отношении сельского населения к торгующим крестьянам, или к «кормильцам», как их метко называл один автор, здесь будет небезынтересно рассмотреть этот вопрос несколько подробнее,

Ссужение в долг хлеба, чая и других товаров под будущий улов рыбы и добычу пушнины повсеместно распространено в северной части Тобольского округа и в смежных округах — Березовском и Сургутском — и составляет характерное явление в жизни обитателей северного края. Существование этих кормильцев при настоящем экономическом положении сельского населения и при отсутствии в его среде каких-либо товариществ, которые обладали бы своими капиталами, необходимо для развития промышленности в здешних краях ввиду того, что и в рыбной ловле, главном занятии жителей Севера, как и во всяком другом предприятии, требуется капитал как на дорогостоящие снасти, так и на «подъём», т.е. на обеспечение рабочих в харчах и одежде в продолжение всего времени промысла. Но, к сожалению, если вопрос об отношениях рабочих к нанимателям и урегулирован за последнее время особыми законами, на отношения между кормильцами-кулаками и их клиентами — остяками и крестьянами — обращено сравнительно мало внимания, и по-прежнему здесь господствует произвол и замечается подневольное состояние сельского населения, судьба которого нередко всецело находится в руках не вполне честных людей.

Сделки между крестьянами или остяками и торгующими крестьянами довольно разнообразны: например, собственникам какого-нибудь рыбного угодья они дают за известное число паев улова, обыкновенно за три, невод и снасти, и, кроме того, подъём, который оплачивается уже рыбой, доставшейся на долю пайщиков. Последнюю принимают или по заранее выговоренной для каждой породы рыбы цене, или по существующей в настоящее время, но с известной скидкой, например, с уступкой 5—15 копеек с пуда.

Иногда заключают такой договор, в котором имеет место только одно из двух здесь приведённых условий, и при этом чаще рыбаки получают от своего кредитора только подъём хлебом, товаром, деньгами в размере 25—70 рублей, в зависимости от платёжной способности отдельных лиц и от доходности

их угодий. Этот последний случай имеет место обыкновенно в местностях, где нет больших рыболовных песков и где, следовательно, рыбаки не нуждаются в больших, дорогостоящих неводах, которые заменяются небольшими артельными неводами, сшитыми из «делей», доставленных отдельными пайщиками. К подобным местам подходят почти все рыболовные угодья в районе р. Демьянки, за исключением Чагрова* сора в Цингинских юртах, и поэтому в дальнейшем изложении мы будем иметь в виду главным образом этот случай.

Выгода, которую получает торгующий крестьянин от подобных сделок, сама по себе ясна. Он отпускает хлеб и товар по более дорогой цене, чем по которой покупает, и, кроме того, ещё получает барыши от перепродажи рыбы. Остак же, благодаря существованию кредита, в продолжение целого года не терпит нужды в хлебе и в предметах первой необходимости, кроме того, имеет возможность расплатиться сырыми продуктами, что для него весьма важно, и ввиду этого последнего обстоятельства казённые хлебозапасные магазины для инородцев, которые в Тобольском округе имеются в с. Самаровском и с. Демьянском, не могут с ними конкурировать даже в том случае, если цена на хлеб в них более низкая, чем у купцов. Взнос денег за хлеб, взятый в казённом хлебозапасном магазине, производится однажды в год вместе с уплатой ясака, купец же не требует полной уплаты долга в известный срок, а в случае плохого года переводит часть долга, оставшегося после произведённого расчёта, на следующий год, и так продолжается иногда несколько лет сряду. Всё это время он не перестаёт снабжать своего клиента хлебом и товаром, хотя, конечно, не упускает при этом из виду, насколько он может оправдать оказываемый ему кредит.

Наконец, третья причина, почему, несмотря на существование хлебозапасных магазинов, инородцы поставлены в необходимость пользоваться хлебом от купцов, заключается в том, что вследствие затруднений, с которыми было сопряжено взыскание недоимок, из магазинов стали выдавать хлеб в весьма ограниченном количестве, например, по два пуда на человека в один раз, что поставило в затруднительное положение жителей более отдалённых юрт.

* Лучший сор во всей местности. В 1885 и в 1886 гг. на пай приходилось 300—400 рублей.

Давая постоянно в долг и не получая сполна всех денег при ежегодных расчётах, торгующий крестьянин, конечно, рискует потерпеть убытки, но прекратить выдачу хлеба он не может. Это значило бы прямо потерять все числящиеся за клиентом деньги, так как последний, находясь в нужде, не преминул бы обратиться к другому такому же купцу, может быть, его конкуренту, и с этих пор вся добытая остяком рыба переходила бы к нему.

Есть ещё один случай, когда затраченный капитал теряется безвозвратно, — это при полном вымирании какой-нибудь семьи, но если умрёт отец семьи, то в огромном большинстве случаев долг его принимает на себя его сын. За исключением этих двух случаев, деньги, ссуженные в долг, нельзя считать потерянными, хотя, принимая во внимание вышеприведённое, понятно, что нередко бывают случаи, когда эти деньги уплачивает не то лицо, которое их получило, а его сын или внук.

Указывая на эти действительные и временные потери, торгующие крестьяне имеют обыкновение жаловаться на своё бедственное положение, на то, что они кормят весь край из милости и из сострадания к ближним, находящимся в нужде, и что эти последние, невзирая на все благодеяния, которыми они им обязаны, грабят и разоряют их. Но в справедливости подобных жалоб можно более чем усомниться, потому что эти «кормильцы», несмотря на свои потери, которые нельзя отрицать, все же получают такие хорошие барыши, что о кризисе не может быть и речи.

Действительно, цены на муку* и на другие предметы первой необходимости зависят вполне от торгующего крестьянина и не подвергаются никакому контролю, и поэтому при назначении их они, конечно, имеют в виду и возможные убытки. Так как каждый из них при этом руководствуется своими собственными соображениями, то сплошь да рядом случается, что одно селение платит за ту же вещь значительно дороже, чем другое, отстоящее от первого всего на 10-20 вёрст, если последнее входит в район действий другого «кормильца». Подобная конкуренция полезна в том отношении, что до известной степе-

* Ныне летом они отпускали ржаную муку в с. Демьянском по 75 коп. за 1 п. при стоимости её в Тобольске 50 коп. и в е. Самаровском 45-55 коп.; в последний пункт она доставляется на барках из Томской губернии.

ни препятствует вредному влиянию монополии, и во всех местностях, где она существует, положение сельского населения сносное и цены безобиднее. Но, к сожалению, переход от одного кредитора к другому нелёгок. Все остяки и значительная часть крестьян северного края в долгу у того или другого торгующего крестьянина, и поэтому до уплаты долга до известной степени связаны в своих действиях, и только тогда они решаются на такой шаг, если их прежний кредитор наотрез откажет им в помощи. Ввиду этого они десятки лет безропотно уплачивают всё, что от них требуют: что они действительно должны и что они должны по записям купцов. Величина тех и других долгов весьма часто не идентична и есть основание предполагать, что в известных случаях остякам приходится платить немало лишнего. Дело в том, что, забирая у купцов хлеб и другие товары, остяк далеко не всегда осведомляется об их стоимости, полагаясь в данном случае на их честность, и если кто-нибудь из них задаст ему вопрос: «Почему же ты не спрашиваешь цену?», он обыкновенно отвечает: «Ты сам знаешь сколько, запиши в книгу». И действительно, тот заносит, но что — не всегда известно. Остяк здесь руководствуется следующим соображением: если промысел будет хорош, то он уплатит всё, если и напишут что лишнее; а если улов плох, то всё равно он не будет в состоянии разделаться с долгами.

На этот оригинальный взгляд остяков обратил моё внимание один из более добросовестных торгующих крестьян, хотя и не Демьянской волости, и по тем справкам, которые я наводил об этом в разных местностях бассейна Иртыша, я убедился, что это не есть вымысел.

Сумму своих долгов остяки знают обыкновенно только короткое время после расчёта, а потом или совсем не знают, или только приблизительно. Записи же имеются только у кредитора, вследствие чего всякое недоразумение в денежных расчётах, которое возникает между ним и его должниками, всегда решается в его пользу. Ввиду того, что подобные случаи весьма часты, остаётся только пожалеть, что уничтожены бирки, которые ещё ныне в ходу в других северных округах, например, в Сургутском по р. Салыму и, между прочим, в Цингинских юртах Верхне-Демьянской волости, где подобные недоразумения поэтому невозможны. Расчётные же и заборные книжки, естественно, не мог-

ли быть введены по причине весьма малого процента грамотных среди сельского населения.

Все вышеприведённое всецело относится и к бассейну реки Демьянки, только что положение обитателей его, быть может, ещё более тягостно, чем положение других поселян ввиду корыстолюбия лиц, с которыми им приходится иметь дело. Остановлюсь несколько на подвигах одного из них, имя которого не считаю нужным называть.

Мне в разных юртах рассказывали про него, что он нередко берёт у остяков и крестьян в счёт долга рыбу по известной цене, но найдя, что в городе, куда он сбывает рыбу, цены настолько низки, что нельзя надеяться на более или менее хорошую выручку, он, не стесняясь совершенной с последними, хотя и словесной, сделкой, рассчитывает их по меньшей цене.

Желая удержать в своих руках тех или других остяков, он им иногда не говорит общей суммы их долга, а если кто из них и заикнётся об этом, то он обыкновенно начинает сердиться и требует немедленного расчёта им уплаты 100-300 рублей, которые числятся за отдельными лицами. Конечно, у остяка не найдётся такой суммы, и потому он старается не доходить до ссоры.

Так как, кроме рыболовства, здешние остяки занимаются и звероловством, то они обязаны уступать ему и шкуры убитых животных. Если цены на рыбу и меняются постоянно, то этого нельзя сказать про цены на пушнину и на лосиные кожи, которые в течение известного периода времени довольно устойчивы, но несмотря на то, что здесь, таким образом, нельзя потерпеть убытка, цены, которые он им дает за пушнину, весьма низки: например, за соболиную шкурку — 2-3V₂ Руб., хотя она стоит на месте 3-6 руб., в зависимости от качества; за лосиную кожу — 4-4 руб. 50 коп. вместо 5 руб.—5 руб. 50 коп. Они не могут примириться с необходимостью отдавать за бесценнок более или менее ценный товар, добыть который стоило им немалых усилий, и поэтому они иногда решаются тайком продать лучшие из своих шкурок на сторону, что, однако, обыкновенно доходит до сведения «кормильца», и гроза разражается над головой провинившегося остяка.

Вообще он пользуется всяким случаем, чтобы выжать сок из бедняка, например, крестьяне Демьянской волости

мне передавали, что за неплатёж долгов он берёт у них коров, оценивая их в 5-6 руб., хотя средняя стоимость коровы здесь 10 руб., а за воловью кожу, которую у него берут рыбаки для бродней, он ставит цену 6-8 руб. Кроме того, он заставляет должников работать на песке, который снимает у крестьян Демьянской волости, платя по 20 коп. в день, несмотря на страдное время, когда для крестьянина дорог каждый день и когда, отправившись на вольные заработки, он мог бы получить 35-40 коп. подённой платы.

Одним словом, мне всюду жаловались на несправедливость и корыстолюбие этого «кормильца», несмотря на то, что в большинстве случаев сельские жители и имеют обыкновение выгораживать своих кредиторов, может быть, из боязни перед ними.

Таким образом, положение сельского населения по отношению к их свирепым кредиторам является иногда вполне беспомощным, тем более что не всегда находятся охотники вступить в борьбу с людьми сильными и влиятельными, к каковым принадлежат в округе все купцы, богатые торгующие крестьяне и другие лица, занимающиеся одним с ними ремеслом. Мы здесь не говорим уже о сельском или волостном начальстве, для которого подобная борьба немыслима и которое подчас находится под влиянием этих тузов или даже в известном подчинении у них, как это, например, весьма недавно было в Демьянской волости.

Но, однако, не следует думать, что все «кормильцы» были похожи на вышеуказанных, хотя они и составляют огромное большинство. Даже в пределах бассейна Демьянки есть лица, которые, судя по отзывам остяков, относятся к ним более гуманно, а в Самаровской волости я знаю торгующих крестьян, которые могут быть названы благодетелями края.

Приведём один пример, который может подтвердить справедливость наших слов: когда два года тому назад цены за один пуд ржаной муки поднялись до 1 руб.—1 руб. 20 коп., они не воспользовались этим случаем, чтобы обогатиться за счёт своих собратий в нужде, как сделали другие крестьяне той же волости, но продавали и отпускали хлеб по цене, которая стояла перед тем, т.е. по 60-80 коп. за один пуд.

Особенною гуманностью в этом отношении отличается Василий Трофимович Земцов, который постоянно имеет зна-

чительные запасы муки, припавленной из Томской губернии, и которой он снабжает остяков и крестьян по весьма умеренным ценам: именно ныне летом по 45 коп. за пуд, между тем как более корыстолюбивые отпускали её по 55 коп. и, не растрачивая свои запасы, выжидали то время, когда у Земцова выйдет вся мука, чтобы тогда ещё поднять цену.

В Ескинских юртах я пробыл несколько дней в надежде, что не сегодня, так завтра откроется путь в Цингинские юрты и на р. Салым, но когда прошёл четвёртый день и мои ожидания не оправдались, я переменял план и решил выбраться на Иртыш в деревню Горно-Субботину и оттуда посетить другие места, более доступные для исследования. Но и это было делом нелёгким.

Вышеупомянутые субботинские рыбаки, которые ныне впервые проложили этот путь, могли совершить переезд в 30 вёрст, который разделяет д. Г.-Субботину от Ескинских юрт, только в $2\frac{1}{2}$ дня и притом принуждены были две ночи провести под открытым небом, так как лошади не были в состоянии проехать в один день более 10-12 вёрст.

Наше положение было лишь немногим лучше: последние два дня свирепствовала вьюга, которая окончательно занесла шлях или следы саней проехавших рыбаков, и нам предстояло или вновь пролагать дорогу, или отыскивать прежнюю, что было в одинаковой степени затруднительно.

На пятый день, в светлое и нехолодное утро, мы тронулись в путь. Кроме двух саней, на которых ехал я и которые были под моим багажом, наш караван состоял ещё из двух саней, которые принадлежали остякам и крестьянам, ехавшим по делам в ту же деревню.

Пока погода стояла благоприятная и было светло, лошади хорошо «сочили», или отыскивали шлях, но к трём часам повалил снег, и мало-помалу поднялась сильная метель, которая залепляла глаза снегом и скрывала от нас все окружающие предметы. Лошади стали чаще сбиваться с пути и вязнуть в няше ещё не застывших болот.

Особенно тяжело было ехать по совершенно открытому месту, где вьюга вступала в свои полные права.

Не раз приходилось возницам слезать с саней и, бродя по колено в снегу, ощупывать и отыскивать дорогу.

Постоянно меняя передовых лошадей, устававших скорее других, нам удалось поздно вечером добраться до старого елового бора, отстоящего от деревни всего на 2-3 версты, и здесь мы нашли убежище от вьюги.

Мы пересекли этот бор, потом поднялись на горку и, пробираясь между снежными сугробами, наконец въехали в спящую деревню, а У₄ часа спустя я не без удовольствия сидел в тёплой избе за кипящим самоваром и уже равнодушно слушал, как на улице свирепствовала разъярённая стихия, как от внезапных порывов ветра звенели стёкла и хлопали ставни, и как в своей бессильной злобе завывала вьюга.

4 марта 1888 г.

Серафим Керович
ПАТКАНОВ —~

**О рассказах г-жи Симоновой из быта
вогулов, остяков и самоедов**

(Критическая заметка)

Среди литературных произведений, посвященных юношеству, немного можно встретить рассказов, которые бы живо и правдиво рисовали жизнь наших инородцев. А между тем подобные произведения несомненно имеют воспитательное значение: читая их, молодые люди обоего пола наиболее легким и приятным образом приобретают познания о человеке и природе отдаленных окраин нашего обширного отечества, познания, которые невозможно почерпнуть даже из подробных учебников отечественной географии. Среди писательниц, работающих в указанном направлении, приобрела в последнее время некоторую известность Л. Симонова, пробывшая, как говорится в предисловиях к ее рассказам, несколько лет в Северо-Западной Сибири, в местностях, обитаемых инородцами. Ее местами увлекательно написанные очерки переносят нас за тысячи верст отсюда в далекую Сибирь, в обширные леса глухого Севера и в ютящиеся в них дымные чумы остяков, вогулов и самоедов, этих пасынков природы.

Об успехе, который имели эти рассказы, можно судить уже потому, что два из них выдержали три издания, а один («Лаача»), кроме того, попал в число книг, рекомендованных Министерством народного просвещения для ученических библиотек.

Этот-то успех очерков и вынудил нас высказать несколько слов по поводу довольно существенных недостатков, которые там замечаются и которые в значительной степени умаляют их внутреннее достоинство. Главнейшие из этих недостатков следующие.

Во-первых, очерки дают до известной степени превратное понятие о нынешних инородцах Северо-Западной Сибири.

Во-вторых, мифология остяков во всем ее составе перенесена в рассказ из быта вогулов, где и выдается за вогульскую.

И в-третьих, наконец, приведенный в очерках лексический материал вовсе не удовлетворяет своему назначению: самоедские и вогульские слова здесь фигурируют в качестве остяцких, остяцкие заменяют самоедские и т.д.

1. Начнем с первого пункта.

«Почти все вогулы, — говорит автор в предисловии к рассказу «Лаача», — остались язычниками и сохранили особенности своего быта и характера». Относительно последнего еще можно до известной степени согласиться с автором, но касательно религии вогулов заметим, что все они крещены еще в 1714 году просветителем сибирского Севера Филофеем Лещинским. Если они еще в значительной степени сохранили свое языческое мировоззрение, то это объясняется, с одной стороны, пустынностью и обширностью края, с другой стороны, полным невежеством и низким умственным развитием инородцев, до которых еще не коснулась школа. В самом деле, если вогулов не считать христианами, то придется отказать в этом и большей части обруселых инородцев финского и тюркского племени, обитающих в восточной части Европейской России и в Сибири, так как почти всем им непонятна или неизвестна сущность христианского учения. Не следует также забывать, что и во многих местностях Центральной России и в русской деревне можно встретить немало остатков прежнего язычества и веру в леших, домовых, русалок и т.д.

Обратив вогулов в язычество, г-жа Симонова искоренила в них почти все зачатки русской культуры, которые они успели усвоить с течением времени. Ее вогулы, самоеды, остяки во многом напоминают тех дикарей, которых Ермак и его последователи встретили на берегах Тавды и Иртыша. На нынешних же, до известной степени обрусевших инородцев Северо-Западной Сибири они так же похожи, как краснокожие герои Ф. Купера и Г. Эмара с их голыми размаляванными телами на большинство нынешних индейцев Соединенных Штатов, одевающихся в европейское платье и променявших лук и томагавк на ружье, заступ и плуг.

Так, несмотря на то, что языки указанных инородцев настолько развиты, что на них можно считать до миллиона и что, кроме того, почти все инородцы умеют считать по-русски, а многие русские торговцы по-остяцки и вогульски, Кукса, один из действующих лиц рассказа «Лаача», счел необходимым прибегнуть к следующему способу, чтобы привести в известность количество беличьих шкур: он «тыкал пальцем в какую-нибудь шкурку, затем складывал руки ладонями и столько же раз поднимал их, сколько нужно было насчитать десятков». Желая женить сына, он стал предлагать волостному писарю из торгующих крестьян Ивану Спиридонычу купить у него добытую им пушни-

ну, которая состояла из 30 лисьих шкур, 50 соболей, 65 горностаев и более 400 белок. Следует заметить, что такое количество пушнины западносибирский инородец в настоящее время может добыть разве в 3—4 года, а накопить шкурки за несколько лет такой бедняк, как Кукса, конечно, не мог. Иван Спиридоныч, оценив его лисьи шкурки по 20 копеек за штуку, соболя и горностаю — по 10 копеек и белку — по рублю за сотню, объявил инородцу, что весь его товар стоит 20 рублей с небольшим, «а между тем он сам рассчитывал получить за него несколько сот рублей. Но ему показалось, что и 20 рублей слишком много для бедняка-вогулича, не знающего толку в деньгах и одевающегося в звериные шкуры». Кончились их переговоры тем, что купец дал инородцу 75 рублей, которые тот требовал, но с таким расчетом, что за свой товар последний получил лишь 10 рублей, а остальные 65 рублей были ему даны под обеспечение будущей добычи зверя.

Нечего и говорить, что подобных сделок в настоящее время не происходит даже в наиболее глухом углу Сибири. Разве в самые первые годы по завоевании Сибири инородцы были так простодушны, что за грош отдавали ценные меха; для Западной Сибири эти времена прошли бесследно уже более 250 лет. В 1888 году в означенной местности стояли следующие цены на пушнину: белка ценилась в 10—12 копеек, соболь, смотря по цвету, — от 4—5 рублей (светлый), от 8—9 рублей (темный), лисица от 4—5 рублей («белодушка») до 25 рублей («крестовая») и даже до 40—70 рублей (черно-бурая)*.

Как видно из сопоставлений настоящих цен на пушнину с фантастическими ценами г-жи Симоновой, последние, по крайней мере, в 30—50 раз ниже действительных. Хотя торгующие крестьяне, дающие инородцам в долг деньги и товар, и получают некоторую скидку с местной цены на пушнину, рыбу и т.д., но все же купец платит инородцу Тобольской губернии даже за самого плохого соболя не менее 2 рублей 50 копеек, за белку (без хвоста) — 8—10 копеек и т.д. Лет же 50—60 тому назад цены на меха были в два раза выше настоящих**.

Мы охотно соглашаемся с автором очерков в том, что в весьма многих местностях русские торговцы действительно эксплуатируют инородцев, но весь вопрос заключается в раз-

* Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губ./Изд. МГИ. 1894.

** Мат. для изуч. экон. быта крест, и инор. Зап. Сиб. XX. С. 33.

мерах этой эксплуатации. В Западной Сибири она далеко не достигает тех размеров, в каких она представляется в рассказах г-жи Симоновой. Не вдаваясь в подробности по этому вопросу, скажем, что на основании наших трехлетних исследований экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири мы пришли к убеждению, что в настоящее время существующая в крае система кредита, несмотря на некоторые свои невыгодные стороны, безусловно необходима для экономического развития края, скажем более, — для страхования инородцев от вымирания вследствие голодовок.

Рассказ из самоедской жизни более слабый, чем другие, не дает настоящего понятия о жизни этих обитателей Крайнего Севера и скорее напоминает рассказ из более знакомого автору быта вогулов лесной полосы. Между прочим, заметим, что самоеды не держат рогатый скот и тем более овец, как это утверждается автором. Численность всех самоедов, несмотря на их вымирание, пока, по-видимому, не менее 15000 душ (по автору 6000 д.).

2. Перейдем ко второму пункту. Религиозные мировоззрения остяков и вогулов, племен, не только находящихся в весьма близком родстве, но и живущих рядом, весьма схожи друг с другом, так что какой-нибудь религиозный обряд или почитание того или другого бога, наблюдаемые у одной народности, до известной степени может относиться и к другой. Ввиду этого нельзя быть в претензии на автора за то, что он предоставил себе в этом отношении полную свободу действий. Но одного нельзя одобрить — это сохранение в очерке из быта вогулов полной номенклатуры остяцких богов, заимствованной к тому же из устарелых источников (от Эрмана непосредственно или при посредстве Кастрена, может быть, и от Гр. Новицкого). В рассказе «Лаача» мы, таким образом, встречаемся с милостивым божеством Ортиком, со злым Мейком, с идолами «Медный гусь» и «Обской старик» и т.д.

Начнем с того, что Ортик есть искаженное остяцкое название *Урт-ига* («Князь-старец»), которому у вогулов соответствует на Конде *Пойрахша* (у конд. ост. : *Пайрахтя*) и в других местах: *Мир-суснэ-хум*. Этот милостивый бог считается сыном *Турыма* (у вогулов *Торыж*, а не *Тарым*, как местами у автора) и является главным посредником между последним и людьми. *Мейк* (Эрмана), или вернее, *менк*, *менгк* (у сев. вогулов *менкв*) не есть особое злое божество, а целый сонм лесных богов, вполне

соответствующих нашим лешим, лесовикам и сибирским «лешакам». «Медный гусь» — бог птиц и «Обской старик» — бог рыб — суть бывшие остяцкие идолы, находившиеся в капище около устья Иртыша и сожженные в 1714 году святителем Филофеем. Они чтились и вогулами, в особенности «Обской старик», и теперь еще живущий в памяти остяков (*Ас-та*) и вогулов (*Ас-анчих*). От первого из только что названных (остяцкого) имени и получил свое прозвище один вогульский (?) князек, о котором упоминается в истории Сибири. Это же имя (*Азыка*, собст. *Ас-ига*) дано автором одному из героев рассказа, вогульцу, чего тоже нельзя одобрить. Если в истории князек назван вогульским, а не остяцким, то это, может быть, потому, что в старых актах вогулы сплошь да рядом называются «остяками», имя, которое себе дают и сами вогулы, когда они говорят по-русски.

Русских имен, которыми остяки и вогулы нарекаются при крещении и которыми они весьма часто именуют себя и впоследствии (Эпаика — Иван, Авда — Авдотья и т.д.), вовсе нельзя встретить в рассказах Л. Симоновой. В качестве закоренелых язычников они зовутся исключительно более или менее фантастическими именами, заимствованными по большей части от названий разных окружающих инородцев предметов. Все имена остяков к тому же заимствованы, как мы увидим ниже, из самоедского языка. Этот недостаток следует устранить уже ввиду того, что чтение рассказов из жизни остяков, испещряемых самоедскими и вогульскими именами, и рассказа из жизни вогулов, изобилующего остяцкой номенклатурой богов, производит на человека, хорошо знакомого с инородцами Северо-Западной Сибири, такое же неблагоприятное впечатление, как чтение романа из русской жизни, героями которого явились бы Казимиры, Станиславы, Франциски и т.д.

3. В-третьих, наконец, было бы весьма желательно устранить крупные промахи в приводимом автором лексическом материале или сократить последний по возможности.

Следующие *самоедские* слова выдаются в рассказе «Эзе» за *остяцкие*:

	правильнее:	значение:
эзе	есэ, эсеа	деньги (собст. железо)
сыр	сеар, сыри	белый
пеняй	пъеней	серебро
ябей	ябицийи	водка
ньянтыня	?	Ледовитый океан

хапчанда	яику	хабтъенды,	бессмертный
		хабценси	

Вогульские слова, фигурирующие в качестве *остяцких*:

шангур	шангультеб	домбра
пауль	• —	селение

Остяцкое слово, выдаваемое за *самоедское*:

юх	—	дерево
----	---	--------

Сюда же относятся и все сказанное во втором пункте. Этот перечень почти исчерпывает запас слов, встречаемых в вогульском и остяцком рассказах. Как нетрудно убедиться, ни одно из приведенных слов не удовлетворяет своему назначению, являясь неверным в том или другом смысле.

В рассказе «Ильдия» встречается более всего самоедских слов, но они, к сожалению, заимствованы не из одного какого-нибудь самоедского наречия, хотя бы юракского или остяко-самоедского, а из разных, что тоже лучше избежать: ведь не станет же автор, пишущий рассказ из деревенского быта центральной полосы России, перемешивать великорусские названия лиц и предметов с малороссийскими и белорусскими, если в его распоряжении имеется достаточный запас русских слов.

Следует также обратить внимание на то, что многие из приводимых автором самоедских слов неправильно переданы по-русски: *тодебции* (соб. *тадиебтъю*) значит не «злые духи», а духи, подчиненные шаманам, *весако* — не «муж земли», а «старец-старичок», *хадако* — не «могучая мать», а «старушка-бабушка» (уменьш. *отхада*), *ильдиа* — не «старец», а «старший брат, старший дядя» и т.д. Слово «цкд» — «вода» — скорее напоминает остяцкое «йикк», чем самоедское «йи»; множественное число от *ненец* (соб. *нъенец*) «человек» — не *неца*, а *нъенецеа* («люди»).

Если автор рассказов пожелает устранить в следующем издании их хотя некоторые из указанных недостатков, то ее интересные очерки от этого, без сомнения, много выиграют. Полезными пособиями при этом могут служить по самоедскому языку словарь Кастрена, по остяцкому — словари его же, Альквиста и Папая-Мункачи (ост.-венг.- русск.) и по вогульскому — словарь Альквиста.

**Серафим Керович
П АТКАНОВ** —

**Краткий очерк
колонизации Сибири**

1. Переселения в Сибирь до середины 80-х годов. Начало колонизации Сибири относится к самому концу XVI столетия. В первые два века по покорении страны правительство не имело строго определённых взглядов на переселение крестьян в Сибирь: желая заселить вновь открытые тракты и обеспечить хлебным довольствием многочисленных чинов, управлявших страной, оно в то же время опасалось обезлюдить и без того малонаселённые в те времена центральные местности государства и лишит последние части своего дохода. И вот, посылая в Сибирь на поселение пленных, преступников, а также добронравных пашенных крестьян, оно в то же время издавало законы (первый, по-видимому, в 1597 г.) и принимало строгие меры против самовольных переселенцев, меры, которые, однако, совершенно не достигали своей цели.

Около середины XVIII столетия русское правительство стало смотреть на колонизацию более благосклонно. Оно само приняло целый ряд мер в видах заселения Сибири земледельцами и издало с этой целью специальные законы, один из которых (1760 г.) разрешал помещикам ссылать своих крестьян за проступки в Сибирь на поселение взамен отбывания ими рекрутской повинности.

Несмотря, однако, на такие заботы правительства о заселении Сибири, им почти ничего не было предпринято для обеспечения успеха самой колонизации, если не считать, что переселенцы отправлялись в места назначения на казённый счёт и получали на первое обзаведение пособие из казённых сумм. Нередко в рубищах и лишённые тёплой одежды полуголодные переселенцы, особенно из помещичьих крестьян, должны были испытывать все тягости длинного пути при бездорожье и отсутствии перевозочных средств. Смертность среди них была так сильна, что из иных партий таких крестьян до места доходила лишь $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{4}$,

что заставляло правительство временно приостанавливать переселенческое движение.

В конце XVIII в. было обращено особое внимание на заселение нескольких трактов и местностей в Западной Сибири и в районе нынешней Забайкальской области, именно: между Байкалом, В. Ангарой, Нерчинском и Кяхтой.

В течение первой половины XIX столетия наплыв крестьян из Европейской России в Сибирь был, в общем, незначителен, потому что пустынные в это время степи Новороссийского края, Кавказа и Юго-Восточной России притягивали известный контингент переселенцев. В 20-х и 30-х годах истекшего столетия русские поселяне вместе с казаками стали основываться по северной окраине привольных тогда киргизских степей. Сибирские же губернии во второй четверти XIX столетия заселялись преимущественно ссыльными разных категорий, часть которых водворялась в основываемых специально для этой цели казённых деревнях, главным образом в Енисейской и Иркутской губерниях. Число лиц, ежегодно ссылаемых в Сибирь, постепенно возрастая, достигло в 1834 году цифры 11500 д., но несмотря на это, уже в это время ссылка стала утрачивать значение важного фактора колонизации страны и вплоть до её отмены в 1899 году сохранила за собой лишь карательное значение. В 40-х годах того же столетия вопрос о колонизации Сибири был поставлен в тесную связь с переселенческим вопросом, и единственно надёжным элементом при заселении названной окраины были признаны вольные переселенцы из крестьянского и казачьего сословий. После временного затишья переселение в Сибирь вновь усиливается с 1844 года, причём направляется главным образом в Тобольскую губернию (Курганский окр.), в которой к 1851 году было водворено уже 19500 вызванных правительством крестьян м. п.

Ещё более усиливается переселение крестьян в 50-х годах, в эпоху гр. Киселева. Вызвано было это усиление желанием правительства разредить население малоземельных губерний Европейской России путём выселения из каждой из них по 300—400 семейств. В результате принятых правительством мероприятий в Тобольскую губернию за трёхлетие — 1852—1854 гг. — выселилось около 25000 д. м. п. и в Томскую (в Томский окр.) — 13230 д. м. п. Одновременно с За-

падной Сибирью заселялась и Енисейская губерния, которая за 7-летний период времени — 1852-1858 гг. — приняла около 5982 д. м. п.

В противоположность переселенцам, водворённым в Западную Сибирь, происходившим преимущественно из чернозёмной полосы, но также из Тверской и Смоленской губерний, крестьяне, переведённые в Енисейскую губернию, были родом из Восточной России, именно из губерний Вятской и Пермской, и лишь в 1856/7 гг. к ним присоединились выходцы из Орловской губернии.

Вышеуказанные числа далеко не исчерпывают общее число крестьян, переваливших в 50-е годы за Урал. Как известно, во все времена наряду с руководимой правительственной властью колонизацией совершалось и негласное, самовольное переселение, не поддающееся никакому учёту.

Со второй половины 50-х годов переселенческое движение в Сибирь начинает ослабевать и после небольшой вспышки тотчас после освобождения крестьян в эпоху великих реформ, когда, однако, главная часть переселенцев направлялась в южнорусские степи, почти прекращается до начала 80-х годов. Это затишье в переселенческом движении в значительной мере было обусловлено отрицательным, по оставлению гр. Киселевым поста министра Гос. Им., отношением правительства к переселениям в первое 20-летие после крестьянской реформы. Действительно, Положение 19 февраля 1861 года, предоставив личную свободу 22 миллионам закрепощённых крестьян, обошло молчанием вопрос о крестьянских переселениях, установив лишь ряд правил касательно порядка увольнения отдельных домохозяев из одних обществ и перечисления их в другие; правил, служивших серьёзным препятствием для свободного передвижения и переселения крестьян в пределах империи.

Сильно возраставшее, несмотря на эти стеснения, переселение в Сибирь заставило правительство приступить к составлению особого закона, регулирующего переселенческое движение, причём до его окончательной разработки, требовавшей немало времени, были изданы 10 июля 1881 года временные правила, которые доставляли известные облегчения для лиц, желавших выселиться в другие места. Во-первых, эти правила распространялись на всех лиц сель-

ского состояния, которых незавидное экономическое положение побуждало к переселению; во-вторых, они устраняли необходимость добывать приёмы приговоров от обществ, где крестьяне основывались, и, в-третьих, согласно этим правилам, недоимки их в прежнем местожительстве переводились в их новое местожительство и могли быть уплачиваемы постепенно. Наконец, эти правила впервые предусматривали содействие переселенцам во время их движения путём учреждения специальной конторы в с. Батраках Симбирской губернии (впоследствии перенесённой в Сызрань). Но идя навстречу потребности к переселению крестьян в видах поправления их плохого экономического положения, правительство при издании означенных правил вовсе не имело в виду поощрять и развивать переселенческое движение, с одной стороны, боясь отлива рабочих рук из Центральной России и развития бродяжничества и, с другой, сознавая свою неподготовленность надлежащим образом устроить на окраинах массу стремящегося туда люда. Чтобы поэтому быть в состоянии руководить самим переселенческим движением, оно выдавало разрешение на переселение лишь тем лицам, которые, по отзывам крестьянских учреждений, действительно в этом нуждались.

В видах более точного учёта числа переселенцев с 1885 года вводится подробная их регистрация в двух пунктах их главного движения: в Тюмени и Челябинске (а впоследствии лишь в последнем). С этих пор статистические данные о переселенческом движении теряют свой прежний характер гадательных исчислений и приобретают значение реальных величин.

Общее число крестьян, самолично и по вызову правительства переселившихся в Сибирь до 1860 года, не поддаётся даже приблизительному учёту, число же ссыльных, водворённых в стране в течение 40 лет — 1823-1862 гг. — простиралось до 356000 д. За последний же период времени — в 25 лет (1860-1885 гг.) число выселившихся в Сибирь крестьян определяют в круглых числах в 300000 д. об. п., включая и самовольных переселенцев, которые за тридцатилетие после освобождения крестьян несомненно составляли главную их массу. Более сильный наплыв переселенцев в Сибирь обнаружился в самом конце указанного пери-

ода времени, именно: в начале 80-х годов истекшего столетия. Таким образом, по расчёту Гуревича, число переселенцев, перешедших за Урал в 1881—1882 гг., простиралось до 74000 д. В 1883 году их число определяют в 34500 д. и в 1884 г. — в 9100 д. об. п.

Вышеприведённые данные, кроме последних цифр, относятся почти исключительно к крестьянам, водворённым на казённых землях Сибири. Что же касается до Алтайского округа Кабинета Е. И. В. (в состав которого входят округа Бийский, Барнаульский, Змеиногорский, Кузнецкий и 5 волостей Томского округа), то в течение всей первой половины истекшего столетия он за исключением двух волостей был совершенно закрыт для колонизации. Лишь с начала 60-х годов в нём стали самовольно селиться крестьяне из Европейской России, главным образом в деревнях алтайских крестьян, в 1861 году освобождённых от обязательных работ. Признавая выгоды для округа в увеличении его населения, Кабинет Е. И. В. не последовал близорукой политике М-ва вн. д., а издал в 1865 году правила, узаконившие водворение крестьян на землях округа. По данным Алтайского горного управления, за 18-летие — 1866—1884 гг. — число переселившихся на земли Кабинета Е. И. В. простиралось до 17606 д., что составляет 976 д. в год, причём в первое 6-летие (1866—1872 гг.) среднее годовое число перечислившихся было всего 615 д., во второе — 716 и в последнее — уже 1621 д. Но, кроме них, в округе прочно проживало ещё много крестьян, не успевших перечислиться на новые местожительства, и число их определяли: в 1876 г. в 1765 чел., в 1882 г. — в 18000 чел. и к 1 января 1884 г. уже в 30,5 тыс. душ.

В общем, колонизацию Сибири вплоть до 80-х годов истекшего столетия нельзя назвать успешною, потому что далеко не всем переселенцам удавалось хорошо устроиться в избранных ими местах и превратиться в безбедных земледельцев. Происходило это, во-первых, от неподготовленности крестьян к переселению на далёкие расстояния и в местности, часто с иными климатическими, орографическими, почвенными и иными условиями; во-вторых, от недостатка у многих переселенцев средств на первое обзаведение и нередко отсутствия целесообразной помощи на местах их вод-

ворения и от других причин. Если, однако, большая часть переселенцев всё же, преодолев все тягости водворения в новой местности, превратилась в полезных граждан страны, то этим последняя почти всецело обязана их личной инициативе, участие же в этом деле правительства было, в общем, незначительно — это явствует уже из того факта, что огромное большинство селений в Сибири, возникших в 80-е годы истекшего столетия, были основаны благодаря личной инициативе вольных переселенцев без всякого участия правительства; таким образом, в четырёх округах Енисейской губернии число таковых определено по обследовании в конце 80-х годов в 665, что составляет 86% всех возникших в указанный период времени селений; по почину же и при содействии правительства таковых было основано всего 111, или 14%.

Более значительно, напротив, было участие правительства в заселении вновь приобретённых Амурского и Уссурийского краёв и о. Сахалин. В Амурской области водворение русского оседлого населения началось за два года до формального присоединения её к Российской империи (1858/9), причём первыми насельниками её были казаки Забайкальской области, образовавшие по Амуру 28 станиц. Общее число казаков, посёлённых в период времени 1857-1862 гг. по берегам Амура и Уссури, простирается до 13900 д. об. п. Из них впоследствии были организованы Амурское и Уссурийское казачьи войска. Крестьяне из внутренних губерний России появились на Амуре впервые в 1859 году в числе 240 д. об. п.

Точного учёта самих переселенцев, пришедших в Амурскую область до 1885 года, не имеется, а на основании отрывочных данных можно вычислить, что за 30 лет — от 1859 г. по 1888 г. — область приняла в себя 15300 д., на самом деле, однако, больше, потому что не все переселенцы были зарегистрированы; следует ещё заметить, что в некоторые годы из области отчислялось больше лиц, чем к ней причислялось.

В Южно-Уссурийском округе Приморской области, также довольно пригодном для хлебопашества, первые крестьянские поселения были образованы переселенцами из смежной Амурской области, частью ещё не успевшими обжить-

ся в этой последней. За период времени 1865–1869 гг. в нём основалось около озера Ханка и по реке Суйфуну 1311 д. переселенцев из разных частей империи. Большое внимание на заселение Южно-Уссурийского округа было обращено в конце 70-х годов, а с 1883 года для облегчения перевозки на места переселенцев были приспособлены суда Добровольного флота, доставившие во Владивосток в течение трёхлетия — 1883–1885 гг. — 5780 д. об. п., из коих 4683 д. были перевезены на казённый счёт. Более значительное движение переселенцев в Южно-Уссурийский округ началось, однако, с 1892 г. (2307 д.).

Что касается до причин, побуждавших крестьян и иных людей покидать свою родину и переселяться в отдалённые окраины России, то они не были одними и теми же в разные эпохи рассматриваемого периода времени. В более отдалённое время, вплоть до 60-х годов истекшего столетия, главными поводами к выселению были разного рода невзгоды, усиливавшие лежавший на крестьянском сословии гнёт и увеличивавшие их нужду. Такими обстоятельствами были волнения смутного времени, прикрепление крестьян к земле, гонения московского правительства на раскольников и староверов, страх перед вновь установленными ревизиями и рекрутским набором, притеснения со стороны помещиков и многие другие причины. Но со времени освобождения крестьян эти причины постепенно стали терять свою остроту и на смену им, главным образом в новейшее время, начиная с 80-х годов, когда переселение вновь усилилось, на первый план выступили условия экономического характера: на первом плане малоземелье, являющееся коренной причиной выселений в Сибирь в указанную эпоху, далее недороды хлебов и т.д.

2. Новейшее законодательство касательно переселений.

Стремление поставить переселенческое движение в известные рамки, чтобы возможно было регулировать его размеры, например, в зависимости от имеющегося налицо запаса свободных для водворения переселенцев земель, сохранилось и в новом Законе «О переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли», изданном 13 июля 1889 года, хотя сравнительно с временными правилами 1881 года он и представляет шаг вперёд. По этому закону переселяющиеся освобож-

дались от обязанности испрашивать увольнительные приговоры, уплачивать недоимки, которые возлагались на оставляемые общества, и получали право на ссуду на продовольствие и обсеменение полей. Но необходимость иметь разрешение оставлено было в прежней силе, причём лица, рисковавшие двинуться за Урал без такового, не только не имели права пользоваться вышеуказанными льготами, но и подлежали возвращению на родину административным порядком.

Жизнь, однако, не укладывалась в тесные рамки, в которые её старались заключить законодатели: выдав до 1892 года разрешение на переселение 17289 семьям, М. вн. д. подсчитало, что общее число лиц, переваливших за эти годы за Урал, составило 28911 семейств. Таким образом, и закон 1889 года не был в состоянии надлежащим образом руководить переселенческим движением, которое в значительной степени оставалось вне воздействия со стороны правительства. Меры, принимаемые им против самовольных переселенцев, не достигали своей цели: не имея возможности возвращать на родину всех многочисленных переселенцев, не имевших разрешения на переселение, оно стало их причислять к местам их водворения, но так как возрастающее с каждым годом число переселенцев постоянно превышало имевшуюся наличность заготовленных переселенческих участков, на каковой предмет в это время расходовалось не свыше 40000 рублей ежегодно, то оно циркуляром от 6 марта 1892 года временно приостановило выдачу разрешений на переселение.

Этот же, 1892, год можно считать годом решительного поворота в переселенческой политике: переселение вследствие весьма сильного прироста населения в стране (около $1\frac{1}{2}$ млн. в год) было признано безвредным для экономического положения Центральной России и в то же время чрезвычайно важным фактором для заселения и промышленного развития наиболее благодатных частей Сибири, через которые должна была пройти предназначенная к постройке железная дорога. Для предварительного рассмотрения всех мероприятий по устройству переселенцев и по другим вопросам, связанным с этим делом, была учреждена при комитете Сибирской железной дороги особая подготовительная комиссия, на которую было возложено и составление смет потребных в каждом отдельном году расходов из фонда вспо-

могательных предприятий Сибирской железной дороги. И новое направление переселенческой политики сразу сказалось в увеличении ассигнования сумм на землеотводные работы с 40000 до 229550 рублей, число, которое к 1902 году было увеличено до 714520 рублей при среднем расходе на указанный предмет за 12-летие в 473000 рублей. Сильно увеличился и расход на передвижение переселенцев, на устройство их на новых местах и на снабжение их сельскохозяйственным инвентарём и хлебом; расход, выразившийся в среднем за 8-летний период времени (1893—1901 гг.) в сумме 1657 тысяч рублей в год.

Новый закон, касающийся переселения, 15 апреля 1896 года предоставил выселяющимся крестьянам ещё две существенные льготы: во-первых, он значительно облегчил им передвижение путём введения особого пониженного для переселенцев железнодорожного тарифа, и, во-вторых, он впервые признал допустимым и самовольное переселение, устранить которое не были в силах ни один из прежних законов и ни одно мероприятие, но признал его с известными ограничениями. Благодаря этому же закону получили более широкое развитие и ходачество, признанное желательным еще в 1894 году, а циркуляром 1897 года даже обязательным.

Сравнительно дольше сохранились прежние порядки водворения переселенцев на землях Алтайского округа Кабинета Е. И. В., где до 90-х годов истекшего столетия оставались в силе правила, изданные еще в 1865 году. Значительные затруднения, сопряжённые с перечислением крестьян из родных губерний на места нового поселения, мало облегчённые в течение последующих по издании указанных правил тридцати лет, имели последствием, что к 1896 году на кабинетских землях оказались проживающими свыше 100000 душ (к 1898 г. уже 146000 д.) крестьян, не причисленных к местным волостям и вообще не перечисленных. Это нежелательное обстоятельство привело кабинет к решению о необходимости устранить упомянутые препятствия к перечислению крестьян и по возможности согласовать правила водворения крестьян на кабинетских землях с таковыми, изданными в 1889 и 1896 гг. с этой целью для водворяющихся на казённых землях Сибири. Изданный в 1896 г. Кабинетом Е. И. В. закон изменял прежние правила в желаемом направлении, предусматривая устройство

крестьян не только уже проживавших в пределах Алтайского округа, но и желавших в будущем основаться на его землях.

В конце того же 1896 года ввиду чрезмерно возросшего делопроизводства по переселенческому движению для его заведования было образовано при М. вн. д. особое Переселенческое управление, на обязанности которого лежит изучать на местах разного рода потребности населения и путём своевременного заявления о них облегчать подготовительной комиссии разработку всей совокупности предположенных по данному предмету мер. Кроме того, в его обязанности входит руководить самим переселением при помощи командированных с этой целью на места выселения крестьян и в Сибирь чинов.

В 1906 году была реформирована местная организация заведования переселенческим делом. «Изыскание и отвод земель для переселения, находившиеся в ведении Деп. госуд. зем. им., были сосредоточены в Переселенческом управлении, ведавшем ранее только водворение и устройство переселенцев на заготовленных землях. Все местности, где водворяются переселенцы, разделены на районы и подрайоны, заведующие которыми имеют постоянно на месте служебных занятий жительство, а не командированы туда, как прежде, лишь временно. Надзор за всеми колонизационного характера работами: по межевой, дорожной и гидротехнической частям — объединён в каждой губернии и области (включая две области Туркестана) в лице заведующего местным переселенческим районом под руководством высшей местной административной власти»*.

В том же 1906 году был упрощён и сделан более общедоступным порядок выдачи ходатайских свидетельств всем желающим приискать себе земли в Сибири, причём справки об экономической обеспеченности будущих переселенцев были отменены.

Большое внимание было также обращено на увеличение средств, расходуемых на переселенческое дело. Таким образом, в среднем за 12-летие — 1893-1904 гг. — на этот предмет расходовалось всеми заинтересованными ведомствами (М. вн. д., М. земл. и госуд. им. и комит. Сиб. ж. дор.**)

* Изв. Главы, упр. землеустр. и землед. 1907. № 36. С. 664.

** Расход комит. Сиб. жел. дор. выразился за период времени в 14 л. — 1893-1906 гг. — всего в сумме 300 т. руб., издержанных на устройство школ, церквей и благотворительных учреждений (собственно говоря, на усиление фонда имени Императора Александра III).

2630,8 тыс. руб. Такова же была смета и на 1905 год (2642 тыс. руб.). В 1906 году она была более чем удвоена — до 5679,6 тыс., а на 1907 г. составлена смета в четыре раза большая — около 11 млн. рублей.

3. *Число переселенцев.* Общее число семейных переселенцев, переваливших через Урал в течение двадцати лет (1885–1904 гг.) со времени введения точной их регистрации, простирается до 1488048 д. об. п., что составляет в среднем 74402 д. в год. В эти числа не включены одинокие переселенцы, составляющие в среднем за последние десять лет 2947 д., или около 4% общего числа переселенцев. Обращаясь к более детальному рассмотрению этого вопроса, можно подметить, что хотя в отдельные годы переселенческое движение и представляло значительные колебания в обе стороны, но что всё же в общем оно показывало тенденцию к возрастанию. Таким образом, в первое десятилетие (1885–1894 гг.) выселилось всего 367280 д., или в среднем по 36728 д. в год, и во второе (1895–1904 гг.) — 1120768 д., или по 112077 д. в год. По отношению к общему числу всех выселившихся в Сибирь за рассматриваемые двадцать лет первое число составляет всего 24,7%, т.е. $\frac{1}{4}$, и второе — 75,3%, или $\frac{3}{4}$. Это возрастание числа переселенцев имело причину не только постоянно усиливающуюся нужду в земле, но и облегчения для переселенцев, предусмотренные более новыми законами и циркулярами касательно переселения, главным образом открытие движения по Западно-Сибирской железной дороге и введение удешевлённого тарифа по перевозке переселенцев: за первые девять лет (1885–1893 гг.), когда ещё не было движения по Западно-Сибирской железной дороге, число переселенцев не превышало в среднем 34612 д. в год, между тем как по открытии железнодорожного движения ежегодное число переселенцев повысилось до 114665 д. По отношению к среднему числу ежегодно выселявшихся в течение 19-летнего периода (1885–1903 гг.) — 76745 д. первое число составляет всего 45,1%, между тем как второе — 152,2%, т.е. превышает первое более чем в три раза.

Если разбить рассматриваемое 20-летие на пятилетия, то среднее число переселявшихся в каждое из пятилетий составит следующий процент по отношению к среднему числу за весь 20-летний период:

1885-1889	гг.	22,6%;
1890-1894	гг.	76,2%;
1895-1899	гг.	181,6%;
1900-1904	гг.	119,6%;

т.е., приблизительно утраиваясь в каждое последующее пятилетие вплоть до 1900 года, переселенческое движение показывает заметное ослабление в последнее пятилетие. Ещё рельефнее становятся колебания числа переселенцев, если рассматривать тот же вопрос по отдельным годам. При этом обнаруживается весьма наглядно влияние на размеры переселения разных внешних и побочных причин, потому что главная и коренная причина этого явления — малоземелье — не могла измениться сколько-нибудь заметно в короткий промежуток времени. Следует, однако, заметить, что самовольное переселение, идущее параллельно разрешённому, будучи менее зависимым от внешних причин, до известной степени маскирует указанную зависимость.

Под влиянием облегчения для выселяющихся, дарованных временными правилами 1881 года и позднейшими циркулярами, а также законом 1889 года, число крестьян, покидавших родину, чтобы основаться в Сибири, стало быстро возрастать, повысившись с 11800 д.* в 1885 году до 47400 д. в 1890 г.*.

В следующем году (1891) число переселенцев в значительной степени под влиянием неурожая хлебов, охватившего большую часть Европейской России, почти удвоилось, достигнув цифры 82150 д.*, удержавшись на этой высоте (84200 д.) и в следующем, тоже неурожайном, году, несмотря на распоряжение М. вн. д. (от 6 марта 1892 г.) о приостановке дальнейшей выдачи разрешений на переселение ввиду полного несоответствия между огромным числом лиц, желавших получить наделы, и наличным количеством заготовленных для них участков. Эта мера произвела своё действие лишь в следующем, 1893, году, когда число переселенцев, главным образом отправившихся в путь на свой страх и без посторонней помощи, не превысило 53300 душ. Не изменилась существенно численность переселенцев и в следующем, 1894, году — 55800 душ. Но возобновление выдачи разрешений на переселение в этом году, слухи о

* Колонизация Сибири. Издание канц. Комит. мин., 1900.

предполагавшихся новых льготах и введение общего переселенческого тарифа возымели такое действие на крестьянское население малоземельных губерний, что число желающих основаться в Сибири стало чрезмерно возрастать: в 1895 г. число переселенцев оказалось уже в два раза большим (102 тысячи д.), а в 1896 г. уже почти вчетверо большим (186 тысяч д.) против 1894 года. На небывалую высоту переселенческого движения в последнем году несомненно оказал своё влияние и закон 1896 года. Увлечение выселением в Сибирь для поправления своего материального положения приняло стихийный характер и распространилось даже на те части сельского населения, для которых переселение не представляло крайней необходимости. Вместе с чрезмерно возросшим движением крестьян в Сибирь возросло и число лиц, не сумевших устроиться на новых местах и возвращавшихся разорёнными на родину. Так как к тому же правительство не успело заготовить то количество переселенческих участков, которое требовалось, чтобы удовлетворить всю эту массу людей, то уже летом 1896 года выдача разрешений была приостановлена, и даже часть лиц, уже получивших таковые, была задержана на местах отправления. Эти обстоятельства действовали расхолаживающим образом даже на крестьян, желающих попытать своё счастье, не прибегая к опеке и помощи правительства, и число переселенцев, зарегистрированных в Челябинске, по пути в Сибирь, не превысило в 1897 году 81000 д. Известное влияние на уменьшение числа переселенцев оказали некоторые меры, принятые правительством и местными властями, дабы удержать от переселения лиц, имевших о сибирской жизни превратные понятия и не обладавших достаточными средствами на покрытие издержек по длинному пути и по первому обзаведению*. С этой целью в начале того, 1897, года был издан циркуляр, согласно которому стало обязательным до осуществления самого переселения посылать на места ходоков для осмотра имевшихся в распоряжении земельных участков. В 1898 году размер переселенческого движения, вновь повысившись, приблизился к величине 1896 года — 143700 тыс. д. и затем продолжал расти и в следующие два года: 1899 г. — 162800 д. и в 1900 г. — 164600 д., но мобилизация войск для усмирения боксёрского

* Некоторые губернаторы ставили необходимым для выдачи разрешения условием представление доказательства об имении 300 руб.

движения в 1900 году вынудила правительство вновь приостановить переселенческое движение, а 5 июля 1901 года для лучшего достижения этой же цели временно был отменён удешевлённый железнодорожный тариф. Эти меры в связи с сильными неурожаями в Сибири в 1900 и 1901 годах имели своим последствием падение числа переселенцев наполовину против 1899-1900 гг.: в 1901 г. — 86300 д., в 1902 г. — 80500 д. и в 1903 г. — 83700 д. Несомненно, что движение переселенцев вновь стало бы возрастать по миновании сдерживающих его обстоятельств, если бы возникшая в 1904 году война с Японией не заставила правительство опять прибегнуть к прежним мерам для приостановки переселенческого движения, которое ввиду этого показало в означенном году и в следующем за ним 1905 году незначительные сравнительно с прежними размерами величины: 29900 и 32158 д. переселенцев*. По миновании войны и отмене запретительных мер переселенческое движение стало вновь сильно возрастать, так что в 1906 году число зарегистрированных в Челябинске лиц простиралось уже до 220000 д. об. п.**, а в 1907 году таковых до 21 сентября было переписано уже 383800 д.***, не считая 136100 ходоков. Это небывалое число переселенцев было настолько неожиданным, что почти весь имевшийся запас переселенческих участков быстро истощился, и Главное управление землеустройства и земледелия, опасаясь за участь последующих переселенческих партий, уже в начале мая приостановило выдачу новых ходаческих свидетельств (временно до 1 июля), а в июле нашло необходимым представить на одобрение Совета министров о продлении указанной меры касательно Западной Сибири и на остальную часть данного года, а также о прекращении льготного семейного переселения на Дальний Восток без предварительного зачисления земель.

4. Самовольные переселения. Желая поставить переселенческое движение в известные рамки, чтобы быть в состоянии регулировать его размеры и направлять его в те местности, которые требовалось заселить раньше других мест, правительство, как было показано, во все времена принимало более или менее решительные, а иногда и весьма строгие меры про-

* Землеустр. и землед.: Изв. Гл. упр. 1907. № 36. С. 63.

** По сведениям Глав, перес. управления за 1907 г.

тив лиц, переходивших на окраины самовольно, а не по его вызову и без его разрешения. Но никакие стеснительные и карательные меры не могли остановить вызванного самой жизнью явления. Напротив, чем большими препятствиями была обставлена возможность перейти за Урал или на окраины Европейской России, тем больше возрастало число самовольных переселенцев, предпочитавших самолично бороться с тягостями и дороговизною далёкого пути и нести все невзгоды первого обзаведения на новых местах, чем исполнять все формальности, неизбежные с принятием опеки со стороны правительства. Чувствуя своё полное бессилие бороться против этого явления и не находя возможным приводить в исполнение те строгие наказания, которые должны были нести ослушники закона, например, возвращать самовольных переселенцев административным порядком на родину, правительство постоянно принуждено было делать уступки требованию обстоятельств и разрешать им оставаться на избранных ими местах с правом на получение надела: так было в 40-х годах, так было и в 80-х, и 90-х годах истекшего столетия.

Большого успеха в борьбе с самовольными переселениями правительство добилось путём облегчения получения разрешений на переселение и устранение многих излишних сопряжённых прежде с этим формальностей, как и путём дарования лицам, действовавшим согласно требованиям закона, разных довольно существенных льгот по уплате податей и недоимок, по отбыванию повинностей, по удешевлённому проезду на места водворения и по получению разных пособий и ссуд, а также преимущественного права на землю. На этот путь правительство стало переходить с начала 80-х годов и в более или менее окончательной форме выработало необходимые для этого правила в 1896 году, когда самовольное переселение было впервые признано законным явлением. И в соответствии с этим до 80-х годов и в их начале почти всё переселение можно рассматривать как самовольное. Позже, в 80-х и в начале 90-х годов, оно составляло от 80 до 85%, в 1894 году — 60,9%, в следующее пятилетие (1895–1899 гг.) оно сократилось в среднем до 36,8% и в 4-летие (1900–1903 гг.) — до 26,7% всего числа переселенцев. В 1904 и 1905 гг., когда по случаю войны переселенческое движение было временно приостановлено, почти все переселенцы, перевалившие за Урал,

не имели разрешения (92,1 и 97,9%). В 1906 году с отменой запрещения число самовольных переселенцев сократилось до половины всего их числа (52,6%), а в 1907 году они не превышали U_4 части. Помимо других причин возрастание относительного числа самовольных переселенцев находится в зависимости и от мероприятий правительства, клонящихся к ограничению или временной приостановке переселенческого движения. Таким образом, прекращение выдачи разрешений на переселение в 1904 году сильно повлияло на усиление контингента указанного типа переселенцев, так что по отношению к наличному числу переселенцев они в означенном году составляли опять 70%. Но позже, когда переселенческое движение вновь вступило в нормальные условия, это процентное отношение стало падать, дойдя в 1907 году (до 21 сентября) до нормальной для первых четырёх лет настоящего столетия величины (23%).

Исследования на местах водворения переселенцев и опросы их в Челябинске на пути в Сибирь выяснили, что главными причинами, в силу которых значительная часть крестьян и посейчас предпочитает следовать в Сибирь на свой страх и отказываться от помощи в этом со стороны правительства, являются: во-первых, разного рода препятствия и затруднения, с которыми в известных случаях бывает связано получение разрешения на переселение, и, во-вторых, несочувственное нередко отношение местной администрации к переселениям известных групп крестьян.

Из рассмотрения статистических данных касательно районов водворения переселенцев, имевших разрешительные документы, и самовольных переселенцев выяснилось, что последние избирают своей новой родиной преимущественно наиболее пригодные для сельского хозяйства местности степных областей (78,3% в среднем за 10 лет) и Алтайский округ (42,7%), хотя высота процента водворившихся в этих районах самовольных переселенцев и зависит в значительной степени от того обстоятельства, что именно эти местности были временно (до 1907 года) закрыты для переселения: первая ввиду охраны землевладения кочевников, а второй — вследствие недостатка заготовленных для переселенцев земельных участков. В губерниях же, свободных от колонизации, каковы Тобольская и Енисейская,

число самовольных переселенцев было в общем менее значительно: в первой их оказалось 28,9% и во второй — 13,3%.

5. *Ходачество и движение крестьян на заработки.* В числе способов, при помощи которых крестьяне Европейской России знакомятся со свободными землями окраин, куда они предполагают впоследствии выселиться, бесспорно лучшим является осмотр этих земель при помощи избранных ими и посылаемых в колонизируемые местности лиц, или так называемых «ходовков». Это явление, выдвинутое самой жизнью, народилось уже много десятилетий тому назад и удостоилось поощрения ещё в законе 1822 года. Но позже правительство стало относиться к нему отрицательно, несмотря на сильное развитие в 80-х годах и в начале 90-х годов ходачества. Лишь в новейшее время оно вновь пользуется покровительством властей. Закон 1894 года рекомендует крестьянам, задумавшим переселиться в Сибирь или в другие окраины, посылать туда ходоков, для которых были установлены льготы по передвижению. Дальнейшее развитие эта идея получила в законах 1896 года (15 апреля и 7 декабря), согласно которым ходоки были освобождены от необходимости брать особое разрешение и при поездках на места выселения пользовались всеми льготами, предоставленными переселенцам. В этом же году право посылки ходоков было распространено на каждую семью, желавшую переселиться в Сибирь. В следующем году (1897) закон уже ставит непременно условием для получения разрешения на переселение посылку на места ходоков.

В результате этих мероприятий ходачество с середины 90-х годов сильно усилилось: именно с шести процентов по отношению к общему числу переселенцев в 1894 и 1896 гг. оно повысилось до 35,2% в 1898 году и до 26,2% в 1907 году. В 1896 году оно равнялось лишь 43,0% всех переселяющихся семей, а в 1898 году оно превысило число последних в 1½ раза и в 1907 году в 2 раза. Вместе с тем, однако, сильно уменьшилось число самовольных ходоков, составлявших в 1895 и 1896 гг. около 83% всех ходоков, а за 7-летие (1897–1903 гг.) всего 30,0%, что свидетельствует о хороших успехах, достигнутых упомянутыми законами. В подтверждение этого можно отметить, что наибольший процент самовольных ходоков в конце 90-х годов дали именно те губернии, где ходачество

ещё не получило надлежащего развития, главным образом Приуральская. В период войны, т.е. в 1904 и 1905 гг., когда переселенческое движение было приостановлено, почти все ходоки были самовольными (87,7 и 99,1%). В 1906 году, благодаря заботам правительства об организации ходяческого движения, их число сразу упало до 8,0%, а в 1907 году самовольные ходоки составляли не более 2,5% всех ходоков данного года.

Деятельность ходоков по приисканию для будущих переселенцев земельных участков выразилась за десятилетие — 1894–1903 гг. — в следующих данных. В среднем за первое пятилетие указанного периода времени число ходоков, избравших места для своих клиентов, выразилось в 33,7 и во втором в 29,8% или в среднем за всё десятилетие в 31,0%. В 1907 году соответствующим числом является 26%. Эти неблагоприятные на вид результаты свидетельствуют, однако, об осторожности ходоков при исполнении возложенной на них задачи. В начале десятилетия, именно в 1894 и 1895 гг., число ходоков, вернувшихся с успешным окончанием дела, было более высоко: 65,7 и 47,2%, между тем как в остальные годы колебалось в сравнительно более узких рамках: 26,1 и 37,7%. Понижение видимой производительности поездок ходоков со времени 1894 года объясняется льготами по передвижению, полученными последними в означенном году и в 1896 году, что имело своим последствием возрастание общего их числа при известном сокращении даваемых им со стороны крестьян полномочий. Что касается до колебаний в указанном явлении в последние годы, то относительное уменьшение числа ходоков, зачисливших за собою участки, замечаемое в иные годы, имеет своим объяснением разные обстоятельства: с одной стороны, уменьшающие посылку на места ходоков (например, неурожаи в Сибири в 1900 и 1901 гг.) и с другой — увеличивающие относительное число ходоков, движущихся обратно, как это бывает в годы, когда переселенческое движение было временно приостановлено и в непосредственно следующий за ними год.

Польза от узаконения и развития института ходоков не исчерпывается более верным обеспечением известной части крестьян пригодными для поселения землями. Даже те крестьяне, посланные которых, несмотря на немалые затраты с их стороны, не сумели успешно выполнить свою задачу, а они, как было показано, составляют ²/ семей, посылавших

ходоков, получают от этого немалую пользу. Ходоки как очевидцы выясняют им истинное положение дел и останавливают их тем самым от увлечений и от необдуманных шагов по распродаже имущества и по переселению в Сибирь без надлежащей подготовки, т.е. от попыток, которые так часто кончались для них разорением.

Сходным по своей идее способом ознакомления крестьян с местными условиями заселяемых стран является осмотр земель крестьянами, пробирающимися в Сибирь на *заработки*, число которых за 9-летие (1899–1907 гг.) простиралось до 64068 д., или в среднем по 7118 д. в год (в 1899 г. — 30103 чел., в 1905 г. — 904 чел. и в 1907 г. — 780 чел.). Отправляясь на заработки без предвзятой идеи, они, посещая разные части страны за 4-летие (1900–1903 гг.), главным образом Иркутскую губернию (37,9%), но также Томскую губернию (19,0%) и Забайкальскую область (13,1%) и в меньшей степени другие части Сибири, иногда по пути высматривают для себя места будущей оседлости. И они по возвращении распространяют в родных губерниях более зрелые взгляды на Зауральские страны.

Есть и другая категория крестьян, которая, пробравшись в Сибирь с целью найти себе новую родину, до своего водворения на избранном участке в силу необходимости принуждена бывает проводить известное время на заработках в целях пополнения своих истощившихся средств. В общем числе переселенцев эта категория крестьян составляет 24,8% (в подтаёжном районе — 11,3 и в степном — 48,3%).

6. Губернии выхода переселенцев. Как показывают статистические данные, число переселенцев, выходящих из разных губерний, подвержено с течением времени значительным колебаниям в обе стороны, причём переселенческое движение из одних губерний возрастает, из других ослабевает, но один вывод несомненно справедлив, именно, что с каждым годом участие в переселенческом движении начинает принимать всё большее и большее число губерний. Таким образом, в пятилетие (1885–1889 гг.) 85% всего числа переселенцев дали 7 губерний, в следующем пятилетии (1890–1894 гг.) приблизительно то же процентное отношение дали 10 губерний, в третьем пятилетии (1895–1899 гг.) — 18 губерний и в четвёртом (1900–1904 гг.) — 19 губерний. Если же принять во внимание и те

губернии, которые отпускали незначительное число переселенцев, то вышеуказанное явление станет ещё более рельефным: против 17 губерний 1893 г. в 1907 году на арену переселенческого движения выступили уже 47 губерний, охватывающих большую часть территории Европейской России. Из 50 губерний коренной России в настоящее время не участвуют в переселенческом движении лишь губернии промышленного центра, хорошо обеспеченные внеземледельческими заработками.

Если расположить в убывающем порядке, по среднему за 20 лет (1885–1904 гг.) числу переселенцев, губернии, из которых они выселялись, то получается следующая картина. В общей сложности несколько свыше $\frac{1}{2}$ (53%) всего числа переселенцев дали губернии: Полтавская, Курская, Черниговская, Тамбовская, Воронежская, Орловская и Харьковская; свыше U_4 (28%) — Самарская, Могилёвская, Вятская, Витебская, Пензенская, Пермская, Саратовская, Рязанская и Екатеринославская и, наконец, на долю остающихся 34 губерний приходится до V_5 части (19%) всех переселенцев. Таким образом, в общей сложности перечисленные выше 16 губерний дали $\frac{4}{5}$ всех переселенцев, покинувших в течение рассматриваемых двадцати лет Европейскую Россию.

Вместе с расширением переселенческого движения в пространстве меняется, как указано, и абсолютное, и относительное значение отдельных участвующих в нём губерний и районов. При сопоставлении общего числа переселившихся из отдельных районов в пятилетие 1899–1903 гг. с таким за предшествующее пятилетие (1894–1898 гг.) получается следующий восходящий ряд процентных отношений*:

1. *Северный чернозёмный район* (Курская, Тамбовская, Пензенская, Орловская, Черниговская, Тульская, Рязанская губернии). 56,1%;
2. *Средний чернозёмный район* (Полтавская, Харьковская, Воронежская губернии). 84,0%;
3. *Восточные и юго-восточные губернии* (Самарская и Саратовская губернии). 125,9%;
4. *Северо-восточный Заволжский район* (Вятская и Пермская губернии). 135,7%;

* Переселение в Сибирь. Изд. Перес, упр. Вып. XVIII. С. 14 и ел.

5. *Западный (Белорусский) район* (Могилёвская, Минская, Витебская, Виленская, Ковенская и Гродненская губернии). 222,0%;

6. *Южный степной* (Екатеринославская, Таврическая, Бессарабская, Херсонская, Обл. Войска Донского и Астраханской губернии). 258,5%;

7. *Юго-западный чернозёмный район* (Киевская, Подольская и Волынская губернии). 288,5%.

Из этой таблицы усматривается, что выселение из районов севере- и среднечернозёмных, ещё недавно отпускавших главную массу переселенцев, сокращается, а из всех остальных районов абсолютно возрастает, причём особенно сильное увеличение выселения наблюдается из районов юго-западного (288,5%); южного степного (258,5%) и западного (222,0%); и менее значительное — из северо-восточного Заволжского (135,7%) и из восточных и юго-восточных губерний (125,9%).

Рассматривая тот же вопрос по отдельным губерниям, выясняется, что из следующих губерний выселение в пятилетие 1899—1903 гг. сравнительно с предыдущим пятилетием наиболее сильно *слабело*: из Тульской, Пензенской, Орловской и Черниговской, показывая от 30,3 до 48,7% прежнего числа, и из Рязанской, число переселенцев из которой в течение второго пятилетия составляет лишь немного более половины (52,5%) числа предыдущего пятилетия.

Наибольшее *возрастание* числа переселенцев во второе пятилетие наблюдается из следующих, расположенных в нисходящем порядке, губерний: из Подольской (почти в 10 раз), Таврической (в 8 раз), Екатеринославской (почти в 4 раза), Могилёвской (более чем в три раза), затем из Минской, Киевской и Пермской (в два раза и выше) и т.д.

И в 1907 г. переселенцы по губерниям выхода распределялись приблизительно так же, как и в предыдущие годы, хотя ввиду общего усиления переселенческого движения возросло и участие в нём более затронутых этим движением губерний. В указанном году главную массу переселенцев (68% общего их числа) дали губернии: Черниговская, Могилёвская, Киевская, Полтавская, Воронежская, Витебская, Харьковская, Минская, Тамбовская, Орловская и Кур-

екая. Каждая из этих губерний отпустила свыше 13 тысяч душ, именно: от 44 до 13 тысяч в нисходящем порядке. Вторую группу образуют следующие 13 губерний, давшие от 9 до 5 тысяч переселенцев каждая, или в общей сложности до 22% всего числа переселенцев. Эти губернии располагаются в нисходящем порядке таким образом: Волынская, Екатеринославская, Самарская, Бессарабская, Обл. Войска Донского, Рязанская, Виленская, Пензенская, Смоленская, Калужская, Таврическая, Подольская и Вятская.

Все остальные губернии дали в общей сложности лишь 10% переселенцев. В истекшем 1907 году особенно заметно участие в переселенческом движении западных лесных губерний, прежде вовсе не отпускавших переселенцев. Как видно из приведённых данных, Могилёвская губерния занимает в настоящее время по числу переселенцев второе место среди всех губерний, Витебская — шестое и Минская — седьмое. Заметно возросло также переселение и из юго-западных губерний.

Размеры *обратного движения* переселенцев, не успевших устроиться на новых местах, могут служить лучшим показателем успешности колонизационного дела и целесообразности его постановки. В среднем за год десятилетия 1894–1903 гг. из Сибири возвращалось 16,4% отправившихся туда лиц, причём для первого пятилетия соответствующим числом будет 13,8% и для второго — 18,8% при колебаниях в первом случае от 8,6 до 28,7% и во втором — от 9,8 до 33,0%. Видимое усиление этого нежелательного явления во второе пятилетие, в сущности кажущееся, и объясняется следующими соображениями. Во-первых, тем, что из наиболее несчастливых для переселения в Сибирь годов: 1897, 1900, 1901 и 1902 — на первое полугодие падает лишь один 1897 год, когда обнаружились результаты переселенческого движения 1896 года, ненормально возросшего под влиянием преувеличенных слухов и ожиданий о новых льготах, между тем как из пяти лет второго периода вызванное неурожаем в Сибири усиленное обратное движение переселенцев охватило всё последнее трёхлетие.

Исследование вопроса о распределении обратных переселенцев по губерниям их происхождения привело к тому заключению, что наибольший процент обратных переселенцев

приходится на долю губерний, или отпускающих мало переселенцев, или лишь в недавнее время начавших принимать деятельное участие в переселенческом движении, одним словом, из районов, жители которых ввиду новизны этого явления оказываются сравнительно мало осведомлёнными относительно условий жизни в Сибири. Так как, однако, переселенческое движение с каждым годом охватывает всё больший район Европейской России и размер его в губерниях, недавно начавших отпускать переселенцев, быстро растёт, то естественно, что вызванное вследствие этого обстоятельства усиление обратного движения крестьян тоже имеет склонность к возрастанию, несмотря даже на заметное уменьшение относительного числа обратных переселенцев, происходящих из губерний, дающих наибольшее число переселенцев и сравнительно давно находящихся в непосредственных сношениях с Сибирью*.

В 1907 году обратно вернулось 13956 д., что составляет всего 3,6% общего числа переселенцев данного года. Если же из этого числа возвратившихся исключить 4892 чел., которые проследовали в Сибирь без предварительного зачисления за собой земли, как это требуется, то относительное число обратных переселенцев уменьшится в 1907 году до 2,3% общего числа переселенцев данного года. Эти данные показывают, что по наступлении в переселенческом движении в последние два года нормальных условий (после неурожайных лет 1900—1902 гг. и войны 1904—1905 гг.) при сравнительно лучшей организации этого дела в настоящее время и процент обратных переселенцев быстро понизился до ничтожной цифры.

По месту выхода обратных переселенцев отдельные губернии и области Сибири за период времени 1894—1906 гг. располагаются в следующем нисходящем порядке: из Тургайской области вернулось 20,5%, из Томской — 18,4%, из Иркутской губ. — 15,1%, Акмолинской обл. — 14,6%, Тобольской губ. — 13,3; из Амурской обл. — 10,3; Приморской обл. — 10,2; Енисейской губ. — 10,1 и Семипалатинской обл. — 4,2% всех направившихся в эти губернии и области переселенцев.

* Процентное отношение обратных из числа переселившихся раньше данного года ко всему числу обратных, зарегистрированных в этом году, составляет в среднем за пятилетие — 1895-1899 гг. — 36,2%.

Что касается до самих причин, вызывающих обратное движение переселенцев, то наиболее важными из них из данных регистрации переселенцев в Челябинске являются: во-первых, неподходящие для ведения хозяйства естественные условия местностей, куда попадают переселенцы, предварительно недостаточно ознакомившиеся с условиями жизни в разных полосах Сибири. Эту причину выставили 27,1%, т.е. свыше U_4 всех обратных переселенцев пятилетия 1895—99 гг. В частности, наибольшее число обратных переселенцев дали губернии, где свободные земли имеются лишь в лесисто-гористых местностях, ввиду чего требуют больших усилий и затрат при расчистке под пашню (Енисейская — 40,2%, Иркутская — 37,7%, Тобольская, главным образом её лесная полоса — Туринский и Тарский округа — 37,3%), а также Семипалатинская область с её песчаной почвой.

Второй главной причиной, от которой зависело возвращение на родину $\frac{1}{5}$ части переселенцев, является недостаток средств в пути и на обзаведение при отсутствии подходящих заработков. 31,9%, или до $\frac{x}{3}$ из обратных переселенцев, показавших эту причину, возвратились обратно ещё с пути. Из остальных лиц этой категории наибольшее число вернулось из отдалённой Амурской области, из Тургайской области и Алтайского округа Томской губернии. Относительно двух последних местностей следует заметить, что, так как они до последнего времени были закрыты для переселения, в них направлялись почти лишь самовольные переселенцы, не имевшие права рассчитывать на материальную помощь со стороны правительства и вследствие вышеуказанной причины и на лёгкое получение долевых участков.

Из других причин обратного движения переселенцев следует упомянуть о неудобствах, сопряжённых с неимением надлежащего разрешения (14,4%). Свыше U_3 (36,5%) и этой части обратных переселенцев возвращаются назад ещё с пути.

Остальные причины, давшие в общей сложности 38,3% обратных переселенцев, имеют более или менее случайный характер.

8. *Места*⁵³, куда направлялись переселенцы за период времени в 22 года со времени начала их регистрации в 1885 году, усматриваются из следующей таблицы:

Губернии в которые направлялись переселенцы	1885-1 893 гг.*		1894-1 898 гг."		1899-1 903 гг."		1904-1 906 гг.**		ЗА 22 ГОДА: 1885-1 906 гг.	
	вабс. числ. (д. об. п.)	в %	вабс. числ. (д. об. п.)	в %	вабс. числ. (д. об. п.)	в %	вабс. числ. (д. об. п.)	в %	вабс. числ. (д. об. п.)	в %
1. Тобольская губерния	26000	8,0	97767	19,7	36792	6,7	12240	6,9	172799	11,1
2. Томская губерния	244500	75,0	214229	43,3	241140	43,6	37067	20,9	736936	47,5
В т.ч. кабинет, земли	227408	69,6	139262	28,1	164633	29,8	22447	12,7	553750	35,7
Итого:	270500	83,0	311996	63,0	277932	50,3	49307	27,8	909735	58,6
3. Енисейская губерния	25000	7,7	49027	9,9	89332	16,2	11940	6,7	175299	11,3
4. Иркутская губерния	500	0,2	1041	0,2	12866	2,3	1980	1,1	16487	1,0
5. Забайкальская область	—	—	—	—	482	0,1	—	—	482	0,3
6. Амурская область	—	—	8720	1,8	19727	3,5	2660	1,5	—	—
7. Приморская обл." (с Уссурийским краем)	16000	4,9	14479	2,9	44201	8,0	8060	4,6	113847	7,1
Итого:	41600	12,8	73267	14,8	166608	30,1	24640	13,9	306115	19,7
8. Акмолинская область	4000	1,2	98623	19,9	68272	12,3	59420	33,5	230315	14,8
9. Семипалатинская обл.	11000	3,4	4579	1,0	7417	1,4	3380	1,9	26376	1,7
10. Тургайская область	—	—	2073	0,4	28392	5,1	40500	22,9	70965	4,6
Итого:	15000	4,6	105275	21,3	104081	18,8	103300	58,3	327656	21,1
11. Остальные местности Сибири	—	—	4687	0,9	4450	0,8	—	—	9137	0,6
ВСЕГО:	327100	100,0	495225	100,0	553071	100,0	177247	100,0	1552643	100,0

Колонизация Сибири. С. 196 (итог исправлен) и 336.

Переселение в Сибирь. Таблицы С. 22. Данные этого источника значительно ниже против соответствующих данных «Колонизации Сибири». В Приморской области за 1894-1901 гг. данные о переселенцах, прибывших морским путём, по «Колониз. Сиб.» и по обзорам области (за остальные годы сведений не имеется).

* Данные получены непосредственно от Переселенческого управления.

Таким образом, почти вся масса переселенцев, которая с 1885 года до начала 90-х годов истекшего столетия устремилась в Сибирь, направилась в западную её часть, которая в первый период (1885—1893 гг.) приняла $\frac{5}{6}$ (83,0%) всех переваливших за Урал крестьян. В следующее пятилетие (1894—1899 гг.) поток переселенцев в западносибирские губернии начал ослабевать, и из числа покинувших Европейскую Россию крестьян лишь до $\frac{2}{3}$ (63,0%) имели целью Тобольскую и Томскую губернии. В пятилетие 1899—1903 гг. число переселенцев, направляющихся в Западную Сибирь, продолжает падать, так что лишь около половины всего их числа устремилось туда, а в последующие три года их число едва превышало U_4 часть всех переселенцев.

В Восточную Сибирь вплоть до 1899 года вселялось средним числом не свыше $\frac{1}{8}$ части всех переселенцев, но в последующее пятилетие (1899—1903 гг.) поток переселенцев туда более чем удвоился, уменьшившись опять в следующие три года до $\frac{1}{7}$ части. Наконец, три степные области, в первый период 1885—1893 гг. сравнительно мало привлекавшие крестьян, шедших на новые места (менее $\frac{1}{20}$), позже стали целью для пятой части всех переселенцев, норма, которая при ничтожном падении удержалась и в пятилетие 1899—1903 гг. Наконец, в трёхлетие 1904—1906 гг. степные области явились уже главным центром, куда направлялись переселенцы, почти $\frac{3}{5}$ (58,3%) всего их числа.

Рассматривая тот же вопрос более детально, по губерниям, можно сразу обнаружить, что наибольшее число переселенцев во все четыре периода привлекала Томская губерния, на долю которой в первый период пришлось $\frac{3}{4}$ общего их числа. Позже поток переселенцев туда не уменьшился, как видно из абсолютных данных, но относительное их число понизилось, продержавшись в течение последующего десятилетия на 44% и опустившись в последнее трёхлетие до V_5 ($\overset{B}{1907}$ — 38,0%).

Тобольская губерния в первый период привлекала всего 8% переселенцев, а затем число направлявшихся туда сильно возросло, достигнув в пятилетие 1894—1898 гг. $\frac{1}{5}$ общего числа переселенцев. В последующее пятилетие (1899—1903 гг.) число направлявшихся в неё переселенцев опять уменьшилось, дойдя до $\frac{1}{13}$ части их числа, обнару-

женного в предыдущем периоде, и на этой высоте оно продержалось и в трёхлетие 1904—1906 гг.

Енисейская губерния показывает постепенный рост переселенцев: в первый период — 7,7%, во второй — 9,9% и в третий — 16,2%. В следующий период наблюдается опять ослабление движения в эту губернию, и, наконец, в 1907 году оно не превышало 10,0%.

Иркутская губерния и Забайкальская область не играли и не играют теперь роли центров для водворения переселенцев. Первая в течение первых двух периодов была представлена ничтожным числом в 0,2%, и лишь в пятилетие 1899–1903 гг. в неё направилось 2,3% всех переселенцев, а в последнее трёхлетие всего 1,1%.

Амурская и Приморская области (включая Уссурийский край) привлекали в первые 13 лет до $\frac{1}{20}$ всех переселенцев, в следующее пятилетие (1899–1903 гг.) поток переселенцев туда увеличился более чем вдвое — 11,5%, причем $\frac{2}{3}$ из них приходилось на долю Приморской области и $\frac{1}{3}$ на долю Амурской. В трёхлетие 1903–1906 гг. переселенцы в эти области составляли не более 6,1% общего их числа (без прибывших морским путём). Наконец, в 1907 году на долю одной Приморской приходится уже $\frac{1}{5}$ часть всех переселенцев, причём в данном году она занимает уже второе по числу направившихся туда крестьян место, несмотря на то, что прибывшие туда морем не включены в это число.

Из степных областей первое место в колонизационном отношении занимает Акмолинская. В первый период она, правда, не играла никакой роли в этом отношении, служа целью лишь для одного процента всех переселенцев, но в пятилетие 1894–1898 гг. в неё направилась целая $\frac{1}{5}$ всех лиц, переваливших за Урал. Позже абсолютное и относительное числа направившихся туда лиц несколько уменьшилось, но всё же она в пятилетие 1899–1903 гг. удержала за собой третье по числу переселенцев место. Затем рост переселенцев туда сразу повысился, достигнув в трёхлетие 1904–1906 гг. целой трети всех переселенцев, что отчасти было вызвано тем обстоятельством, что по случаю войны переселение в Сибирь не только было приостановлено, но и практически встречало затруднения. В 1907 году Акмолинская область опять занимает второе место в этом отношении — 20%.

Значительно меньшее значение в указанном отношении имеет Семипалатинская область, которая в первые 9 лет после начала регистрации (1885 г.) служила целью для 3,4% всех переселенцев, но с середины 90-х годов это число уменьшилось до 1,0% удержавшись в пятилетие 1899-1903 гг. почти на той же величине (1,4%) и позже повысившись до 1,9%.

Наконец, Тургайская область вступила в число колонизируемых районов лишь с середины 90-х годов, причём в пятилетие 1894-1898 гг. относительное число переселенцев, направлявшихся в неё, было совсем ничтожно (0,4%), но последующее пятилетие она служила целью уже для $\frac{1}{20}$, а позже, в трёхлетие 1903-1906 гг., для 22,9% (в 1904 г. даже $\frac{3}{5}$) общего их числа.

В итоге за 22-летие — 1885-1906 гг. — в Западную Сибирь направилось до $\frac{3}{5}$ (58,6%) всего числа переселенцев, а остальная часть почти поровну распределилась между В. Сибирью (19,7%) и степными областями (21,1%). Из отдельных губерний на первом месте стоит Томская, привлекавшая за это время почти половину (47,5%) всех переселенцев. Львиная доля из этих переселенцев приходится на долю Алтайского округа Кабинета Е. И. В., в котором водворилось свыше Y_3 (35,7%) всех крестьян, выселившихся за это время в Сибирь (за первые 9 лет даже 70%). На далёком расстоянии от Томской губернии идут Акмолинская область (14,8%) и губернии: Енисейская и Тобольская, в которые направлялось приблизительно по 11% переселенцев в каждую. В общей сложности эти четыре губернии и области были в течение 22-летнего периода целью почти для 95,8% всех крестьян, перешедших за Урал и морем добравшихся до восточных окраин страны. На все остальные части Сибири приходится всего $\frac{1}{25}$, причём некоторого внимания как колонизационные районы заслуживают ещё Тургайская область (4,6%) и Приамурский край, т.е. области Амурская и Приморская (7,3%).

Главная причина, которая в настоящее время заставляет массы крестьян выбирать для поселения известные районы и в разные периоды времени оказывать явное предпочтение тем или другим из губерний и областей, заключается в наличии в них в данное время удобных для поселения мест. В прежние десятилетия, когда было больше свободных земель, главней-

шую роль при выборе мест поселения играли и физические, и естественноисторические условия местности, но в настоящее время эта причина всё более и более отступает на второй план. В этом отношении Томская губерния, изобилующая удобными землями, во всё время новейшего колонизационного движения занимает первое место. В пределах этой губернии особенный земельный простор наблюдается в Алтайском округе, отличающемся к тому же очень хорошими почвенными и климатическими условиями. Как было показано выше, он раньше других частей Сибири был открыт для свободной колонизации и ввиду этого стал рано заселяться, причём выгоды от водворения в нём были настолько велики, что усиленное переселение в него не прекращалось и в последнее время, когда он был официально закрыт для колонизации. Из отдельных округов кабинетских земель раньше других стал привлекать переселенцев Бийский округ, во вторую половину 90-х годов принимавший, однако, всего 15%, так как по сравнительном истощении земель в равнинной и предгорной его частях большинство переселенцев устремилось в степной Барнаульский округ, за пять лет — 1888–1893 гг. — принявший около $\frac{2}{3}$ а в следующее пятилетие — $\frac{3}{4}$ всех переселенцев Алтайского округа. Напротив, лесистый и гористый Кузнецкий округ и посейчас лежит вне пути переселенческого движения.

Тобольская губерния, где наиболее удобные для сельского хозяйства земли в степной и лесостепной её полосах уже хорошо заселены, привлекала сравнительно меньше переселенцев: в Ялуторовском округе запас пригодных для заселения свободных земель истощился уже в 60-х годах, в Курганском округе — приблизительно в 80-х годах; в таком положении, казалось, находился до начала 90-х годов и Ишимский округ, позже, по истощении легко распахиваемых земель в других местах, опять начавший привлекать крестьян из Европейской России. Напротив, в Тюкалинском и Тарском округах, наиболее многоземельных из южных округов губернии, переселение началось сравнительно недавно, в 80-х годах, и в общем усиливается.

В Енисейскую губернию переселение в начале 90-х годов почти прекратилось, но когда в 1893 году предварительные работы по образованию переселенческих участков обнаружили в ней значительное количество свободных зе-

мель, переселение с 1895 года вновь стало направляться в эту губернию и почти не ослабевает.

Что касается до Иркутской губернии и Забайкальской области, то они заключают в себе сравнительно меньше пригодных для земледелия, без особой затраты сил, свободных земель и находятся к тому же дальше от Урала, ввиду чего переселение их почти не коснулось. К тому же незаконченное поземельное устройство сельского населения Забайкальской области при многочисленных земельных спорах и тяжбах не позволило пока включить её в число районов, в которые было бы желательно направить колонизацию. Таёжные же местности в этих губерниях очень обширны и при истощении более удобных для сельского хозяйства мест в других частях Сибири они в значительной степени могут быть утилизированы как переселенческие районы.

Из степных областей в Семипалатинской области свободных земель, годных для водворения земледельцев, оказывается меньше, чем в других областях, и их запас, в большей степени истощён. Поэтому эта область не играла за рассматриваемый период времени большой роли в качестве колонизационного района. Напротив, в Акмолинскую и Тургайскую области направлялось и направляется очень много переселенцев, несмотря на то, что эти области в последнее время были официально закрыты для переселения. В особенности сильно стала привлекать в последние годы переселенцев Тургайская область, изобилующая удобными землями.

Некоторое препятствие для должного развития переселенческого движения в эти области имели неурожаи хлебов в 1900 и 1901 гг. в степном районе. В Семипалатинской и Акмолинской областях влияние неурожаев сказалось в сильном последовательном падении числа переселенцев после 1900 года: в первую область направлялось: в 1899 г. — 3647 д., в 1900 г. — 2263 д., в 1901 г. — 765 д., в 1902 г. — 316 д., в 1903 г. — 426 д. и в 1904 г. — 254 д.; и во вторую: в 1899 г. — 23347 д., в 1900 г. — 23975 д., в 1901 г. только 7716 и затем в последующие годы 6928 д., 6306 д. и 4139 д. На Тургайской области влияние неурожаев названных лет отразилось в том отношении, что начавшее возрастать число переселенцев остановилось в течение трёхлетия 1899—1901 гг. на одной и той же высоте — около 3900 д. и лишь с

1902 года стало быстро расти: в 1902 г. — 7746 д., в 1903 г. — 8957 д., в 1904 г. — 16699 д.

До сих пор была речь о числе *направлявшихся* в отдельные губернии и области Сибири переселенцев, но *водворились* из них в предполагаемых местах далеко не все, как это видно из данных, касательно обратного потока переселенцев из отдельных частей Сибири. Число крестьян, действительно осевших в Сибири, с распределением их по годам и местам водворения приведено в III таблице в конце статьи. Здесь же сообщим, что в итоге за 15 последних лет (1893-1907 гг.) в Сибири прочно осело 754660 д. м. п., что приблизительно соответствует 1509320 д. об. п. Из них 301490 м. д., или около $\frac{2}{5}$ основались в Томской губернии (в т. ч. почти $\frac{2}{3}$ в Алтайском округе), 135420 м. д., или 18%, — в Акмолинской области, 89520 м. д., или 12%, — в Енисейской губернии, 79460 м. д., или 11%, — в Тобольской, 67590 м. д., или 9%, — в Приморской области, 35510 м. д., или 5%, — в Тургайской области, 23120 м. д., или 3%, — в Амурской, 11700 м. д., или 1,5%, — в Иркутской губернии и 10850 м. д., или 1,4%, — в Семипалатинской области.

Из отдельных годов рассматриваемого периода наибольшее число переселенцев основалось в 1907 г. — 199000 м. д., затем в 1896 г. — 86050 м. д., 1899 г. — 77020 м. д., 1898 г. — 67190 м. д. и 1906 г. — 66350 м. д. и наименьшее в 1893 г. — 5130 м. д. и в 1894 г. — 4680 м. д. и за последнее время — в годы войны с Японией: в 1904 г. — 12120 м. д., и в 1905 г. — 12290 м. д.

Что касается до размещения переселенцев в разных полосах страны, независимо от её административного деления, то анализ данных по обследовании 233 посёлков в Западной Сибири показывает, что в 1896 году, в период, когда исходными местами переселения были губернии северного и среднего чернозёмного районов, преобладающая часть новосёлов во всех полосах, естественно, происходила из указанных районов; позже же, в 1903 году, когда переселенческое движение охватило большую часть территорий Европейской России, переселенцы из отдельных местностей этой последней, как правило, стали избирать себе местом для поселения округа, по своим естественноисторическим условиям более или менее подходившие к таковым их родины.

Таким образом, по данным, относящимся к 1903 году, 78,4%, т.е. почти $\frac{4}{5}$ всех переселенцев, водворившихся в *степном* районе, происходили из южных равнинных и степных губерний: Полтавской, Таврической, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, из О. Войска Донского и из восточной — Самарской.

В *лесостепном* районе преобладали (78,1%) выходцы из черноземных губерний: Екатеринославской, Черниговской, Полтавской, Киевской, Орловской и Курской, но также из богатых лесами губерний северо-запада: Витебской, Виленской, Могилёвской и Минской.

Население посёлков в *лесистом* и *подтаёжном* районах на $\frac{4}{5}$ (78,3%) состояло в указанном году из представителей черноземных и лесных губерний северо-запада, именно: из Черниговской, Орловской и Киевской, с одной стороны, и Витебской, Могилёвской, Минской и Гродненской, с другой, наконец, подавляющую массу переселенцев, основавшихся в *таёжном* районе, составляют выходцы из губерний, изобилующих лесами и болотами. Почти $\frac{4}{5}$ (78,7%) общего числа новосёлов названного района происходят из губерний: Могилёвской, Витебской, Минской, Гродненской, Лифляндской и из одной из семи черноземных губерний — Черниговской.

9. Поземельно-устроительные работы. Обеспечение переселенцев удобной землёй уже с давних пор озабочивало русское правительство, которое с начала XVIII столетия не переставало принимать меры для приведения в известность пригодных для заселения земельных угодий в более южной полосе Сибири, где по климатическим условиям возможно земледелие. Учреждённые в начале XVIII столетия Тобольский и Иркутской корпусы геодезистов работали в течение целых десятилетий над межеванием земель средней полосы Сибири, но результаты их работ были крайне неудовлетворительны как вследствие низкого уровня образования межевых чинов и их недостаточного числа, так и вследствие отсутствия за ними должного контроля. С учреждением в Сибири губерний межевые работы были возложены на губернских и уездных землемеров, которые и приступили к своим работам в конце XVIII столетия, но и их чертежи и

ведомости оказались по проверке «несоответствующими той цели, которая начально была предположена».

В 30-х годах истекшего столетия правительство приступило к выработке систематических правил для заселения Сибири, причём вновь был выдвинут вопрос об исследовании количества и качества земель, отводимых переселенцам.

До середины 80-х годов заботы правительства по заселению Сибири были обращены исключительно на её три более западные губернии, но наплыв в 70-80-х годах в северные части Акмолинской губернии, главным образом в Кокчетавский у. самовольных переселенцев, оседавших, несмотря на все запрещения и строгие меры, на арендованных киргизских землях, вынудил правительство привести в известность наличность свободных и годных для поселения земель в названной области и нарезать для переселенцев, временно в ней основавшихся и только что в неё прибывших, но ещё не устроившихся, переселенческие участки, общая площадь которых в самом начале 90-х годов простиралась до 250000 с лишком десятин, достаточных для водворения на них 10940 душ м. п.

Но число прибывавших в степные области переселенцев далеко превышало число заготовленных для них участков, ввиду чего огромное их большинство по-прежнему садилось на арендованные у киргизов земли. Но так как, согласно 126 ст. Степного положения, арендные сделки в районе кочевников были стеснены и не пользовались покровительством закона, между киргизами и крестьянами возникали весьма нежелательные отношения, угрожавшие распадом едва возникших поселков. Это заставило комитет Сибирской як. д. издать в 1897 г. положение, предоставившее м-ру земледелия право образовать в Тургайской обл. переселенческие участки с причислением засельщиков к местам их нового водворения.

Вообще все данные о переселениях в Сибирь и в степные области в течение первых 30 лет после крестьянской реформы свидетельствуют об отсутствии общего плана в постановке переселенческого дела; вновь прибывшие из Европейской России крестьяне часто не встречали необходимой помощи на местах при выборе подходящих участков

и скоплялись в местностях более известных, где свободные земли были уже разобраны, что вызывало необходимость временно приостанавливать переселение в Сибирь, т.е. прибегать к мере, почти не приводившей к желаемому результату. Лишь в 1892 году в этом отношении получился переворот к лучшему. Комитет Сибирской ж. д. на своём первом заседании решил поставить заселение района проектированной железной дороги в наиболее целесообразные условия и первым делом ассигновал из фонда вспомогательных предприятий необходимые суммы для приведения в известность количества свободных и годных для заселения земель казны и Кабинета Его И. Величества и для более широкого развития работ по отводу переселенцам земель. При этом было признано желательным точнее разграничить функции обоих заинтересованных в переселенческом вопросе ведомств — М-ва земледелия и гос. имуществ, на обязанности которого лежала заготовка участков, и М-ва внутренних дел, которое ведало водворением и устройством переселенцев на отведённых им местах. В этом духе составлены и утверждённые в 1893 году законоположения, касающиеся переселенческого вопроса*.

Временные правила касательно отвода земель для переселенцев, составляющего функцию М-ва з. и г. и., между прочим, старались разрешить, или вернее хотя бы на время уладить, два жгучих вопроса, возникших и обострившихся вместе с усилением переселенческого движения в Сибирь. Первый из этих вопросов — разграничить земли старожилов от казённых земель в местностях, где межевые работы не закончены. Заселяя свободные пространства, казна постоянно имела столкновения со старожилами, предъявлявшими претензии на многие из этих земель и препятствовавшими переселенцам селиться на них. Ввиду невозможности отсрочить неотложное дело устройства переселенцев вплоть до окончания поземельного устройства старожилов, было признано необходимым отрезать пока лишь такие части земель сибирских крестьян, которые, превышая 15-десятинную норму, не являлись в то же время безусловно не-

* «Врем. правила для образов, пересел, и запаси, участк. в районе Сиб. ж.д.» и «Врем. постановл. о расшир. предметов ведомства учрежд. по крест, дел в Тоб. и Томск, губ.».

обходимыми для них. Таким образом, под переселенческие участки было решено не отводить усадебные места, пашни, огороженные поскотины, заказные рощи и душевые покосы. Подобным же образом, чтобы избежать столкновения переселенцев с заимщиками, было признано полезным избегать включение заимок в нарезаемые участки, предоставляя заимщикам пользоваться своими угодьями, если последние не слишком разбросаны, и при условии отказа их от своих наделов в деревнях.

Другой вопрос, на который обратило своё внимание правительство при составлении вышеупомянутых временных правил, это вопрос об охране интересов лесного хозяйства в стране, которые рисковали пострадать от усиленного заселения культурной полосы Сибири. В местностях, богатых лесами, было признано необходимым не включать в переселенческие участки площади с наиболее ценными насаждениями, образуя из них казённые лесные дачи. Там же, где леса сильно поредели и где являлась опасность относительно снабжения населения, железных дорог и пароходов строительными материалами и топливом в недалёком будущем, там, как и во всей 2-5-вёрстной полосе по ж. д., решено было вовсе не отводить для переселенцев земель, поросших лесом.

Но и за указанными выше изъятиями не все свободные казённые земли предполагалось непосредственно передать в пользование переселенцев. В каждом районе, где производятся отводы земель под переселение, было определено выделить известную часть участков — не свыше 10-25% общей их площади — в запасной фонд для удовлетворения будущих нужд государства в земле (например, для землеустройства старожилов, для промышленных предприятий и т.д.), хотя в отдельных случаях предусматривалась возможность обращения и этих запасных земель в переселенческие участки. Правила 1893 года не ограничились установлением руководящих принципов деятельности межевых партий, но определили и формальный порядок самого производства работ. Эти последние были разграничены на две последовательные фазы: на первую — приведение земель в известность, каковая работа, носящая технический характер, была возложена на межевых техников-топографов, и на вторую — образование переселенческих участков, кото-

рое составляло функцию поземельно-устроительных партий, на заведующих которыми производителей работ были возложены обязанности руководить в данном случае действиями межевых техников.

Работы поземельно-устроительных партий в течение трёхлетия 1893–1895 гг. были сосредоточены в ближайших губерниях Сибири: Тобольской, Томской и Енисейской, причём так как в это время ещё имелось в наличии значительное количество земель, обращение которых в культурную площадь не встречало никаких затруднений, то именно из числа этих земель нарезались переселенческие участки.

Всего в течение указанного трёхлетия в трёх, более западных, губерниях Сибири и в прилегающих частях степных областей был заготовлен 731 участок на 164900 д. м. п., при среднем наделе приблизительно в 15 десятин удобной земли на мужскую душу:

<i>Названия губерний и областей</i>	<i>Число участков</i>	<i>На какое число душ</i>
1. Тобольская губ.	286	54242
2. Томская губ.	180	41935
3. Енисейская губ.	181	38210
4. Акмолинская обл.	78	>30512
5. Семипалатинская обл.	6	
Итого:	731	164899

Истощение указанных легко возделываемых пространств принудило правительство обратить внимание и на другие пустопорожние пространства: лесистые к северу и лесостепные и степные к югу от линии железной дороги. Заселение этих пространств, особенно северных урманных и таёжных, было признано желательным помимо других причин и ввиду вредного влияния близости тайги с её огромными запасами болот и вод и вообще влаги на климат, а следовательно, и на земледельческую культуру прилегающих к ней местностей и расположенных среди неё заселённых мест. Но заселять подобные местности принятым доселе способом, именно путём образования переселенческих участков, было предположено не подходящим и не могущим дать благоприятные результаты. Заселение урмана и тайги было решено предоставить вольной колонизации, ко-

торая, как показал опыт, весьма часто очень успешно справлялась со своей задачей. Роль же правительства при этом должна была выразиться, с одной стороны, в облегчении и поощрении этой вольной колонизации и, с другой, в урегулировании её и направлении в места, которые наиболее желательно было заселить. При этом как колонизационный элемент, наиболее подходящий для выполнения этой задачи, были признаны старожилы Сибири и уроженцы северных лесных губерний Европейской России.

Одновременно с этим в Сибири производились двоякого рода исследования, находившиеся в связи с переселенческим вопросом. Во-первых, в Западную Сибирь и в район Иркутского генерал-губернаторства были посланы особые лесные специалисты, долженствовавшие изучить местные леса в видах выделения из состава казённых пустошей, предоставленных для заселения, наиболее ценных лесных насаждений и лесов, имеющих характер защитных площадей, и, во-вторых, одновременно производились гидротехнические исследования в районах Ишимской и Барабинской степей в видах изучения наиболее практичных способов для осушения последней и обводнения первой, что представлялось, безусловно, необходимым для успешного их заселения оседлыми жителями.

Дальнейшее ознакомление с сибирскими урманами и тайгой привело правительство к заключению, что в числе местностей, отведённых под вольное заселение, имеются обширные площади, которые по своим естественноисторическим и топографическим условиям вполне подходят для образования переселенческих участков на общем основании. Ввиду этого таковые и было признано полезным изъять из состава районов, предоставленных для вольной колонизации. Такие вполне пригодные к заселению площади были сначала обнаружены в следующих местностях: в Тобольской губернии — в таёжном районе по притокам р. Иртыша — Шишу и Туе (прибл. 300000 дес.) и по левому берегу Иртыша (ок. 50000 дес.); в Томской губернии — в Каинском округе, по верховьям р. Туртаса (ок. 60000 дес.); в западной лесистой части губернии (ок. 70000 дес.) и в Чудымско-Мариинской тайге (ок. 70000 дес.). Таким образом, согласно этому расчёту, всего могло быть обращено в пере-

селенческие участки лишь в названных двух губерниях (не считая кабинетских земель Томской губ.) около 550 тысяч десятин.

Ввиду возможности нахождения подобных годных для образования переселенческих участков и в других частях заселяемой полосы Сибири было вновь произведено специальное исследование районов, отведённых под вольное заселение. Это исследование, продолжавшееся в Западной Сибири в течение 1896–1897 гг., а в средней Сибири в 1898 и 1899 гг., охватило ещё до 1899 года 7862 тысячи десятин. В результате район полосы, заселяемой на общем основании, был значительно расширен включением в него лесного района по р. Шишу в Тарском округе (Тобольск, губ.), многих местностей в Томской губернии (до 560 тыс. дес.) и Нижнеудинского округа Иркутской губернии, в котором было намечено для этой цели 919 тысяч десятин, или всего заселяемый район средней полосы Сибири был увеличен на 2800 тысяч десятин, не считая Притавдинского края, признанного также пригодным для этой цели и могущего предоставить под колонизацию несколько тысяч десятин. При этом местность по р. Шишу и значительные части тайги Томской губернии (в Каннском и Мариинском окр.) и отчасти Енисейской губернии (ок. 85 тыс. дес.) было решено изъять из района вольной колонизации и заселить на общем основании.

Начатое ещё в 1893–1895 гг. усиленное заселение северной окраины степных областей решено было, как указано выше, распространить и на более южные их полосы. Но здесь колонизация не могла совершаться столь свободно, как в сибирских лесах и пустошах, совершенно не заселённых. Здесь почти вся земля находилась в пользовании кочевников-киргизов, нарушить жизненные интересы которых не могло быть желательным для казны. Посему, прежде чем заселять более южные части степных областей, было решено безусловно необходимым произвести естественно-историческое и хозяйственно-статистическое исследование этих местностей с целью определения необходимой для кочевников нормы земли, а следовательно, и количество земли, которое могло бы быть без ущерба для них изъято из их пользования для предоставления его русским переселенцам.

Количество последней оказалось на самом деле весьма значительным. Из районов общей площадью в 20 млн. десятин, подвергшихся обследованию снаряженной для этой цели экспедицией в течение четырёхлетия 1896–1899 гг., около половины было признано излишним для киргизского населения и могущим быть обращённым в переселенческие участки.

Постоянно возраставшее число переселенцев и усилившийся спрос на участки заставил правительство почти вдвое усилить состав землеустроительных партий (со 101 чина в 1893–1895 гг. до 201 ч. в 1899 году, из коих на одну Акмолинскую область приходилось 117 чинов). Благодаря этому явилась возможность заготавливать такое количество участков, что ежегодно оставались свободными в запасе около 100000 душевых долей, т.е. количество, соответствующее годовому спросу на землю. Лишь в 1898 году ввиду более значительного наплыва переселенцев число запасных долей опустилось до 60000. Следует заметить, что заготовка переселенческих участков до известной степени облегчалась и благодаря упрощённому способу отвода путём образования нескольких десятков или сотен долей в одном отрубе применительно к господствующему в Сибири общинному способу землепользования, вполне удовлетворявшему громадное большинство переселенцев.

В результате поземельно-устроительных работ в Сибири и в степном крае общая площадь земель, отведённая за 10-летие 1893–1903 гг. под переселенческие участки, простиралась до 6902,6 тысячи десятин (не считая кабинетских земель Томской губ.). В этом числе имелись и леса общей площадью в 1674,5 тысячи десятин, что составляет около U_4 (24,3%) всей площади.

Указанное число десятин было разбито на 385,3 тысячи душевых долей, из коих в 1903 году были не заняты 128,0 тыс., или около U_3 (33,2%). Сверх того в трёх более западных губерниях Сибири (без кабин, земель) и в Акмолинской области за это время были образованы в большом количестве запасные участки, общая площадь которых простиралась до 982,4 тыс. десятин.

По отдельным административным делениям эти данные представляются в таком виде:

Названия губерний и областей	Общая площадь (в тыс. десятин)	Под лесом	Общее число душ. долей (в тысяч.)	Свободн. душев. долей* (в тыс. десятин)	Общ. площ. запасн. участков
1. Тобольская губ.	1747,5	484,0	93,7	27,9	221,3
2. Томская губ. (без кабин, зем.)	1620,2	478,0	89,7	30,1	319,5
3. Енисейская губ.	1510,9	535,5	89,9	29,6	357,6
4. Иркутская губ.	249,5	136,5	14,9	8,6	—
5. Акимолинская обл.	1545,0	41,0	88,0	24,8	54,0
6. Семипалатинская область	229,5	1,5	9,1	6,0	
Всего:	6902,6	1674,5	385,3	127,0	982,4

Из этих данных видно, что наибольшее количество земель для цели колонизации было нарезано в трёх более западных губерниях Сибири и в Акимолинской области — от 1500 до 1750 тысяч десятин при 88–94 тыс. душевых долях. Значительно меньше переселенческих участков было образовано в Иркутской губернии и в Семипалатинской области — от 230 до 250 тыс. десятин при 9–15 тыс. душевых долях. Конечно, это не должно понимать в том смысле, что в этих губерниях нет достаточного количества годных для означенной цели свободных земель, а объясняется тем обстоятельством, что наличность незанятых и притом хороших земель в более близких к Европейской России западных частях страны пока в достаточной мере удовлетворяли настоящую потребность в земле. Несомненно, однако, что по мере истощения свободных земель в указанных районах под заселение были предоставлены и смежные части тех губерний и областей, которых переселение ещё недавно почти не касалось. Такими местностями и являются более северные части Семипалатинской области и более западные Иркутской губернии, в которых вплоть до самого конца 90-х годов не производился отвод земель под переселение.

В приведённые выше данные по Томской губернии не были включены таковые касательно Алтайского округа, потому что в нём в 1895 году отвод земель под переселение был приостановлен по распоряжению Кабинета Е. И. В. За более

* В число свободных душевых долей вошли и доли, зачисленные за ходоками семей, ещё не прибывших на участки.

же ранний период времени, именно за 30-летие — 1865–1895 гг. — со времени издания правил, разрешавших водворение крестьян на кабинетских землях, было образовано всего 228 (в том числе с 1884–1895 гг. 140) участков общей площадью до 1750000 десятин удобной и неудобной земли.

Что касается до действительного истощения запасов свободных земель, которые могли бы быть утилизированы в целях колонизации, то это явление наблюдается в настоящее время в сравнительно немногих местностях, именно: в трёх округах Тобольской губернии (Ялуторовском, Курганском и Ишимском; в первых двух уже со времени начала 90-х годов), в одном округе Томской губернии (Мариинском) и в двух округах Енисейской губернии (Минусинском и Ачинском). Ничтожные излишки земли против требуемой в отдельных местностях нормы, имеющиеся в некоторых из этих округов, признаются необходимыми на случай окончательного поземельного устройства местного сельского населения (как старожилов, так и новосёлов).

К 1 января 1906 года была реформирована местная организация заведования переселенческим делом, причём изыскание и отвод земель для переселения, находившиеся до сих пор в ведении Д-та госуд. земельных имуществ, тоже перешли в ведение Переселенческого управления. Первым делом этого обновлённого учреждения было упрощение выдачи хоздаческих свидетельств в целях предоставления всякому желающему крестьянину возможности подыскать себе подходящий земельный участок. Для облегчения этого же послужил целый ряд мер, одна из которых состояла в опубликовании во всеобщее сведение не только общего количества переселенческого фонда в каждой местности, но подробного географического, топографического и естественноисторического описания участков и отдельных душевых долей.

Благодаря этим мерам число переселенцев возросло в 1906 году до 220000 д., а число ходоков — до 77 тысяч, причём этими последними было зачислено к 1 января 1907 года 98,4 тысячи долей, приблизительно на 32000 семейств будущих переселенцев. Так как это количество превысило число вновь заготовленных участков, запас свободных для заселения участков сократился, несмотря на более усиленную работу землеотводных партий, состав которых был уве-

личен по сравнению с предшествующими годами. Весь переселенческий фонд состоял к 1 января 1907 года из 153000 долей, числившихся свободными, и более чем из 140000 долей, зачисленных ходаками, но пока ещё не заселённых.

Ввиду постоянного возрастания переселенческого движения были приняты новые меры для обеспечения будущих переселенцев землями: смета на переселенческую кампанию 1907 года была исчислена в 11 млн. рублей и землеотводные работы ускорены, между прочим, путём привлечения к этим работам части состава межевых партий, работающих в четырёх губерниях Сибири над земельным устройством старожилов. Эта задача была значительно облегчена путём передачи в распоряжение Переселенческого управления обширной площади богатых земель Кабинета Е. И. В. в Томском и Барнаульском округах. Так как отвод этих земель под переселение не представлял серьёзных затруднений, то уже в первой половине 1907 года было нарезано в данном районе 28000 долей, тотчас же занятых переселенцами. Но вне четырёх губерний Сибири отвод участков для колонизации встретил большие затруднения. Одним из таких серьёзных затруднений в степных областях явился всё ещё не окончательно решённый вопрос о количестве земель, необходимых для обеспечения киргизов, как оставшихся кочевниками, так и начавших переходить к оседлости. Благодаря работам особой экспедиции, исследовавшей площадь в 168 млн. десятин, свободные излишки в четырёх степных областях могут быть исчислены в 21 млн. десятин, но из осторожности из этого количества пока изъято для целей колонизации менее $\frac{1}{5}$ части, или около 4 млн. десятин, причём и это возбудило усиленные протесты со стороны киргизского населения.

Другой район, заселение которого в особенности желательно, именно Дальний Восток, представляет другого рода затруднение для отвода земель под переселение. Весь запас земли, из которого возможен отвод переселенческих участков без значительных затрат на мелиорацию и проведение новых путей, в настоящее время уже истощён, а из наиболее подходящих для этой цели запасных земель Уссурийского казачьего войска в 9 млн. десятин местной администрацией было признано возможным изъять на все невоинские надобности всего $\frac{1}{2}$ млн. десятин, несмотря на то, что

общее число уссурийских казаков не превышает 9000 душ мужского пола.

В результате всех работ, предпринятых Переселенческим управлением для увеличения переселенческого фонда земель, в 1907 году было заготовлено 290 тысяч душевых долей, почти на $\frac{1}{3}$ более предполагавшегося по смете количества (200000) и в три раза более против заготовки минувшего года (97000), в свою очередь далеко превывсившей производительность межевых работ в предыдущие годы. В истекшем году были мобилизованы и предоставлены для переселения часть запасных переселенческих участков и казённых земель в четырёх губерниях и в двух областях Дальнего Востока.

Но несмотря на все усилия Переселенческого управления идти в заготовке земель для переселенцев одинаковым шагом с развитием переселенческого движения, это в 1907 году оказалось недостижимым. Уже в мае отчётного года число ходоков, направившихся в Сибирь, достигло 115 тысяч, что свидетельствовало о желании выселиться за Урал свыше 300000 душ. Для удовлетворения их землёй потребовалось бы не менее 900000 душевых долей общей площадью в 30 млн. десятин — количество, которое не только не имелось в наличности, но которое в 10 раз превышало то, что землеотводные партии могли нарезать в течение одного года, а между тем переселенческое движение и посылка ходоков, конечно, не остановились бы в мае. Это отсутствие достаточного количества заготовленных земель, грозившее разорением будущих переселенцев, и вынудило главноуправляющего землеустройством и земледелием на основании предоставленного ему законом права временно прекратить выдачу ходаческих свидетельств и вообще приостановить переселенческое движение в Сибирь.

*10. Причины переселения**. Не подлежит сомнению, что главной причиной, побуждающей крестьян покидать в последние десятилетия родину и стремиться на новые места, за Урал, является малоземелье. Правда, переселенческое движение заставило в последнее время не только малоземельные губернии, в

* Подробнее — см. «Переселение в Сибирь», откуда заимствована эта глава.

которых на двор приходилось в 1905 году от 5 до 8 дес., но распространилось и на те из них, где наделной земли на двор приходилось 9-10 и более десятин*, т.е. где крестьяне в своей массе были в общем хорошо обеспечены землёй. Это противоречие, однако, лишь кажущееся. В разных местностях при неодинаковой густоте населения и при различной степени его культурного развития существуют разные системы полеводства, находящиеся в значительной степени в зависимости от богатства жителей землёй. Из этого следует, что одно и то же количество земли на двор, обеспечивающее крестьянскую семью в одном месте, например, в западном крае, где развита плодосменная система, может оказаться недостаточным для других местностей, например, расположенных на севере и по восточной окраине Европейской России, где ещё господствуют трёхпольная и переложная системы полеводства. И вот в местностях, где преобладают подобные неусовершенствованные формы земледелия, через известное время вследствие усиленного роста населения наступает момент, когда земельная наличность перестаёт быть достаточной для удовлетворения даже продовольственных нужд населения. Сельское население старается путём новых расчисток и распашек увеличить площадь пахотных земель, но, как правило, рост посевной площади увеличивается медленнее, чем рост населения, так что расширением распашек лишь отсрочивается наступление кризиса. Борьба за обладание землёй начинает обостряться, и в результате происходящего соперничества одна часть населения обогащается землёй за счёт другой части, которая принуждена бывает или взяться за промысловые заработки, или выселяться в другие места. И действительно, в большинстве из губерний, принимающих в настоящее время наибольшее участие в переселенческом движении в течение последних десятилетий, наблюдался сильный прирост населения, необыкновенное оживление его промысловой деятельности и расширение площади посевов (за 19 лет — 1881-1899 гг. — в южных степных губерниях на 30-62%, в западных — на 16-37%, в восточных — на 12-20% и в юго-западных — на 7-18%).

Земельный кризис, как всякие кризисы вообще, продолжается лишь определённое время, необходимое для того, что-

* В Витебской губ. — 11,5 дес.; Таврической — 14,7 дес.; Пермской — 15,8 дес.; Вятской — 16,0 дес. и Самарской — 19,8 дес. (Статист, землевладения. 1905. С. 179).

бы население имело возможность приспособиться к новым условиям. Крестьяне по необходимости начинают переходить к более высоким формам земледельческой культуры — к трёхполью с навозным удобрением и к многопольной плодопеременной системе, и к посеву кормовых трав, при каковых условиях имеющееся налицо количество земли оказывается уже достаточным для обеспечения средней крестьянской семьи. К тому же, развивающиеся промыслы и фабричная промышленность отвлекают немало рабочих рук от земли. Голод на землю в подобных районах постепенно ослабевает, а вместе с этим уменьшается и число лиц, выселяющихся из этих местностей. Эту стадию мы, между прочим, наблюдаем теперь в средних и северных чернозёмных губерниях, где кризис вследствие недостатка земли появился раньше, чем в других местах, уже потому, что степной характер местности давно позволил крестьянству обратить в пашню всё то количество надельной земли, которым оно только могло располагать без ущерба для скотоводства. Действительно, сравнивая изменение в размерах посевной площади за период 1881–1899 гг., мы видим, что в большей части губерний рассматриваемого района (в 7 из 10) она не только не возросла, но даже слегка уменьшилась, что наряду с сильным ростом населения этих губерний и ускорило наступление кризиса. В настоящее время с переходом большей части населения к более совершенным формам полеводства потребность в земле в массе стала постепенно ослабевать, что имело последствием и ослабление переселенческого движения: как было показано выше, выселение из северных и средних чернозёмных губерний, поставивших ещё недавно главную массу переселенцев, в настоящее время значительно ослабело, и земельный кризис перешёл в другие части Европейской России: в юго-западный район, в южные степные губернии, в белорусский район и в меньшей степени в другие местности.

Что главным стимулом к выселению служит именно недостаток в земле, подтверждается данными сравнительной обеспеченности землёй выселяющихся крестьян и остающихся на своих местах. Статистические данные показывают, что во всех губерниях (кроме Могилёвской) наделённость переселенцев оказывается меньшею против средней для всего населения этих губерний, причём в итоге за 50

губерний Европейской России наделённость переселенцев составляла всего 57,7% при колебаниях в отдельных случаях от 25 до 75%. При этом следует заметить, что наименьшая наделённость в среднем по губернии наблюдается у переселенцев из многоземельных южных, юго-восточных и восточных губерний (25,0 до 57,2%) и наибольшая — у выходцев из малоземельных губерний: юго-западных, западных, севере- и среднечернозёмных (от 50 до 100%).

И по относительному богатству землёй отдельных групп сельского населения наблюдается та же разница между многоземельными и малоземельными губерниями, именно: в южных степных губерниях процент безземельных среди переселенцев составляет 311—550% по отношению к среднему по губернии, то есть в 3—5 раз превышает число безземельных среди наличного населения губерний, причём наряду с этим переселенческие семьи с наделом, равным среднему по губернии или превышающим его, весьма малочисленны у выходцев из рассматриваемых районов. Они составляют не более 13,7 до 20,1% всего числа переселенцев. В губерниях, где население менее обеспечено землёй, эти отношения совершенно иные. Приведённые данные объясняют непонятное на первый взгляд явление, почему в переселенческом движении такую выдающуюся роль играют именно многоземельные губернии.

И в других отношениях выселяющаяся часть крестьян невыгодно отличается от остающихся на местах. Таким образом, в итоге по 50 губерниям обеспеченность рогатым скотом переселенцев составляет всего 47,8% средней обеспеченности у наличного населения при колебаниях от 29,4% (Бессарабская губ.) до 78,6% (Могилёвская). Этих данных достаточно, чтобы вывести то заключение, что малоземелье и связанная с ним малая обеспеченность их в живом инвентаре и вообще в средствах и является кардинальной причиной настоящего переселенческого движения. Все же остальные причины, главным образом экономического характера, как, например, неурожаи, имеют второстепенное и временное значение: их влияние сказывается главным образом в усилении неблагоприятных последствий малоземелья. Особенно заметно было влияние неурожаев на переселение в самом начале 90-х годов истекшего столетия, когда вследствие неурожаев в большей части Европейской России в течение двух лет кряду (1891 и

1892 гг.) число выселявшихся в Сибирь сразу почти удвоилось: в 1889 г. их число не превышало 37700 д., в 1890 — 47400 д., а в 1891 и 1892 гг. уже составляло 82100 и 84200 д.

Если недороды в районах выселения способствуют усилению переселенческого движения, то, наоборот, неурожаи в местностях заселяемых имеют обратные последствия, именно ослабляют его. Таким образом, неурожаи, посетившие в 1900 и 1901 гг. большую часть Сибири и степные области, более чем вдвое понизили число выселяющихся: со 152000 и 160000 д. в 1899–1900 гг. до 69000 и 64500 д. в следующие за ними 1901 и 1902 гг.

К этой статье прилагаются четыре нижеследующие таблицы, касающиеся переселенческого движения в Сибирь:

1. Число переселенцев об. п., прошедших в Сибирь (через Челябинск) за 12 лет (1896–1907 гг.), погодно, с распределением их по месту выхода*.

2. Число крестьян, водворившихся в отдельных губерниях и областях Сибири за период времени 1893–1906 гг., в тысячах душ м. п., погодно**.

3. Число переселенцев об. п., прошедших в Сибирь (через Челябинск) за 12 лет (1896–1907 гг.) с разрешения правительства и без оногo, погодно.

Число ходоков, направившихся в Сибирь (через Челябинск) за указанное 12-летие с разрешения и без оногo, погодно.

Число крестьян, прошедших в Сибирь (через Челябинск) на заработки за 9 лет — 1899–1907 гг., погодно***.

4. Расходы на переселенческое дело за период времени 1893–1906 гг.****.

* Данные заимствованы из рукописной таблицы Главного переселенческого управления.

** Средним числом одна семья переселенцев состоит из 6 душ, в т.ч. из 3 д. м. п., так что для перевода указанных в таблице цифр в числа переселенцев обоего пола следует помножить их на 2.

*** См. примеч. к этой таблице.

**** Заимствовано из печатных и рукописных таблиц Переселенческого управления.

**/. ОБЩЕЕ ЧИСЛО ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ОБ. П., ПРОШЕДШИХ В СИБИРЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛЯБИНСК, ЗА 12-ЛЕТИЕ 1896-1907 гг.
С РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ ИХ ПО ГУБЕРНИЯМ ВЫХОДА, ПОГОДНО**

NВ	Название губерний	1896г.	1897г.	1898г.	1899г.	1900г.	1901г.	1902г.	1903г.	1904г.	1905г.	1906г.	1907г.	Всего
1	Архангельская	1 6	–			1 8	1 8 0	1 2	–	–	–	–	3 3	259
2	Астраханская	188	6	24	62	75	17	37	1	3	2	79	524	1018
3	Бессарабская	788	193	95	114	543	355	727	574	558	185	1672	7193	12997
4	Виленская	538	768	5656	1975	3606	2126	2753	3753	65	73	939	6744	28996
5	Витебская	6942	3490	7632	4601	7463	6695	6734	10048	319	626	7228	22478	84256
6	Владимирская	37	4	42	75	25	18	14	12	1	2	48	188	466
7	Вологодская	128	244	241	974	1217	522	175	366	316	312	715	1587	6797
8	Волынская	425	843	992	1434	1990	1938	863	960	79	448	543	8644	19159
9	Воронежская	5540	3321	7043	10019	8124	2124	2809	3705	1251	1331	7367	24604	77238
Ю	Вятская	932	966	3705	4786	2493	1422	1610	2413	1100	771	2897	6149	29244
11	Гродненская	1564	345	2445	2820	2863	943	652	904	92	29	527	1223	14407
12	Донск. войска обл.	864	331	657	1284	1719	478	745	681	663	1022	3585	6672	18701
13	Екатеринославская	1872	2080	1243	2375	5505	4872	4858	4028	2977	1793	6660	8663	46926
14	Казанская	366	109	1531	1781	400	247	217	464	71	4	408	1199	6797
15	Калужская	895	1035	1396	528	299	162	58	121	82	58	568	7031	12233
1§	Киевская	1919	1040	3539	3462	3525	3195	3523	1704	1976	2297	6888	33522	66590
1?	Ковенская	165	160	73	265	171	68	51	101	7	17	61	504	1643
18	Костромская	86	41	219	128	261	256	182	62	57	23	460	1742	3517
19	Курляндская	521	713	186	103	119	48	69	125	1	4	64	535	2488
20	Курская	13099	3402	9194	13817	16129	5410	2139	1662	334	440	1867	14428	81921
21	Лифляндская	685	2483	701	655	975	447	540	968	32	15	444	1783	9728
22	Минская	760	916	5411	2498	5110	2255	3082	3645	160	135	2201	19578	45751
23	Могилёвская	1276	2602	8962	5128	13000	6766	8488	10238	605	662	6092	40895	104714
24	Московская	4	4	27	32	17	1	1	–	–	–	9	18	113
25	Нижегородская	336	67	454	474	283	208	101	104	93	11	518	1031	3680

№	Название губерний	1896г.	1897г.	1898г.	1899г.	1900г.	1901г.	1902г.	1903г.	1904г.	1905г.	1906г.	1907г.	Всего
26	Новгородская	483	212	46	60	55	24	11	2	-	-	23	274	1190
27	Олонецкая	—	—	—	—	1	0	-	-	-	-	1	5 3	64
28	Оренбургская	136	208	392	560	184	125	120	164	119	179	744	3883	6814
29	Орловская	14844	4942	11258	7306	3856	2313	1518	1628	250	176	2263	16328	66682
30	Пензенская	5222	749	3100	5357	2649	1097	1025	1526	1249	955	3554	6409	32892
31	Пермская	104	513	3284	4720	2411	820	1083	1744	1094	182	1079	1994	19028
32	Подольская	137	235	123	144	1233	2026	2356	1028	1023	1589	6605	5157	21656
33	Полтавская	38436	6935	4310	11081	26988	12063	10412	7897	2668	5344	7927	28424	162485
34	Псковская	856	770	319	289	463	959	880	2071	217	133	660	3851	11468
35	Рязанская	2450	629	5247	4141	1029	447	460	358	157	192	1814	6938	23862
36	Самарская	3856	974	13523	11283	4368	905	1323	1597	603	364	11143	10037	59976
37	С.-Петербургская	83	12	79	14	10	29	38	64	2	-	263	1270	1864
38	Саратовская	3227	898	3133	6951	2915	807	991	1652	304	237	5630	4934	31679
39	Симбирская	1946	144	2188	2568	1160	388	362	498	61	63	591	1418	11387
40	Смоленская	3892	1742	1422	618	1414	2272	912	1481	351	184	1304	6753	22345
41	Таврическая	148	621	749	1525	3095	3265	3721	2781	1185	777	3350	5351	26568
42	Тамбовская	6534	2438	14689	14377	5428	2081	1868	2003	423	180	2545	16553	69119
43	Тверская	218	218	19	28	139	182	15	45	7	5	202	410	1488
44	Тульская	5356	1316	5816	3323	1048	461	427	259	68	163	520	4312	23069
45	Уфимская	798	336	1927	1307	906	171	290	548	170	70	1267	2854	10644
46	Харьковская	8343	2500	3497	6905	11016	3182	3374	3106	2616	1286	6458	19260	71543
47	Херсонская	3752	3344	1315	2673	4140	3192	2488	2396	5263	2764	4484	3214	39025
48	Черниговская	35493	10079	5874	6518	11345	8883	6283	4149	1190	1850	9216	45163	146043
49	Эстляндская	20	9	4	4	-	57	114	83	28	79	257	458	1113
50	Ярославская	—	—	2	6	-	-	—	—	—	—	2	4	32
51	Варшавская	25	78	9	26	-	1	-	1	-	19	2	16	177
52	Калишская	3 9	2 5	6	-	-	-	-	-	7	-	6	1	1 94

[illegible]

**///
ЗА ПЕРИОД 1893-1907 гг. (в тысячах д. м. п.) ***

Области и губернии	1893г.	1894 г.	1895 г.	1896г.	1897г.	1898г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902г.	1903г.	1904г.	1905г.	1906г.	1907г.	Итого за 15 лет
1. Тобольская губ.	0,13	0,13	10,03	18,80	6,30	8,47	3,59	4,06	1,97	1,82	2,82	0,25	0,62	6,72	13,75	79,46
2. Томская губ.	1,35	1,35	14,53	33,40	11,83	36,32	43,15	29,47	8,23	5,67	11,14	1,73	1,85	14,62	86,85	301,49
В том числе в Алтайском округе	1,20	1,20	9,09	16,22	7,83	26,54	34,95	20,66	2,38	2,08	4,90	1,42	1,54	7,42	55,10	192,53
3. Енисейская губ.	0,06	0,06	3,18	9,88	2,15	7,96	9,32	10,31	6,31	6,33	7,57	0,36	0,39	5,64	20,00	89,52
4. Акмолинская обл.	1,26	1,13	10,17	20,72	5,54	9,28	12,03	7,08	2,11	3,68	2,74	0,90	5,07	26,50	27,21	135,42
5. Иркутская губ.	—	—	—	0,05	0,05	0,40	0,60	0,90	1,88	1,53	0,60	0,05	0,07	1,26	4,31	11,70
6. Тургайская обл.	—	—	—	0,12	0,23	0,48	1,70	3,16	1,44	3,23	4,46	8,66	4,14	4,89	3,00	35,51
7. Приморская обл.	1,43	1,77	1,0	1,05	1,31	2,10	4,39	5,58	6,77	2,31	3,05	—	—	3,92	32,91	67,59
8. Амурская обл.	0,90	0,15	0,74	0,90	0,56	1,77	0,53	3,15	1,06	3,24	1,44	—	—	1,42	7,26	23,12
9. Семипалатинск, обл.	—	0,09	0,67	1,13	—	0,41	1,71	0,95	0,17	0,13	0,18	0,17	0,15	1,38	3,71	10,85
Итого:	5,13	4,68	40,32	86,05	27,97	67,19	77,02	64,66	29,94	27,94	34,00	12,12	12,29	66,35	199,0	754,66

По сведениям Главного переселенческого управления. Данные по Тургайской обл. за 1893-1897 гг., по Амурской обл. за 1893-1901 гг. и по Семипалатинской за 1893-1902 гг. заимствованы из издания Переселенческого упр., вып. XVIII: «Переселение в Сибирь» — разница между данными Va и Va таблиц. По Приморской обл. данные касательно сухопутного передвижения заимствованы за 1893—1897 гг. из вышеуказанного издания. Данные же касательно прибывш. в область морским путём взяты за 1893—1901 гг. из «Колонизации Сибири» (изд. комит. Сиб. ж. д.) 1900 г., стр. 321, и из обзоров области. За дальнейшие годы соответств. данных не имеется, ввиду чего за эти годы сведения о числе водворивш. в области переселенцев неполны.

**///. ОБЩЕЕ ЧИСЛО НАПРАВИВШИХСЯ В СИБИРЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛЯБИНСК ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
И ХОДОКОВ (С РАЗРЕШЕНИЯ И БЕЗ ОНОГО) ЗА 12-ЛЕТИЕ 1896-1907 гг., ПОГОДНО;
ЧИСЛО ОТПРАВИВШИХСЯ НА ЗАРАБОТКИ КРЕСТЬЯН ЗА 9 ЛЕТ 1899-1907 гг., ПОГОДНО**

	1896г.	1897г.	1898г.	1899г.	1900г.	1901 г.	1902г.	1903г.	1904г.	1905г.	1906г.	1907г.	Итого
1. Пришло в Сибирь переселенцев через Челябинск (душ обоого пола)													
1) с разрешения	107994	43588	98144	99976	122390	61387	56483	57979	2415	617	59618	332268	1042859
2) без разрешения	70703	21817	50867	51911	40439	25377	24356	26577	28289	28509	66182	83019	518046
Всего:	178697	65405	149011	151887	162829	86764	80839	84556	30704	29126	125800	415287	1560905
2. Пришло в Сибирь ходоков через Челябинск (душ обоого пола)													
1) с разрешения	817	11855	33063	26017	36399	14819	17820	21441	557	27	66561	141574	370950
2) без разрешения	11093	4317	21780	10855	10318	9710	6952	5341	3970	3005	5771	3666	96778
Всего:	11910	16172	54843	36872	46717	24529	24772	26782	4527	3032	72332	145240	467728
3. Кроме того, прошло в Сибирь на заработки (душ обоого пола)	Не регистрировались			30103	9718	8963	6194	3488	1256	904	2662	780	64068
Всего прошло в Сибирь переселенцев, ходоков и крестьян на заработки (душ обоого пола)	190607	81577	203854	218862	219264	120256	111805	114826	36487	33062	200794	561307	2092701

IV. РАСХОДЫ НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО ЗА 1893-1906 гг.

ПРЕДМЕТЫ НАЗНАЧЕНИЯ	РАЗМЕРЫ РАСХОДОВ В РУБЛЯХ				
	с 1893 по 1897гг.	с 1898 по 1904гг.	всего за 12 лет	в 1905 г.	в 1906г.
I. Министерство внутренних дел					
А. Расходы по передвижению переселенцев в Сибирь и степной край					
— Устройство и содержание становищ для переселенцев, врачебно-продовольств. помощь	501043	3884781	4385824	488610	690000
— Ссуды в пути (включая перевозку морем в Уссурийский край)	889500		889500		
— Зафрахтование пароходов и барж	121440	314182	435622		
Итого:	622483	4198963	5710946		
Б. Расходы по устройству переселенцев в Сибири и в степном крае					
— Ссуды на домообзаведение и хозяйств, устройство	889500	v			
— Устройство дорог, мостов, гидротехнич. сооружений и расходы на другие общеплезн. надобности	1526811	9124265	10651076	682500	2050165
— Вознаграждение киргизов за снос построек с их земель, отходящих под участки	124020	788033	912053	102150	567467
Итого:	24000	80364	104364	25000	20000
	1674831	9992662	11667493		
В. Расходы по снабжению переселенцев перевязочными средствами, сельскохозяйственным инвентарём и хлебом	94000	1188900	1282900		
Г. Расходы по передвижению и устройству переселенцев в губерниях Европейской России и на Кавказе	321089	840080	1161169	300000	650000
Д. Расходы по заведению переселенческим делом					
Содержание Центрального управления	43863	323534	367397	56029	83113
Содержание чинов переселенческой организации на местах	38875	658047	696922X	148500	184339
Усиление средств местных крестьянских учреждений	102500	238700	341200/		
Непредвиденные расходы				30000	
Итого:	185238	1220281	1405519		
Всего за 12 лет:	3342391	17885636	21228027	1832789	4245084
II. Подготовительная при комитете Сибирской железной дороги комиссия					

IV. РАСХОДЫ НА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДЕЛО ЗА 1893-1906 гг.

ПРЕДМЕТЫ НАЗНАЧЕНИЯ	РАЗМЕРЫ РАСХОДОВ В РУБЛЯХ				
	С 1893 по 1897гг.	с 1898 по 1904гг.	всего за 12 лет	в 1905 г.	в 1906 г.
Е. Расходы на усиление фонда имени Императора Александра III, предназначенного на постройку церквей и школ в Сибири и на содержание благотворительных учреждений		300000	300000		
III. Ведомство Министерства земледелия и государственных имуществ					
Ж. Расходы по образованию переселенческих и запасных участков			8107107	659670	1067280
З. Производство гидротехнических работ на местах водворения			2234572	149220	367220
Итого:			10341679	808890	1434500
Всего израсходовано на передвижение и устройство переселенцев	—	—	31569706	2641679	5679584

Примечание. Со времени 1906 года все расходы по переселенческому делу производятся Переселенческим управлением.

**Список тобольских слов и выражений,
записанных в Тобольском
и Тюменском, в Курганском,
Тюменском и Сургутском округах**

(в двух первых — д. чл. Паткановым,
в трёх последних — чл. сотр. Зобниным)
и приведённых в алфавитный порядок
студ. И. Спб. унив. Николаевым

Абыгать — просохнуть. П.
Абызить — громко плакать. З.
Абыз — крикун (*кажется, заимствовано у татар*). З. Абыз — тат. слово (*из арабск. хафиз*) значит учёный, образованный (обыкновенно про духовных лиц). П.
Ад — место мучения грешников, в аду вечно горит огонь и кипит смола. З.
Азам — род лёгкого армяка. П.
Аки — отец. З. (*с вогульского: аки — старший брат отца*). П.
Ангарка — барка. П.
Андили-Архандили — добрые духи, посылаемые от Бога. В одном отрывке из духовного стиха о них говорится:
*Летели, летели
Два андила с небес,
Будили, будили
Раба своего:
«Что ты, наш раб,
Долго спишь не пробудишься,
Долго спишь не пробудишься,
Господу Богу не помолишься»*. З.
Анька — остячка (слово происходит от *остяцк. анка* — мать). П.
Аршинный чай (то же, что полевой) лабазник, таволга — *Spiraea ulmaria*, листья и цветы которой употребляются наиболее бедными вместо чая. Название «аршинный» — насмешка на то, что этот чай не покупается на фунты. П.
Ахинея — враньё, вздорный разговор. З.

Бабашка — см. наплавок. П.
Бабка — суслон хлеба (*Тюм. окр.*). П.
Бабы запуки — см. запуки. З.
Багульник — растение дикий розмарин; служит для окуливания петель при ловле зайцев. З.
Базарная пудовка — казённый четверик (*Тоб. окр.*). П.
Базынить — громко плакать, см. абызить. З.
Баить — говорить. П.
Балаган. В хорошую погоду обыкновенно в поле ночуют в балаганах. Для устройства балагана необходим холщовый полог, который натягивается на шести невысоких колышках, образуя закрытое со всех сторон помещение для двух или трёх человек. Балаган защищает от комаров и частью от холода. З.
Бало — снаряд, вокруг которого загибается полотно. З. П.
Бальни — пушистые почки на вербах, камыше. З.
Банка (*т.е. банк*) — ссудо-сберегательное товарищество (*Боганд. вол. Тюм. окр.*). П.
Банной — в народной памяти сохранилось чутьё того, что и баня служила некогда местом обитания нечистого духа. З.
Барани — барыня. З.
Баришна — барышня. З.
Баской — хороший. З.
Баской — красивый, изукрашенный. П.
Батать — пугать рыбу батухой. П.

- Батауха — см. режевка. Батаухой снаряд называется, потому что часто ею ловят рыбу, пугая последнюю при помощи «батаух» или «батух», своего рода полого деревянного стаканчика на палке, которым ударяют по воде. П.
- Батик — палка с утолщением на одном конце. 3.
- Бать — лодка, род корыта. 3.
- Бать — грубо обделанный плоскодонный челн из толстой сосны. П.
- Башлык — рыбак, руководящий ходом невода. П.
- Бедниться — жаловаться на свою бедность. 3.
- Безмен — мера веса в 2'Д ф., *напр.*, масла (*Тюм. окр.*). П.
- Без покупки — см. покупка. 3.
- Бекёт — зимой по торговому тракту из Тюмени в Ирбит устраиваются ночные караулы; караульщики помещаются в конусообразных шалашах. Такие сторожевые пункты называются бекётами (*пикет*). 3.
- Бекешка плисовая или суконная — праздничная верхняя одежда мужчин. 3.
- Белая рыба — речная, озёрная рыба (*окунь, щука, ёрш и т.д.*) в противоположность красной (*осётр, стерлядь*), водящейся в крупных реках. П.
- Велик — светлая почва. Этим именем крестьяне именуют всякую светлую землю: глину, суглинок и песчаную. П.
- Белковать — бить белку. П.
- Белодушка — лисица с белой грудью — самый дешёвый лисий мех. П.
- Белотальник — порода ивы. П.
- Белотурка — порода пшеницы (*Тюм. окр.*). П.
- Бельник — берёза. П.
- Бельник — см. метлика (*Тоб. окр.*).
- Беляк — белый заяц. П.
- Береговой — рыбак, который охрывает невода на берегу. На 2—3 невода полагается один береговой. П.
- Берекчи — беречь (*ср. пекчй*). П.
- Берёмя — берёмя получится, когда человек наберёт себе в руки, *напр.*, берёмя дров и др. 3.
- Бесперечь — беспрестанно. 3.
- Билёвые чулки — чулки (*а чулки носят лишь женщины*), связанные из льняных белёных ниток. 3.
- Бйси — общее обозначение той части нечистой силы, которая имеет назначением вводить человека в грех. 3.
- Бить — готовить постное масло. 3.
- Благословить — завещать, пожертвовать, *напр.*, «он благословил (завещал) ему свою землю» (*Тюм. окр.*). П.
- Богатей — богач. 3.
- Боерак — лог, буерак — лог. 3.
- Божница — деревянная полочка для икон в переднем углу. 3.
- Волдырь — бугор, возвышенность, курган. П.
- Борноволбк — мальчик лет 7—11. Слово происходит от глагола борона; при полевых работах дети вышеуказанного возраста бывают борноволокнами, обязанность которых состоит в том, что они ездят верхом на первой из запряжённых в бороны лошадей. 3.
- Борновало. П. см. борноволок.
- Боры — складки на верхней части юбки. 3.
- Боярка — ягода боярышника. П.
- Бредень, бредничек — небольшой чистый невод. П.
- Бродни — будничная мужская обувь. 3. П. Бродни состоят из «низков», сделанных из обработанной и вычерненной яловой кожи, и голенищ из некрашеной конской. П.

Брякотня — стук, *напр.*, от топота лошадей. П.

Брякунец — бубенчик. П.

Букайца — какое-то пугало, обитающее в подполье. З.

Бусырь — в выражении: «он с бусырью» — сердитый (в Сургуте). З.

Бусь — мучная пыль, получающаяся на мельнице; отсюда глагол забусить. З.

Бывать — может быть, авось; «авось» не употребляется. З.

Быдто — будто (*см.* однако). П.

Бык — вол. П.

Вальбйшшо — *имя сущ.* место, выкатанное лошадью. З.

Ванзя — простофиля. З.

Варево — похлёбка, уха, суп. П.

Варенец — творог, простокваша и вареное молоко. З.

Варка — остяцкое кушанье из рыбьих внутренностей. П.

Варнак — каторжный, беглый, ссыльный. П.

Варя пива — количество пива, в котором его варят; так, *напр.*, небольшая варя — корчаг 5—6, большая варя — корчаг 10—14. З.

Варяга — вязаная рукавица. З.

Ватлать — праздно болтать языком. З.

Вдругорядь — в другой раз. З.

Вежливей — титул главного участника в свадьбах — это учитель вежливости и учтивости, хранитель установленных искони вековых свадебных обычаев, порядков и обрядов. Другое имя вежливец — вражной, т.е. ведающий с нечистой силой. З.

Век-не-в-домек — говоря про негодядность свою или чужую. З.

Веньгать, веньгаться — капризно плакать. З.

Вепрёнок — боров. П.

Веретено — *см.* снаряды.

Веретье — продольная гривка, возвышающаяся над соседними логами. П.

Веревочка — вольные ямщики передают своих седоков своим знакомым, которые передают их таким же образом дальше, это называется «верёвочкой». П.

Верхонки, или кожанки — кожаные рукавицы (*см.* исподки). П.

Весенний песок — рыболовное место, на котором промышляют неводом в мае и июне. П.

Весил на фунта, т.е. продавал мясо по фунтам. З.

Весло — весло кормовое (*см.* гребля). П.

Веснина — овечья шерсть, получаемая в мае. З.

Ветляной человек — живой и разговорчивый, приветливый, сангвиник. З.

Ветляность — общий термин трёх качеств: приветливость, общительность и разговорчивость. З.

Ветряная болезнь — сибирская язва, которую приписывают ветру. П.

Ветхий — старый, слабый; ветхая пашня — пашня истощённая, преимущественно дальняя, которая никогда не удобряется; вообще пашня, которая не может дать после залежи более одного и много двух урожаев. П.

Вешица — оборотень, имеющий своим назначением насильственно и преждевременно извлекать плод из беременных женщин и полезных домашних животных. Существо злое. З.

Вилоч — кочан капусты (*мн.* ч. вилки). З.

Винный туз — пиковый туз. З.

Вирить — верить. З.

Висли — веяли. 3.

Вйтлинки нет — выражение, характеризующее недостаток сена и соломы. 3.

Вицы, или ляпуны — четыре небольших деревца, связанные попарно вершинками и перекинутые через верх стога, чтобы придать ему прочность. (Тюм. окр.). П.

Вклепаться — обознаться, не узнать. 3.

Вклепаться — вторгнуться (напр., «они вклепались в чужую землю»). П.; не узнать человека. 3.

Водопойный — сочный (про траву). 3. П.

Водяник — ограда, которая приходится на место, заливаемое водой и часто сносится течением. (Тоб. окр.). П.

Водяной — см. лесной.

Вое улевью — плачет, заливаясь горькими слезами. 3.

Волотка — экземпляр хлебного растения; поэтому после полного неурожая говорят: «ничего нет, ни единой волотки»; волотка — также одна соломка. 3.

Вольха — ольха. П.

Вопль — полно с краями. 3.

Воробы — см. снаряды.

Воротник — сторож на почтовой дороге. 3.

Воротцами играть — двое из играющих, ставши на некотором расстоянии друг от друга и поднявши вверх по одной руке, держат платок, образуя ворота; в эти ворота пробегают одна за другой пары; каждая пара, выбежавшая из ворот первую, становится так же, образуя новые ворота, и т.д. 3.

Ворох — куча зёрен. 3.

Воспода — вместо господ. 3.

Восток, веток — северо-восточный ветер. П.

Вострохвостка — порода диких уток. П.

Восьмерики — лежащие кучи по 8 снопов. 3.

Вотчина — 1) земля, которой владеет сельская община или частное лицо, независимо от того, собственная ли она или казённая; 2) настоящее значение этого слова — земля частновладельческая, прикупленная и владеемая крестьянами или другими лицами на правах собственности. П.

Вотчинник — 1) владелец вотчины; 2) дух — покровитель местности, понятие, по всему вероятию, усвоенное от остяков, как и кровавые жертвы этому духу (сев. часть Тоб. окр.). П.

Втулк — закрышка, которой замыкается отверстие наружного конуса морды, открываемое для вытряхивания рыбы. 3.

Всылъ — в аккурат. 3.

Выбирать — выводить узоры (бранная скатерть). В песне поётся:

Уж вы дары, мои дары,

Честны мои приданы.

Я не год вас, дары, пряла,

Не два выбирала,

В един часик раздирала. 3.

Выбор — см. иордан. П.

Выкручивать подать — насильственными мерами заставлять платить подать. П.

Вымочка — низкое место на пашне, где весной долго застаивается вода, от которой вымокает, т.е. портится, посеянное зерно. П.

Выпадет — выражение «из велика не выпадет», т.е. лучше сшить и неудобно, и некрасиво, лишь бы не узко, «не в обътяжку». 3.

Выпашка — выпавшаяся пашня. П.

Выплавать песок — рыбаки на 2 лодках едут по данному месту реки и волокут по дну канат,

- который задевает за «карчи», или «задевы»; последние потом вытаскивают при помощи ворта. П.
- Выпряж — время, в которое может выходить лошадь в сохе без кормёжки и перепряжки; на выпряж, т.е. на запряжку. 3.
- Выплеть — сгореть (*напр.*, «в ветер местами кошенина выплевет»). П.
- Вядильник — длинные жерди или хворостины, при помощи которых городят или загораживают «чердаки» (*рыбол. снаряд*). П.
- Вязник — порода ивы.
- Гад — вредное животное, птица; *напр.*, «гад всю шишку поел» значит, что птицы (ронжа) поели все кедровые орехи. П.
- Гвоздь — малая стерлядь, около 7₄ арш. дл. П.
- Гиблый — погибельный, бедный (*напр.*, «наше место самое гиблое»). П.
- Гилькать корову — доить. 3.
- Глезь, глэзка — гололедица (*Сургут*). 3.
- Глуник — северо-западный ветер. П.
- Глуздать — ворковать, не спать (*говорят о ребёнке*); разговаривать — говорится про ребёнка, начинающего проявлять признаки осмысленности. 3.
- Глухо — душно (*про воздух*). П.
- Глухота — душное состояние воздуха («какая глухота стоит!»). П.
- Глушить рыбу — оглушать её ударами по тонкому прозрачному льду — способ лова рыбы. П.
- Глянуться — нравиться (*напр.*, «мне это глянется»). П.
- Гнус — то же, что гнусина, но в более общем смысле. Это название прилагается к вредным насекомым: комар, блоха, клоп, таракан; к птицам — ронжа, сойка, истребляющим кедровые орехи; к животным — мышь, волк. П.
- Гнусина — вредное животное: мышь, крыса, волк. П.
- Гоголь — порода водяной птицы. П.
- Гогона — неприличная песенная прибаутка. 3.
- Гоить — улучшать, ухаживать, холить, делать годным, *напр.*, «хлеб гоить», значит удобрять; луга или брусничные бора «гоить» — выжигать; лён гоить — вымачивать на лугу, т.е. стлать; холить, *напр.*, «у них бора гоенные», т.е. они заботятся о своих борах, не дают их заваливать хворостом и выжигают вовремя). П. Делать лучше, гоить человека — ухаживать за ним (*в физическом смысле*). 3.
- Голбец — так называется иногда подполье. 3.
- Голосянку тянуть — характеристика вялого распутного говора (langage) жителей слободы Устьицынской в Тюм. окр. 3.
- Голубая лисица — черно-бурая. П.
- Гон, переезд — часть полосы пашни в 10—20 саж., которую проезжают сохой в один раз, не поворачивая её (*Кугаевская, Бронниковск. и Уватская вол. Тоб. окр.*). П.
- Гонить — гнать, *напр.*, «гонить (или гнать) гоньбу» — отбивать волостную или сельскую подводную повинность. П.
- Гора — нагорный берег крупной реки (Оби, Иртыша). П.
- Горбатая — эпитет смерти. 3.
- Горбунец (или мамка) — водяной таракан (ракообразное *Gammarus pulex*). П.
- Горбуша — коса на короткой палке, бывшая прежде во всеобщем употреблении в Тобольском ок-

руге и теперь уцелевшая по Конде и в других глухих углах его; вытеснила её литовка, которая ничем не отличается от обыкновенной косы. П.

Горчавка — *Alisma plantago* — растение, растущее на влажных местах (*Тоб. окр.*). П.

Горькая трава — см. шишабарник. П.

Гоубец — досчатый ящик, прикрывающий вход в подполье. 3.

Гребля, греб — весло боковое. П.

Гребтит — мешает. 3.

Грех — ссора (см. грешить). П.

Грехи — человек в своей жизни ежедневно и ежеминутно творит грехи. За праведную жизнь грехи отпускаются. За каждую убитую змею сбавляют сорок грехов. 3.

Грешить — спорить, тягаться (*от тажущихся говорят*: «они грешат между собою, промеж них вышел грех»). П.

Гриб — имя это приложимо к известной растительной особи — опёнку и всех на него похожих; другие наши грибы этим именем не называются. 3.

Гриб — прозвище жителей деревни Черемновой, на берегу реки Туры. 3.

Грядка — полка, идущая от печи к стене. 3.

Гулеванка — любовница. 3.

Гулёвый — не работающий (*конь*). П.

Гулящий — свободный, не занятый делом, праздношатающийся. «Гулящий конь» — лошадь, которая в данное время не предназначается для работ или слишком молодая для этого. «Гулящая девка» — девушка, ведущая лёгкий образ жизни. П.

Гунить — плакать. 3.

Гусь — самоедская одежда из оленьего меха с капюшоном. Он носится над малицей и имеет

мех снаружи, (*с остяцкого; сев. нар. кус*). П.

Д

Дармовать — охотиться на лося и оленя по насту или с лодки, прикрытой ивовыми ветвями. П.

Дармовщик — лицо, охотящееся на лося и оленя по насту или с лодки. П.

Даха — шуба из оленьих шкур, обыкновенно из двух слоев их, причём верхняя обращена мехом наружу, нижняя — вовнутрь. Носится преимущественно в городах более привилегированными сословиями — купцами, чиновниками, стоит от 50 до 200 рублей. П.

Двоедам — старообрядец. 3.

Двор — дом с пристройками. 3.

Дворник — содержатель постоянного двора, двора для ямщиков. П.

Дворничать — содержать постоянный двор. П.

Деваха — девочка, девушка. П.

Девочка — то же. П.

Дежень — толокно с кислым молоком; едят, прихлёбывая жидким молоком. См. кислое молоко. 3.

Дёкуется — обнаруживается присутствие нечистой силы. 3.

Дел — мера земли в 800 саж. (20х40 саж.), которая применяется в Юровской вол. Тоб. окр. Как видно, дел равен двум «прогонам». Местами дел меньше и равен 200—400 кв. саж. (10—20х20 саж.). П.

Делёжка — отдельный участок пашни каждой категории, которая приходится на душу. П.

Дель — 1) мера сети в 1 аршин ширины 1 сажень длины. 2—3 дели образуют «столб» (*Тюм. окр.*); 2) часть сети, приходяща-

яся на долю каждого пайщика в шивном неводе; 3) участок земли, приходящийся на душу или на группу лиц. П.

Дельная пашня — пашня, которая делится по душам в отличие от распашек, которые по большей части принадлежат лицам, поднявшим новь. П.

Делянка, деляночка — то же. П.

Деревянный огонь — огонь, добытый при помощи трения друг о друга двух деревяшек. Этот огонь поддерживают летом около деревень, так как, по мнению крестьян (и многих инородцев Сибири), он помогает от падежей скота; жгут навоз. П.

Дерйга — сорная трава (*Echinosperrum lappula*) (*Тюм. окр.*), см. лепуха. П.

Десяток — часть сотни или сельского общества (см. сотня). П.

Детёныш — см. манило. П.

Дивно, шибко — очень («дивно высоко, шибко далеко»). П.; дивно — достаточно много. 3.

Дивоваться — удивляться. П.

Диганиться — ломаться, шалить. 3.

Дикая пошлина* — денежный штраф. 3.

Дойти, уйти — поспеть, *напр.*, «хлеб не дошёл в этом году». П.

Докуль — до каких пор. П.

Долонь — чистое место, где молят хлеб (см. тук). П.

Домовище — гроб. 3.

Дорогая трава — сассапарель, употребляется при лечении си-филиса. П.

Досёльный — древний. 3.

Достигать — догонять; достигу или сустигу, значит догоню; форма достичь не употребляется. 3.

Дребезги — мелкие осколки (*разбить в мелкие дребезги*). 3.

Дуб — ивовая кора (*употребляется как дубильное вещество при обработке кож*). П; засушенная кора, содранная с кустарников тальника и пр. 3.

Дубрава — берёзовая, осиновая или смешанная роща, но с преобладанием лиственных пород. П.

Дуброва — отдалённый покос. 3.

Дух («замор», «загор») — особенное состояние воды в крупных реках Сибири в зимнее время. Она делается малопрозрачной, невкусной и даёт осадок. Вода эта вредна для питья; также и рыбы её не выносят, а собираются около ключей, где вода свежая, ключевая. П.

Дылда — весьма высокого роста человек. 3.

Дымокур — дымокур устраивается для получения дыма, который отгоняет комаров. Зажигают щепки, а потом их засыпают землёй или золой. 3.

Дырявая команда — насмешливое прозвище баб, преимущественно толпы рабочих женщин. П.

Егорьев день — 23 апреля. П.

Едкий — который хорошо естся, *напр.*, про траву, которую скот охотно ест. П.

Езжалый — про лошадь, на которой ездят, выезженная в противоположность к молодым коням. П.

Ейи — старший брат; дядя, брат отца. 3. (*с остяцкого северного наречия* — *яи. Южного* — *яя* — тоже). П.

Елань — чистое место в лесу, поросшее травой. П.

Еремей — день пр, Иеремия, 1 мая. П.

* Важно знать, личный ли или общинный, со всей деревни взыскиваемый штраф. Память о дикой вире. Ред.

Ереститься — ругаться, злиться. 3.
Еретина — высший сорт шерсти
(от первой стрижки молодых овец). 3.*

Елка — хвощ (*Equisetuni vulg.*),
растущий между прочим в виде
сорной травы на пашнях Тюм.
окр. П.

Ж

Жабка — приспособление, сде-
ланное из дерева в отверстии
верхнего жернова. 3.

Жабрей — губоцветное, сорная
травя (Тюм. окр.). П.

Жал — 1) снаряд из мелких дре-
весных стволов, которые в не-
скольких местах соединяются
между собой мочалом. Среди
жала в одном или нескольких
местах оставляют места для ус-
тановления морды. Жал обык-
новенно помещают в какой-
либо протоке. 3. 2) Жал озна-
чает то же, что и жалйна 1. П.

Жалйна — 1) длинные лучинки
или дранки, связанные моча-
лой. Жалины, или, вернее, сде-
ланные из них «бочки», упот-
ребляются, чтобы во время лова
рыбы перегораживать реки и
истоки из озёр, причём их свя-
зывают в виде шторы. В этом
случае они состоят из многих
сосновых лучин от 1 саж. до 4
саж. длины; 2) тонкие и длин-
ные жерди в 2 саж., которыми
в Деншиковской волости (Тоб.
окр.) делят землю. П.

Жгало — железный прут для про-
талкивания сердцевины в кали-
новых палочках при пригото-
влении цевок. 3.

Женские — женский пол. П.

Жеребёвка — распределение
пашни и лугов по душам, по же-
ребью. П.

Жерлица — большая удочка. 3. П.
Жерлицы смотреть — ходить вы-
нимать добычу и наживлять
крючки. 3.

Живец — ключ со свежей водой,
у которого в зимнее время
скопляется рыба во время «за-
гора» крупных рек. П.

Живот — приманка для рыбы из
мелких рыбок или горбунцов,
которых бросают в прорубь. П.

Жить — находиться, пребывать,
напр., «от пазыма картофель не
сладкий живёт»; «здесь вода
долго живёт». П.

Жорба, шорба — уха, навар (*с
татарок.*). П.

Жужга — насекомое, жук. П.

Заберега — незамёрзшие места по
берегам рек в начале зимы. П.

Забедно ему, т.е. он завистник и
зложелатель. 3.

Заболотными татарами называют
татар, живущих на островах
суши среди болот. В Тобольс-
ком округе таковы татары Че-
бургинского сельского обще-
ства Городовой волости (*пре-
жняя Карагайская вол.*) и тата-
ры большей части Эскалбинс-
кой волости, главн. обр. её се-
верной части (*ачирские тата-
ры*). П.

Забор — наружная стенка гоуб-
ца. 3.

Забретой молодец — (*в песне*)
рекрут. 3.

Заводь — заводью называется
прибрежная часть реки, заклю-
чённая в изгибах берега и ли-
шенная течения. 3.

Завозня — большой амбар без су-
секов, предназначенный для
хранения экипажей, сбури и
проч. 3. П.

* У словенцев *jare, jareta* — ягнёнок. У сербов — *jaretuna* — 1) мясо, 2)
шерсть козья, *jare, rema* — козочка или козлик.

- Заволока — при лечении сибирской язвы, через опухоль продевают мочалу или 2—3 волоса, которые связывают в узел. Ранку смачивают дёгтем, сулемой или квасцами. Каждый день 1—2 раза теребят мочалу или волосы. Через некоторое время защемлённая часть кожи отмирает и отпадает. Это лечение называется «задёргиванием заволок» (*Тюм. окр.*). П.
- Завбры (*им. суш.*) — в некоторых огородах ворот не делают, а вместо них кладут жерди так, что их легко разобрать и проехать в огород. Это место и называется заворотами. 3.
- Завянуть — подсохнуть (про только что вспаханную пашню) (*Тоб. окр.*). П.
- Загнета — куча углей в печке, углубление в печке. 3.
- Загон — часть поля между двумя большими бороздами. 3. Небольшой продольный участок земли приблизительно в 75—125 кв. саж. (5х15,25 саж.). Это не вполне определённая мера применяется для определения приблизительно размеров площадок, засеянных льном, коноплей, репой. П.
- Загор — *см.* замор, дух. П.
- Загородь — место для скота; в других местах называется пригон. 3.
- Задворье — пристраиваемое сзади дома, закрытое со всех сторон помещение, где обыкновенно летом держат птицу. 3.
- Задева — *см. стат.* сад. П.
- Заимка — довольно большое пространство удобной для пашни и сенокоса земли, находящееся в одном месте и принадлежащее одному лицу, которое среди своих владений часто устраивает дом и другие необходимые в хозяйственном быту пристройки. 3.
- Займище — дубрава, поросшая чащею; дикое место, болото, покрытое лиственным лесом. П.
- Закорыш — древесный червь, личинка майского жука, употребляется как нажива для удочек. П.
- Закраина — кайма льда по берегам рек во время их замерзания. П.
- Закуртеветь — заиндеветь. В пословице: «Не сохнет, не мокнет, не куртевет» (*плохо живет*). 3.
- Залавок — продолговатый ящик, устраиваемый вдоль стены около цела для хранения посуды. 3.
- Залихтелось — так говорят о лошади, когда она под тяжестью воза вспотеет и устанет до того, что едва передвигает ноги. 3.
- Залог — поле, добытое землевладельцем из-под лесу. 3.
- Залудеть — образовать кору (*про пашню*). Хорошо размельчённая земля после сильного дождя и следующей затем засухи «лудет», или образует твёрдую кору. П.
- Замор — (*от глагола* замирать) особенное состояние воды в сибирских реках в зимнее время. Местные жители полагают, что вода в это время «замирает», или «горит», отсюда название этого явления («замор», «загор») (си. дух). П.
- Заниматься — курить, *напр.*, «вы не занимаетесь» (не курите)? П.
- Запад — западный ветер, запад. П.
- Запас — запасом называется казённый лес, находящийся около Усть-Ницы и ограниченный со всех сторон просекой. 3.
- Заплот — забор из брёвен, положенных горизонтально одно на другое, которым обносится дом

с принадлежащими ему пристройками. 3.
 Запбл — фартук. 3.
 Запрегчи — запречь (*ср.* легчи). П.
 Запрос, или калым — выкуп за невесту. 3.
 Запуки — бабы запуки — враньё, вздор. 3.
 Зарной — прилагательное от глагола зариться, зарною может быть названа лиса в басне Крылова «Лисица и виноград». Она обзарилась на спелые плоды винограда. 3.
 Зарод — продолговатый стог. П.
 Зароды, или оммёты строятся из копен. 3.
 Заскаться — загнуться (*про одежду*). П.
 Застить, застовать — загораживать свет. 3.
 Застольные песни — свадебные песни. 3.
 Затопля — время, пока топится печь. 3.
 Затор — густое-прегустое тесто, полученное из солоду, ржаной муки, холодной воды посредством размешивания вёслом — всё это для пива. 3.
 Затпрутрунило — засосало (*в тину*). 3.
 Заулки или проулки — соединительные пути между улицами. 3.
 Заутбры (*сущ.*) — бывают в деревянных кадочках. Этим словом обозначаются места соприкосновения кадочки с дном. 3.
 Захрёдеть — захудеть. 3.
 Зачинать — начинать. 3.
 Зачйчереветь — захудеть. 3.
 Зверь, чёрный зверь — медведь. П.
 Здрассуй — здравствуй. 3.
 Земля на пашне — поле, находящееся от слободы на расстоянии 10—15 вёрст. 3.
 Зимина — шерсть, получаемая в декабре. 3.

Зимусь — зимою, прошлую зимою. П.
 Злёт — взлёт. 3.
 Злой — хитрый, пронырливый. 3.
 Знйку не даёт — беспокоит. 3.
 Зовутся между собою, т.е. приглашают взаимно друг друга на свадьбы и просватать невест. 3.
 Зыбка — люлька. П.
 Зыбун — трясина. П.
 Зыондивать — сильно колотить. 3.
 Зыблый год — год с сильными и поздними морозами, с поздними или ранними заморозками. П.

И

Иверень — маленький осколок. 3.
 Игольщик — *см.* полотенщик. П.
 Изба — дом без горницы. 3.
 Избушка — предназначена для защиты от непогоды и в большинстве случаев не имеет окон. Перевозная избушка — избушка для перевозчика при переправе через реку. 3. Пашенные избушки (*см.* пашенные), рыболовные избушки — лёгкие постройки на берегу рек и озёр, где производится временный лов рыбы. П.
 Изгрёби — низкий сорт кудели, составленный из клочков, отделяющихся из-под трепала. 3.
 Издаться — выйти хорошим; «сапоги издались» — значит оказались прочными. 3.
 Изузить — изувечить, сильно ударить. 3.
 Изурочить — сглазить, *см.* урочливый. П.; взглянуть недобрым взглядом и испортить добро. 3.
 Илех-каилых-от — нечистый дух. 3. (*Вероятно, из вогульского или остяцкого*). П.
 Иордан, или выбор — большая прорубь, через которую по

окончании неводьбы в зимнее время вытаскивают невод. П.
Исподки — шерстяные рукавицы, которые надеваются под кожаные верхонки. П.

Исправный — зажиточный. П.

Истеной — эпитет Христа. З.

Истоплё — количество дров, достаточное для того, чтобы истопить печку один раз. З.

К

Кавбыть — значение этого слова можно понять только из разговора, *напр.*, «дева, я поханькала, а он кавбыть и дал». З.

Кадь — мера сыпучих тел, равняется четырём пудовкам или полчетверти. З. П.

Казёнка — часть сеней или горница, отделённая дощатою стеною. З.

«Казы, казы, казоньки» — междометия, посредством которых манят гусей. З.

Калачи — пряники или орехи, которые даёт сваха ребятишкам около церковной ограды, чтобы они не пели гогону. З.

Калташыха — железный котёл для варки кушанья и грязного белья, употребляемый главным образом остяками. П.

Калыб — пулелейка (с *татарского* — калыб). П.

Камелёк — род женской причёски. З.

Кан — царь. З. (с *татарского* прямо или при посредстве *вогульского* или *остяцкого*: хан, хон, кан). П.

Капалуха, (*рябуха*) — самка глухаря, тетёрка. П.

Капустник — огород для капусты и картофеля. П.

Караван — толпы рабочих, идущих на рыбопромышленные пески и обратно. П.

Караулом играть — игра вроде «гори, гори ясно». З.

Картовки — картошки. З.

Карча, или задева — см. сад. П.

Карыш — небольшая стерлядь (с *остяцкого*, *ирт. нар.*: картыш; *по-татарски* кариш — четверть аршина). П.

Каталашка — камера при волосатном правлении, куда сажают провинившихся крестьян. П.

Катанцы — валенки. П.

Каткий — удобный для езды, *напр.*, «каткая дорога». П.

Каша-заваруха — кушанье, приготовляемое следующим образом: ячную муку заваривают кипятком, полученное густое тесто кладут на сковородку, в середине каши делают углубление для масла и, разогревши в печи, в таком виде подают на стол; иногда заваруху едят с молоком. З.

Каюк — большая крытая лодка (*вер.*, тюркское слово). Это слово пользуется огромным распространением и известно в Новом и Старом Свете: у *гренландских эскимосов* — каяк, у *испанцев* — сауисо, у *французов* — саïque, у *турок* — каик, каюк, у *остяков* — каик. Русские, вероятно, заимствовали это слово от татар. П.

Квашенник — покрывка, которой завязывают сверху квашню, после чего зимою ставят её (*квашню*) на печь, а летом на лавку. З.

Квилить — вводить в слёзы. З.

Кевуль — большая деревянная ложка. П.

Кедровка — лодка из кедра. П.

Кержак — собственно старообрядец, в переносном значении — нечистоплотный человек. З.

Кибас — груз для невода, обыкновенно состоящий из жёной глины, помещённой иногда в мешочки из бересты. П.

Кибасья — просушенные куски

- глины в форме сплюснутого шара с отверстиями посредине. 3.
- Кий — особый снаряд, которым глушат рыбу. 3.
- Кикимора — бранное слово, ныне не обозначающее никакого определённого понятия. 3.
- Кипень — злак, который благодаря своим волосообразным корневищам затрудняет первую вспашку целины (*южная часть Тоб. окр.*). П.
- Кислое молоко — творог с простоквашей. 3.
- Кйследь — залог, поднятый в прошлом году и годный для посева хлеба. П.
- Кисы — сапожки из оленьей шкуры, мехом наружу. П.
- Кйтки, кйточки — венки из ивовых или берёзовых прутьев.
- Китки, завитые на живых деревьях, служат, между прочим, как бы вехами между покосами двух смежных владельцев (*Тюм. окр.*). П.
- Кладбйшшо — кладбище. Слово «погост» вовсе не употребляется. 3.
- Кладиво — складывание хлеба в гумна и остожья. 3.
- Клить — клеть. 3.
- Ключевая рыба — рыба, которую в зимнее время добывают около ключей (си. дух). П.
- Кобылка — вредное насекомое, вероятно, из рода кузнечиков. П.
- Коеводни, коеводня — недавно. П.
- Коза — снаряд из листового железа, на котором во время «лучения» рыбы разводят костёр. Коза прикрепляется к носу лодки. П.
- Койвадни — когда-то, недавно. 3.
- Коко — ласкательное (*для детей*) название яичка; крёстная мать (*Сургут*). 3.
- Колды — когда. П.
- Колесянка — местная соха (*см. сабан*). П.
- Колода — совокупность окладных сборов (*подушные оброчные подати, частная волостная повинность и сбор на межевание земель*), платимых крестьянами. Кроме окладных сборов, они, как известно, платят ещё волостные, мирские, или сельские, и другие. В Тобольской губернии размер «колоды» колеблется, смотря по местности, между 4'А и 5 рублями с души в год (*Тюм. окр.*). П.
- Колода — гроб, который выдолблен в толстом бревне; в колодах хоронили в прежнее время. 3.
- Колода — снаряд, на котором гнут полозья. 3.
- Колодец — углубление в центре ям, в которых жгут смолу. П.
- Колок — редкая рощица, среди и около которой расположены пашни и луга (*Тоб. окр.*). П.
- Колокол — «с колоколами прощаться» — ходить на колокольни в субботу Христовой недели. 3.
- Колосники — горизонтальные жерди, на которые в овинах и ригах сажают хлеб (*Тюм. окр.*). П.
- Кблоткая дорога — колотливая дорога. П.
- Колотом добывать орех — добывать шишку ударами брёвен по кедру. П.
- Колочный — прилагательное от колок, *напр.*, «колочный покос». П.
- Комарник — начало лета, когда комары появляются в больших количествах и загоняют оленей в воду. П.
- Комель — нижняя часть древесного ствола. 3. П.
- Кондовый лес — просушенный, здоровый лес. Если по одному

концу бревна ударить, то на другом будет слышен звук, похожий на звук колокола; в переносном значении — хитрый человек. 3.

Кондовый лес — В густом насаждении и на более или менее песчаной почве сосна даёт мелкослоистую, красноватую и смолистую древесину, которая составляет ценный строевой, так называемый кондовый лес. Лес противоположных качеств называется мендачным, или мендовым (*Тюм. окр.*). П.

Коневник — чернобыльник, или старичник (*Artemisia camp.*) (*Тоб. окр.*). П.

Конопле — конопля. 3.

Кончанские — живущие на разных концах слободы. 3.

Конь — лошадь, в Тюменском и Тобольском округах слово «лошадь» употребляется сравнительно реже.

Копать лес — выкапывать высохшие деревья на месте, предназначенном под пашню. Это имеет место через год или два после «черчения», когда сгнили мелкие корни. П.

Копна — куча сена в 5—7 пудов, на севере Тобольской губернии применяется как мера луга: на душу отводят участки, с которых можно получить приблизительно равное количество копен. Ручная копна в Тобольском Севере равна 3—4 пуда; женская, когда уборкой занимаются женщины, — 3—3½ пуда. П.

Копнить — строить копны. 3.

Копоть — пыль (*также мелкий снег*), который садится на едущего по пыльной (*снежной*) дороге. П.

Короновая снасть — тетивы больших наводов, к которым прикрепляют мережу. П.

Кортом — аренда. П.

Кбртомная плата — арендная плата. П.

Коршун тряпишной — говорят, иронизируя человека, одетого в лохмотья. 3.

Косинка — головной убор старух. 3.

Косица — висок. 3.

Космачом ходить, *т.е.* ходить, не подвываясь платком. 3.

Костика — ненужные части, отлетающие под мялкою от льна, который уже «улежит». Ещё больше выделяют костики, когда лён треплют трепалом. 3.

Косячком подвязать платок — подвязать платок, выставивши сзади над затылком угол платка сверх узла. 3.

Котец — рыболовный снаряд из своего рода штор (*лучинок, связанных мочалой*). Каждый котец состоит из трёх «бочек», каждая в 120—140 лучинок. П.

Кочни — сердцевинки капусты. 3.

Кошели навешены — болезнь, при которой болит верхняя часть спины — крыльца — «не даёт ни пошевелиться, ни повернуться». 3.

Кошка — повилика (*растение*) (*Тоб. окр.*). П.

Коштоваться — пользоваться. П.

Кошу ленцы — прозвище жителей деревни Тимофеева; прозвище дано им потому, что они «напоперёк с обществом живут». 3.

Красйк — красноватая глина, служащая подпочвой почти повсеместно в Тобольской губернии, называется она также «материчной» землёй (*см.* «материк»). П.

Красна — *см.* снаряды.

Краснотальник — порода ивы. П.

Красотка — род сыроежки (*гриб*) (*Тюм. окр.*). П.

Краялычик — инструмент, состоящий из 9—12 резцов, вставленных в ручку. Употребляется для

- расщепления луба на тонкие ленточки при выделке решёт (Тюм. окр.). П.
- Кремневая — сосна, выросшая на опушке леса на сухом месте, имеет на стороне, обращённой к югу, очень твёрдую плотную древесину, из которой делают разные вещи, требующие особой твёрдости. Такое дерево называется «кремлевым». П.
- Кремь — см. кремлевая сосна. П.
- Крепёж — акт на владение и пользование землёй (см. матка). П.
- Крестовая лисица — лиса, имеющая тёмный хребет и красные бока. По качеству меха стоит между чёрно-бурой и сиводушкой. П.
- Крестовик — *Potentilla anserina* — употребляется от водянки. П.
- Крестьянская десятина — мера земли в 2700 кв. саж., реже в 3200 кв. саж. или 2500 кв. саж., в отличие от казённой в 2400 кв. саж. П.
- Крестьянская сажень — ручная сажень в противоположность печатной. Крестьянская сажень бывает двух родов: 1) она равняется расстоянию между концами двух горизонтально вытянутых рук и 2) расстоянию от верхней поверхности ступени до конца пальцев вытянутой вверх руки. П.
- Кричать на всю ёслину — кричать весьма громко. 3.
- Крот — мышь, крыса, пеструшка. П.
- Круглая десятина — мера длины в 2500 кв. саж., оба измерения которой равны 50 саж. Она встречается в немногих селениях Тобольского округа. П.
- Крушина — порода деревьев. 3.
- Крыло — половина невода, не считая мотки. П.
- Крыльцо — лопатки рук. 3.
- Крыши — примыкающие к зап-лоту крытые верхи, под которые складываются дрова, ставятся экипажи и проч. 3.
- Крюк — большой рыболовный крючок. П.
- Крючить шуку, нельму — ловить крючками. П.
- Крючки, или тычки — ловушка для рыб, состоящая из крючков, прикрепленных к палке с сучками (Тоб. окр.). П.
- Ксыря, ксы-ксы — междометия, посредством которых гонят коров. 3.
- Кузов — корзина из бересты. П.
- Куколица — сорная трава (*Silene inflata*) (Тюм. окр.). П.
- Кукурки — корточки. 3.
- Кулага — местное кушанье из теста и толчёных ягод: черёмухи и боярышника. П.
- Кулемы — см. слопцы (Тоб. окр.).
- Крупные кулёмы устраивают на медведя. П.
- Кулига — Во время спада большой весенней воды, далеко выходящей из берегов, на лугу образуются остроконечные заливы. Эти-то временные заливы и называются кулигами. П.
- Куль — чёрт. 3. (С остяцкого и вогульского куль — то же). П.
- Купорбтник — папоротник. 3.
- Куржан — изморозь. 3.
- Курица — снаряд, вкладывающийся в переднюю часть бала для загибания головы полоза. 3.
- Курник — большой пирог, начинённый морковью; местное кушанье из сухих грибов, измельчённых и смешанных пополам с драной мелкой крупой. 3.
- Курья — речной залив. П.
- Кузь — часть избы, находящаяся около цела (см. целу). 3.
- Кузь, кугу, кузь, ку-у-ть, кутины, кутины! — междометия, посредством которых манят кур. 3.

- Кушка — птица, питающаяся плодами хвойных деревьев, сойка (?). П.
- Кш, кш — междометие, посредством которого гонят овец. З.
- Лабазник — растение из семейства розоцветных с белыми душистыми цветами, цветы, листья и стебель которого сушат, заваривают как чай. З.; *Spiraea ulmaria* — см. аршинный чай. П.
- Лава — столбики с кольцеобразной выемкой, на которой покоятся жерди, где складывают суслоны хлеба. Выемки на лавах предохраняют хлеб от мышей (*Тюм. окр.*). П.
- Ладонь — ток. З.
- Лайда — небольшое продольное озеро в окрестностях Тобольска. П.
- Лакушка — кадочка с глухой крышкой и с носиком (*Тюм. окр.*). П.
- Ланда — репа, брюква. З.
- Ланчик — кресло телеги. П.
- Лачкан — собака, которая есть кобылятину; под этим именем существует в понятиях жителей татарин. З.
- Левить — брать влево, *напр.*, «мое ружьё левит». П.
- Легчи — лечь. П.
- Лепук — черепок. П.
- Лепуха, или дерига — сорное растение (*Echinosperrum lappula*) с цепкими семенами, пристающими к одежде. П.
- Лесина — кусок дерева, бревно, дранка, из которой делают котцы. П.
- Лесной и водяной — злые нечистые духи, называющиеся так по месту своего пребывания. З.
- Лесной промысел — добыча пушного зверя и птицы, промысловая охота. П.
- Лесовик — см. лешак. П.
- Летние юрты — юрты, в которых инородцы живут летнее время. П.
- Летник — путь по берегу реки, пока она не стала (*зимний путь обыкновенно идёт по замёрзшей поверхности реки*). П.
- Летнина — шерсть, получаемая в августе. З.
- Летось — летом. П.
- Леха — загон, на котором растёт конопля. З.; узкая полоска пашни, загон. П.
- Лешак, лесовик — леший. П.
- Литовка — коса (*обыкновенная*). См. горбуша. П.; литовка с граблями — земледельческое орудие для косьбы овса. З.
- Лихо — говорят вместо «тошнит».
- Лихоманка — лихорадка. З.
- Лобарь — небольшой осётр в 4—5 вершка длины. П.
- Лбвда — две небольшие доски, сложенные под углом около 60° и прикреплённые около матни в верхней тетиве. З.
- Лог — низменное место между двумя гривками. П.
- Лодырь — лентяй, шалопай. З.
- Лонй, лонйсь — в прошлом году. П.
- Лонйсь — прошлого года. З.
- Лоншак — годовая лошадь. П.
- Лоншйна — то же. П.
- Лопата-веянка — земледельческий снаряд для веяния зерна. З.
- Лопать — обыкновенная будничная одежда. З.
- Лопотина — определённая одежда. З.
- Лопоть — одежда. З. П.
- Лбпошь — одежда. З.
- Лопушки — водяные растения с широкими плавающими листьями (*Nuphar luteum, Nymphaea alba*) (*Тюм. окр.*). П.
- Лубок — лыко с одной липки. П.
- Луг. Обыкновенно сенокосные

угодья называются покосами. Название же луг представляет скорее собственное имя тех покосов, которые весной заливаются водой. 3.

Лутошки — срубленные стволы липы. 3.

Лыва — низменное влажное место среди леса, свободное от деревьев. П.; лыва — лужа. 3.

Лывина — то же. П.

Лыжня — след лыж по снегу. П.

Ляга — продолговатое сырое место между кустов. На котором растёт трава. 3.

Ляга — лог. П.

Лямка — палочка с ремешком, при помощи которой тащат невод. П.

Ляпуны — см. вицы. П.

М

Мали, мали — междометия, посредством которых манят ягнят. 3.

Малица — нижняя одежда самоёдов, также остяков и русских на Севере из оленьего меха; она обращена мехом внутрь (см. гусь). П.

Малолеток — крестьянин или инородец, не попавший в ревизскую сказку 1858 г., хотя бы ему было и 30 лет. П.

Малорослый — см. рослый. П.

Мамка — горбунец (*по-тат.*: мямге). П.

Мани — младший брат. 3. (*С остяцк.: сев. нар.: монье; ирт. н.: манья* тоже). П.

Манило — плотный забор из жердочек, связанных в виде шторы, который ставится косо в реке и ведёт к отверстию фитиля, котца или другой ловушки. П.

Мартышка — чайка. П.

Марьин корень — корень мест-

ной Раеонія; применяется в Тобольском округе как лекарственное средство. П.

Мась, мась, ма-а-сь! Масинька, масинька — междометия, посредством которых манят овец. 3.

Матера, или материк — большой лес вдаль от жилищ, тайга. 3.

Материк — наиболее возвышенные части местности, напр., весь правый нагорный берег Иртыша, куда никогда не заходит вода и где порода состоит из красноватой глины, а не из намытых пластов, как в низменности. П.

Матёрый — крупный, большой, здоровенный (*про животных*). П.

Матица — см. мотня. П.

Матка — подлинный акт на владение землёй. Эти акты, которые относятся ко времени и Алексея Михайловича, и Петра Алексеевича, имеют вид длинных и узких свёртков, писанных вязью и скреплённых царской печатью. Большая часть татарских общин имеют такие акты или чаще копии с них. Называются они также крепями. П.

Матня — длинный, суживающийся к концу мешок из мережи, который устраивается в конце пяты (см. пята). 3.

Маяк — деревья или кусты с заплетёнными на них венками, служащие вехами между покосами двух владельцев. П.

Мегден — елец, рыба, похожая на чебака, но имеющая более толстую спину. Слово происхождения остяцкого мёгденг. П.

Медвежье дерево — полевая спаржа. Отвар этого растения употребляется в Тюменском округе при лечении грыжи и бо-

лезней мочеполовых органов, оно считается мочегонным средством. П.

Меженное время — жаркое время в июне. 3.

Мельпяш (?) — двухгодовой лось. П.

Мендач, мендачный или мендовый лес — сосновый лес с белой рыхлой древесиной, представляющий худший строительный материал, чем кондовый. Мендачная сосна произрастает на более жирной почве и более свободно, часто среди лиственного или смешанного леса, на горах и т.д. Она и по внешнему своему виду отличается от кондовой, имея более низкую и крупную крону (*Тюм. окр.*). П.

Менять баш на баш — менять без придачи. 3.

Мера — кадь, мера зерна в 4 четверика (*Тюм. окр.*). П.

Мергёнь — (*удалой*) стрелок, охотник (*с татарского мерган*). П.

Мерёжа — полотно, из которого делается невод. 3. П.

Мерная рыба — рыба, имеющая определённое для каждого вида число вершков от глаза до конца хвоста. П.

Мета — знак, веха. П.

Метище, или став. При начале лова на юровых ямах Иртыша в местах, где имеются последние, делят на отруба, или метища, перпендикулярно к реке. Длина отруба равняется почти ширине реки, а ширина — 22 саженьям, *т.е.* длине самолота и месту для прорубей. П.

Метлика — сорное растение, лекарственная ромашка (*Matricaria chamomilla*). П.

Метляк — бабочка. П.

Метлячек (*уменьш.*) — то же. П.

Мёртвый погреб, или ледник (ледника) — погреб для складывания трупов. 3.

Очерк колонизации Сибири

Молосный день — скоромный день. 3.

Молотило — цепь для молотбы хлеба. П.

Молочник — козлобородник, сорная трава (*Tragopogon major*). П.

Мбрговать — брезговать. 3.

Морда — инструмент для ловли рыбы, состоящий из соединения двух конусообразных плетёнок из тальника. 3.

Морда — то же. П.

Морковь — морковь.

Моркотно — неприятно, противно, тошно. П.

Морок — облако, облака; морочно — облачно, пасмурно. 3.

Морошно — облачно, пасмурно. П.

Морская рыба — рыба, проводящая часть жизни в реках и часть в море (*стерлядь, осётр, нельма, муксун и т.д.*). П.

Мотня — *см.* матня. П.

Моть — неопределённое число пасм. 3.

Муксун — *Salmo Muksun* (*с остяцкого* — муксанг) — рыба из породы лососевых, живет в Оби и отчасти в Иртыше. П. Муксунов стреляшь — насмешливое выражение вместо: «ловить рыбу в низовом краю», говорится про крестьян более южных волостей Тобольского округа, которые отправляются неводить на низ. П.

Мулёк (*уменьш.*) — мелкая рыба, идущая на приманку при ловле крючками. П.

Муль — то же. П.

Мумлит — беззубый старик есть не может, а мумлит. 3.

Мурак — трава, преимущественно мелкая. П.

Мягкая земля — долго паханная в противоположность распашке. П.

Мягкие — обед, завтрак и ужин и хлеб, который пастух получает от владельцев пасомого скота по известному числу дней за каждую скотину, причём 2—3 овцы считаются как одна голова крупного скота (*Тюм. окр.*). П.

Н

Набой — перебой, *напр.*, в Тюм. окр. луга иногда делятся набоем, т.е. каждый их участочек отдаёт той группе лиц, которая вызвалась принять его на наибольшее число душ. *Напр.*, если на какой-нибудь участок пожелали «сесть» 5 крестьян и 6 крестьян, то предпочтение оказывается последней группе. П.

Наденет обувь — обуется, оденется. 3.

Нажин — количество снопов, которое можно нажать с определённой меры земли. П.

Назём — навоз. П.

Называть — удобрять. П.

Накваса — тесто, оставляемое в ржаной квашне от предыдущей стряпни. 3.

Накладушка — любовница (*Демьянск. и Денщиковск. вол. Тоб. окр.*). П.

Наколка — праздничный головной убор молодых замужних женщин.

Накомарник. Чтобы оградить от укусов насекомых плечи, шею и отчасти лицо днём во время работы, жители надевают так называемый ими накомарник. 3.

Наледь — вода, выступающая из-под льда под влиянием напора снега. Потом она застывает в корку, опять под влиянием снега оседает, покрывается водой и т.д. При езде лошади часто проваливаются через верхнюю кору до находящейся внизу. П.

Намазушки — морды, внутри

которых намазывается приманка. 3.

Намётка — рыболовный снаряд в виде большого сачка на шесте. П.

Напарея — бурав. 3.

Напловок — деревянные поплавки, которые прикрепляют к неводу. 3.

Напрокудить — накуролесить; напрокудить — опротиветь. 3.

Нарта — лёгонькие санки, в которые впрягаются собаки или олени, иногда их тащат сами промышленники. П.

Наручье — не в долг, на наличные деньги. 3.

Наряд — лучшая праздничная одежда. 3.

Нарядчик — маскированный; см. шиликун. 3.

Насердке, «по насёрдке» — по злобе. 3.

Наст (*те. под. настом*), или чарым (*те. над. чарымом*) — ледяная кора, которой ночью покрывается растаявший днём лёд. 3.

Наст — ледяная кора, которая после оттепелей покрывает снег. По насту легко ходить на лыжах. П.

Наставать — действовать, настраивать дело на известный лад. Так, на крестинах непременно принадлежностью является каша: когда её ставят на стол, повивальная баушка разносит вино. Эта обязанность баушки выражается выработавшимся на этот случай выражением: «Время настовать, кашу хлебать, баушка, вино подавать». 3.

Насторожить — наставить лук или другую ловушку. П.

Натакаться — натолкнуться, случайно найти. П.

Натодель — специально. 3.

Натранкивать — весело и скоро напевать. 3.

Наттолковать — немного знать, слегка понимать. 3.

Натутыршиться — принять напыщенный вид, взъерошиться. 3.

Нахарлб — силой, насильственно. 3.

На начеву — на ночь. 3.

Нашейник — род боа из беличьих хвостов, нанизанных по оси на шнурок. Этот предмет одежды применяется в Денычиковской и В.-Демьянской волостях (*Тоб. окр.*) и служит для защиты горла от холода и снега. Заимствован от остяков. П.

Небо — твёрдый каменный свод над нашими головами. На небе обитают Бог и угодники. Небо иногда открывается или разверзается на одно мгновение, и в это мгновение люди видят красноватый свет. 3.

Неводник — большая лодка. 3. П.

Неводница, набойница — большая лодка. Употребляемая при неводье. П.

Недовольный. Быть недовольным глазами, слухом — быть слепым, глухим. П.

Недоладом — кувырком, навыворот. 3.

Недомерок — рыба, не имеющая полного числа вершков, чтобы быть «мерной». П.

Недосев — неполное обсеменение полей вследствие недостатка семян. П.

Недозок, подъязок — небольшой язь. П.

Некорыстной — плохой. 3.

Нельма — *Salmo Nelma* — рыба из породы лососевых, живёт в Оби и Иртыше. П.

Неплый — годовой олень. П.

Нёто-нёто — говорят, когда хотят выразить медлительность. 3.

Неурожай, неурожайный год — см. урожай. П.

Низ — низовая часть Оби, Север. П.

Носари — прозвище жителей деревни Носковой; прозвище дано за большие носы. 3.

Носский — про одежду, которая долго не изнашивается. 3. П.

Нох, нох, но-о-х! — местоимения, посредством которых манят собак. 3.

Нурыло — длинный шест, применяемый при зимней неводье (*Тюм. окр.*). П.

Нуричь — протягивать во время неводья зимой нурыло из одной проруби в другую. П.

Няша — тина, топкое место на берегу около самой воды или на дне. 3. Вязкий ил, места подле крупных рек, покрытые вязким илом (с *татарск.* няштэ) П.

Обганивать вотчины — отбывать подводную гоньбу за пользование землёй. П.

Обедник — юго-восточный ветер. П. 3.

Обечка — деревянный ободок сита. П.

Обзариться — позариться. 3.

Обидящий хлеб — репа и горох, которые сильно страдают от прохожих (*Тюм. окр.*). П.

Обиручь и оберучь — обеими руками. 3.

Обносить — воровать, *напр.*, «нас обнесли (обворовали)». - (*Тюм. окр.*). П.

Оболокся — оделся. 3.

Оброчный чувальщик — татарские переселенцы из Казани и др. мест Восточной России образуют в Тобольском округе особую волость оброчных чувальщиков. Название это произошло от того, что эти татары прежде платили оброк с дыма, или чувала (*Тоб. окр.*). П.

Обсказывать — сказывать. П.

Обшикий — крестьяне, отличаю-

- шиеся своим нерасположением к пашне и отличающиеся любовью к отхожему промыслу. Таковы, *напр.*, жители деревни Нехорошковой. 3.
- ббшинка — заимка, принадлежащая монахам. 3.
- Объечайлось — освободиться от сна. 3.
- Обычаться — освободиться от сна. 3.
- Оввёрнется — превратится. В сказке находим: «Солдат взял мешочек и говорит бисям: «Ну, лезьте в мешочек». Они полезли. Который мухой оввёрнется, который как, и залезли». 3.
- Овин — 1) сушильня для хлеба, в которой роль печи играет яма; в последней жгут дрова. При двухрядной садке в овин входит около 200 снопов ярового и 180—190 снопов озимого хлеба, при однорядной — около 150 снопов. Овин представляет из себя небольшое бревенчатое здание с плоской или двухскатной крышей из тёса или жердей, крытых соломой или дёрном; 2) мера зернового хлеба в снопах. Овин озимого в 150—200 снопов и ярового — в 200 до 300 снопов. П.
- Огбrevать — с трудом приобрести какую-нибудь вещь. *Напр.*, некто долго собирался купить новую шубу, но всё не было денег; наконец он её покупает и может сказать: «огоревал в кои-то веки». 3.
- Огород — изгородь вокруг пригона или поскотины. П.
- Ограда — часть отгороженного около дома пространства, не занятая никакими пристройками. 3.
- Ограмония — гармоника. 3.
- Огуречная пблеха — болезнь на огурцах. 3.
- Однако — кажется (*напр.*, «однако у него есть корова»). П.
- Однодеревка — челнок. П.
- Однорядка — сушильня (*овин, рига*), в которой хлеб сажают в один ряд (*Тоб. окр.*). П.
- Ожймок — затвердевшая конопляная мука в форме чайного кирпича, оставшаяся после приготовления постного масла в масляном станке. 3.
- Озбйный — громоздкий, непоместительный. 3.
- Оклематься — выздороветь, оправиться. 3.
- Околеть — онеметь (*напр.*, «у меня околела нога» значит, что я отсидел ногу или отморозил её так, что не чувствую). П.
- Оммёлье — смятое негодное сено или такая же солома под ногами у скота. 3.
- Они — старшая сестра. 3. (*Соспгяцк. сев. нар.*; опи — старшая сестра, тётка со стороны отца). П.
- Оногдась — когда-то, недавно. 3.
- Ономнясь, опомнясь — когда-то, недавно.
- Оплавь — *см.* водяник. П.
- Опнуться — на минуту остановиться. 3.
- Опаться — то же. 3.
- Орать — сильно кричать; ещё употребляется в смысле — взрывать поле сохою или плугом. 3.
- Орда — так в Тобольском округе называют самоедов и отчасти остяков, особенно северных прежних языческих. П.
- Ордйнка — лучший сорт «пресной» шерсти (*Тюм. окр.*). П.
- Осалычить глаза, *т.е.* широко их открыть, ничего не видя и не понимая. 3.
- Осердие — часть внутренностей животного (*скота*), именно: лёгкие, сердце, печень. П.
- Осибе-особе — выражение, характеризующее самостоятельную жизнь; так, только что женившийся сын уходит осибе-особе, оставляя своих родителей со

своим младшим, часто еще несовершеннолетним братом. 3.
 Осиновка — осиновый челнок. П.
 Основа — пряжа, натянутая на красна. 3.
 Осот, осоть — сложноцветное сорное растение (*Cirsium arvense*). В Европе под этим именем подразумевают растение *Sonchus oleraceus*. П.
 Оспенник, оспенница — оспопрививатель, оспопрививательница. П.
 Остожье — загородь, в которую складываются хлеб и сено; бывают хлебное остожье и сенное остожье. В хлебных остожьях помещаются клади, а в сенных — зароды. 3.
 Остров — клочок или местечко суши среди болота. П.
 Островья — попарно вбитые в землю колья, которые держат горизонтальные жерди, между которыми стоймя помещают снопы сырого овса для сушки. Снопы обращены друг к другу колосьями и имеют посреди пустоту, в которую может проникать ветер (*Тюм. окр.*). П.
 Остячка — остячка. П.
 Остячка верста — мера длины, которая применяется по Демьянке; она равна приблизительно 5—6 верстам. (*Такая же мера в 5 в. встречается и у зырян*). П.
 Осьмина — $\frac{1}{4}$ часть сороковой десятины (*в 3200 кв. саж.*), или 400 кв. саж. П.
 Ота ва — так называется молодая зелёная травка, вырастающая на лугу вторично после уборки сена. 3.
 Отгонная поскотина — выгон, находящийся в стороне от главного пастбища (*Тоб. окр.*). П.
 Откатывать горох — очищать горох в сите, задерживая дурной горох в верхней части и скаты-

вая хороший горох в нижнюю часть сита. 3.
 Отнога — узкий залив, узкая полоса на лугу. 3.
 Отталкивать высушенные зёрна — вновь перетолочь и провеять их. 3.
 Отхожая или отъезжая пашня — пашня, лежащая далеко от деревни, куда надо идти или ехать надолго (*Тюм. окр.*). П.
 Охвостье, хвост — когда веют лопатой на ветру, самое ядрёное зерно падает ближе всего (это — голова), более лёгкое падает дальше. Самое лёгкое падает тотчас перед мякиной. Это — хвост, или охвостье. П.
 Охичаться — убираться в доме. 3.
 Охреть — грязный, нечистоплотный. 3.
 Очеп (*мн. число очепа*) — нетолстый ствол берёзы, который кладут на кол: приспособление для ловли зайцев. 3.
 Очёсливый — вежливый, знающий и исполняющий правила хорошего обхождения с людьми. 3.
 Ошарашиться — внезапно остановиться, попятиться. П.
 Ошбркать — смести, смахнуть, вытереть (*напр.*, «ошоркать стол, пол»). П.
 Падун — болото. П.
 Пай — доля. П.
 Пай — пойдём. 3.
 Пазы — пространство между брёвнами в стене. 3.
 Паκля — уничижительное название руки. 3.
 Паκостить — портить, приносить вред. П.
 Паκостник — тот, кто портит, вредит. Так, между прочим, называется в Тюменской округе ракообразное *gammarus pulex*, иначе

- горбунец, которому приписывают порчу рыболовных сетей. П.
- Пал — то же, что палы. П.
- Палец — спица колеса (*об. во мн. числе*). П.
- Палы — лесной пожар. 3.
- Парёнки — распаренные или разваренные овощи. 3.
- Пасмо — 10 чисменок. 3.
- Пасть — *см.* слопцы. П.
- Паута, паут — овод, муха, мошка. П.
- Пачеси — клочки кудели, отделяющейся при чесании щетью; высший сорт кудели. 3.
- Пауль — вогульское селение (*с вогульского: пауль*). П.
- Пашенные избушки — постройки на дальней пашне, куда крестьяне переселяются во время полевых работ. В с. Богандинском (*Тюм. окр.*), где почти вся пашня дальняя, эти избушки группируются в целые деревни с хорошими домами. Отдельные из этих превратились с течением времени в постоянные деревни, как, *напр.*, Хижные избушки в 16 дворов (*Тюм. окр.*). П.
- Пашня — отдалённое поле на расстоянии 10—15 вёрст. 3.
- Паями припадает — про ветер, который дует отдельными порывами. П.
- Пекйша — наскоро, во время топки, испечённый хлеб. 3.
- Пекчи — печь. Вообще все глаголы с окончанием на чь получают взамен этого последнего гчи-кчи, *напр.*, пекчи, берекчи, легчи и т.д. 3.; в Тобольском и Тюменском округах — то же. П.
- Пелиться, пялить — шалить. 3.
- Пеля — шалун, говорится про ребёнка с оттенком добродушной ласки. 3.
- Первый спень — первый крепкий сон. 3.
- Перевод — существительное от слова «переводить», *напр.*, «се-
ять на такой пашне — чистой перевод семян». П.
- Переводить — бесполезно тратить. П.
- Перевес — вертикально прикреплённая сеть для ловли уток и гусей. П.
- Перевесник — паук. 3.
- Переезд — *см.* гон. П.
- Перекачивать тесто — *см.* творить квашню.
- Перемена — каждое из полей трёхпольной (*или четырёхпольной*) системы (*Тоб. окр.*). П.
- Перемёт — рыболовный снаряд, состоящий из шнура с прикреплёнными к нему крючками. П.
- Перёсторона — количество ячменя, помещающегося в ступе. 3.
- Переходница — корова, долго не дававшая приплода. Таких коров убивают на мясо (*Тюм. окр.*). П.
- Пермянка — усовершенствованная соха с широким треугольным лемехом, с горбиком посредине и с двумя колёсами. Она требует двух лошадей. П.
- Песок — ровное низменное место по берегам крупных рек, которое в июне и июле выступает из воды. На этих песках производят неводной промысел в больших размерах. Грунт таких песков по Иртышу почти исключительно илистый. П.
- Пестеряк — большой короб из хвороста для угля вместимостью в 7₄ куб- саж. (*Тюм. окр.*). П.
- Петля — волосая петля, которая применяется для ловли глухарей, тетеревей и зайцев. Устанавливается на тропинках, реже на лежащих деревьях. П.
- Пехлб — земледельческое орудие, употребляемое на гумне для того, чтобы собирать вымолоченное зерно в ворох (*см.* ворох). 3.
- Печатная сажень — сажень, име-

ющая ровно три аршина в противоположность к изменчивой ручной крестьянской. 3. П.

Печёнка — испечённая брюква. 3.

Пимы — валенки. П.

Пинать — толкать ногой, качать люльку ногой при помощи верёвки. П.

Пйстик — мелкий мягкий хвощ, который охотно едят лошади. Растёт по берегам рек. П.

Пихтарь — пихтовая роща. П.

Пичула — насекомое типа гусеницы. 3.

Плавать — грести на лодке одним веслом. П.

Пластаться за лосем — преследовать его по насту (*выражение, показывающее на огромное физическое напряжение, которое требует эта охота*). 3.

Пласты — замёрзший сверху слой навоза, который врубается и глыбами вывозится зимой в поле. 3.

Плаха — толстая и широкая доска. П.

Плашка — небольшая толстая доска, которая настораживает для ловли белок. П.

Пленница — см. плёнка. П.

Плётка, или пленница — ловушка в виде петель на уток. П.

Плётка — продажная мера луковиц в 100 штук. П.

Плётсо — видимое пространство реки между двумя её изгибами, которые закрывают от взоров её дальнейшее течение. Плёсо служит как бы мерой длины в Тобольском округе. *Напр.*, если едут рекой и не знают числа вёрст, которое осталось проехать, нередко говорят, что осталось проехать два плёса, три плёса и т.д. П.; безлесный и отлогий берег реки, на котором происходит неводьба. 3.

Плис — деревянный совочек. П.

Побратень, или кислая шерсть —

овечья шерсть, стравленная со шкур слишком продолжительной мочкой их в квасе при обработке овчин. Самый плохой сорт шерсти. П.

Повети — см. повити (*Тоб. окр.*). П.

Поветря — эпидемия. 3.

Повириять — поверять. 3.

Повити, повитки — про сено, сложенное копнами на навесе, говорят, что оно сложено «на повитях повитках» (*Тюм. окр.*). П.

Погалиться — поиздеваться. 3.

Погальяшки — если у чулка отрезать нижнюю часть (*ступню*), то оставшаяся часть и будет из себя погальяшки. Их шьют из холста и носят (*женщины*) на голених только летом для защиты от комаров. 3.

Погода — ветер; вместо того, чтобы сказать: «какой сегодня ветер дует», говорят: «какая сегодня погода поднялась». 3.

Погодые — погода; непогодь — ненастная погода. 3.

Подбывать — подсохнуть. П.

Подвал — как под полом избы устраивается подполье, так под полом горницы подвал. Ход в подвал всегда делают со двора. 3.

Подвода — бесплатная гоньба (*напр.*, «подводу везёшь, аль повёрстно?», *т.е.* «везёшь ли кого-нибудь из лиц, не платящих прогоны (исправник, священник), или за плату?»). П.

Подволошные лыжи — лыжи, подбитые оленьим мехом с лапок. Эти лыжи не делают шума при ходьбе и не скользят, но портятся в насть; см. скрадывать. П.

Подживотник — тесьма, *напр.*, такая, какую употребляют для прикрепления сетки сита к ободу. П.

Подружки — подруги невесты, помогающие ей в приготовлениях к свадьбе. 3.

- Подсадок — деревянный садок для рыбы. П.
- Подсачивать — лес, см. чертить. П.
- Подсйнье — помещение под полом сеней (*от слова «сини» вместо сени*). 3.
- Подсеки — ловушка для добычи лося, оленя и других крупных животных, состоит в большом луке, настороженном в проходах особой ограды. П.
- Подталица — берег реки, поросший тальником, который можно обратить в покос. П.
- Подтбн — горизонтально прикреплённая сеть, на которую при ловле уток падает вертикальная сеть перевеса. П.
- Подшиба — выражение «низовские подшибы» — ироническое прозвище жителей Липчинской волости, лежащей вниз по течению Туры, на том основании, что они слог ши произносят мягко (не шы, как говорят в Усть-Нице) и имеют слабость браниться словами «Чтоб тебя подшибло, подшиба эдака». 3.
- Под положить или под образа положить — выражения эти означают последние минуты человеческого существования. 3.
- Подъязок — небольшой язь. П.
- Подъярок — вторая шерсть с молодых овец. 3.
- Позём — сухая, распластанная шука без головы. П. (*Вер. с остяцк., ирт. н. \ паджа*).
- Покаль или поколь, или покуль — пока. 3.
- Покастйть — красть, наносить вред. Если кошка в доме начинает есть съестные припасы, про неё говорят: «кошка покастит». Если летом по огородам обнаружится воровство — пропадут овощи, то говорят: «садить ничего нельзя — покастят». Если появилось на полях вредное насекомое, то говорят: «хлеб покастит», т.е. вредит хлебу. 3.
- Покормлёнок — приёмыш. 3.
- Покормушка — приёмная дочь. 3.
- Покорыствовать — почувствовать корысть и воспользоваться чужим добром. 3.
- Без покупки — не покупая; крестьяне, которые живут без покупки, т.е. круглый год на своём хлебе. 3.
- Полевой чай — см. аршинный чай. П.
- Половинник — плохой сорт дёгтя с примесью смолы. П.
- Половник — человек, участвующий в предприятии из половины прибыли (*см. 2. третник*). П.
- Полой — полоем называется весенняя полая вода, заливающая прибрежную часть местности. Всё время разлива прибрежная часть местности носит название полой. 3.
- Полотенщик, или игольщик — рыбак, который чинить невода. П.
- Полудник — южный ветер. П.
- Полудница — нечистый дух, обитающий в огороде; полудницей пугают ребят, чтобы они не таскали овощей. 3.
- Полунощник — северо-восточный ветер. П.
- Полуторница — пудовка, имеющая 1 п. 20 фун. вместимостью (*в южной части Тобольского округа*). П.
- Полушалками — подвязывать платок, т.е. подвязать узел платка под подбородком. 3.
- Полый — незамёрзший (*напр., снег пал на полое болото*). П.
- Пользительный — полезный. П.
- Полянка — невысокая густая травка; полянка вырастает на дворах, на поскотине. Полянкой также называется сборище праздничное, происходящее на поскотине, — на полянку со-

бираться, *т.е.* на праздничное собрание. 3.

Помока — имя существительное от глагола помочить. В засуху говорят: «помоки нет». 3.

Помеха, или помха — ржа, болезнь хлеба (*напр.*, «у нас ныне хлеб пострадал от помехи»). П.

Понедельничать — поститься по понедельникам, что делают обыкновенно лишь старики и старухи. 3.

Понжи — сети для ловли гусей, которые применяются на Севере для ловли перелётных гусей. П.

Понимать — топить, заливать (*напр.*, «вода нас уже второй год понимает»). П.

Пора — определённое время. В пору или в самой пору — в цветущем возрасте. П.

Порезная трава — растение *Achillea millefolium*, применяется в местной медицине. Пожёванная, она прикладывается к ранке, чем будто вызывает её заживление (*Тюм. окр.*). П.

Порно — сильно. 3.

Порной — сильный. 3.

Поровбй лось — трёхгодовалый. П.

Порос — бык некладеный. П.

Посиденок — беседа. Когда человек ушёл из дому без дела, только с целью посидеть и поговорить, тогда про него говорят: «отправился на посиденок», причём в этих словах слышится некоторое осуждение. 3.

Посконь — те стебли конопли, на которых находятся серёжки с цветочной пылью. Посконь рвут раньше конопли. 3.

Поскотина — выгон, место, где пасётся скот. П.

Поскотина — место для выгона скота (*с весны и до уборки хлеба*). 3. П.; поскотина всегда лишена высокой травы, почему это слово употребляется в ино-

сказательном смысле: чисто, как на поскотине. 3.

Пострадка, или пострадулька — женщина, нанятая на страду, *т.е.* на время сенокоса и жатвы. (*В пострадки идут преимущественно женщины*). 3.

Пострадка — наёмная работница, подёнщица. П.

Посуда — лодка. П.

Посудина — лодка. П.

Потона — наводнение; если пройдёт плотина и вода зальёт низменные берега, говорят о потоке (*Тюм. окр.*). П.

Потчёные гости — которым сделали честь, которые почтены. 3.

Пошевня — берёзовые санки, обделанные рогожами. П.

Пошлина дикая — штраф. 3.

Поэтам — должно быть. 3.

Править топором — придавать такой вид вещи, в котором она может идти на поделку. 3.

Пресная шерсть — овечья шерсть, полученная стрижкой овец. Она ценится гораздо дороже (4 руб.—7 руб. за 1 п.), чем кислая (1 руб. 50 коп.—1 руб. 70 коп.), полученная продолжительной мочкой овчин в квасе. П.

Приварок — пища рыбаков (*кроме чаю*): похлёбка, мелкая рыба и т.д. П.

Пригон — навес, который занимает одну или две стороны скотного двора и состоит из жердей, крытых соломой или сеном. П.

Пригбны — скотный двор в задней части ограды. 3.

Приклад — разные предметы (*шкурки, тряпки, деньги*), которые жертвуют духам. П.

Прикуска — пироги, олады, рыба и т.п. яства, которые подаются к чаю. П.

Прилесной — понятие, обозначаемое этим словом, может быть выражено не точно ело-

вом «прелестный». Собственно прилесной происходит от глагола прилыщать, т.е. притягивать к себе лаской, любовью. В песне поётся: «Раз прилесной был товарищ. С одной ложки пил и ел». 3.

Пристать — устать, *напр.*, «я пристал». П.

Пристеноч — место, куда вставляют полозья для просушки. 3.

Пританивать — вытаскивать невод. П.

Притваривать квашню — *см.* творить квашню.

Притон — место, где пританивают, *т.е.* где вытаскивают невод из воды. П.

Пробыгать — просохнуть; *см.* абыгать. П.

Проводник (*от глагола* проводить) — в значении ямщик. 3.

Проводничать — править лошадами. 3.

Проворить — достать, выпросить. 3.

Проголосные песни, *т.е.* поющие-ся протяжно. 3.

Прогон — 1) тонкий шнур у самолова (в 20 саж.) и вообще шнурок; 2) двое лиц, необходимых для ловли при помощи самоловов (*напр.*, на прогон добыли по 20 пуд.); 3) плата поверстная (*мн. число*); 4) земельная мера в Уватской волости Тобольского округа, заимствованная от самолова. Так как длина последнего 20 саж., то прогон земли равен 20х20 саж.= 400 кв. саж., 2 прогона — 800 кв. саж. и т.д. (*на десятины в северной части Тобольского округа не меряют, потому что там пашни имеют вид клочков среди болот*). П.

Продать, запродать — отдать в аренду на несколько лет, *напр.*, татары продали своим соседям речку за 100 рублей на 6 лет. П.

Прокурат — насмешник, забавник. 3.

На прок — на будущий год. 3.

Промёжговенье — время между постами, или говеньями. 3.

Промозгло — испортилось, *напр.*, молоко промозгло. 3.

Промысел — рыбный промысел и добыча пушного зверя. П.

Промышленник — лицо, занятое рыболовством или добычей пушного зверя и птиц, как промыслом. П.

Прорва — протока, которая пересекает луку; *см.* протока. П.

Прорубщик, пролубщик — человек, на обязанности которого лежит заботиться, чтобы проруби для людей и для скота не покрывались льдом. Прорубщик нанимается целым селением. П.

Простень — веретено с нарядными нитками. 3.

Протока — параллельные рукава больших рек и речки, впадающие обоими концами в большую реку. П.

Протошка — иголка без ушей. 3.

Пряля — пряха; про ленивую пряху говорят «три дни — три нитки, пять дён — простенёк». 3.

Прясло — колено оград, состоящее из нескольких горизонтальных жердей, прикреплённых к кольям, вколотым в землю. П.

Птаха — пташка, птичка. П.

Пудовка — четверик (*мера сыпучих тел*). П.

Пульник — тетерев, тетёрка. П.

Пульничек (*уменьш.*) — то же. П.

Пурга — снежная метель. П.

Пустоплесье — пустынное, незаселённое место на реке, *напр.*, говорят: «мне пришлось ночевать на пустоплесье», *т.е.* причаливать и ночевать где-нибудь у берега вне селений. П.

Путик — ряд петель, поставленных в лесу для ловли зайцев. 3.

Путный — хороший, удобный, годный (*сор, песок, путь, ружье*). П.
 Пучени — дуб (*засушенная кора*) свёртывается особым образом и связывается в пучени; на воз идёт около сотни пучень. 3.
 Пушшо место — большое, чуткое место. «Попасть в пушшо место» — задеть больную струнку. 3.
 Пыжьян — рыба из породы лососевых (*Coregonus polkur*) живёт в Оби (*с остяцк., сев. нар.: письян*). П.
 Пымы (*см. пимы*) — валеные сапоги. 3.
 Пята — задняя часть невода. 3.
 Пята — *см.* уховой конец. П.
 Пятистенная изба — изба в две комнаты, разделённые бревенчатой перегородкой. П.
 Пятнать — метить домашний скот посредством надрезов на ушах. 3.; также рыбу перед помещением её в общий садок. У рыб при этом отрезают кончики хвоста: один хозяин при этом пятнает рыбу одной породы, другой — другой. П.
 Пятно — особый знак, которым отмечают кучи срубленных кражей, принадлежащих тому или другому дворовому хозяйству. Так, напр., на комле делают зарубки, а на коре комля — разрез коры. 3.; знак, которым пятнают скот и рыбу. П.
 Пятовой конец — *см.* пята. П.
 Пятовщик — *см.* уховой конец. П.
 Пятовщик — то лицо из числа охотников, которое следует за лосем по пятам, а не отстало во время охоты. П.
 Пяток — лыко от 5 липок, связанное в пучок. П.
 Рагоза — неуживчивый, сварливый человек. 3.
 Радуга — концами пьёт воду из

рек и озер и поднимает ее на небо для дождя. Плавать при появившейся радуге считается опасным: утает на небо. 3.
 Развытить — разделить (*говорится про пашни и луга, которые делаются по душам*). П.
 Разглуздаться — стать повеселее после сна или какого-нибудь горя. 3.
 Разглуздываться — то же, что обычиваться. 3.
 Ракитник — порода ивы. П.
 Распашка — вновь поднятая целина или новь, *см.* мягкая земля. П.
 Распокладка — раскладка подачей (*Тюм. окр.*).
 Рассорка — ссорка. 3.
 Растильница — деревянный ящик или просто доска с землёй, на которой совершают пробу всхожести семян (*Тоб. окр.*). П.
 Раструсить — разбросать по мелким частям, *напр.*, «раструсить навоз по пашне». П.
 Раструска — существительное от предыдущего слова. П.
 Ребята не стоят — *т.е.* не выживают. 3.
 Реветь — звать (*напр.*, реви его). П.
 Режевка — рыболовный снаряд, состоящий из 2 или 3 сетей, из коих одна частая и 1 или 2 (*в поел. ел. обе наружные*) редкие (*Тюм. окр.*). П.
 Режь — редкая сеть, мережа. П.
 Резачка — болезнь, при которой мочеотделение происходит с болью; один из видов порчи. 3.
 Резун — тонкий лёд, плавающий осенью по поверхности рек. П.
 Релочка — клочок земли, *напр.*, чернозём встречается релочками (*пятнами*) среди сплошных солонцов (*Тюм. окр.*). П.
 Решето — мера рассады овощей в 50—60 растений (*Тоб. окр.*). П.
 Ржа — *см.* помеха. П.
 Рига — сушильня, схожая с ови-

- ном, но с печью вместо ямы (*Тюм. окр.*). П.
- Рикотовать — судачить, спорить. П.
- Ричка — речка. 3.
- Робить — работать. П.
- Рогалиха, рогалюха — местная соха довольно примитивного устройства. П.
- Рогалюха — соха. 3.
- Ронжа — кушка (*птица*). П.
- Рослый (нерослый) — который хорошо всходит (*про хлеб*). Перед посевом крестьяне сажают в «растильницы» 100 зёрен и по проценту всхожести определяют качество его, или его «рослость». П.
- Роспашь — см. распашка. П.
- Росчисть — то же. П.
- Роща — ивовая заросль в северной части Тобольского округа, куда поздней осенью и ранней весной при отсутствии готового сена пускают скот. П.
- Русак — серый заяц. П.
- Русленник — широкий мешок из толстого и прочного холста. 3.
- Ручник — полотенце. П.
- Рушают — режут на куски хлеб. 3.
- Рыбалка — рыболовное место. П.
- Рюшки-рюшки — междометия, посредством которых манят поросят. 3.
- Рябок — рябчик. П.
- Рябуха — тетёрка, самка глухаря, см. капалуха. П.
- На другой ряд вспахивать поле — вторично его пахать. 3.
- Рям — моховое болото. П.
- Рямник — небольшая корявая сосна, растущая на болоте. П.
- Сабан — местная соха с более широким лемехом, чем урогалюхия (иногда с 2), и с 2 колёс (*Тюм. окр.*). П.
- Сад — садок, в который сажают пойманную рыбу. Он состоит из небольшого озера, все выходы которого заперты. Здесь держат рыбу до осенних заморозей, когда её выневаживают и везут на продажу. Если несколько артелей имеют общий сад, то, сажая в него рыбу, её предварительно нередко пятнают, т.е. одна артель отрезывает кончики хвоста у одной рыбной породы, другая — у другой и т.д. Чтобы сад был годен для посадки в него рыбы, его предварительно очищают от лесного хлама, который рвёт невода. Это называется выплавать сад. То же выражение (выплавать) употребляется и когда говорят об очистке песка перед ловом. Си. задева. П.
- Садовый огород — ближний огород. П.
- Садок — вместилище для мелкой рыбы, сделанное из деревянных дранок или из хворостинок. П.
- Сажень — 1) мера длины, равная (*печатной*) или приблизительно (*крестьянская*) трём аршинам; 2) квадратная мера для определения площадей. В Богандинской волости (*Тюм. окр.*) под этим словом подразумевается мера земли, одно измерение которой (*об.* ширина) равняется неизменно 30 саж., а другое — 1 сани, напр., в д. Антипиной крестьяне сообщили, что у них 152 сажени на душу. Это значит, что у них 152.30 саж., или 4560 кв. саж. на душу. П.
- Сайн — сеть или мережа, из которой делают невода, сети, фитили и другие ловушки (*происходит от остяцкого слова: «суй-еп, сайип»*). П.
- Саксаул — порода диких уток. П.
- Самоед — самоеды. П.
- Самосейдка — водка, которую крестьяне и остяки гонят сами при помощи котлов и ружейных стволов (*ем. трубок*). П.
- Сарга, сарка — тонкий гибкий прут. П.

Сборня — изба, где происходят сельские сходы; она нанимается на общественный счёт (*Тюм. окр.*).

Сведение — метрическая справка о рождении и крещении. 3.

Сведённые — «Что вы ссоритесь, как сведенники?». Вдова, выходя замуж, приводит в дом нового мужа детей от первого брака, у мужа тоже дети от первого брака — эти сведённые братья и сестры и зовутся сведёнными. 3.

Свёрток — маленькая дорожка, на которую свёртывают (*поворачивают*) с другой дороги. 3.

Свизь — порода диких уток. П.

Свистун — кукиш. 3.

Связь — см. свизь. П.

Сгальничать — безобидно подсмеиваться над кем-нибудь. 3.

Сгаркнуть — крикнуть, позвать. П.

Сдымать — поднимать. П.

Сегбдик — жеребёнок, имеющий меньше года. П.

Седу — сяду. В песне поётся:

«Я с досады седурядом,
Не мешаю никому». 3.

Сейгод — ныне. П.

Семишник — медная монета в две копейки. 3.

Сеногой — частый, мелкий и продолжительный дождик, о котором говорят *ем.* «идёт», «бусит», *т.е.* падает так же, как падает бус (*мучная пыль*) на мельнице. 3.

Сера (*древесная*) — капельки смолы, которые выделяются на хвойных деревьях. Серу жуют в Сибири, как кэви и закис (*смола санда рака*) в Закавказье. П.

Сермяга — будничная верхняя одежда: летом сверх рубахи, а зимой сверх шубы. 3.

Серпуха (*Lycopodium cypressifolium*) — употребляется местными жителями, главным образом остяками, как жёлтая

краска. П.

Сивер — северный ветер. П.

Сиводушка — лисица с красноватой грудью. П.

Сидеть в невестах — быть невестой (собств. со дня просватанья по день свадьбы). 3.

Силище — ловушка на белку, состоящая из жерди с прикреплёнными к ней петлями. П.

Сильница — сеяльница, т.е. хозяйственная вещь для сеяния муки. 3.

Сима — нитка, составляющая принадлежность при весьма многих ловушках на р., кривде, чердаке, загороженном луке и т.д. П.

Сймка (*уменьш.*) — сима. П.

Синявка — род сыроежки (*гриб*) (*Тюм. окр.*). П.

Скать — четыре ноги мясной туши. П.

Скленёхонько — полнёхонько. 3.

Склепить — состарить. 3.

Скляньб — полно, с краями наравне. 3.

Сколотка — болезнь, при которой сильный запор; один из видов порчи. 3.

Скрадывать — подкрасться незаметно, *напр.*, промышленник скрадывает сохатого на подволошных лыжах, значит: охотник незаметно подкрадывается к лосю на лыжах, подбитых мехом. П.

Скудать — иметь недостаток чего-либо; *напр.*, про большого говорят: здоровьем скудает. 3.

Скырчиганье — скрежет. 3.

Слаутный — знаменитый. 3.

Слевать пиво — в последний раз сливать пиво в корчаги через решето. 3.

Слега — нетолстое, но длинное бревно. 3.

Слечь — бревно. П.

Сливать опару — цедить сквозь решето. 3.

Слободску фамиль вела — *т.е.* держала себя важно и чинно настолько, насколько могла научиться этому в слободе. 3.

Словинка — особого рода заговор, произносимый при рыбной ловле или при постановке петли для ловли зайцев. Пример словинки: «Ставлю я ловушку-поставушку на белого, на серого, на красных зверей, как красно солнце идёт, не так белы, серы... Звери шли не воротюся одной тропой, одним следом ко мне, к рабу, к Ивану, как в лесине сердца не видно, так и меня злой человек не видел». 3.

Слопцы — ловушка для ловли зайцев. Состоит из двух забориков, которые ставят на тропе. Войдя в промежуток между забориками, заяц задевает насторожку, чем вызывает падение прикреплённого сверху бревна, которое его и давит. П.

Сляча — мокрый снег, снег с дождём. П.

Сляшил — украл. 3.

Смотреть невесту — ходить смотреть на невесту, хотя бы она давным-давно была знакома, и попутно угощаться пряниками и орехами, которые жених привозит невесте. 3.

Смочный — изобильный дождём, водой, *напр.*: «смочный год» — год с обильными дождями. П.

Снаряды — при помощи которых лён превращается в нитки и холст: мялка, трепало, щеть, веретено, мотовило, ворббы, тюрик, самосновы, скально, красна или красна. 3.

Сноп — 1) пук зернового хлеба; сноп конопли состоит из четырёх горстей; 2) мера пашни в северной части Тобольского округа, *напр.*, говорят: «у нас земли на 300 снопов». П.

Собачки — сорное растение

(*Linaria vulg.*) с цепкими семенами, пристающими к одежде. П.

Соболевать — добывать соболя. П.

Сбгра — дикое место вдали от жилья, усеянное кочками; в согре ничего не родится полезного для крестьян, а если и растут ягоды да берёзовый лес, то воспользоваться ими трудно: почва неровная да и топкая. 3.

Сбгра — болото, кочковатое болото. П.

Соковое — камбий сосен и берёз, который весной употребляется в пищу крестьянами и татарами (*последние едят его со сметаной*) в виде лакомства. Срезав кору, камбий и верхние слои древесины, скоблят при этом проволокой (*сосна*), или ножом (*берёза*) (*Тюм. окр.*).

Соковой слой луба — внутренний красноватый слой. П.

Солуй — целуй. 3.

Сонная смена — рыбаки, принужденные отбывать свою очередь по неводьбе ночью. П.

Сообщать — соединять, напр., «оба брата сообщили свои полюсы (пашни)» (*Тоб. окр.*). П.

Сопка — бугор, возвышенность, курган. П.

Сор (*мн. число: сора*) — низменные места, заливаемые весной водой, а летом покрытые травой. Также озёра с плоскими берегами, уровень которых находится в зависимости от количества выпадающих осадков. Иногда, впрочем, слово «сор» употребляется просто вместо «озеро». Обширные заливы в нижнем течении больших рек, отчасти высыхающие летом, также именуются этим именем. Хотя, по всему вероятию, слово «сор» заимствовано из остяцкого языка, но русское слово сохранило более древнюю остяцкую форму. Действительно, нынешнее остяцкое вы-

- ражение для этого понятия есть: тор, причём так как в южном наречии *т* (*ш*) в начале (и конце) слов во многих случаях произошло из *с*, первоначальная форма этого слова должна была быть сор. Аналогично этому из русского «русь» в иртышском наречии форма: руть, рушь. П.
- Сороковая десятина — местная мера земли в 3200 кв. саж. (40 саж. х 80 саж.). Встречается в некоторых селениях Абалакской и Бронниковской волостей Тоб. окр. П.
- Соровой — прил. от сор. П.
- Сб-стани — со сна. 3.
- Сотня — ближайшее подразделение волости, встречающееся, однако, нечасто; сотня или сельское общество делится на десятки, которые в свою очередь состоят из одной или чаще нескольких деревень. П.
- Сохатый — лось. П.
- Сочило — инструмент для сдирания коры, приготовляемый из кости. 3.
- Сочить — отыскивать; *напр.*, сочить лося — отыскивать раненого лося по кровавому следу, оставленному им на снегу; сочить дорогу — отыскивать путь; *напр.*, про лошадь, которая зимой часто сбивается с пути, говорят: «она плохо сочит дорогу». П.
- Сорога — рыба из породы плотвы, имеет крупную чешую и красноватые глаза. Живёт на реках. П.
- Сорожка — флюгер. 3.
- Сполитично — удобно, сподручно, практично. П.
- Споромить пиво — слить всё сусло обратно в чан. 3.
- Справить колоду — собрать деньги для уплаты окладных сборов. П.
- Спрудиться — соскочить с лука (*напр.*, про стрелу). П.
- Спуск — снаряд для вития верёвок. П.
- Став — см. метище. П.
- Стаи, или стайки — хлева в пригонах. 3.
- Стай, или стаек (*стая, стайка*) — хлев для коров. 3.
- Стамик — пристройка около входа в подполье; доска около печи в избе. Это упоминается в прибаутке:
«*Старуха старика
Донимает у стамика,
Назавтра старик
На ногах не стоит*». 3.
- Станок — станция ямщиков; расстояние между двумя станциями по тракту. П.
- Вода станет в трубу — когда разлив кончится и начинается ловля рыбы удочками. 3.
- Старая река — *напр.*, старая Обь, ст. Иртыш, ст. Салым. Если главное русло реки переходит в одну из её проток, то прежнее главное русло её начинает постепенно съживаться и заплывать. В этой стадии регресса река называется старой (*впротивоположность новой реке*). При дальнейшем изменении старой реки получается.
- Старица — имеющая вид полукруглого озера с центром, обращённым к реке. П.
- Старичник, старички — чернобельник (*Artemisia campestris*), сорная трава. П.
- По статкам — *т.е.* как средства позволяют. 3.
- Стая, стайка — бревенчатый хлев для рогатого скота и овец. П.
- Стекло (*мн.*: стёкла) — клочки пашни между болотами, лесами и т.д. (*Тоб. окр.*). П.
- Стеновая изгородь — плотная и прочная изгородь, охраняющая пашню от потрав со стороны скота. Неплотная изгородь называется боровой и луговой, потому что служит оплотом для

- менее ценных угодий: боров и лугов. П.
- Стень — ширина невода. П.
- Стерк — белый журавль. П.
- Стины — после крещения младенца в доме родителей его устраиваются стйны (*от* кстины — крестины), на которых присутствуют кум, кума и родственники. 3.
- Стог — мера сена в Тобольск, окр. приблизительно в 20 копеек (*напр.*, говорят: «у нас покоса стогов на 20»). П.
- Столб — кусок сети, равный 2—3 делям (*см.* дель). П.
- Стопа — комната. Изба в одну стопу — одну комнату; в две стопы — изба из двух комнат, разделённых сенями. П.
- Сторожек — коротенький кусочек черёмухи с зарубкой на одном конце. 3.
- Сторожкий — чуткий, осторожный (*напр.*, про животных, не подпускающих охотника на близкое расстояние). П.
- Стрежевый невод — большой невод в 200 и более саж. длины, которым ловят в стрежи. П.
- Стрежь — самое глубокое место реки, фарватер. П.
- Стрелка — 1) «кормысло» — стрекоза; 2) — продольная мель на реке. П.
- Струг — рубанок. 3.
- Стружек — лёгкая лодочка однодеревка. 3.
- Стряпка — кухарка, хозяйка, занимающаяся стряпнёй. П.
- Стряпка — кухня. 3.
- Ступик — рыхлый снег, по которому конь может идти лишь шагом и иногда проваливается. П.
- Суд страшной будет в Иерусалиме, пуп (центр) земли, туда соберутся все народы земные, как живущие, так и давно умершие. «На страшном суде Батюшко Истеной Христос велит закрыть всех грешников дерном, чтобы не слышно ни голосу, ни зубного скырчигания». 3.
- Сумерничать — забираться на печь да на полати отдыхать. 3.
- Суседко — своего рода домовой, обитающий в подполье, представляемый в виде старика; добр или зол, смотря по обстоятельствам; имеет особенное отношение к лошадям. 3.
- Сусеки — закрома для зерна в амбарах. 3.
- Суслон — куча из снопов хлеба. Суслоны бывают в 5, 10, 12 и т.д. снопов. Последний состоит из 4 снопов, поставленных комлем вниз и крытых пятым, обращённым комлем вверх. Последние два строят таким образом: 7 и 9 снопов ставят комлем вниз и кроют тремя лежащими наклонно колосьями книзу (*Тюм. окр.*).
- Суслоны — 3 ржаных снопа вверх колосьями, покрытые четвёртым в виде бумаги на сахарной голове. 3.
- Сутунок — длинное и толстое бревно. 3. П.
- Сухарина, или сухарник — кора тополя. 3.
- Сухой, или сухой пай — доля в добыче рыбы, которая полагается лично за какую-нибудь услугу, *напр.*, за поставку части невода или лодки известному лицу, не принимавшему участия в неводье. П.
- Схлыздить — нарушить условия игры, сбежать. «Хлызденник, берденник, по чём бёрды», — дразнят такого человека. 3.
- Сырец — залог или новь, поднятая в данный год и не годная ещё для посева хлеба (*см.* кислед). П.
- Сырок (*Salmovimba*) (*с остяцк.*: сброх) — небольшая рыба из породы лососевых, живущая в

- Иртыше, Оби и некоторых озёрах Тобольск, окр. П.
- Сыромолотый — если молотят хлеб, не сушеный в ригах или овинах, то такой хлеб называется сыромолотым. П.
- Тавалет — туалет (*зеркало*). З.
- Тал — ива древесная и кустарная. П.
- Таловый куст — кустарная ива. П.
- Талый — незамёрзший (*напр.*, снег пал на талую землю). П.
- Тальник — то же, что тал. П.
- Тальяночка — итальянская гармония. З.
- Тамар — стрела с наболдашником из кости или дерева для добычи белки (*по-остяцки* — тамар. Это слово, кажется, употребляется и в Архангельской губернии, ввиду чего или и заимствовано, то в очень отдалённое время) (*Тоб. окр.*). П.
- Тасьма — тесёмка; в песне поётся: «Милой мой, милой Подпоясался тасьмой». З.
- Тачу — советую; не хачуда и вам не тачу — не хочу да и вам не советую. З.
- Творило — западня. З.
- Творить квашню — это выражение обозначает часть процесса приготовления ржаного хлеба; заключается он в следующем: днём к накувасе, накануне стряпни, утром подливают немного холодной воды, вечером же, подлив ещё воды и, прибавив ржаной муки и соли, завязывают квашенником. Вторая часть процесса приготовления ржаного хлеба называется «притваривать квашню», т.е. прибавлять к тесту, приготовленному в предшествующий день, некоторого количества муки настолько, чтобы тесто можно было класть из квашнилопаткой. Перекачивать тесто — выкладывать поднявшееся тесто в «силыницу», где оно раскатывается, после чего выкладывается на стол, и из него делают ковригу. З.
- Творог — ожимки, размоченные в воде, процеживают сквозь сито и полученную жидкость кипятят. При кипячении на поверхности жидкости получаются твёрдые частицы, которые, будучи собраны и соединены с луком, получают имя творога. З.
- Теки — дядя, брат матери. П. (*с остяцк.: ирт. нар.*, тьека — мл. брат матери по отношению к её сыну). З.
- Телятник — небольшая часть поскотины, отведённая для телят. П.
- Терудя — междометие, посредством которого гонят лошадей. З.
- Тйрыша — пустился бежать. З.
- Ткаля — ткач; про ленивую ткалю говорят: «Девятая весна — баба смыслила красна, между ниченкам набелкам утка гнёздышко свила, малых детушек свела, прошисточка травой уросла». З.
- Товар — пушной зверь; «ходить за товаром», зверовать. П.
- Тожнб — тогда. З.
- Ток — чистое укатанное или утопанное место, на коем веят и молотят хлеб (*см. долонь*). П.
- Токуш — годовалый лось. П.
- Тблмить — повторять несколько раз для лучшего усвоения. З.
- Толстая крупа — растолчённые ячменные зёрна, «отталканные» (*см. отталкивать*) и провеянные. З.
- Толстая крупа — крупа в виде цельных ячменных зёрен, лишённых оболочки (*Тюм. окр.*). П.
- Тором — Бог. З.; (*с остяцк.: Турым, Турум, Тбрым, wnn вогульского: Торым*). П.

Торбщиться — ворчать. 3.

Тбтвано — слово, без надобности вставляемое некоторыми лицами в речь. П.

Тпрсё — тпрсё, тпрсёнка — междометие, посредством которого зовут лошадей. 3.

Тпрук, тпрук, тпрук! Тпруконька, тпрукомка — междометие, посредством которого манят коров. 3.

Третник — треть крестьянской десятины в 2700 кв. саж., *т.е.* 900 кв. саж. В Тюменском и Тобольском округах это слово применяется для всякой площади земли, главным образом для пашни (*дальней и ближней, удобряемой и неудобряемой*). Два третника равняются 1800 кв. саж. П.

Третник — человек, участвующий в каком-либо деле из третьей части добычи или прибыли, *напр.*, казённые «юровые» часто сдаются из половины или трети прибыли, причём рыболовы называются в этом случае «половниками» и «третниками» (*Тоб. окр.*). П.

Третники — отдельные поля, равняющиеся $\frac{1}{3}$ десятины и идущие всегда около селения. Эти поля всегда бывают удобрены навозом и потому дают хороший урожай. 3.

Треушок — небольшая самоедская шапочка с длинными висящими наушниками. Она делается из меха неплюев или годовалых северных оленей и носится под капюшоном гуся. Все эти виды одежды в большом употреблении на севере Сибири, начиная с северной части Тобольского округа. Носят их как инородцы, так и русские. П.

Троегранка, или горчавка — *Alisma plantago* (*растение*). П.

Тропа — заячья дорожка. 3.

Тропа — тропинка, которую прокладывают животные (*лисицы, зайцы*) и птицы (*глухари, тетерева*). П.

Тропник — ловушка на зайцев, главная составная часть которой состоит из сети. Ставится на заячьих тропах. П.

Трубйца — средняя трубчатая часть колеса. П.

Трунда, тундра — торфяное болото; торф, кислый перегной. П.

Туесья — бураки. 3.

В тук идёт — в пользу. 3.

Тун — татарский полушубок из козьего меха. П.

Турпан — крупная порода диких уток. П.

Туча — происхождение грома приписывается Илье-пророку. При каждом ударе грома принято перекреститься и сказать: «Свят, свят, свят! Пошли, Господи, тихую росу». Полагают также, что по временам из тучи на землю падают каменные стрелы, которые расщепляют деревья. Такое действие стрелы объясняется преследованием дьявола, который от неё прячется за различные предметы, *напр.*, если стрела расщепила дерево, это значит, что дьявол прятался за это дерево. 3.

Туясь — небольшая, довольно высокая кадочка из дерева или бересты с крышкой, снабжённой ручкой. П.

Тютю — нету (*говорят с детьми*). 3.

Убрбд — глубокий рыхлый снег, в который лошадь постоянно проваливается и по которому, вследствие этого, трудно ехать. П.

Убрбдный — проходящий через глубокий снег (*путь*). П.

Уважать — нравиться, любить,

- напр.*: «Я не уважаю белый хлеб». П.
- Увал — невысокая, но значительной длины возвышенность с постепенным склоном. З. П.
- Удар «с носка» — боковой частью ступни по ногам; «с пятки» — пятка одной из ног закидывается за пятку противника; «с крюку» — нога закидывается с внутренней стороны ноги противника; «с холки» — стараться подвернуть свою спину под живот противника и перебросить его через себя. З.
- Удушье — кашель. З.
- Уйти — поспеть (*напр.*, «лонись хлеб не ушёл» — в прошлом году хлеб не поспел). П.
- Уклюжий, *имя прилагательное* — это слово означает понятие, противоположное озойный. Так, *напр.*, перо, пух, сено — предметы озойные, при укладывании занимают много места; наоборот, дробь — предмет уклюжий: при укладывании занимает места меньше, чем то же количество по весу, *напр.*, пера. З.
- Укотбить — убить. З.
- Укусник — сосуд для уксуса, заостряющийся от середины вверх и вниз с носком в верхней боковой части, вместимостью около $\frac{1}{2}$ ведра. З.
- Улежить лён — когда стволы его сгниют и сделаются хрупкими. З.
- Уловили корову — убили. З.
- Ультем — племянница. З.
- Умаление — недостаток (*напр.*, «земли у нас в умалении»). П.
- Умолоть — количество зерна, падающее с известного количества хлеба в снопах. П.
- Умолотный — дающий хороший умолот. П.
- Унести круг — одержать полную победу в борьбе на гордость себе и своей деревне. З.
- Упадок — падёж. П.
- Упелёствовать — затерять, засунуть куда-нибудь. З.
- Упорбмить — защитить или затерять что-нибудь. З.
- Урак — сушёная на огне плотва (на Конде). П.
- Урман — обширное сплошное лесное пространство. Молодые леса, имеющие названные качества, носят то же название. Таковы почти все леса Тобольского округа. П.
- Урманый промысел — добыча пушного зверя и птицы. П.
- Урманщик — охотник на пушного зверя и дичь, зверовщик, промышленник. П.
- Урожай — это слово применяется в Западной Сибири не только для обозначения большого изобилия в данном году хлеба и плодов, но также рыбы, птицы и разных животных. П.
- Урожайный год — *см.* урожай. П.
- Урок — действие худого глаза, дурного на желания и т.д., *gettatura*. П.
- Уроки — болезнь, происходящая от ближних, если кто недобрым взглядом взглянет или кто «с ветру скажет», хавнет необдуманно — и болезнь тут. Уроки — слишком распространённая болезнь, и чуть ли не при всех болезнях вначале считают долгом лечить от уроков. От уроков вспыскивают водой «с угольков» и поят водой. З.
- Уросить — капризничать. З.
- Урбчливый — кого можно легко сглазить (*напр.*, если выращивают молодых соболей, то не показывают их посторонним, иначе, по мнению местных жителей, они легко могут погибнуть). П.
- Услон — стена, *напр.*, про урман, который образует стену, приблизительно параллельную Иртышу. Про лося, идущего вдоль

такой стены (а не поперёк), говорят, что он идёт услоном. П.
Усолеть — засолить огурцы. 3.

Усь-усь-усь — междометие, посредством которого гонят свиней. 3.

Уток — часть пряжи, оставшаяся на тюриках. 3.

Утбплый — затопляемый (*напр.*, утопное место). П.

Ухайдакать — убить. 3.

Уховой (*ушовой*) конец — часть невода, которая во время его закидывания наиболее далеко отвозится в реку. «Пятовой» конец, или «пята», остаётся на берегу несколько выше притона, где удерживается на месте пятовщиком при помощи кола, вонзённого в землю. П.

Ушкан — заяц. П.

Ф

Фарт — счастье, судьба, удача. П.

Фарт — удача; фартовые девушки — ловкие и удачливые. 3; слова эти, вероятно, занесены в Сибирь ссыльными. П.

Фартить — иметь счастье, удачу. П.

Фартовый — удачливый. 3.

Фитиль — снаряд из мережи для рыбной ловли, состоящий из одного наружного конуса и нескольких внутренних; устанавливается на реке около берега открытым концом навстречу течению. 3.

Фунтовка — конопленные нитки, из которых делается мережа невода. П.

Фуять — с сердцем бросать. 3.

Фуст — бант. 3.

Фустин — бантик. 3.

Хабарда — буйный человек. 3.
(Из татарского, совете, перс, ел.: хебердар — берегись). П.

Хайло — глотка. «Чё ты отворил хайло-то?» — говорят крикуну. 3.

Ханькать — жаловаться людям на бедность, нездоровье и т.д. *Напр.*, женщина, нуждающаяся в муке, ходила и рассказывала о своей нужде соседу, даже припрашивалась слегка. Сосед дал муки. Тогда женщина о своей удаче может сказать: «Дева, я поханькала, а он кав (в-у) быть и дал». Или заболел человек, давно жаловавшийся на нездоровье, про него говорят: «Ну да ведь он давно ханькал, не поладили» (*не полечили*). 3.

Харматься — поносить бранными словами. 3.

Хвост — см. охвостье. П.

Хилый — слабый, истощённый, *напр.*, хилая пашня (*Тюм. окр.*). См. ветхая пашня. П.

Хлеб — все печения, приготовляемые исключительно из муки, а также и печения, приготовляемые из муки и овощей, как-то: ржаной хлеб, ячная квашня, шаньги (*из гороховой и гречушной муки*), пшеничная квашня, шаньги морковные, картофельные, тыквенные, сырные, крупяные пироги с ландой, капустой и т.д. 3.

Хлипкий — нежный, чувствительный (*напр.*, к ветру, морозу). П.

Хлопать — лгать. 3.

Хлопуша — лгун, лжец. 3.

Ховнить — подувает ветер. 3.

Не ховнет — не дунет (*ветер*). 3.

Холстенник — купцы, которые набирают холсты. 3.

Хомут, хомут надели — порча от вражьего человека: сильная боль желудка. 3.

Хрушкой — крупный, большой. П.

Хряслины — нетолстые стволы берёзы без коры длиной около 2 саж. 3.

Худая болезнь — сифилис. П.

Царство небесное — загробная вечная жизнь, которой удостаиваются, т.е. те, которые во время земной жизни были усердны к посещению храма Божьего, читали или слушали слово Божье, соблюдали посты, почитали отца, мать, стариков и старух. Помимо праведной жизни, царствия небесного удостаивается тот, кто в то время, «как открывается небо», успевает сказать: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоём». 3.

Цвет — общее недомогание, причём больного бросает то в жар, то в озноб. 3.

Цело — передняя часть печи. 3.

Цельник — нераспаханная часть поля, *напр.*, местами узкие полосы цельника оставляют между пашнями двух владельцев, чтобы они служили межей. П.

Цигарка — самодельная папироска из простого табака и газетной или другой бумаги. П.

Цоловки получить — поцелуй получить. 3.

Чага — нарост на берёзе, из которого готовят трут; остяки и самоеды пьют его отвар в виде лекарства.

Чапыхник — мелкий березняк. П.

Чарки — простые сапоги, преимущественно женские. П.

Частушка — небольшой частый невод. П.

Чебак — плотва. П.

Чебачница — небольшой частый неводок, которым добывают мелкую рыбу. П.

Чеботарь — сапожник. 3.

Чекмень — мужская сермяга. 3.

Чембары — широкие верхние штаны из грубого холста, которые носят рыбопромышленни-

ки во время лова и в которые опускают концы верхней одежды для предохранения её от воды. П.

Чепаться — раскачиваться (*т. ловищем*). 3.

Червь — личинка, дождевой червь. П.

Чердак — рыболовный снаряд. Г

Чередить — обрабатывать пашню. П.

Черкан — ловушка для беломысы, состоящая из настороженного лука и стрелы. П.

Черкес — под этим именем в Западной Сибири подразумевают (*ссыльных*) кавказских горцев (*ингушей, лезгин и т.д.*) и остяков. П.

Черкй, или обутки — женская обувь в будни. 3.

Чернять — порода диких уток. Е

Четырнадцатерки — лежащие кучи по 14 снопов. 3.

Чёх-чёх-чёх — междометие, посредством которого манят свиней. 3.

Чижи — сапожки из оленьих шкур, мехом внутрь; носят под кисами. П.

Чины отводить — последние свадебные угощения между родителем и невестой. 3.

Чир — лёгкий тонкий настил. П.

Чирок — небольшая порода диких уток. П.

Чйсменка — три перевязанных нитки на снаряде мотовило. 3

Чолпан — бугор, сопка. П.

Чувал — очаг в виде камина; татар и других инородцев, так же иногда в рыболовных избушках русских. Делаются из ивовых прутьев или досок, намазанных толстым слоем глины (*и татарского или остяцкого, ирт. нар. тьогол*). П.

Чугас — одинокий холм средней низменности, заливаемой водой

в Тобольском округе. (*Объяснение его происхождения см. «Мат. для изуч. экон. быта крестьян и инор. Зап. Сиб.»*. Т. X. С. 16). *Это слово заимствовано, вероятно, с остяцкого, ирт. нар.: тюгёсь.*

Чудь — прежнее население страны, т.е. языческие остяки и вогулы; иногда этим именем называют и нынешних некрещёных инородцев Крайнего Севера. П.

Чуп — сорная трава вообще. П.

Чурок — короткое бревно, дровяшка. П.

Чуругай — небольшая щука в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш. дл. (с *татарского*: чурагай, чуругой). Большая рыба этой породы называется щукой. П.

Чухонастоваться — наряжаться. З.

Чучка — свинья. П.

Чушка — то же. П.

Чянчик — распластанный и высушенный язык — остяцкое кушанье (*вероятно, с остяцкого* тьянх). П.

Ш

Шабур — армяк из шабурина, т.е. материи одной шерстяной и другой льняной нитки. П.

Шаить — тлеть (*напр., «угол шаит»*). П.

Шалаш — навес на столбах, защищающий от идущего сверху дождя. З.

Шаль — загнутая вместо воротника верхняя часть сермяги. З.

Шанй-манй — еле-еле. З.

Шануть — сильно толкнуть. З.

Шаньга — пирог с капустой. П.

Шарабары — багаж, вещи путника. П.

Шарага — говорят про человека, который не сидит на месте, а бездельно топчется на ногах. З.

Шарашиться — двигаться, шевелиться ощупью, напр., про человека, идущего ночью (*в по-*

тёмках) по комнате, или про зверя, пробирающегося медленно по лесу. П.

Шаркун — бубенчик. П.

Шаркунёц — то же, что бубенчик. П.

Шахи (*шах*) — колья, на которых развешивается невод для просушки. З.

Шашка, гулеванка — любовница. З.

Шаять — тлеть, говорится об углях. З.

Швайка — свайка. «Турнишка швайка» — ироническая кличка жителей Туринской волости; их так прозвали устьичане, подметивши в говоре их стремление произносить звук *ш* вместо *с* и любовь к точению веретён из сваек. З.

Шелому — употребляется в пословице «на десятом шелому», когда хотят выразить отдалённость. З.

Шелбнник — юго-западный ветер. П.

Шепериться — топорщиться, ломаться. З.

Шерба — см. шорба.

Шесток — зимнее помещение для куриц под залавком. З.

Шибко — очень (*шибко далеко*). П. (см. дивно). З.

Шиликун — это слово употребляется народом для обозначения особого вида нечистой силы, но что такое «шиликун», какие его права и обязанности, — в точности неизвестно. Время его существования приурочивается к рождественским (*святкам*) праздникам, к святкам. Перед праздниками он служит страшилищем для ленивой пряжи: «Шиликун утащит кудельку перед святками недопряденную», — говорят в народе, а в святочные ночи говорят: «Теперь шиликуны бегают — страшно ходить». Не знаю, к чему

собственно относится это последнее мнение: к невидимой ли нечистой силе или же к тем «нарядчикам» (маскированным), которые одеваются шиликунами и бегают по домам, а больше всего по вечеркам, где принимают «нарядчиков». Шиликунами называются такие нарядчики, которые одеваются в белое (покойницкая одежда), на голову надевают остроконечный берестяной колпак, в рот вставляют репные зубы, лицо расписывают себе углём и белой глиной. Такой нарядчик-шиликун действительно может служить пугалом, в особенности для малолеток. 3.

Шйныгать — щипать. 3.

Шипйшник — шиповник. П.

Шйркать — производить особый шум; ширкают, когда тянут с шумом горячий чай. 3.

Ширкотня — звук, получающийся при точении косы на сенокосе. 3.

Шить кисеты — местный обычай, по которому девица в знак любви или дружбы шьёт и дарит своему предмету кисету, т.е. кошелек под табак или деньги. В песне поётся:

*«Девушки фартовые,
Сердятся которые,
Сердятся, катушатся*

Шить кисеты учатся». 3.

Шишабарник, или горькая трава, растение из сложноцветных, применяемое при лечении сибирской язвы (*Тоб. окр.*). П.

Шлях — след от саней по снегу. П.

Шмур — дождевой червяк. 3.

Шорба — уха, навар (*с татарск. совете, перс.: шорба*); см. жорба. П.*

Шоркать — см. ошоркать. П.

Шпын — нечёсаная и включенная голова. «Хоть бы причесал шпын-от». 3.

Шубенный язык — так характеризуют выговор того лица, которое пришепetyвает, *вм.* «шуба» говорит «ссуба» и пр. 3.

Шуга — ледяные иглы, поднимающиеся осенью со дна рек. Мелкий лёд, плавающий осенью по поверхности рек (*шуга идёт*). П.

Шумиха — осоки с широкими листьями. П.

Шуруп — винт. Слово встречается и в зырянском, и в остяцком языках, куда перешло из русского (*в последний в видеоизменённом виде* — хуруп). П.

Шушун, или тальма, представляет из себя верхнюю женскую одежду, род кофточки. 3.

Шшаглы (*вм.* шаглы), жаберные (?) крышки. 3.

Щ

Щепеткой — красивый, щегольской. П.

Щепеченый — изукрашенный узорами. П.

Шеть посадить — вид порчи от вражного человека, при которой сильное колотье в заднем проходе. 3.

Щбкур — рыба из породы лососевых, живёт в Оби. П.

Эрик — небольшой ручей, преимущественно впадающий обоими концами в большую крупную реку (*в Тобольском округе около города Тобольска*). П.

Ю

Юзгаться — возиться на одном месте. 3.

Юрить — ловить рыбу на юровой. П.

Юровая яма, или просто юровая — углубление во дне Иртыша и

* Волг, и сербск. чорба (из тур.)- Ред.

верхней Оби, где зимой уклады-
вается на зимовку стерлядь и
осётр. Рыбу здесь добывают са-
молловами, причём сам промысел
называется: поднять юровую.
Лучшая по Иртышу юровая на-
ходится на расстоянии около 50
вёрст к северу от Тобольска во
владении крестьян Н. Филатовой
и смежных с ними Надзинских
юрт. Третьим совладельцем яв-
ляется казна, которой принадле-
жит тоже часть левого берега Ир-
тыша. Юровую яму поднимают
в ноябре или декабре, причём
ради этого промысла сюда сте-
кается до 3000 человек с разных
мест. Лов продолжается около
трёх дней, и за это время на всём
протяжении юровой (*8вёрст*) до-
бывается от 2 до 5 тысяч пудов
стерляди и отчасти осетра. Цена
и той, и другой рыбы в 1888 г.
была около 6 рублей пуд. П.

Яга — шуба из козых шкур ме-
хом наружу. П.

Яниться — гордиться, хвастать-
ся. З.

Янтарная смола — лучший сорт
смолы янтарного цвета. П.

Яр — нагорный берег. «Яр мечит»
или «яр ломает» — крутой бе-
рег валится, подмываемый ре-
кой. П.

Ярица — яровая рожь. П.

Ярка — мячик; лунка (*ямка*) при
игре (*второе значение этого сло-
ва употребляется в Усть-Ницын-
ской слободе*). З.

Яровой — прилагательное от сло-
ва «яр» (*см. яр*). П.

Ярутка (*Thlaspi arvense*) — сорное
растение. П.

Ярушник — шаньга продолгова-
той формы. З.

Выражения (П.)

1. «Чтоб те пятнало!» или «Пятнай те в глаза те», — чтобы тебя си-
бирская язва поразила (брань).
2. «На лешак!», «На якорь!» — восклицание в знак удивления или
одобрения.
3. «От пяты до пяты» — от начала до конца.
4. «Ни копыта» — типичное выражение, которое применяют, чтобы
показать, что от чумы или сибирской язвы пал весь скот, так что не
осталось не только целой скотины, но и копыта.
5. «Язви тебя!» — чтобы тебя поразила сибирская язва.
6. «Сила не берет» — нет силы, у меня нет силы.
7. «Якорь те возьми!», «Якорь тебя!» — (*см. № 2.*)

Комментарии

О происхождении слова «Сибирь»

Статья опубликована в «Сибирском сборнике», выходявшем в качестве приложения к газете «Восточное обозрение». 1891. Кн. 2. С. 127-136.

Печатается по вышеуказанному изданию. Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке статьи к печати в ней произведена адаптация орфографии к сегодняшней норме, а также в сносках С.К. Патканова унифицированы названия изданий, на которые он ссылается.

¹ Флоринский В.М. — археолог, основатель археологического музея при Томском университете, один из пионеров научного изучения древностей Западной Сибири. В 1880-1890-е годы собирал и публиковал материалы по археологии Томского Приобья. Наиболее известная работа — «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни».

² Потанин Г.Н. — известный русский путешественник, ученый, член Императорского Русского географического общества. В 60—90-х годах XIX века исследовал различные районы Центральной Азии. В результате экспедиций им были собраны и впоследствии опубликованы богатые материалы по географии, природе, истории, археологии и этнографии. В 1895 году в «Живописной России» была помещена его работа «Завоевание и колонизация Сибири».

³ Радлов В.В. (1837-1918 гг.) — академик, русский ученый-энциклопедист, историк, археолог, этнограф, лингвист. Основатель отечественной тюркологии. Изучал древние и современные традиционные культуры и языки народов Западной Сибири, Центральной Азии, Алтая, занимался решением проблем этногенеза тюркских и самодийских народов. Одним из первых применил комплексный подход в исторической науке. Его основные труды — «Древние аборигены Сибири», «Aus Sibirien» и «Опыт словаря русских наречий» до сих пор представляют огромную научную ценность.

⁴ В различных фонетических вариантах термин «сибыр» (себар, сыбыр, сывыр, савыр, сепыр, сипыр) известен не только как

этноним, он зафиксирован в западносибирской топонимии (городки Тяпар-вош, Шопер-вош, пос. Таборы, Супринские юрты, река Супра, ороним Сопр-эkv-ур, гидроним Сопр-эkv-воль), антропонимии (социальные группы обских угров Щабермам и Сопыр-махум, фамилии ханты и манси Сабарев, Себуров, Савиров, Шабуров, Шиберов и т.п.), в именах духов-покровителей (Сопра-ойка, Сопыр-олм, Щапыр-алн).

Существуют различные варианты этимологии данного термина. Согласно одной из версий, этноним «савыр» (сипыр) возник в среде ираноязычных сакских племен, обитавших в Средней Азии с шестого века до н.э. Саки называли своих северных соседей «асабары», что означало «всадники», «несомые конями». Племена савиров (угров-савыров) обитали в западносибирской лесостепи в раннем железном веке и постоянно общались с сакскими племенами. В письменных источниках угры-савыры упоминаются в составе племен гуннского союза. Ряд этнографов и лингвистов считают, что хунно-булгарское племя огуров (угуров, угров) было тюркоязычным, а название одного из подразделений этого племени - «сарагуры» (желтые или белые угры) было перенесено на кочевых предков мадьяр (венгров) и манси в ходе тесных межэтнических контактов последних с хуннскими племенами.

Известный археолог и этнограф В.Н. Чернецов считал, что степные предки обских угров продвинулись в западносибирскую тайгу в первые века нашей эры под именем угров-савыров, будучи вытеснены воинственными гуннами. Другая часть угров-савыров, кочуя длительное время по западносибирским и европейским степям вместе с гуннами, в конце концов осела на берегах Дуная и создала своё государство. Отдельные группы древних мадьяр вошли в состав предков современных башкир, чувашей и болгар (казанских татар).

Наконец, некоторые ученые связывают происхождение топонима «Сибирь» с монгольскими терминами «шивэр, шэвэр» («лесное болото», «густой лес»), имеющими ираноязычное происхождение: в таджикском языке слово «шибер, шивер» означает «болото, топь», с шугнанского языка «sabag» переводится как «болото», «топь», «низменное место», «болотистый луг». Эта версия согласуется с данными из обско-угорской этнографии: несколько территориально-генеалогических групп ханты и манси в качестве предка, духа-покровителя почитают типичную обитательницу болот — лягушку. Так, одна из групп сосьвинских манси Нарас-махум («Болотный народ») считает своей прародительницей Нарас-най («Великую болотную женщину»), выступающую в виде лягушки. Одна из ипостасей верховной богини обских угров Калтась — лягушка, а само имя богини также связано с болотом: в Сибири известен географи-

ческий термин «калтус», означающий «травяное болото», самодийское «кальч» переводится как «кочковатое место», а хантыйское «кал» — как «болото, покрытое мхом и травой». И, наконец, ханты называют лягушку «сопр».

Вопрос о том, что первично, топоним «Сибирь» или этноним «сибыр», до сих пор считается открытым. Кстати, известный топонимист Э.М. Мурзаев, ошибочно приписывает С.К. Патканову точку зрения о первичности топонима (Мурзаев Э.М. // Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С. 628).

⁶ «Ар-ях» в переводе с хантыйского означает «Песенный народ», т.е. древние люди, о которых поется в песнях.

⁶ В хантыйских преданиях татары называются «катань-ях» («народ катань»). Этот этноним произошел от названия монголоязычного племени киданей, обитавших в IV веке в Восточной Монголии. Их ближайшими родственниками были племена татар и монголов. В VI — начале VIII вв. кидани входили в состав I и II Тюркских каганатов, а в VIII–IX вв. были покорены уйгурами. В конце IX века началось усиление киданей, покоривших все мелкие кочевья монголоязычных племен. Наибольшего могущества киданское государство достигло к середине X века, когда кидани завоевали 16 северных областей Китая, образовав империю Ляо (Дайляо). После разгрома империи в 1125 году чжурчженями часть киданей вошла в состав чжурчженского государства Цзинь, а другая часть (кара-кадани, или кара-китай) ушла в Среднюю Азию, где они постепенно были отюречены и вошли в состав тюркских племен. Этот этноним сохранился как название некоторых групп в составе ряда тюркских народов, в том числе и сибирских татар, что отражено в названиях Кытай урамы («Улица китайцев») в Верхне-Ингальских юртах, деревень Катангуль (Нижнетавдинский район), Катангуй (Ишимский район), Катай (Викуловский район) и др. От этого же этнонима происходит и русское название Китая. К этническим китайцам прииртышские катань не имеют никакого отношения.

⁷ Рождество Христово.

Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям

Была опубликована в издании отделения этнографии Императорского Русского географического общества, в журнале «Живая старина» (1891. Вып. III. С. 85–116; Вып. IV. С. 67–108.), под названием «Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям». В этом же году в

Санкт-Петербурге вышел отдельный оттиск этой статьи, но под другим именем: «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям» (Спб., 1891. 76 с.). На титульном листе отдельного оттиска есть эпиграф:

«While kings, in dusty darkness hid,
«Hawe left a nameless pyramid,
«Thy heroes, though the general doom,
«Hath swept the column from their tomb,
«A mightier monument command
«The mountains of their native land!»
«The Giaour» L. Byr.

В этом же году эта работа удостоена Малой золотой медали по отделению этнографии Императорского Русского географического общества.

Статья воспроизводится по публикации в «Русской старине», однако название ее взято из отдельного оттиска. Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке статьи к печати в ней произведена адаптация орфографии к современной норме, а также в сносках С.К. Патканова унифицированы названия изданий, на которые он ссылается.

В отдельных случаях исправлены орфографические ошибки, допущенные в прижизненном издании. Некоторые различия в написании, встречающиеся у автора, сохранены. Например, *Карыпоспат-урдат-вош* и *Кары-поспат-урдат-вош*; *Эмдерская протока* и *Ендерская протока* и т.д. На наш взгляд, такие различия нисколько не умаляют достоинств произведения.

⁸ А.М. Кастрен – известный финский ученый, в 1843–1845 годах осуществил экспедиции в Нижнее Приобье, где ему удалось собрать богатые материалы по языку, этнографии и фольклору ханты. Ранняя смерть не позволила ему завершить начатые работы. Большая часть собранных им материалов осталась неопубликованной. На русском языке фольклорные тексты, записанные Кастреном, не издавались. В 1860 г. в России вышла его работа «Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири» (Магазин земледения и путешествий. Спб. 1860. Т. 6. Ч. 2).

⁹ Венгерский ученый А. Регули в 1843–1844 гг. собирал фольклорный материал у нижнеобских ханты и некоторых групп манси. К сожалению, он не успел обработать и опубликовать

собранные тексты. Мансийские тексты были частично расшифрованы, опубликованы с переводом на венгерский язык и снабжены комментариями в 1892—1921 гг. другим венгерским ученым Б. Кальманом. На русский язык упомянутые работы не переведены.

¹⁰ Финский ученый-лингвист А. Алквист во время экспедиций 1858, 1877 и 1889 гг. в Западную Сибирь изучал хантыйский и мансийский языки и собирал образцы их фольклора. Эти материалы, снабженные переводом на немецкий язык, вышли в 1880 и 1894 годах. В 1883 году вышла в свет на немецком языке его книга «Среди остяков и вогулов». На русском языке опубликованы (в переводе Н. Лукиной) лишь две записанные Алквистом хантыйские былички (Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1995).

¹¹ И. Папай — венгерский ученый, направленный в 1898—1899 гг. Венгерской Академией наук в экспедицию к северным ханты. Занимался расшифровкой текстов, записанных А. Регули, собирал новые фольклорные материалы. Труды Папай, включая расшифрованные тексты А. Регули, были опубликованы посмертно на хантыйском, венгерском и немецком языках, начиная с 1905 по 1972 г. На русском языке (в переводе Н. Лукиной) опубликованы два мифа и предание, записанные Папай (см. «Мифы, предания, сказки хантов и манси»).

¹² Б. Мункачи — венгерский лингвист, предпринявший в 1888—1889 гг. по заданию Академии наук путешествие в таежное Зауралье, где он изучал мансийский язык и собирал фольклор. Собранные им тексты, переведенные на венгерский язык, и комментарии были изданы в семи томах в 1892—1963 гг. На русский язык переведено венгерским этнографом Е. Шмидт мифологическое сказание о возникновении Земли (см. «Мифы, предания, сказки хантов и манси»).

¹³ Остяки (ханты), вогулы (манси) и мадьяры (венгры) в языковом отношении представляют угорскую группу, относящуюся к финно-угорской ветви т.н. уральской языковой семьи. Самодейская ветвь отделилась от уральской семьи языков в конце V — начале IV тыс. до н.э. Финно-угорская ветвь разделилась на финно-пермскую и угорскую в начале II тыс. до н.э. В настоящее время в хантыйском языке выделено 16 диалектов, объединенных в северную, южную и восточную группы. У манси четыре группы диалектов: северная, южная, западная и восточная. Часть диалектов практически исчезла. В антропологическом отношении ханты и манси являются наиболее типичными представителями уральского типа, характеризующегося своеобразным сочетанием монголоидных и европеоидных черт.

¹⁴ До начала XVIII века светская и церковная власти России доволно терпимо относились к языческой вере обских угров.

Деятельность церкви, по существу, ограничивалась стенами русских городов и острогов. Встречное движение к православию (по-видимому, из политических соображений) предприняли лишь представители правящей династии остяцкого Кодского княжества. В 90-х годах XVI века приняли крещение родной брат покойного кодского князя Алача, нареченный Георгием (Юрием), затем овдовевшая княгиня, нареченная Анастасией. Вскоре новую веру приняли князь Игичей, его жена Анна Пуртеева, трое их сыновей и брат Анны — Степан Пуртеев. В эти же годы в Кодеком городке были построены Троицкая и Зосимо-Савватиевская церкви. В 1654 году в Кодеком городке возник Кодский (Кондинский) монастырь. Остяков-новокрещенов в Кодеком княжестве было немного, да и они предпочитали посещению церкви прежние языческие обряды и празднества. Противники князя Дмитрия Алачева доносили на великородных новокрещенов, что те «...живут... в православной вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагают ...из пищалей на церквях по крестам стреляют». Обвиняли князя еще и в том, что он подарил шаману для принесения в жертву некую «женку».

Тотальное крещение остяков и вогулов, предпринятое в 1707—1717 годах сибирскими миссионерами под руководством митрополита Филофея Лещинского (с 1709 г. он принял схиму под именем Федора), сопровождалось разорением языческих святилищ, сожжением идолов, награждением новообращенных за счет казенных средств и предоставлением им временных льгот в выплате ясака. Петр Великий высоко оценил миссионерскую деятельность Филофея и даже вручил ему за заслуги особую грамоту. Однако соратник императора — известный государственный деятель и историк В.Н. Татищев оценивал результаты миссионерской кампании несколько иначе: «Митрополит Филофей Лещинский не более сделал, как их перекупил, да белые рубашки одел, и оное крещение почитал».

Языческие религиозно-мифологические воззрения ханты и манси оказались очень стойкими и дожили до наших дней, несмотря на гонения со стороны церковных и государственных властей, атеистическую пропаганду в советское время. Даже в XIX — начале XX вв. они отождествляли святого Николу Угодника со своим верховным божеством Нуми-Торумом, а Богородицу с образом богини-жизнеподательницы и прародительницы Калташ. Случалось, что ханты и манси пытались принести кровавые жертвы в церквях, а в православные праздники обязательно посещали языческие священные места, где совершали жертвоприношение.

¹⁵ Мухомор — единственный вид грибов, употребляемый обскими уграми. Он обладает сильным галлюциногенным воз-

действием. Чтобы достичь необходимого экстатического состояния, обско-угорские шаманы жуют предварительно размоченный порошок из сушеных мухоморов, запивая его водой. Согласно гипотезе американского ученого Р.Г. Уоссона, именно из мухомора готовился знаменитый напиток арийских богов — сома. Интересно, что обско-угорское название мухомора «панх» или «пангх» совпадает с ведийским «бангха» и авестийским «банг», означающими мухомор или белену. Испив сому, ведийские боги и жрецы достигали особого состояния, дающего вдохновение, просветление, открывающего необычайный прилив сил, необходимый для воспевания гимнов и совершения всевозможных чудес и подвигов. Предки угров, проживавшие в лесостепной и степной зонах Евразии, имели тесные контакты в бронзовом веке с индоиранскими племенами — создателями ведийской религиозно-мифологической системы и в раннем железном веке с ираноязычными племенами — создателями «Авесты».

Трудно сказать, кто у кого заимствовал традицию использования гриба-галлюциногена и его название. В настоящее время ученые зафиксировали немало лексических и культурных заимствований индоиранского и иранского происхождения у обских угров. Вопрос о наличии угорских заимствований в культурах индоиранцев и иранцев не получил должного развития, но нельзя исключать и такое воздействие.

¹⁶ В «крепости Сибирь» (татары называли ее Искер, реже — Кашлык) в это время правил представитель рода Тайбугидов бек Мухаммад (Махмет), объединивший под своей властью татарские улусы в низовьях Тобола и по Среднему Иртышу.

Лятик в летописях упоминается единственный раз — в описании событий 1484—1485 гг., связанных с подписанием мирного соглашения в Усть-Вымском городке — резиденции пермского владыки, епископа Филофея, между остяцкими и вогульскими князьями с одной стороны, вымскими князьями и Московским Великим князем — с другой. Для заключения мира прибыли «...по опасу князь вогулетин Юмшан, а с ним тесть его Калба да Ломотко... сибирский князь Лятик... югорский князь Пыткей... большой князь югорский Молдан...».

Обращает на себя внимание очень важная деталь: в Устюжской и Вычегодско-Вымской летописях имя Лятик отсутствует, зато упоминаются некие Ляб и Чангиль. Исследователи отмечают, что последнее имя созвучно названию старого остяцкого поселения Цингалы (Цингальские юрты), располагавшегося в низовьях Иртыша. Недалеко от Цингалов, на Иртыше, согласно письменным источникам, в XVI-XIX вв. находилось поселение Лебаут (Лебауцкие юрты). Местные ханты сообщали в XVIII

веке Г.Ф. Миллеру, что другое название Лебаута — Назым. Тот самый Назым, который брали штурмом Ермаковы казаки во время своего ясачного похода на Обь.

Таким образом, оба названия (Ляб и Чангиль) получают вполне определенную географическую привязку — низовья Иртыша. Правда, следует отметить, что из летописных сообщений неясно, что это: названия городков, княжеств или имена князей. Возможно, и то, и другое, так как в конце XVI века в Назымском городке жил князь Лебаут. Вторая часть его имени означает «мыс» («ават», «аут»). Первая часть нам уже знакома: Леб, ляб, ляп, он же — Лятик (правильное звучание имени, видимо, — Ляб-ики, где «ики» — хантыйское «старик»).

Дополнительные аргументы к этой версии находим в тех же летописных сведениях о заключении мирного договора 1485 года: югорские и кодские князья гарантировали сохранение мира «за все за свои люди, что под ними есть. А за Ляба миру не имали того для, что не под ними». Кроме того, эти князья договорились между собой о том, что если «поедет Ляб Обдора воевати, и кодичем весть держати обдорцам». Речь идет о княжестве Обдорском, располагавшемся в устье Оби, и Кодеком княжестве, территория которого простиралась по берегам Оби, чуть ниже устья Иртыша и до места разветвления Оби на Малую и Большую Обь. Очевидно, что войску Ляба, прежде чем достичь Обдоры, надо было проходить по Оби мимо Кодских городков. Следовательно, владения Лябы (Лятика) располагались южнее Кодского княжества, на Иртыше.

По всей вероятности, Лятик был правителем Тяпарского княжества, располагавшегося в Нижнем Прииртышье. Княжеская резиденция находилась в легендарном городке Тяпар-вош. Отсюда и эпитет «сибирский» (тяпырский): тяпар-сяпар-сяпыр-сibir. То, что это княжество было давним врагом обдорцев, подтверждается героическим сказанием о походе тяпарских богатырей в низовья Оби, где находилась крепость князя-богатыря Нангхуша.

¹⁷ Первое упоминание о народе югра принадлежит перу готского историка Иордана, жившего в шестом веке. Он писал о том, что славянские племена торговали с югрой (не указывая определенно место обитания этого народа). В девятом веке древнерусский летописец, перечисляя народы, платившие дань Киевской Руси, в числе прочих назвал и югру, обитавшую рядом с народом печора. В 1096 году летописец Нестор записал рассказ новгородца Гюряты Роговича, который четырьмя годами ранее «...послах отрок свой в Печору, люди иже суть дань дающие Новгороду, и пришедшую отроку... к им и оттуду иде в Югру. Югра же людье есть язык нем и седять с самоедью на полунощных странах...».

Это летописное известие трактуется историками неоднозначно. Суть разногласий заключается в определении места обитания югры: Северное Приуралье или Северное Зауралье. Ясно, что югра обитала восточнее печоры, так как новгородцы двигались с запада на восток, а югра указана после печоры. Район обитания печоры, по всей видимости, находился в бассейне одноименной реки, берущей начало на западных склонах Уральских гор, недалеко от истоков сибирской реки Северная Сосьва. Именно здесь и проходил один из наиболее удобных «чрезкаменных» путей в Нижнее Приобье. Споры среди историков о первоначальном районе обитания летописной югры не утихают и по сей день.

Русские летописные известия о народе югра и стране Югра связаны с описаниями походов военных ратей для покорения югорцев и взимания с них дани. Сначала это были новгородские, затем устюжские (Великий Устюг), а с XV века — московские отряды. До конца XVI века было совершено не менее двенадцати таких походов. Зависимость югры и других обско-угорских племен от Новгорода и Москвы была номинальной, ограничиваясь, как правило, единовременным сбором дани.

Первое бесспорное свидетельство о том, что Югра находилась в Нижнем Приобье, содержится в описании похода новгородского отряда во главе с воеводами Александром Абакумовичем и Степаном Ляпой в 1364 году: «Тое зимы с Югры новгородцы приехаша... воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша...». Как видно, под Югрой в данном случае понималась весьма обширная и нечетко обозначенная территория.

В середине пятнадцатого столетия, кроме Югры, русские летописцы упоминают Коду (Кодексе княжество), Обдор (Обдорское княжество) и пелымских князей (Пелымское княжество). Их расположение довольно четко обозначено в русских письменных источниках семнадцатого века, в первую очередь, в ценнейшем географическом описании - «Книге Большому Чертежу». Эти княжества опоясывали с трех сторон бассейн левого притока Оби - Северной Сосьвы, где и находилась территория Югры.

Следует особо отметить, что летописцы, различая названия княжеств обских угров (Обдора, Кода, Югра и Пелым), иногда именовали югорскими обдорских и кодских князей, а также всю территорию Нижнего Приобья. В официальных документах такая путаница была недопустима, поэтому к титулу Великого князя Московского после походов 1483 и 1499 годов было добавлено «князь Югорский, Кондинский (Кодский) и Обдорский».

В шестнадцатом веке название Югра в русских летописях и официальных документах уже не употреблялось, а обско-угорские княжества, как правило, именовались по рекам, на которых они располагались: Ляпинское (бывшая Югорская земля), Казымское, Демьянское, Пелымское, Кондинское. В семнадцатом веке, с ликвидацией княжеств, территория, заселенная остяками (ханты) и вогулами (манси), называлась уже Сибирью.

¹⁸ Здесь автором допущена неточность: Сургут был основан в 1594 году. Кроме того, Пелым находился не в «остяцкой земле», а на территории бывшего Пелымского княжества, заселенного вогулами. В 1895 году на территории Обского княжества был поставлен Обдорский острог.

¹⁹ Остров расположен недалеко от устья реки Куноват, получившей название от остяцкого городка Кун-ават-вош («Город на высоком мысу»), входившего в конце шестнадцатого века в состав Ляпинского княжества. В XV-XVII вв., вероятно, северная граница остяцких земель не была устойчивой, но остяки жили и по берегам Оби ниже Куновата: Обдорское княжество находилось в устье Оби. Ненцы же в основном кочевали в тундре или оседали в глубинных районах правобережья Оби.

²⁰ В словосочетании «най анка» слово «най» означает «огненная», что согласуется с олицетворением богини в виде огня, поэтому тавтологии здесь нет.

²¹ Здесь имеется в виду былина про «Подобного болотной морошке сильного богатыря». Предположение Патканова о том, что былина создавалась южными остяками, жившими в черноземных степях Приишимья, подтверждается археологическими материалами. Население лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири разводило лошадей еще в бронзовом веке (II тыс. до н. э.). Племена саргатской археологической культуры, являвшиеся лесостепными уграми, вели полукочевой образ жизни. Лошади составляли около половины домашних стад саргатцев. Саргатские воины были всадниками. Наследники саргатских племен — население потчевашской и усть-ишимской археологических культур — продолжали их коневодческие и военные традиции. В более северных таежных областях лошадь была известна, начиная с раннего железного века (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.) и использовалась, главным образом, как жертвенное животное. Предполагается, что северяне закупами лошадей у южных соседей, на что указывают данные хантыйского и мансийского фольклора и письменные источники.

Культ всадника-богатыря и богатырский эпос начали складываться у южных предков обских угров в раннем железном веке. Об этом свидетельствуют, в частности, гравированные изображения всадников на бронзовых бляхах из так называемого

Истяцкого клада, найденного в низовьях Вагая, левого притока Иртыша.

- ²² Хантыйское название «авыт» (ават, аут) означает «высокий мыс» и является древним заимствованием из языка иранских племен, южных соседей саргатцев (лесостепных угров). В иранских языках «ават» (абад, апат) значит «город, селение»; первоначальное значение — «обводненный», «водное место». Обычно употребляется в качестве второго слова (форманта) в сложных географических названиях: на юге — Ашхабад, Джелалабад, и др., на Обском Севере — Кушеват, Киеват, Куноват и т.д.

Полные названия поселений звучали как Куноват-вош («Городок на высоком мысу»), Кушеват-вош («Городок на песчаном высоком мысу»), Киеват-вош («Городок на каменном высоком мысу»).

Такие поселения нельзя сопоставлять с «княжествами». Они вместе с окрестными промысловыми угодьями составляли так называемую общину-юрт, население которой объединяли хозяйственные и родственные отношения. «Городки на высоких местах» могли быть княжескими резиденциями, столицами княжеств, объединявших целый ряд поселений на достаточно обширной территории.

- ²³ Абрамов Н.А. — известный сибирский ученый, краевед, чьи труды, посвященные истории, географии, археологии и этнографии Тобольского края до сих пор представляют большую научную ценность (подробнее об Н.А. Абрамове — в статьях, написанных его современниками Ф. Петуховым [литературный псевдоним А.И. Сулоцкого] и Е.В. Кузнецовым. (См.: *Абрамов Н.А.* Город Тюмень. Тюмень: СофтДизайн. 1998). Сведения об археологических памятниках Западной Сибири, в том числе городищ, собирались лично Абрамовым во время его поездок по Тобольской губернии и содержатся в его трудах: Описание Березовского края // Записки РГО. Спб., 1857. Кн. XII; Курганы и городища в уездах Тюменском, Ялуторовском и Курганском // Тобольские губернские ведомости. 1857. №4.

- ²⁴ В настоящее время на территории, некогда заселенной предками современных ханты и манси (Нижнее и Среднее Приобье, Нижнее Прииртышье и Притоболье, восточные склоны Урала) известно около двухсот городищ. Большая часть из них обследована археологами. В результате выяснено, что городища появились в начале I тысячелетия до н.э., а прекратили существование в XVI-XVII веках. Большинство из них датируется ранним железным веком — ранним средневековьем. Наряду с многослойными городищами, функционировавшими длительное время, известно большое количество кратковременных городищ.

Число городищ, которое можно соотнести с эпохой героических сказаний обских угров, не превышает цифру, приводимую Паткановым. Как правило, в названиях поздних городищ присутствуют топоформанты *-вош*, *-ваш*, *-уш*, *-ус* и *-кар*, *-кор*, которые означают «город», «городок», «укрепленное поселение» в переводе соответственно с хантыйского, мансийского и древнекоми языков. Городища с остатками мощных оборонительных сооружений, отличающиеся значительной, по местным меркам, площадью, встречаются как на юге, так и на севере края.

²⁵ Чувашский мыс, или Потчеваш, — средневековое городище на территории современного Тобольска (правый берег Иртыша). Рядом с мысом состоялось историческое сражение дружины Ермака с войском Кучума. Городище известно со второй половины семнадцатого века. По материалам его раскопок выделена потчевашская археологическая культура (VI—IX вв.), население которой расселялось в Нижнем и Среднем Прииртышье, занимаясь охотой, рыболовством, скотоводством и земледелием.

Название Чуваш (Потчеваш) к чувашскому народу отношения не имеет. По мнению В.Н. Чернецова, оно произошло от хантыйского «печ-вож» («олений городок»), что косвенно указывает на этническую принадлежность потчевашского населения. Считается, что потчевашская культура сложилась на основе слияния лесостепного угорского и лесного самодийского населения.

²⁶ В названии городка Нанк-хуш-вош не вызывает трудности перевод первого и последнего элементов, означающих по-хантыйски соответственно «лиственничный» и «городок». Значение слова «хуш» неясно. Известный лингвист А.К. Матвеев считает, что оно могло попасть к ханты из мансийского языка, где «хусь» — слуга, и употреблялось первыми в собственных именах. Если это предположение верно, то топоним можно перевести как «Городок лиственничного слуги (мужчины?)». По мнению Н.К. Фролова, в хантыйской топонимии слово «куш» (хуш?) употреблялось в значении «песок»: Кушеват — «Песчаный мыс». В таком случае, Нанк-хуш (ават?) *-вош* могло означать «Городок лиственничного песка (*песчаного мыса*)»*.

Предпочтительнее все же выглядит первый вариант перевода, так как в этом случае имя былинного Кровавого богатыря — старого Нанк-хуша звучит вполне естественно для средневековой обско-угорской антропонимии: «Лиственничный слуга (муж, мужчина)». В фольклоре ханты и манси часто встречаются имена «растительного» происхождения: «Серебряная смородина — Золотая смородина», «Подобный осиновому листу верткий муж», «Маленькая женщина Брусничный глаз» и т.п. Наконец, в архаичных сюжетах встречаются менквы (мифические гиганте-

кие богатыри), вытесанные верховным божеством из лиственницы, то есть тоже «лиственничные богатыри».

Местонахождение былинного городка Нанк-хуш-вош можно определить с помощью топонимических данных. Из текста былины ясно, что он находился на Оби ниже места впадения в нее реки Куноват. На этом участке Оби известны два поселения, в названиях которых есть слово «нангк» (лиственница): городище Нанки-вош, расположенное на яру в устье реки Питляр и бывшее хантыйское поселение Нангк-Юх-Пугол, находившееся на острове Нанги в устье Оби. В былине говорится, что Тяпарским богатырям надо было пересечь сор (пойменный залив, сезонное озеро) Кровавого богатыря, «...столь широкий... что его глаз не охватывает, как будто там небо и вода пришли в соприкосновение». В устье реки Питляр есть большое соровое озеро, но оно, конечно, уступает разлившейся пойме в устье Оби, которая может достигать ширины в несколько десятков километров. Поэтому питлярский вариант, при всей его привлекательности, выглядит менее предпочтительным. Загадка эта может быть окончательно разрешена только после археологических исследований древних городков в устье Оби и на Питлярском сору.

²⁷ Очень точное и детальное описание пути эмдерских богатырей по Оби, Иртышу и Конде в городок Кары-поспат-вош, а также то, что упоминаемые в былине топонимы почти без изменений дошли до нашего времени, — все это позволило екатеринбургским археологам разыскать легендарный Эмдер. В 1994 году они начали раскопки на его месте, на городище Ендырское I. Городище расположено на высокой двадцатиметровой террасе берега р. Ендырь, левого притока Оби. Хорошо сохранились остатки крепостных стен, рвов и проходной башни. Основной период существования крепости пришелся на XI-XVI века. При раскопках было найдено много разнообразных железных наконечников стрел, в том числе так называемые «бронбойные», звенья кольчуг, остатки деревянной мостовой. В целом, археологические материалы не только подтвердили летописные описания образа жизни эмдерских богатырей, но и существенно дополнили их.

Это открытие доказывает несомненную ценность и историчность героических сказаний ханты, записанных С.К. Паткановым.

²⁸ Правильное написание «Турбинская».

²⁹ М.Ф. Косарев, известный археолог-сибиревед, считает, что прозрачность тела богатырей городка Харда (Картавож), непрозрачность богатыря Евра и высокомерность первых свидетельствуют о существовании в обско-угорском средневековье своеобразной иерархии князей. По его мнению, некоторые из князей считались более высокородными, так как вели свое проис-

хождение от элиты саргатских племен раннего железного века. Это наблюдение согласуется с точкой зрения о двухкомпонентности обско-угорского общества: угры-савыры и их таежные соседи; в XX веке — брачные группы Пор и Мось. В фольклоре обских угров Мось и Пор всегда соперничают, причем характеристики Пор всегда занижены или имеют негативную оценку. Пор связаны с земным таежным миром, их дух-предок, покровитель — медведь. Мось — потомки богатырей, спущенных с неба, их священный предок, дух-покровитель — гусь. Возможно, в былине отразилось как раз существовавшее когда-то в древности деление ханты и манси на две группы различного этнического происхождения.

³⁰ *Малица* — глухая длинная одежда мехом внутрь, как правило — с капюшоном. *Гусь* — мужская верхняя глухая одежда из меха с капюшоном, одевался через голову. *Парка* — распашная меховая одежда.

³¹ Григорий Новицкий — ссыльный мазепинский полковник, земляк и соратник крестителя остяков и вогулов Филофея Лещинского. Принимал активнейшее участие в миссионерских экспедициях на Обь и ее притоки, в одной из которых погиб в стычке с язычниками. За большие заслуги в распространении православной веры среди остяков и вогулов был награжден похвальной грамотой от Петра Первого. В 1715 году написал «Краткое описание о народе остяцком» — первый серьезный этнографический труд по обским уграм, основанный на личных наблюдениях.

³² Имеющиеся на сегодня археологические материалы по вооружению средневекового населения западносибирской тайги свидетельствуют о том, что к девятому веку мечи (оружие с обоюдоострым клинком) практически были вытеснены новыми видами клинкового оружия — однолезвийными (саблями и палашами). Единственный экземпляр меча двенадцатого века, найденный на р. Омь, сделан древнерусским мастером. Возможно, причина появления термина «меч» — неточный перевод, так как название «нар» переводится Паткановым и как сабля, а слово «кег» — как нож. Ханты конца девятнадцатого века имели весьма смутное представление о мечах, в то время как сабли и палаши их героических предков были обязательным атрибутом святилищ.

В середине двенадцатого века арабский путешественник ал-Гарнати писал, что восточные купцы привозили в Волжскую Булгарию, торговавшую с северными народами, в том числе и с югрой, не мечи, а клинки. Возможно, и в этом случае речь шла о саблях или палашах. Кроме того, на всех известных гравированных или литых изображениях таежных воинов-предков ханты и манси встречаются только сабли. В предше-

ствовавшую эпоху (ранний железный век, до середины первого тысячелетия н.э.) воины изображались с коротким мечом или кинжалом.

Нельзя исключить, что героический эпос ханты включает разновременные напластования. В этом случае такие архаизмы, как меч, встречающиеся в текстах, записанных Паткановым, могут свидетельствовать о более древнем времени складывания богатырских сказаний, а именно — о раннем железном веке, когда в западносибирской тайге появились укрепленные поселения. Именно к этой эпохе относятся первые изображения воинов, находки шлемов, коротких мечей, боевых железных и бронзовых наконечников стрел, панцирных костяных пластин.

³³ Уральские археологи С.Ф. Кокшаров и А.П. Зыков, авторы раскопок легендарного Эмдера, вполне резонно предполагают, что под «кольчугой с сотней торчащих рожков» имеется в виду панцирь с костяными пластинами.

³⁴ При раскопках археологических памятников эпохи средневековья, связываемых с предками ханты и манси, выяснено, что еще в пятнадцатом веке обско-угорские мастера добывали так называемую «болотную руду» (гематит), из которой плавили в специальных горнах железо. Кузнецы владели различными приемамиковки, применяли закаливание, кузнечную сварку и изготавливали самые различные виды изделий: ножи, наконечники стрел и копий, топоры и т.д. Причины исчезновения древнехантыйской черной металлургии и кузнечного дела — не «уход в Китай» кузнецов, а вытеснение местных изделий привозными (из Руси), более качественными. В шестнадцатом и семнадцатом веках на Оби и Иртыше разразилась настоящая «пушная лихорадка», основным занятием потомков богатырей и кузнецов стала добыча ценных мехов.

³⁵ Пайрахта — одно из имен наиболее почитаемого (наряду с богиней-матерью Калтащ) божества обских угров. Седьмой и наиболее могущественный сын верховного божества Нуми-Торума, божественный богатырь, надзирающий за порядком в мире, изображался в виде всадника. Его другие имена: Мир-вантыху, Тунк-пох, Орт-ики (у ханты), Мир-сусне-хум, Сорни-торум, Эква-пырищ (у манси).

³⁶ Упоминание в былинах глиняной (керамической) посуды косвенно подтверждает их датировку: керамика в течение четырнадцатого века была вытеснена более долговечными бронзовыми и железными привозными котлами, следовательно, в былинах описаны события и образ жизни предков-богатырей, живших не позднее этого времени.

³⁷ В Сибирских летописях имеются сведения лишь о том, что казаки привезли из иртышского похода «знатное число хлебных и рыбных запасов». Достоверные данные о наличии земле-

деляя у ханты в указанное время отсутствуют. Кроме того, из этнографии обских угров известно, что они никогда не заготавливали больших припасов пищи на зиму, а брали у природы столько, сколько им нужно было на ближайшее обозримое будущее. Поэтому в девятнадцатом веке в «безрыбные» годы они голодали. В связи с этим сведения летописей о добыче Ермаковыми казаками больших припасов, тем более хлебных, видимо, недостоверны.

³⁸ Речь идет о своеобразных таежных «счетах». Этнографы зафиксировали у ханты и манси использование специального посоха или палочки, на которых зарубками отмечались песни и пантомимы, исполняемые на традиционном медвежьем празднике. Очевидно, такой способ подсчета уходит корнями в глубокую древность.

³⁹ Русским словом «черти» С.К. Патканов передает хантыйское понятие «злые духи», «духи подземного мира». Внешний облик их не имеет ничего общего с русским чертом: ни рогов, ни хвоста. По поводу двуликости этих духов следует упомянуть о точке зрения этнографа А.В. Головнева, согласно которой «злое божество», «двойственная Тарн» Патканова — образ двуликого и двойственного по отношению к человеку древнеугорского божества, в котором слитно существуют противоположные понятия: «огонь» — «вода»; «верх», «небо», «мир» — «низ», «подземное царство», «смерть». Видимо, двуликость богини (она же — бог Нижнего мира — Кынь-ики) присуща и ее воинству — духам Нижнего мира.

⁴⁰ Мифический образ подземного гигантского чудовища, покрытого шерстью и обладающего огромными рогами, распространен у многих народов Евразии. Ханты называют его «мывхор» (земляной бык), «мыкар», «вес», манси — «виткаш» (подводное чудовище), «махар». По их представлениям, находимые в обрывах рек бивни мамонта — это рога мывхора (иртышские ханты звали его «вес»). Одна из разновидностей мифического чудовища — «юр», живет в воде. Мувхоры достигают высоты четырех-пяти метров, по описаниям напоминают мамонта. В юра или виткаш превращаются старые лоси, медведи, у которых вырастают огромные рога (бивни мамонта), появляется рыбий хвост. Салымские ханты старую, поросшую шерстью рогающую шуку-мамонта называли «весом».

⁴¹ «Калевала» — собрание языческих карело-финских мифов о сотворении мира, строении Вселенной и эпических сюжетов о подвигах богатыря-великана Калевы, обработанное в стихотворной форме финским поэтом и фольклористом Э. Лёнротом в 1835 году. К этому времени многие мифические представления языческого прошлого были основательно забыты: финны и карелы приняли христианство в двенадцатом веке. Содер-

жание эпических сказаний было модернизировано Лёнротом, да и сами тексты, собранные им, отражали более поздние времена, иной социальный и бытовой уклад финского и карельского народов.

⁴² По мнению этнографов, более точно отражает представления ханты и манси термин «жизненная сила», а не «душа». У женщины — четыре такие силы, у мужчин — пять. Сохранились архаичные поверья о том, что одна из душ человека обитает в голове или волосах. Отсюда — обычай снимать скальп, чтобы противник окончательно умер и не смог родиться.

⁴³ Гондатти Н.Л. — государственный деятель, действительный статский советник, бывший губернатор Тобольской губернии (с 1906 по 1908 годы). Интересовался историей и этнографией Сибири. В 1888 г. в Москве опубликован его труд «Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири», где имеются очень ценные материалы по культуре ханты и манси, собранные лично Н.Л. Гондатти.

⁴⁴ Здесь — явная ошибка, так как р. Тал (Большой Тап) впадает в Конду с севера. Ее верховья почти смыкаются с истоком р. Ендырь, на которой располагался Эмдерский городок. Самоеды (предки современных ненцев) могли попасть на Тап по одному из левых притоков Оби.

Река Тавда протекает в 180–200 км к югу от Конды. В XV–XVI вв. на Тавде жили вогулы (манси). Археологические материалы свидетельствуют о том, что в средневековье в бассейне Тавды проживали племена, родственные нижнеобскому и кондинскому населению, то есть обские угры.

⁴⁵ Численность защитников крепости явно преувеличена. Такое количество бойцов не могло вместиться в городке. Кроме того, по данным начала семнадцатого века на Иртыше и Конде проживало около 250 взрослых мужчин, плативших ясак в государственную казну.

⁴⁶ Фишер И.Э. — российский историк девятнадцатого века, известный своей «Сибирской историей с самого открытия завоевания сей земли российским оружием», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1774 г. В целом труд носит компилятивный характер: автор многое заимствовал из «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера.

Сказания о поездках остяцких князей к русским царям

Работа опубликована в «Живой старине» (1897. Вып. III–IV. С. 351–356.)

⁴⁷ Лугуй — ляпинский князь, живший в конце шестнадцатого века. Его владения — Ляпинское княжество — включали бассейн Северной Сосьвы (в том числе и реку Ляпин, сегодня — Сыгва), берега Оби в районе р. Куноват. В 1586 году Лугуй признал власть московского государя, обязавшись платить ясак «по семь сороков соболей лутчих» в год. В 1593 г. во владениях Лугуя был поставлен русский город Березов.

⁴⁸ Игичей — сын Алача (Алачея), наследовавший Кодекс княжество — самое крупное территориальное раннегосударственное образование обских ханты. Правил в конце шестнадцатого века, умер в 1603 г. Игичей со своим войском активно помогал Русскому государству осваивать Западную Сибирь: вместе с русскими отрядами принимал участие в походах на обдорцев в Конду и Пегую Орду (остяцкое княжество на Средней Оби), участвовал в строительстве Березова и Сургута. В 1594 году за особые заслуги царь Федор Иоаннович пожаловал Игичея Васпукольской (на Оби, ниже Березова) и Колпукольской (низовья Иртыша) волостями и передал ему в пожизненное владение пермскую волость Лену на р. Вымь. В 1602 году Игичей ездил в Москву, где принял православие.

⁴⁹ Курманак Танаев — кондинский князь, правивший в конце XVI — начале XVII вв. В 1600 году «бил челом» царю Борису Федоровичу на кодского князя Игичея, который шестью годами ранее убил родителей Курманака и угнал в полон множество кондинцев, в том числе и семью самого князя. Борис Федорович повелел, чтобы «вперед бы Князь Игичевы люди в большую Конду не ходили, и Вогулич не били, и жон и детей и людей не имали, и насильства им ни каторого не чинили».

⁵⁰ Агай — кондинский князь, взятый в плен кодским князем Игичеем в 1594 году. Вместе с ним были пленены его сын Азыпка, брат Нозьякма (в царской грамоте — Косякма) и дочь, которая досталась Игичею. Остальные высокородные пленники были отправлены в Москву.

⁵¹ Обдорский князь Иван Тайшин — потомственный дворянин — правил в конце восемнадцатого века. Его дед Тайша при Петре I был крещен под именем Алексея. Отец Ивана — Матвей — исходатайствовал у Екатерины II дворянское звание и приезжал в Москву в 1766 году как депутат в комиссию об Уложении.

⁵² Нахрачи — княжеский городок на р. Конда. Находился на месте современного села Кондинского.

По Демьянке

(Бытовой и экономический очерк)

Работа опубликована в Записках Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (Омск, 1894. Кн. XVI. Вып. П-Ш. С. 1-64.).

Перед первой главой помещены слова от автора: «Большая часть местностей Тобольского округа весьма мало знакомы читающей публике за отсутствием соответствующих статей в литературе. Настоящий небольшой очерк имеет

целью пополнить этот пробел по отношению к местности, лежащей по р. Демьянке¹». В сноске указано: «* Демьянка впадает в Иртыш с правой стороны».

Статья воспроизводится по публикации в «Русской старине». Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат автору. При подготовке статьи к печати в ней произведена адаптация орфографии к сегодняшней норме.

В отдельных случаях исправлены орфографические ошибки, допущенные в прижизненном издании. При различиях в написании географических названий предпочтение отдавалось тому, которое чаще встречалось. Примеры различного написания в прижизненном издании: *черемкаевская* вотчина и *черемкоевские* юрты, *лумкоевские* остяки и *лымкоевские* юрты, *патырские* и *потырские* юрты и т.д.

На С. 161 оставлена фактическая ошибка: «...*теща*, злая, как ведьма, поссорившись в пьяном виде с *невесткой*, хозяйкой дома...» — * теща не может иметь невестку.

**О рассказах г-жи Симоновой из быта вогулов,
остяков и самоедов
(Критическая заметка)**

Рецензия опубликована в периодическом издании географического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — журнале «Землеведение» (1897. Вып. III–IV. С. 144–150.), издававшимся в Москве. Публикация подписана С. П—въ. М. Азадовский считает, что псевдоним принадлежит С.К. Патканову (см.: М. Азадовский. Сибирь в художественной литературе. Периодические издания Европейской России: 1891—1917. Иркутск, 1927. С. 44.). Годом ранее в этом же журнале С. Патканов опубликовал путевые заметки по Америке: «По гауцендам и руинам Юкатана».

После заглавия в рецензии указаны издания, на которые откликнулся автор: «Л. Симонова: 1) «Лаача, очерки из быта вогуличей», 3 изд., 1895 г.; 2) «Эзе, очерки из быта остяков», 3 изд., 1895 г.; 3) «Ильдиа, очерки из быта самоедов», 1886».

Статья воспроизводится по публикации в журнале «Землеведение».

**Краткий очерк
колонизации Сибири**

Опубликовано в «Ежегоднике России: 1907 г.» — издании Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (Спб., 1908. С. XXII-LXIX.).

⁵³ По неизвестной причине в статье отсутствует пункт 7.

**Список тобольских слов и выражений,
записанных в Тобольском и Тюменском,
в Курганском, Тюменском
и Сургутском округах
(в двух первых — д. чл. Паткановым,
в трёх последних —
чл. сотр. Зобниным)
и приведённых в алфавитный порядок
студ. И. Спб. унив. Николаевым**

Работа была опубликована в журнале «Живая старина» в 1899 г. (Вып. IV. С. 487-518). Представленный в «Списке» лексикон русского населения Западной Сибири и Южного Зауралья содержит большое количество заимствований из хантыйского, мансийского и татарского языков. Имеет историческую ценность, так как многие слова, записанные Паткановым и его коллегой Зобниным, сегодня вышли из обихода.

Статья воспроизводится по публикации в «Русской старине». Все сокращения, встречающиеся в тексте, принадлежат авторам. При подготовке статьи к печати слова составлены М.А. Кремлевой в порядке, соответствующем современному алфавиту.

Зобнин Филипп Кузьмич, чиновник акцизного управления, член ИРГО с 1890 г. Жил в Томской губернии, Семипалатинске, Каинске, Барнауле. Удостоен серебрянной медали в 1891 г. за работу «Наблюдения и замечания о народном быте Томской губернии». Автор работ «Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского уезда» (1894) — удостоена медали ИРГО в 1895 г., «Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского уезда» (1896), «Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда» (1899). Названные статьи были опубликованы в «Живой старине».

С. Пархимович

Серафиму Кероповичу Патканову не повезло. Он не попал ни в один энциклопедический справочник¹. И составитель этого тома, и автор комментариев к нему пока так и не знают, существует ли кем-то написанная после смерти С.К. Патканова биография покойного. Поэтому и выход двухтомника начат с книги «Очерк колонизации Сибири». Есть крохотная надежда, что за месяц-два, которые пройдут в работе над первым томом, будут уточнены еще некоторые детали жизни этнографа и статистика, может, удастся обнаружить фотоснимок, на котором запечатлен Серафим Керопович.

В том вошли практически все обнаруженные при составлении тома статьи, опубликованные в русской периодике при жизни автора. Те, которые остались за переплетом, не затрагивают пересечение двух тем: Сибирь и Тобольскую губернию.

Конечно, сегодня любой специалист по этнографии скажет, что самая значительная работа С.К. Патканова — «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям». И все-таки издатель, несмотря на жесткое сопротивление со стороны автора комментариев, решил дать тому другое имя.

Колонизация Сибири во времена С.К. Патканова — это освоение территорий, происходящее в рамках государственной программы и существующего закона. Еще в середине прошлого века при Министерстве государственных имуществ была создана комиссия по составлению проекта устройства сибирских государственных крестьян и инородцев. Но работа этой комиссии не приносила реальных результатов из-за отсутствия точных сведений «о крестьянском землепользовании, хозяйстве и вообще условиях экономического быта крестьян и инородцев»². С.К. Патканов в 1886 г. в числе других

¹ Мандрика Ю.Л. С.К. Патканов. Остяцкая молитва//Лукич. 1998. №3. С. 3-15.

² Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне

чиновников был командирован в Тобольскую губернию. За два с небольшим года пребывания в Сибири Серафим Керович сделал достаточно много. Им написаны четыре тома «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири» из вышедших по материалам той командировки двадцати двух.

В рамках этого освоения — колонизации — параллельно с решением государственного задания он занялся изучением жизни и быта иртышских остяков. «Г. Патканов представляет для наших путешественников на востоке поучительный пример по методу исследования и по приемам; он показал, как следует приниматься за дело, чтобы работать производительно в области этнографии народов Азии. С таким направлением исследователи очень редки; немногочисленны потому и сочинения вроде того, что дано г. Паткановым»³.

Восхищение Н. Веселовского понятно. Но то, сколько сделано за столь короткий срок, вызывает иногда и удивление. Усиливает его тот факт, что ни до С. Патканова, ни после никому из русских исследователей не удавалось даже набрести на аналогичный фольклорный материал. И резонно может встать вопрос, который иногда мучает составителя этого сборника: какая доля в записанном от остяков, а какая — от этнографа? .

Автор комментариев к настоящему тому всегда смеялся над такой постановкой вопроса: «Если Патканов даже и выдумал это, то все равно былины и сказания, подготовленные им к печати, гениальны».

Порешим на этом...

Ю. Мандрика

Министерства земледелия и государственных имуществ) в царствование Императора Александра III (1881-1894 гг.). Спб., 1901. С. 279-280.

³ *Веселовский Н.И.* О труде С.К. Патканова //Отчет Императорского Русского географического общества за 1891 г. Спб., 1892. С. 26.

Главнейшие трупы**С.К. Патканова**

1. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири/Издание Министерства гос. имуществ.

Тюменский округ (5 волостей). Вып. I. 1888.

Тобольский округ. Вып. X, XII и XX. 1891—1893.

2. Волости и населенные места. Вып.: 10: Томская губ. 1893/Изд. Центр, стат. комит.

3. Depouillement des donnees sur la nationalite et classification des peuples de l'empire russe d'apres leur langue/Изд. Центр, стат. комитета для VII сессии Междунар. статист. института. 1899.

4. По гациендам и руинам Юкатана: путевые наброски//Землеведение. 1896. Т. III. Вып. 1—4; Наблюдатель. 1895. VI. С. 98—130; Север. 1895. №№ 6-12.

5. По Демьянке: Бытовой и экономический очерк//Зап. Зап.-Сибир. отд. ИРГО. Кн. XVI. Вып. П-Ш.

6. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям: Отд. оттиск, 1891; Живая старина. 1891. III—IV.

7. «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie/Изд. Имп. Русск. Акад. наук.

I. T. Ethnographisch-Statistische Uebersicht, 1897.

II. T. Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erlauterungen mit einer phototypischen Tafel, einer Tafel in Farbendruck u. einer Karte. 1900.

8. Ueber das Volk der Sabiren//Revue Orientale. Budapest. 1900. I. 4.

9. Irtysch-Ostjakisch-Ungarisch-Deutsches Worterverzeichniss//Nyelvtudományi közlemények. XXX kot. 4 fuz. 1900. XXXI kot. 4 fuz. 1901; Irtisi-osztjak szójegyzék//Ugor Fuzetek. 14 szám. 1902.

10. Aperçu statistique et ethnographique de la province de ГАтоиг//Изд. Центр, стат. комит. для VIII сессии Междун. статист. института. 1901.

11. Главнейшие данные по статистике населения крайнего востока Сибири — Приморская и Амурская области и о. Сахалин//Временник Центр, стат. комит. 1903. № 52.

12. Essai d'une statistique et d'une geographie des peuples palaeasiatiques de la 8Шёпе//Изд. Центр, стат. комит. для IX сессии Междунар. статист. института. 1903.

13. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сиби-

ри. Т. I. Вып. 1—2. Т. II (с 3 племени, картами). 1906//Зап. ИРГО по отд. этногр. Т. XXXI. Ч. 1—2.

14. «Versuch einer Geographic u. Statistik der Tungusenstamme Sibiriens//Revue Orientale. IV—VI Jahrg. 1903—1905; в виде отдельного издания в Public, du Com. Hongr. de l'Assoc. Intern, pour l'explor. de l'Asie Centr. et de l'Extr. Orient.». I.) — Сокращенное издание труда под № 13.

15. «Laut- u. Formenlehre der Sud-Ostjakischen Dialekte» (auf Grund der Sammlungen u. grammatischen Aufzeichnungen von S. Patkanov bearbeitet von D. R. Fuchs)//Revue Orientale. 1906. VII. 1—3; 1909. X. 3; 1910. XI. 1—4; в виде отдельного издания, 1911.

16. Племенной состав населения Российской империи//Свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 1897 г./Изд. Центр, стат. комит. Т. I т. 1906. 1—39.

17. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: Поселенные и поводостные таблицы и выводы из них. — Результат специальной разработки автором подлинного материала переписи 1897 г. — Печатается в «Зап. ИРГО по отд. стат.» Т. XI.*

18. Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами за период времени 1897—1907 гг.//Ежегодник России. 1909/Изд. Центр, стат. комит.

19. Краткий очерк колонизации Сибири//Ежегодник России. 1907.

20. Лекции по отечествоведению: Сибирь и Средняя Азия. 1905—1906/Гектограф. изд. Центр, стат. комит.

21. О приросте инородческого населения Сибири**//Ежегодник России. 1908. — Краткое издание настоящего труда. — То же по предварительным данным под заглавием: Ueber d. Zunahme d. Urbevölkerung Sibiriens//Revue Orient. 1908. 54—94.

22. Эмиграция из России в Соед. Штаты С. Америки за десятилетие 1900—1909 гг.//Ежегодник России. 1910. — Печатается.***

23. Проект составления племенной карты России//Живая старина. 1915. С. 217-244. — Отдельный оттиск: Спб., 1916.

24. Список народностей Сибири. Петроград, 1923.

* Работа вышла в 3-х томах (Спб., 1912).

** Отдельным изданием вышла в 1911 г.

*** Пункты 1-22 печатаются по изданию, подготовленному к печати самим автором: Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Спб., 1911. С. 209-210.

Оглавление

О происхождении слова «Сибирь».....	7
Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям.....	
Глава I. Остяцкая эпическая поэзия.....	21
Глава II. Княжества и их центры—городки.....	22
Глава III. Внешний вид и образ жизни прежних остяков.....	37
Глава IV. Внешний вид и образ жизни прежних остяков. (Продолжение).....	50
Глава V. Князья — военное сословие.....	61
Глава VI. Простые люди и рабы.....	68
Глава VII. Положение женщин.....	79
Глава VIII. Способы ведения войны.....	82
Глава IX. Заключение.....	96
Сказания о поездках остяцких князей к русским царям.....	108
По Демьянке (Бытовой и экономический очерк).....	113
Глава I.....	123
Глава II.....	124
Глава III.....	132
Глава IV.....	145
Глава V.....	153
Глава VI.....	159
Глава VII.....	169
О рассказах г-жи Симоновой из быта вогулов, остяков и самоедов (Критическая заметка).....	174
Краткий очерк колонизации Сибири.....	185
	193

Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском и Тюменском, в Курганском, Тюменском и Сургутском округах (в двух первых — д. чл. Паткановым, в трёх последних — чл. сотр. Зобниным) и приведённых в алфавитный порядок студ. И. Спб. унив. Николаевым	249
А	250
Б	250
В	252
Г	254
Д	255
Е	256
Ж	257
З	257
И	259
К	260
Л	264
М	265
Н	267
О	268
П	270
Р	276
С	277
Т	282
У	283
Ф	285
Х	285
Ц	286
Ч	286
Ш	287
Щ	288
Э	288
Ю	288
Я	289
Комментарии	291
Главнейшие труды С.К. Патканова	314

ПАТКАНОВ Серафим Керопович

Сочинения в двух томах

Т.2: Очерк колонизации Сибири

Под ред. С.Г. Пархимовича

Составитель Ю.Л. Мандрика

Художник А. Кухтерин
Корректор М. Кремлева
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Сдано в набор 15.05.98 г.
Подписано в печать 28.09.98 г.
Формат 70x100/16. Гарнитура «SchoolBook».
Печать офсетная. Бумага картографическая.
Уч.-изд. л. 25,8. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 500 экз. Зак. № 343.

Предприниматель Мандрика Ю.Л.
Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.
Тел. (345-2) 25-12-84.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Уральский рабочий».
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.